

ISSN 2712-8407

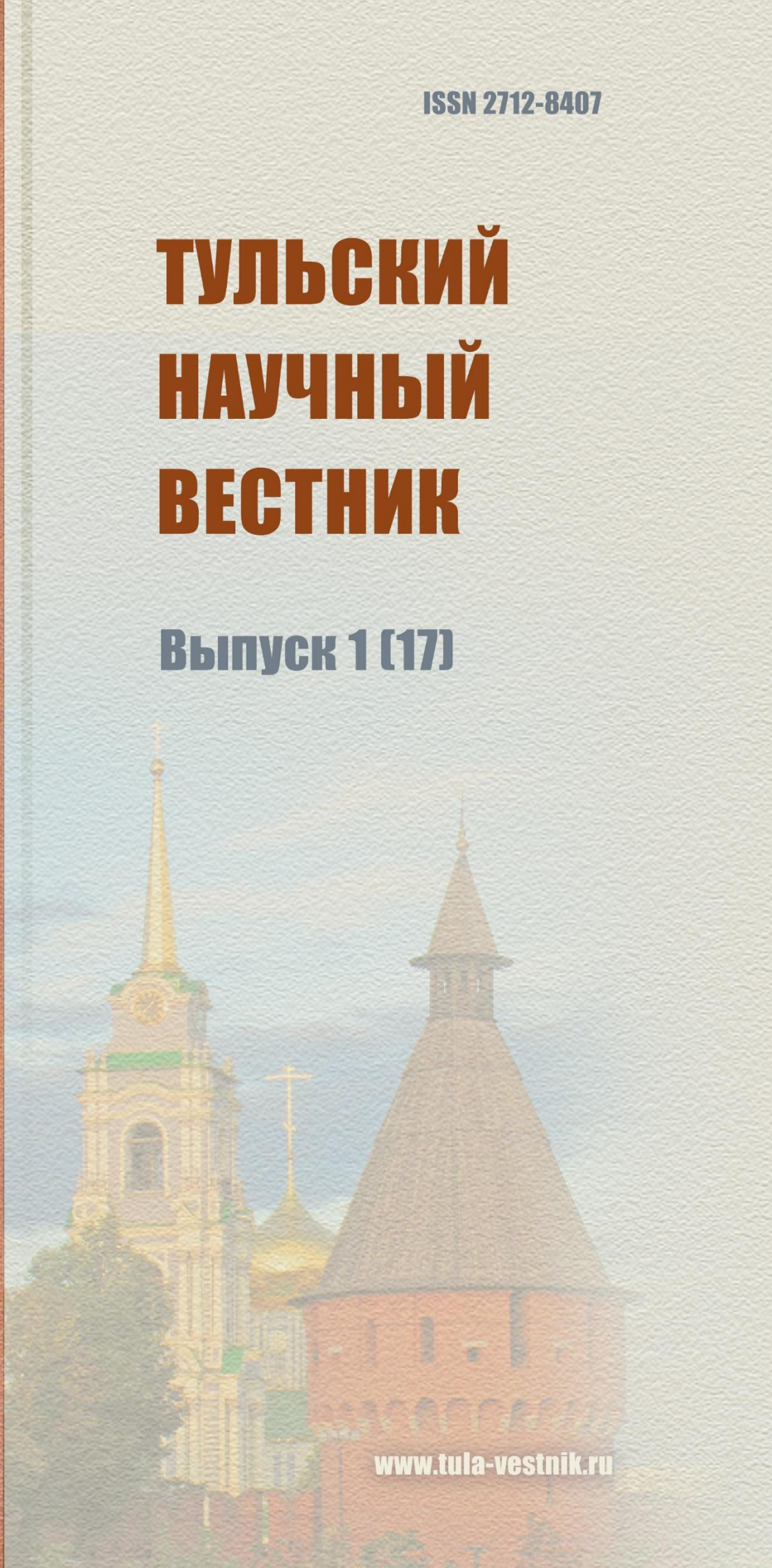
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 1 (17)

2024

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 1 (17)

**Тула
2024**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 1 (17)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-1

Дата выхода в свет: 20.05.2024 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора –**
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано Роскомнадзором 13.11.2020 г.
Регистрационный номер:
ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2024
© Авторы статей, 2024

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

Издатель:
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».
Адрес издателя:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

История повседневности

Алексеев В. В. Организация дорожного питания путников в центральных губерниях России в XIX – начале XX в. **8**

Жидченко А. В. Идеальная модель женской городской повседневности в СССР в 1950-е гг. (по материалам журнала «Советская женщина») **18**

Социальная история

Роднов М. И. Купеческое общество города Уфы на рубеже XIX – XX вв. **32**

Биленко Н. А., Алексеев И. В. Торговое предпринимательство мещан в городе Тула второй половины XIX в.: формы, масштабы, тенденции развития **43**

Тряхов И. С. Нормированная система снабжения населения и её функционирование в годы Великой Отечественной войны (на примере Ивановской и Владимирской областей) **61**

Политическая история

Долгих А. Н. Вопрос о самодержавии, православии и крепостном праве в социально-политических взглядах Н. В. Гоголя **78**

Шульгина А. Н. Территориальный спор между РСФСР и УССР в 1924 г.: участие местных акторов на примере Воронежской губернии **90**

Источниковедение и методология

Рязанов С. М. Направления деятельности полицейских урядников в начальный период существования института (по материалам газеты «Оренбургские губернские ведомости») **104**

Ромашин М. И. Игровое кино как история: основные методологические подходы **112**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Губанов С. А. Прономинативный эпитетный комплекс как часть эпитетной парадигмы в прозе М. Цветаевой **122**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выпуск 1 (17)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-1

21–22 марта 2024 г.
г. Тула

V Всероссийская
научная
конференция
молодых учёных

ТГПУ ТУЛЬСКАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2024

Историческая память
и коммеморативные
практики

Елисеева А. В., Василенко А. П. Лингвокультурное содержание военного слогана как межъязыкового графодеривата **130**

Ефремов В. А., Андреева Ю. С. Понятный язык: фактор адресата **145**

Курьянович А. В., Люберцева И. А., Новак У. К. Региональный городской стрит-арт в зеркале рецепции носителей языка (опыт лингводискурсивного исследования) **156**

Левыкина Н. П., Левыкин С. В. Степные эргонимы степной столицы: анализ городского пространства города Оренбурга **169**

Поречная В. И. Исследование особенностей репрезентации пространственного кода культуры в политическом дискурсе (на материале заголовков статей журнала «Коммерсант Власть») **185**

Праско М. В. Особенности проявления категории оценочности в научном дискурсе (на материале аннотаций к научным статьям) **195**

Саенко М. И. Архетипический компонент концепта «Ребенок» (на материале фольклорных и авторских детских колыбельных песен) **204**

ХРОНИКА

Биленко Н. А., Мартынова Е. П. Наука и традиции: V Всероссийская научная конференция молодых ученых «Тульская историческая весна – 2024» **213**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 1 (17)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-1

Released on May 20, 2024

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.
Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.
Registration number
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2024

© Authors of articles, 2024

**Address of the founder
and the editorial office:**

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address: history@tsput.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Address of the publisher:

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

The History of Everyday Life

Alekseev V. V. Organization of Roadside Diners for Travelers in the Central Provinces of Russia in the 19th – early 20th Century **8**

Zhidchenko A. V. The Ideal Model of Women's Urban Everyday Life in the USSR in the 1950s. (Based on Materials from the Magazine “Soviet Woman”) **18**

Social History

Rodnov M. I. Merchant Society of the City of Ufa at the Turn of the 19th – 20th Centuries **32**

Bilenko N. A., Alekseev I. V. Commercial Entrepreneurship of the Burghers in the City of Tula in the Second Half of the 19th Century: Forms, Scales, Development Trends **43**

Tryakhov I. S. The Normalized Supply System of the Population and its Functioning During the Great Patriotic War (on the Example of the Ivanovo and Vladimir Regions) **61**

Political History

Dolgikh A. N. The Autocracy, Orthodoxy and Serfdom Issue in Nikolai V. Gogol's Socio-political Views **78**

Shulgina A. N. The Territorial Dispute between the RSFSR and the Ukrainian SSR in 1924: Participation of the Local Actors (The Case of the Voronezh Province) **90**

Source Studies and Methodology

Ryazanov S. M. Areas of Village Policemen' Activities in the Initial Period of the Institute's Existence (Based on the Materials of the Newspaper “Orenburgskiy Gubernskiy Vedomosti”) **104**

Romashin M. I. Live Action Film as History: Basic Methodological Approaches **112**

LINGUISTICS

Gubanov S. A. Pronominative Epithet Complex as Part of Epithet Paradigm in M. Tsvetaeva's Prose **122**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Issue 1 (17)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-1

- Eliseeva A. V., Vasilenko A. P.* Linguocultural Content of a Military Slogan as an Interlanguage Graphical Derivative **130**
- Efremov V. A., Andreeva Yu. S.* Plain Language: the Addressee Factor **145**
- Kuryanovich A. V., Lyubertseva I. A., Novak U. K.* Regional Urban Street Art in the Mirror of Native Speaker Reception (Experience of Linguistic and Discursive Research) **156**
- Levykina N. P., Levykin S. V.* Steppe Ergonyms of the Steppe Capital: an Analysis of the Orenburg Urban Space **169**
- Porechnaya V. I.* The Study of the Peculiarities of the Spatial Culture Code Representation in Political Discourse (on the Material of "Kommersant Vlast" Article Headlines) **185**
- Prasko M. V.* Features of the Evaluative Category in Scientific Discourse (based on the Material of Abstracts to Scientific Articles) **195**
- Sayenko M. I.* The Archetypal Component of the Concept 'Child' (Based on the Material of Folk and Author Lullabies) **204**

THE CHRONICLE

- Bilenko N. A., Martynova E. P.* Science and Traditions: V All-russian Scientific Conference of Young Scientists «Tula Historical Spring – 2024» **213**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,

доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,

кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,

доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,

доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Кирева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБун «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБун «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

История повседневности

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 8–17.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 1 (17). P. 8–17.

Научная статья

УДК 641/642

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-8-17>

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОРОЖНОГО ПИТАНИЯ ПУТНИКОВ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

**Виктор Владимирович
Алексеев**

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
morehod800@mail.ru

Аннотация. Регулярное употребление пищи является одной из базовых витальных потребностей человека. Поэтому обеспечение едой становится залогом устойчивой жизнедеятельности. При этом нахождение в дороге нередко создает некоторые затруднения в обеспечении путешественника едой. В настоящей статье говорится о типах и локациях различных придорожных заведений питания, ассортименте блюд, которые предлагались тем, кто ездил по своим делам или путешествовал в различных направлениях от Москвы и иных регионах России.

В дальний путь человек отправляется по разным причинам: по личным или семейным обстоятельствам, по общественным и политическим делам, в служебные командировки, ради торговли или поиска работы, стремления увидеть новые достопримечательности, паломничества к святым местам и т. д. Параллельно складывалась и развивалась соответствующая инфраструктура, которая должна была удовлетворять потребности проезжающих в питании и крове. Качество обслуживания и приготовления пищи существенно различалось в зависимости от разряда заведения и его месторасположения. Ассортимент кушаний в основном состоял из блюд русской кухни, хотя кое-где наблюдались заимствования из европейской гастрономии.

В ряде населенных пунктов отдельные продукты, которые тут были в дефиците, закупали на стороне. Для некоторых категорий путешественников, в первую очередь людей богатых, в кое-каких трактирах существовали особые процедуры встречи, чтобы обеспечить привлекательность заведения и заставить гостей потратить больше денег.

Несмотря на наличие на дорогах пунктов питания, ряд ездоков предпочитал брать в дорогу еду, приготовленную дома. Тем самым перестраховывались от потенциальных неожиданностей, которые могли ограничить возможности нормально поесть в пути.

Ключевые слова: история России, история повседневности, история еды, путешествия, питание в дороге.

Для цитирования: Алексеев В. В. Организация дорожного питания путников в центральных губерниях России в XIX – начале XX века // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 8–17. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-8-17>

Сведения об авторе: В. В. Алексеев – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

© Алексеев В. В., 2024

Scientific Article
UDC 641/642
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-8-17>

ORGANIZATION OF ROADSIDE DINERS FOR TRAVELERS IN THE CENTRAL PROVINCES OF RUSSIA IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Victor V. Alekseev

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
morehod800@mail.ru

Abstract. Regular eating is one of the basic vital human needs. Therefore, providing food becomes the key to sustainable life. At the same time, being on the go often creates some difficulties in providing the traveler with food. This article describes the types and locations of various roadside food establishments, the range of dishes offered to those who went on business or traveled in various directions from Moscow and other regions of Russia.

A person goes on a long journey for various reasons: personal or family circumstances, public and political affairs, business trips, for trade or job hunting, to see new places, pilgrimages to holy places, etc. In parallel, appropriate infrastructure was developed to meet the food and shelter needs of the travelers. The quality of service and cooking varied significantly depending on the category of the institution and its location. The assortment of dishes mainly consisted of dishes of Russian cuisine, although in some places there were borrowings from European gastronomy.

In a number of settlements, some scarce products were purchased elsewhere. For certain categories of travelers, especially rich people, some eating houses had special meeting procedures to ensure the attractiveness of the place and to make the guests spend more money.

Despite the availability of roadside food outlets, some travelers preferred to take home-cooked food on the road. Thus, they reinsure themselves from potential surprises that could limit the opportunities to eat normally on the way.

Keywords: the history of Russia, the history of everyday life, the history of food, travel, food on the road.

For citation: Alekseev, VV 2024, 'Organization of Roadside Diners for Travelers in the Central Provinces of Russia in the 19th – early 20th Century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 8–17, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-8-17> (in Russ.)

Information about the Author: *Victor V. Alekseev* – Associate Professor, PhD in History, Associate Professor of the Department of Source Studies, Lomonosov Moscow State University, 27-4, Lomonosovskiy Prospekt, Moscow, 119192, Russia.

В последние несколько десятилетий одним из активно развивающихся направлений исторических исследований является изучение истории повседневности. Повседневность охватывает повторяющиеся из дня в день, рутинные практики прозаичной жизни людей. Тем не менее, это во многом определяет человеческий опыт взаимодействия с внешним миром и обществом, а потому важно для понимания хода социальной истории. Одной из значимых сторон повседневности является потребление пищи, поскольку без этого физическое существование человека просто невозможно. Поэтому изучение структур питания представляет научный интерес. Недаром на факультете иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова систематически проводятся симпозиумы на тему «История еды и традиции питания народов мира». В данном контексте особое место занимает рассмотрение того, каким образом осуществлялось питание во время различных поездок или путешествий. Применительно к истории России XIX – начала XX столетия этот вопрос частично затрагивался в работах Андреевского Г. В. [1], Боковой В. М. [4], Вульфова А. Б. [5], Иванова П. [7] и др. Но полная картина пока еще далека от завершения. Представленная ниже статья призвана в некоторой степени заполнить белые пятна в этой проблематике.

Практически любой населенный пункт с внешним миром связывает хоть одна дорога. Крупные города находятся обычно на пересечении сразу нескольких магистралей, которые обеспечивают самые различные аспекты жизни горожан. Не являлась исключением и первопрестольная столица России – Москва. В XVIII – XIX вв. от нее отходило более десятка исторически возникших дорог, бравших начало от застав, в свою очередь обозначавших границу городской черты. По ним со своими товарами передвигались купцы, шли на богомолье к святым местам паломники, ездили по казенной надобности чиновники и военные, помещики везли на ярмарку невест дочерей. В 30 – 40-е годы XIX в. в дворянской среде зарождается мода и потребность в дальних путешествиях, что еще более увеличивает число путников на дорогах. Постепенно складывается и развивается соответствующая инфраструктура, которая должна была обеспечивать потребности странствующих людей, прежде всего в пропитании. Вместе с тем о том, каков был ассортимент предлагаемых блюд и дополнительных услуг, известно немного, поскольку эта тематика почти не попадала в поле зрения исследователей. Специалисты отмечают: «История русских провинциальных постоялых дворов и трактиров еще не написана, хотя иные из них, особенно расположенные на больших дорогах, выдали в своих стенах многих известных людей и были сценой событий уездного или губернского масштаба...» [9, с. 258]. Во многом это объясняется скудностью сведений, содержащихся в источниках. Скорее всего, это обусловлено тем, что такую прозаическую компоненту повседневности, каковой является еда, считали не достойной для отражения. Тем не менее в путеводителях, путевых и этнографических очерках, воспоминаниях современников, личной переписке можно найти упоминания об отдельных придорожных заведениях, где проезжающие могли перекусить. Опираясь на них, можно хотя бы частично восполнить лакуну в изучении этой стороны обыденной жизни XIX – начала XX столетия.

По справедливому замечанию П. Иванова, «мир русской кухни и русской дороги долгое время существовали в параллельных измерениях... дорожные неудобства сильно ограничивали возможности путника нормально поесть в пути» [7, с. 34]. Поэтому отправлявшимся по российским дорогам в дальние края приходилось решать проблему питания чаще всего самостоятельно, тем более что существовало несколько вариантов передвижения на большие расстояния. Первый состоял в том, чтобы ехать на перекладных, как называли лошадей, которых получали на почтовых станциях. Проехав один перегон до следующей станции, уставших лошадей заменяли на свежих. Для этого следовало иметь специальную бумагу – подорожную, в ко-

торой прописывался маршрут следования, и указывалась цель поездки. Однако получение подорожной сопровождалось непростыми бюрократическими процедурами. К тому же лошадей на станциях выделяли в очередь сообразно чину проезжающего, и, если его ранг оказывался невелик, то иногда приходилось ожидать по нескольку суток. Другой вариант предполагал найм частной коляски (каretty) или путешествие на публичном дилижансе. Наконец, зажиточные помещики могли себе позволить ехать «на долгих», то есть использовать собственные экипаж и конную тягу. В последнем случае богатые бары могли сибаритствовать, путешествуя со своими поварами, которых высылали заранее вперед к месту, где планировалась остановка, чтобы к приезду хозяев уже был готов обед или ужин. Люди попроще тоже не полагались на авось, что можно будет перекусить в придорожных заведениях. Александр Сергеевич Пушкин, который изрядно поколесил по Центральной России, предупреждал, что в дороге нельзя надеяться «довольно легкомысленно на трактиры» [14, с. 129], и отдельно советовал «запасаться вином, ибо порядочного нигде не найдёшь» [15, с. 167]. Великий русский поэт знал на собственном опыте, с чем приходится сталкиваться в путешествиях. Недаром в поэме «Евгений Онегин» он сетовал: «На станциях клопы да блохи / Заснуть минуты не дают; / Трактиров нет. В избе холодной / Высокопарный, но голодный / Для виду прейскурант висит / И тщетный дразнит аппетит...» [13, с. 133]. Ему вторит А. А. Фет, отмечавший в своих мемуарах, написанных в конце столетия: «И поныне проезжий по проселкам и уездным городам, не желающий ограничиваться прихваченною с собой закуской, вынужден брать повара, так как никаких гостиниц на пути нет, а стряпне уездных трактиров следует предпочитать сухой хлеб» [21, с. 201]. Из этого следует, что существовали реальные неудобства, которые подчас основательно ограничивали возможности езды нормально поест в пути.

Вот почему многие путешественники предпочитали запастись снедью заранее. Как правило, с собою брали специально приготовленную телятину или говядину. Соответствующий кулинарный рецепт предлагал, взять большой кусок мяса, начинить шпиком, сперва поджарить на вертеле или решетке, чтобы образовалась корка, затем замариновать в течение 6 – 10 дней, после чего снова жарить в духовой печи и окончательно довести до готовности, туша в чугушке. Такая говядина была очень вкусна и долго не портилась. Помимо этого, часто прихватывали жареных гусей, индейку, уток, пироги с курицей, пирожки с мясным фаршем, вареные лепешки, сдобные калачи, «в которые были запечены яйца цельными совсем с скорлупою. Стоило разломить тесто, вынуть яичко и кушай его с калачиком на здоровье» [16, с. 145]. Брали и просто каленые яйца, которые долго держали в печи в закрытом горшке без воды или просто запеченные в золе. В старину зимой в дорогу приготавливали замороженные щи, сваренные из кислой капусты, заправленной мясом крупных животных или домашней птицы. Затем варево это замораживалось, а во время остановок часть мороженой массы отрубали и разогревали на крестьянской печи. Сбор в дорогу породил целый ритуал, красочно изложенный писателем В. А. Соллогубом. «В ногах поставлен, – писал он, – в рогожном куле дорожный пирог, фляжка с анисовой водкой, разные жареные птицы, завернутые в серой бумаге, ватрушки, ветчина, белые хлебы, калачи и так называемый погребец, неизбежный спутник всякого степного помещика. Этот погребец, обитый снаружи тюленьей шкурой щетиной вверх, перетянутой жестяными обручами, заключает в себе целый чайный прибор – изобретение, без сомнения, полезное, но вовсе не замысловатой отделки. Откройте его: под крышкой поднос, а на подносе перед вами красуется спящая под деревом невинная пастушка, борзо очерченная в трех розовых пятнах решительным взмахом кисти базарного живописца. В ларце, внутри обклеенном обойной бумаги, чинно стоит чайник грязно-белого цвета с золотым ободочком; к нему соседятся стеклян-

ный графин с чаем, другой, подобный ему, с ромом, два стакана, молочник и мелкие принадлежности чайного удовольствия» [19, с. 237–238].

Традиция возить с собой провиант даже при езде на близкие расстояния сохранялась довольно долго. Например, состоятельные москвичи при богомолье в Троице-Сергиевскую лавру привозили с собой кульки с закуской и выпивкой, несмотря на то что рядом с монастырем в палатках продавались блины и иные продукты [3, с. 62], а в монастырской гостинице предлагали чаще всего рыбный обед с киселем и такими огромными порциями, что полуторной запросто можно было накормить четверых человек [4, с. 364].

Но все же немало находилось тех, кто рассчитывал подкрепить свои силы на постоянных дворах, гостиницах, трактирах, разбросанных по большим трактам. Русский гостинично-ресторанный бизнес, нацеленный на обслуживание потоков путешественников, по-настоящему стал формироваться с появлением в 20 – 30-х гг. XIX в. шоссе Петербург – Москва [7, с. 35]. В 1817 г. началось строительство первой в России дороги с твердым покрытием, то есть замощенной булыжником или утрамбованным щебнем. Завершили работы в 1834 г. Тогда появились почтовые станции и постоянные дворы, расположенные каждые 25 – 40 верст. Постепенно их стали дополнять разного рода гостиницы, трактиры и ресторации. Так образовывалась сеть заведений, способствующих обеспечению путников питанием, помогающих восстановить силы и организовать приятное времяпровождение.

Почтовые станции делились на четыре разряда. Станции первого разряда возводились в губернских городах, второго – в уездных. При них должны были иметься гостиницы и трактиры. Станции третьего и четвертого разрядов создавались в небольших населенных пунктах. Почтовая станция имела целый комплекс зданий различного назначения: конюшни, каретные сараи, кузницу, амбары для фуража, шорную мастерскую, служебные помещения, комнаты для отдыха пассажиров и ямщиков, для хранения почты и багажа, квартиру почтмейстера. Преимущественно все строилось из дерева, но на Петербургской трассе в Черной Грязи и Солнечной Горе почтовые дворы были каменными, двухэтажными. Примерное представление об их интерьере дает описание, сделанное маркизом Альфредом де Кюстином: «Дом, в котором я пишу, отличается элегантностью, представляющей собою разительный контраст со скудностью окружающей природы... Потолок и стены расписаны в итальянском стиле, нижний этаж состоит из нескольких просторных зал и напоминает провинциальный французский ресторан. Мебель обита кожей, стулья с соломенными сиденьями имеют опрятный вид. Везде расставлены большие диваны, могущие заменить кровати, но я по горькому опыту знаю, как опасно ими пользоваться, и даже не рискую на них садиться. Почтовые станции такого рода, хотя и менее изысканные, устроены на протяжении всего пути из Петербурга в Москву и содержатся за счет правительства» [10, с. 220]. Один из старых путеводителей констатирует, что: «Путешествующий с достатком или с разборчивостью почти на каждой станции от Москвы до Петербурга находит исправную гостиницу, где может расположиться под домашнему в дезабилье на сутки и более и требовать кушанья и напитков за умеренную плату по прейс-куранту, окружным почтовым инспектором подписанному, оставаясь в полной уверенности, что метрдотель и прислуга угодят его чувству» [6, с. 21–22].

Те же, кто хотел сэкономить, отправлялся кушать в трактиры, которые чаще всего находились рядом с гостиницей. Блюда в этих заведениях стоили чуть ли не вдвое дешевле, нежели в гостинице, «но зато вкус или гастрономия страдает более или менее» [6, с. 22]. Как выглядели подобные трактиры внутри, можно судить по одному из рассказов в «Записках охотника» И. С. Тургенева: «Устройство их чрезвычайно просто. Они состоят обыкновенно из темных сеней и белой избы, разделенной

надвое перегородкой, за которую никто из посетителей не имеет права заходить. В этой перегородке, над широким дубовым столом, проделано большое продольное отверстие. На этом столе, или стойке, продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядом стоят на полках прямо против отверстия. В передней части избы, предоставленной посетителям, находятся лавки, две–три пустые бочки, угловой стол» [20, с. 282]. Обслуживание клиентов было непритязательным. В придорожных заведениях посетителям могли подать не очень чистые салфетки, «чайник и чашки на подносе не совсем исправные, вилки и ножи не довольно острые и светлые, тарелки и блюда, испещренные пузырьками и исчерченные полосками, как географическая ландкарта» [6, с. 24]. Преимущественно на постоянных дворах и в трактирах готовили кушанья русской кухни. Приезжим обычно предлагали солонину с хреном и квасом, щи, похлебки с говядиной, уху, жареный картофель, гречневую кашу с маслом, пшеничную кашу с медом, какую-либо другую запаренную в печке крупу с луком и овощами, котлеты, бифштексы, жаркое, различные соленья, капусту, картофель, водку, пиво, вина, неизменный чай – «отраду русского человека во всех случаях его жизни» [19, с. 249]. Любопытно, что половые в трактирах иногда весьма своеобразно именовали отдельные блюда, говоря «бивтекс», «каклеты» и т. п. В ряде мест продукты, бывшие тут в дефиците, закупались на стороне, например, яблоки – в Ржеве, лук – в Бежецке, капуста в основном бралась в подмосковных уездах.

Для состоятельных гостей имелся более изысканный ассортимент. Один из содержателей трактира в подмосковном Перово «знал наизусть богатых (и не скупых), поддававшихся искушению московских купцов. К приезду их приготовлено уже было все то, что льстило их вкусу и прочему безгрешному влечению: там в садке шевелилась уже рыба, как груды серебра, – голубоперый распластанный осетр, белогубая аршинная стерлядь, пироги-чемоданы, пудовые арбузы, батареи бутылок с толстыми и узкими талиями под разными свинцовыми шапочками... Разумеется там ели до объедания, пили до пресыщения» [11, с. 179]. Существовала своеобразная церемония приема богатых путешественников. Например, за Рогожской заставой на Владимирской дороге: «У постоянных дворов тройки встречаемы были хозяевами с подобающей им честью, ворота растворялись для них во все полотенце, а одиночники продовольствовались на дороге в шалашах, покрытых рогожами, чем Бог послал. Пассажирам, приехавшим на тройках, стлали белую скатерть с красными вышитыми петухами по углам ее, на нее ставили резную солоницу, ковригу хлеба и варено со свежиной (говядиной), яичню и отвешивали поясные поклоны. Пассажиры, входя, говорили: “Что есть в печи, то на стол мечи, на шестке не устуживай, едоков не оставляй, напои, накорми, с голоду не умори; мы от сахара сыты, от винограда пьяны, от ласкового слова почтенны; здравствуй, хозяин с хозяйшкой и со всеми чадами и домочадцами, настоящими и будущими”» [11, с. 176].

Вместе с тем на Петербургском шоссе в середине – третьей четверти XIX в. помимо типичной кухни для простонародья уже можно было обнаружить блюда, привнесенные в быт из дворянской пищевой культуры, и сложился довольно комфортный гостевой сервис для тех, кто не принадлежал к привилегированным слоям общества. Это выразилось в наличии столовых приборов; разделении приема пищи на три–четыре блюда; десерт (баранки и бублики с медом, орешками, пироги с ягодами и прочим) стал обязательной частью обеда. Немаловажным было наличие закрытого туалета для посетителей, тогда как в сельской местности нужду справляли просто на задворках или огородах [7, с. 36–37]. Пушкин в написанном им в 1826 г. стихотворном послании к своему доброму приятелю С. А. Соболевскому рекомендовал тому отведать в гостинице Гальяни в Твери экзотические дотолы в России макароны с пармезаном, вареную яичницу, а в Торжке – знаменитые пожарские котлеты [12, с. 316–317].

Впрочем, качество приготовления пищи не всегда было на высоком уровне. Случались забавные казусы. Один современник рассказал, как однажды в Воскресенске заказал себе на обед горячую котлету. Когда половой принес ее с кухни, то заявил, что она изготовлена «по-барски». «Не знаю, почему половой – он же и повар, – повествует вояжер, – составил себе довольно оригинальное мнение о барском вкусе: он полагал, что господам особенно приятна сладкая пища, и потому всыпал невероятное количество сахара в мою котлету, так что она, скорее, имела вкус какого-то пирожного, приготовленного из засахаренного мяса». За такую диковину пришлось заплатить 40 копеек серебром, что вызвало следующий комментарий: «Как вам покажется такая дороговизна в дрянном трактире заштатного подмосковного города? Для кого же существуют трактиры с такими ценами за яства?» [23, с. 232]. Подобные завышенные цены не были редкостью. Другой странник вспоминал, что в Горенках за ночлег, порцию ветчины и за самовар в трактире с него взяли 1 рубль 75 копеек серебром [18]. Еще хуже обстояло дело на периферии. Профессор С. П. Шевырев жаловался на обед, поданный ему в трактире уездного Белозерска: «Курица в супе и битая говядина не помнили лет своих. В виду чудного Белозера, славного рыбой, мы должны были с голода есть несвежую судачину, и все это увенчалось непомерным счетом, в котором каждая порция стоила восемь гривен» [22, с. 168]. В подобном ключе А. П. Керн вспоминала о поездке в компании с бароном А. А. Дельвигом в конце июня – начале июля 1829 г. из Петербурга в Иматру (водопад на реке Вуоксе в Финляндии). Когда экскурсанты попытались утолить голод в тамошней гостинице, то им предложили только селедку, приготовленную с молоком, и соленую лососину опять-таки в молочном соусе. «Прибавьте к этому, – делится впечатлениями Керн, – что эти кушанья до того были отвратительны на вид, что не только не решиться утолить ими голод, но и прикоснуться к ним нам и на ум не приходило». На вопрос, нет ли молока, который был задан в надежде, что будет в наличии хотя бы простокваша, принесли «проквашенную, испорченную, заплесневевшую зеленоватую гущу с нестерпимым запахом» [8, с. 63–64]. Тут налицо когнитивный диссонанс тех людей, кто вместо традиционных русских блюд столкнулся с непривычной финской кухней.

По мере развития в России сети железных дорог в последней четверти XIX в. значительная часть путешественников переориентировалась на железнодорожный транспорт. Поскольку в поездах вагоны-рестораны появились лишь в конце столетия, пассажиры также вынуждены были либо иметь перекус с собой, либо приобретать еду на станциях. Здесь можно было покушать в буфетах при железнодорожных вокзалах (на небольших станциях они назывались «буфетные столы»). Буфеты были разных категорий, подобно различию по классности вагонов. На больших станциях имелись рестораны. И буфеты, и рестораны содержались по договору с железной дорогой частными лицами, которые подчинялись непосредственно начальнику станции. При этом согласно правилам «все кушанья и напитки должны быть свежими, лучшего качества». Кормили вкусно и сытно, потому что пункт питания на железной дороге был «привилегированным заведением с гарантированными клиентами, и станционному буфетчику или содержателю ресторации вряд ли хотелось терять столь редкостно надежный источник дохода». Проезжающим предлагали подобие «комплексного обеда» из первого, второго и третьего блюд, а также закусок. В залах первого класса даже подавали горячие закуски. Дополнительно можно было заказать пиво, вино, водку. Обязательно в буфетах стояли самовары, из которых всегда можно было набрать кипятка для чая [5, с. 314, 315, 316]. Отдельные заведения на железной дороге становились известными широко. Так, железнодорожный буфет на станции Кунцево Московско-Смоленской железной дороги славился своими пирожками. Возникла даже поговорка: «Из Кунцева голодным не уедешь». Но буфеты дей-

ствовавали отнюдь не на всех станциях. Достаточно сказать, что когда в 1861 г. была построена железная дорога на Нижний Новгород, то из 12 станций на ней только четыре имели буфет [17, с. 309]. Качество обслуживания тоже иногда было далеко от идеала. Некий репортер начала XX в. так живописал обстановку некоторых буфетов: «Стоят редька в сметане, огурцы в уксусе, винегрет, картофельный салат, соленья, маринад, селедка. Кто-то берет водку и закуску. Ложкой лезет в винегрет, потом той же ложкой – в другую закуску. В Петербурге на закуску бутерброды от 5 до 10 копеек, приготовленные на кухне, а в Москве – десять сортов закусок и лезут в них ложками и трезвые, и пьяные, и больные, и здоровые, и чистые, и грязные. Вероятно, в ресторанах ниже средних в винегрет собираются остатки с тарелок, но что поделаешь, наш москвич не брезглив и за гривенник охотно кладет в рот ложку, раз двадцать перед этим разными ртами облизанную» [1, с. 449–450].

Гораздо лучше ситуация с питанием обстоит на пассажирских перевозках по рекам. Особенно старались крупные пароходные компании, такие, как «Общество пароходства по Волге», «Кавказ и Меркурий», «Самолет», «Дружина» и др. «Стремясь привлечь пассажиров, капитаны, заботившиеся о репутации пароходства, хорошо кормили своих пассажиров. Например, обычным явлением была попутная покупка у рыбаков живых стерлядей для ухи. Пароходные буфеты, обильно снабжавшиеся хорошим вином и фруктами, пользовались на стоянках успехом у местных жителей: для провинциалов из небольших захолустных городков времяпровождение на блистающем чистотой пароходе с вышколенной прислугой, хрустящими белоснежными скатертями, хрусталем было своего рода праздником, что приносило дополнительный доход компаниям, содержателям буфетов и капитанам» [2, с. 9].

В конечном итоге следует признать, что на протяжении XIX в. в России произошло становление сферы придорожного сервиса для тех категорий населения, которые пользовались различными видами транспорта по официальным и личным делам. Немаловажным было удовлетворение потребности путников в питании. Им предлагали свои услуги различные заведения самого разного пошиба. Ассортимент блюд, качество приготовления, цены и уровень обслуживания варьировались в довольно широких пределах. Отдельные трактиры на главных магистралях даже имели свою кулинарную «специализацию». Но главным было то, что проезжающие могли насытиться пищей сообразно своим запросам и толщине кошелька.

Список источников и литературы

1. Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX – XX веков. М.: Мол. гвардия, 2009. 642 с.
2. Беловинский Л. В. По следам русского туриста // По России. Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия / В. М. Сидоров. М.: ГПИБР, 2019. С. 3–14.
3. Белоусов И. А. Ушедшая Москва. Записки по личным воспоминаниям. С начала 1870 годов. М.: Моск. т-во писателей, 1927. 130 с.
4. Бокова В. М. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. М.: Мол. гвардия, 2009. 540 с.
5. Вульф А. Б. Повседневная жизнь российских железных дорог. М.: Мол. гвардия, 2007. 453 с.
6. Дмитриев И. Путеводитель от Москвы до Санкт-Петербурга и обратно, сообщающий исторические, статистические и другие сведения о замечательных городах, местах и предметах, находящихся по дороге между обеими столицами. М., 1847. 660 с.
7. Иванов П. Русская кухня, туризм и архитектура // Охраняется государством. 2018. № 7. С. 34–37.
8. Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке // Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Худож. лит., 1974. С. 49–75.

9. Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М.: Мол. гвардия, 2007. 519 с.
10. Кюстин А. де. Николаевская Россия. М.: Политиздат, 1990. 350 с.
11. Любецкий С. М. Московские окрестности ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде для выбора дач и гулянья. М.: Евро-минц, 2006. 287 с.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. 400 с.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1978. 528 с.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. 544 с.
15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. 712 с.
16. Селиванов В. В. Предания и воспоминания. СПб.: типо-лит. А. Е. Ландау, 1881. 393 с.
17. Сергеев Е. К. Владимирка: дорога-памятник России : (ист. очерк). Балашиха: Ольга, 2004. 367 с.
18. Слепцов В. А. Владимирка и Клязьма. Дорожные заметки // Трудное время : Очерки, рассказы, повесть. М.: Современник, 1986.
19. Соллогуб В. А. Тарангас // Избранная проза. М.: Правда, 1983. С. 231–373.
20. Тургенев И. С. Записки охотника. М.: Дет. Лит., 1968. 328 с.
21. Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1893. 548 с.
22. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году : в 2 ч. Ч. 2. М.: Университетская тип., 1850. 185 с.
23. Яковлев С. Подмосковные дорожные заметки // Московские окрестности (ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде для выбора дач и гулянья) / С. М. Любецкий. М.: Евролинц : Монолит, 2006. С. 280.

References

1. Andryevskiy, GV 2009, *Povsednevnyaya zhizn' Moskvyy na rubezhe XIX – XX vekov* (Everyday life in Moscow at the turn of the 19th – 20th centuries), Molodaya gvardiya publ, Moscow. (In Russ.)
2. Belovinskiy, LV 2019, 'Po sledam russkogo turista' (Following the footsteps of a Russian tourist), *Po Rossii. Putevye zametki i vpechatleniya ot Valdai do Kaspiya* (Across Russia. Travel notes and impressions from Valdai to the Caspian Sea), GPIBR publ, Moscow, pp. 3–14. (In Russ.)
3. Belousov, IA 1927, *Ushedshaya Moskva. Zapiski po lichnym vospominaniyam. S nachala 1870 godov* (Gone Moscow. Notes on personal memories. Since the beginning of the 1870s), Moskovskoye tovarishchestvo pisateley publ, Moscow. (In Russ.)
4. Bokova, VM 2009, *Povsednevnyaya zhizn' Moskvyy v XIX veke* (Everyday life in Moscow in the 19th century), Molodaya gvardiya publ, Moscow. (In Russ.)
5. Vul'fov, AB 2007, *Povsednevnyaya zhizn' rossiyskikh zheleznykh dorog* (Everyday life of Russian railways), Molodaya gvardiya publ, Moscow. (In Russ.)
6. Dmitriyev, I 1847, *Putevoditel' ot Moskvyy do Sankt-Peterburga i obratno, soobshchayushchiy istoricheskiye, statisticheskiye i drugiye svedeniya o zamechatel'nykh gorodakh, mestakh i predmetakh, nakhodyashchikhsya po doroge mezhdru obeimi stolitsami* (A travel guide from Moscow to St. Petersburg and back, providing historical, statistical and other information about wonderful cities, places and objects located on the road between both capitals), Moscow. (In Russ.)
7. Ivanov, P 2018, 'Russkaya kukhnya, turizm i arkhitektura' (Russian cuisine, tourism and architecture), *Okhranyaetsya gosudarstvom*, no.7, pp. 34–37. (In Russ.)
8. Kern (Markova-Vinogradskaya), AP 1974, 'Vospominaniya o Pushkine Del'vige i Glinke' (Memories of Pushkin, Delvig and Glinka), *Vospominaniya. Dnevnik. Perepiska* (Memories. Diaries. Correspondence), ed. V. V. Grigorenko, Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
9. Kurukin, IV & Nikulina, EA 2007, *Povsednevnyaya zhizn' russkogo kabaka ot Ivana Groznogo do Borisa El'tsina* (The daily life of a Russian pub from Ivan the Terrible to Boris Yeltsin), Molodaya gvardiya publ, Moscow. (In Russ.)
10. Kyustin, A 1990, *Nikolaevskaya Rossiya* (Russia under Nicholas I), Politizdat publ, Moscow. (In Russ.)

11. Lyubetskiy, SM 2006, *Moskovskiye okrestnosti blizhniye i dal'niye, za vseimi zastavami, v istoricheskom otnoshenii i v sovremennom ikh vide dlya vybora dach i gulyan'ya* (Moscow neighborhoods near and far, behind all outposts, historically and in their modern form for choosing country house and walks), Yevromints publ, Moscow. (In Russ.)
12. Pushkin, AS 1977, *Polnoye sobraniye sochineniy. V 10 tomakh* (The Complete Works. In 10 vols.), vol. 2, Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)
13. Pushkin, AS 1978, *Polnoye sobraniye sochineniy. V 10 tomakh* (The Complete Works. In 10 vols.), vol. 5, Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)
14. Pushkin, AS 1978, *Polnoye sobraniye sochineniy. V 10 tomakh* (The Complete Works. In 10 vols.), vol. 7, Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)
15. Pushkin, AS 1979, *Polnoye sobraniye sochineniy. V 10 tomakh* (The Complete Works. In 10 vols.), vol.10, Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)
16. Selivanov, VV 1881, *Predaniya i vospominaniya* (Legends and memories), tipo-lit. A. Ye. Landau publ, St. Petersburg. (In Russ.)
17. Sergeyevev, EK 2004, *Vladimirka: doroga-pamyatnik Rossii. Istoricheskiy ocherk* (Vladimirka: the road-monument to Russia. Historical essay), Ol'ga publ, Balashikha. (In Russ.)
18. Sleptsov, VA 1986, *Vladimirka i Klyaz'ma. Dorozhnyye zametki* (Vladimirka and Klyazma. Travelling notes), *Trudnoye vremya: Ocherki, rasskazy, povest'* (Hard Time : Essays, Stories, Narrative), Sovremennik publ, Moscow. (In Russ.)
19. Sollogub, VA 1983, 'Tarantas' (Travelling carriage), *Izbrannaya proza* (Selected prose), Pravda publ, Moscow, pp. 231–373. (In Russ.)
20. Turgenev, IS 1968, *Zapiski okhotnika* (A Sportsman's Sketches), Detskaya literatura publ, Moscow. (In Russ.)
21. Fet, AA 1893, *Ranniye gody moyey zhizni* (Early years of my life), t-vo tip. A. I. Mamontova publ, Moscow. (In Russ.)
22. Shevyrev, SP 1850, *Poezdka v Kirillo-Belozerskiy monastyr': vakatsionnyye dni professora S. Shevyreva v 1847 godu* (A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery: the vacancy days of Professor S. Shevyrev in 1847), part 2, Universitetskaya tipografiya publ, Moscow. (In Russ.)
23. Yakovlev, S 2006, *Podmoskovnyye dorozhnyye zametki* (Moscow Region Road Notes), *Moskovskiye okrestnosti blizhniye i dal'niye, za vseimi zastavami, v istoricheskom otnoshenii i v sovremennom ikh vide dlya vybora dach i gulyan'ya* (Moscow neighborhoods near and far, behind all outposts, historically and in their modern form for choosing country house and walks), Yevromints publ, Monolit publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 27.11.2023
Одобрена после рецензирования: 06.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 27.11.2023
Approved after reviewing: 06.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Научная статья

УДК 948

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-18-31>

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЖЕНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СССР В 1950-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА»)

**Александр Владимирович
Жидченко**

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия, zhidchenko220689@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

Аннотация. Статья посвящена реконструкции идеальной модели женской городской повседневности в Советском Союзе в 1950-е гг. на материалах статей и заметок журнала «Советская женщина», одного из ведущих общесоюзных периодических изданий женской тематики. Актуальность исследования темы задают рамки современных трансформаций в сфере представлений о материнстве и детстве, тенденций глобализации и цифровизации, отвергающих традиционные модели семейно-брачных отношений и бытовых гендерных ролей. Предлагаемое междисциплинарное исследование находится на стыке женской истории, истории повседневности и городской антропологии. В качестве основного источника выступают материалы периодической печати; был проведен фронтальный просмотр всех номеров журнала «Советская женщина» за период с 1951 по 1960 гг. на предмет анализа статей и заметок, посвященных изменениям в городском социокультурном пространстве, а также женской повседневности и быту в данный период. Среди основных выводов – идеологическая риторика и конкретные публикации и репортажи свидетельствовали о нивелировании роли домохозяйки и повышении ответственности рабочей и производственной роли советской женщины. В конкретных публикациях муж и дети становились помощниками, но не полноправными хозяевами бытовой сферы дома. Их обязательное участие в домашних делах – залог освобождения времени женщины для собственных дел и поддержание доброжелательного климата в семье. В случаях, если женщине приходилось одной (без мужа) воспитывать детей, обязанности помощника ей в хозяйстве и воспитании (в идеальной модели) брал на себя коллектив. Социокультурная динамика развития советского города (создание сферы обслуживания, инфраструктуры соцкультбыта) способствовала освобождению советской женщины от оков домашних обязанностей, с целью увлечения времени для профессионального роста, саморазвития, общественно значимой деятельности и досуга.

Ключевые слова: повседневность, женская история, городская антропология, советский город, периодическая печать.

Благодарности: Исследование поддержано грантом РНФ N 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века».

Для цитирования: Жидченко А. В. Идеальная модель женской городской повседневности в СССР в 1950-е гг. (по материалам журнала «Советская женщина») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 18–31. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-18-31>

Сведения об авторе: А. В. Жидченко – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32А.

© Жидченко А. В., 2024

Scientific Article

UDC 948

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-18-31>

**AN IDEAL MODEL OF WOMEN'S URBAN EVERYDAY LIFE
IN THE USSR IN THE 1950s
(BASED ON MATERIALS OF THE MAGAZINE "SOVIET WOMAN")**

Alexander V. Zhidchenko

Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, zhidchenko220689@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the ideal model of women's urban everyday life in the Soviet Union in the 1950s. based on articles and notes from the magazine "Soviet Woman," one of the leading all-Union periodicals on women's topics. The relevance of the research topic is set by the framework of modern transformations in the field of ideas about motherhood and childhood, globalization and digitalization trends that reject traditional models of family and marriage relations and everyday gender roles. The proposed interdisciplinary research is at the intersection of women's history, everyday history and urban anthropology. The main source is periodical press materials; A frontal review of all issues of the magazine "Soviet Woman" was carried out for the period from 1951 to 1960. for the purpose of analyzing articles and notes devoted to changes in the urban sociocultural space, as well as women's everyday life and life during this period. Among the main conclusions - ideological rhetoric and specific publications and reports indicated the leveling of the role of the housewife and the increasing responsibility of the working and production role of the Soviet woman. In specific publications, the husband and children became assistants, but not full owners of the domestic sphere of the home. Their obligatory participation in household chores is the key to freeing up a woman's time for her own affairs and maintaining a friendly climate in the family. In cases where a woman had to raise children alone (without a husband), the responsibilities of helping her with housekeeping and education (in the ideal model) were taken on by the collective. The sociocultural dynamics of the development of the Soviet city (the creation of a service sector, social and cultural infrastructure) contributed to the liberation of Soviet women from the shackles of household duties, in order to spend time for professional growth, self-development, socially significant activities and leisure.

Keywords: everyday life, women's history, urban anthropology, Soviet city, periodicals.

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation grant N 22-28-01428 "Women's history as the basis of Russian social optimism (non-capital urban everyday life of the mid-twentieth century".

For citation: Zhidchenko, AV 2024, 'The Ideal Model of Women's Urban Everyday Life in the USSR in the 1950s. (Based on Materials from the Magazine "Soviet Woman")', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 18–31, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-18-31> (in Russ.)

Information about the Author: Alexander V. Zhidchenko – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32A, Leninsky Avenue, Moscow, 119991, Russia.

Введение

Антропологический поворот в современной исторической науке позволил отечественным исследователям по-новому взглянуть на социальные процессы прошлого. Новые подходы к изучению вопросов истории повседневности, женской истории, локального социокультурного пространства и многих других аспектов исторической реконструкции, пополнили теоретико-методологическую базу ученых XXI века. Вместе с тем, расширились и подходы к анализу источников.

К важности исследований истории повседневной жизни в мировой историографии представители французской и немецкой школ приблизились еще в 1960-е гг., подтвердив ее значимость в обобщающих работах в 1980-е гг. [22] Но тема женской повседневной жизни нелегко и долго пробивала себе путь на пространстве мировой и отечественной научной мысли, лишь на рубеже XX и XXI века пройдя институционализацию и став заметным направлением российской науки. Этот факт признания истории женской повседневности иллюстрируют работы Н. Л. Пушкаревой [28], А. В. Большаковой, И. В. Богдашиной [4], А. В. Беловой [1] и др.

На сегодняшний день изучение женской повседневности и женской социальной памяти становится особенно актуальным, поскольку традиционные ценности семьи, брака, рождения детей, продолжения рода, воспитания социально ответственного поколения, становятся размытыми под влиянием глобализации и информатизации. В этом ключе сохранение социального опыта прошлого и его трансляция нынешним и будущим поколениям – важная задача современной исторической науки.

Обращение к советской периодической печати, как источнику по истории повседневности, также не является научным открытием. Многие российские историки обращались к журналам «Работница», «Крестьянка», для анализа различных аспектов рабочего в целом, и женского в частности, быта в СССР. Это работы В. Ю. Смирновой [32], Е. В. Болотовой [3], М. С. Латышевой [21], О. В. Золтнер, Д. С. Горностаевой [16] и др.

Быт, кулинария, мода, производственные практики и многие другие аспекты женской повседневности затрагивались авторами в научных трудах, основным источником которых стали материалы советских журналов для женщин. Но еще больший интерес для нас представляют публикации, в которых на материалах советской периодической печати, проанализированы разные аспекты урбанистики в СССР, вопросы формирования и строительства городов [см. например: 29, 31].

Еще одна особенность анализа женской истории и повседневности по материалам периодики, состоит в том, что в основном опубликованные на сегодняшний день исследования посвящены довоенному периоду (1920 – 1930-е гг.) и лишь малая часть работ касается малоизученного периода истории женской повседневности СССР во второй половине XX века [29].

Восполнить этот пробел в исторической науке призвано предлагаемое исследование, посвященное реконструкции идеальной модели женской городской повседневности в СССР в 1950-е гг. (по материалам журнала «Советская женщина»). Условной рабочей гипотезой становится факт нивелирования на страницах официальной периодической печати особой ответственности женщин за быт (готовку, уборку и другие домашние обязанности). Создание в условиях нового советского города таких условий, которые были призваны освободить женщину от домашних обязанностей для саморазвития, производственной, общественной и творческой деятельности.

Всего были проанализированы выпуски журнала «Советская женщина» за 10 лет – с 1951 по 1960 гг. включительно. За этот период было найдено 67 публикаций (статей и заметок), посвященных городам СССР (как среде женской повседневности)

и 83 публикации, посвященные жилью (как внутреннему пространству женской повседневной жизни). Журнал «Советская женщина» для анализа был выбран не случайно, поскольку он является менее распространенным, чем аналогичный журнал «Работница». К последнему исследователи обращались гораздо чаще с целью изучения гендерных и общественных процессов в СССР.

Особенность советской периодической печати в качестве исторического источника, состоит в особом ярко выраженном идеологизированном характере подаваемой информации. В частности, женщины на страницах советской прессы, – это ученые, депутаты, трактористки и машинистки, награжденные орденами и медалями [14]. Они были призваны сыграть роль кумиров для миллионов советских женщин, своим трудом, фактами биографии, обращениями к труженицам СССР [34]. На деле это были картинные, заретушированные образы, которые подтверждает даже факт интервью с Е. Тихомировой, героиней фильма «Москва слезам не верит», которую попросили заменить рабочую косынку для съемки телепередачи.

Образцовая городская среда женской повседневности

Количественные показатели в объемах нового жилья, школ, больниц, детских садов, – становились ключевыми и ударными моментами в риторике советской пропагандистской машины середины XX в. Например, в строящейся в 1950-е гг. правобережной части города Магнитогорска (центральная часть которого была создана в период довоенной индустриализации) планировалось возвести 285 тыс. кв. метров жилой площади, а также построить десятки школ, детских садов и детских санаториев [26]. Всего по СССР планировалось до конца 1950-х гг. в городах и поселках ввести в эксплуатацию 105 миллионов квадратных метров жилой площади [38].

С идеологической точки зрения ЦК КПСС и Совету Министров СССР было важно показать, что в проектировании новых советских городов участвовали женщины. В 1950-е гг., в связи с либерализацией разных сфер общественной жизни, в том числе архитектурно-строительной профессиональной отрасли, получили известность имена многих новых женщин-архитекторов. Наибольшее число женщин трудилось в специальных институтах над созданием типовых проектов (по которым были застроены такие города, как, например, Салават, Ангарск, Волжский и др.). В конце 1940-х гг. в Москве была организована первая Всесоюзная женская архитектурная выставка. В 1950-е гг. подобные выставки проводили регулярно в залах и коридорах Дома архитектора [13].

В 1957 г. на конкурсе проектов больниц вышли победительницами А. Н. Мушорина и Т. Н. Федосеева. В числе авторов, поделивших две первые премии за проекты жилых домов, была молодой архитектор Р. В. Ельцова. Н. А. Васильева вместе с соавторами представила лучший типовой проект школы. Много премий получили женщины и на конкурсах проектов кинотеатров, санаториев, домов отдыха. Как достижение советских властей, признавалась возможность советских женщин участвовать в планировке и создании городского ландшафта, среды повседневности, разрабатывать конкретные проекты жилых домов и общественных зданий.

Неоспоримость природных дарований женщин оставалась признанной, но именно возможности в СССР реализовать женщинам-архитекторам свой творческий потенциал становилось социальным завоеванием (в отличие от времен «царской России») [11, с. 39]. Во второй половине 1950-х гг. в стране уже было немало женщин, которые занимали должности главных архитекторов городов (например, Инесса Бикчентаева в г. Октябрьский Башкирской АССР [24] или Ирина Рожкова в г. Магнитогорск [5]).

Во второй половине 1950-х гг., в связи с либерализацией общественной жизни в целом, и архитектурно-строительной профессиональной отрасли, в частности, получили известность имена многих новых женщин-архитекторов. В этот период жен-

щины прокладывали дорогу новым методам строительства, занимали ведущее положение в планировке зеленых насаждений, проектировали станции Московского метрополитена. Но наибольшее число женщин трудилось в специальных институтах над созданием типовых проектов. В свойственном женщинам эмоционально-чувственном контексте звучали слова: «...Мы боремся и будем бороться за мир со всей силой людей, умеющих строить, со всей страстью женщин-матерей, умеющих любить и ненавидеть...» [13, с. 40].

В 1957 г. в периодике отмечалось, что советская женщине не всегда хочет тратить время на «кухонную возню» [11]. Ей на помощь были призваны прийти работницы торговли, общественного питания. В частности, в образцовом советском городе продавцы «Гастронома» разносили по домам заказанные накануне продукты, полуфабрикаты (что соответствовало стандартам службы доставки, уже пользующиеся спросом в капиталистических странах в середине XX в.). В столовых любой горожанин мог взять обед на дом. Женщина могла отправить сына за обедом в диетическую столовую, где он мог выбрать «такой обед, чтобы и маме, и папе, и ему самому понравился. Младшим детям добавочное питание брали в молочной кухне при детской консультации» [11].

Новые города в СССР на страницах периодики становились образцовыми. Подчеркивалось, что они создаются руками молодежи. Вот как писала молодая журналистка о построенном в послевоенный период Ангарске: «...Юность скромна, но кокетлива. И дома здесь такие. Юность любит солнце - и все здания как будто окрашены его лучами. Молодость тянется к знаниям, не терпит скуки - и чуть ли не на каждом квартале читаем: «техникум», «библиотека», «филиал института», - а лучшее сооружение города - Дворец культуры...» [36].

К началу 1960-х гг. основной жилой единицей городского пространства становится микрорайон, который был призван отвечать потребностям повседневной жизни советского человека, советской женщины. Это был новый принцип советского градостроительства. «...Где бы, в каком бы городе ни поселился человек, ему должно быть удобно и хорошо. Надо, чтобы недалеко от дома находились детский сад и школа, магазины и зеленый парк, библиотека и кинематограф, спортивная площадка и клуб. Тогда не надо будет часто ездить в центр, не придется в троллейбусе возить ребенка в детский сад, не нужно будет отправляться куда-то далеко, чтобы сшить новое платье...» [17]. По замыслу советских архитекторов, микрорайон - это культура, комфорт, торговля, общественные столовые, прачечные, домовые кухни, озелененный двор, гаражи для индивидуальных машин. Размер микрорайона по площади определялся территорией от тридцати до пятидесяти гектаров и численностью населения от пяти до десяти-пятнадцати тысяч человек [17, с. 27].

Главный эксперт Государственного комитета по строительству СССР А. А. Юнина и научная сотрудница Института градостроительства И. Я. Канторович на заседании «Клуба интересных встреч», в ответ на письмо американских рабочих о жилье для бедной части населения СССР, разворачивали один за другим проекты микрорайонов, рассказывая о новых принципах расселения. В новых микрорайонах были предусмотрены домовые кухни (для тех, кто захочет брать обеды на дом), прачечные и другие учреждения соцкультбыта.

Преимущества от строительства микрорайонов были предназначены на страницах «Советской женщины» не столько для женщин, сколько для матерей. Поскольку даже школы и детские сады строились так, чтобы мамам с малышами и детям постарше (которые самостоятельно добирались домой) не приходилось пересекать оживленные улицы. В каждом микрорайоне в шаговой доступности проектировалась молочная кухня для младенцев, детская читальня. При этом, соблюдался социально-гендерный баланс: внутренние дворы были лишены заезда авто-

машин и гаражей. Вместо них предусматривались площади для скверов, фонтанов и вишневых садов [17, с. 27].

Вопросы снабжения как главный объект официальной риторики

В начале 1950-х гг., когда страна оправилась после Великой Отечественной войны, появилась необходимость не только на уровне официальной риторики, но и в реальной жизни, удовлетворения потребностей советского народа: в жилье, в продуктах питания, в товарах первой необходимости. Для иллюстрации масштабов государственных программ, периодическая печать как рупор советской пропаганды все чаще оперировала теми же количественными показателями [38].

Много внимания в периодической печати уделялось созданию социальной инфраструктуры в советских городах, так называемой среды повседневности советского человека. Привыкшим к жизни в сельской местности, а в городах в бараках и полуземлянках, советские люди, наконец, почувствовали стандарты городской жизни. Настоящим счастьем в новых благоустроенных капитальных домах становилось коммунальное обслуживание, расширялась сеть водопроводов и канализации, теплофикация и газификация домов, городской транспорт. И вновь статистика становилась лучшей метафорой развития отрасли. Так, в 1953 г. строительные организации брали обязательство предоставлять населению городов и рабочих посёлков в среднем по 1000 квартир в день для семей в 5 – 6 человек [38, с. 10].

Женщинам и женскому быту на страницах официальной периодической печати (даже женских журналов) не было адресовано обещаний радикальных перемен в быту и повседневной жизни (в отличие от риторики первого десятилетия советской власти). Все нововведения, социальные блага и изменения в повседневной жизни, были адресованы рабочему классу. Таковы были особенности государственной политики в СССР в отношении женщин, названной социологами в начале 2000-х гг. этакратическим гендерным порядком [15].

Однако уже в начале 1950-х гг., после XIX съезда КПСС, в контексте советской риторики появляется понятие «женский быт», которое в критическом ключе будет осмыслено историками лишь в конце XX в. [30] «...Обо всех сторонах нашего быта подумала партия, всё предусмотрела в пятилетнем плане. Особая забота проявлена о здоровье народа, о быте женщин...» [18]. Но этот женский быт рассматривался в те годы отнюдь не в контексте эмоционально-чувственного восприятия женщинами своего места в брачных отношениях, городской и производственной повседневности, и даже не в контексте традиционных в тот момент семейных женских домашних обязанностей (готовка, стирка, уборка, беготня по магазинам, воспитание детей и т.д.), а в довольно прозаичном увеличении количества мест в детских яслях (на 20 процентов), в детских садах (на 40 процентов), тривиальном расширении сети больниц, диспансеров, родильных домов, санаториев, домов отдыха [18]. С позиции нынешнего времени такое развитие социальной инфраструктуры советского города опять же воспринимается нами как улучшение быта и повседневности советских рабочих в целом, но не советских женщин в частности.

В этом же ключе воспринимаются и другие вопросы снабжения и удовлетворения спроса. Например, в 1952 г. производство продовольственных товаров было увеличено сверх годового плана 1951 г.: тканей на 24 %, трикотажа на 35 %, мяса и мясных изделий – на 20 %, сахара – на 34 %, мебели – на 44 % [7]. Казалось бы, реальные показатели роста советской пищевой промышленности означали изобилие, но фактически в реалиях советской плановой экономики подобные процессы не сразу отражались в реальной повседневной жизни.

Рост производства тканей и трикотажа должен был изменить важную часть женской городской повседневности – моду. В моде горожанок начала 1950-х гг. были: вечернее платье из легкого светлого шелка, платье из шерстяной ткани, отде-

ланное кожей, с пристегнутой к полочкам лифа кокеткой, платье-костюм из шерстяной ткани с жилеткой из легкого клетчатого шелка, двухшовная юбка с двойным отлетным карманом и др. [23] Но эти платья предлагалось женщинам сшить самостоятельно по приложенным в журнале выкройкам.

В условиях, когда в городах не хватало парикмахерских и салонов красоты, женщинам предлагалось приобрести бигуди, которые помогали сделать модную прическу самостоятельно. Если же хозяйке предстоял поход в театр, торжественный вечер или бал, рекомендовалось подольше сохранить прическу, обрызгав ее лаком, который можно было сделать самостоятельно из 10 граммов канифоли и 100 мл спирта. Для аромата можно было добавить несколько капель крепких духов [2].

Для обеспечения продуктами питания семей в новых городах СССР недалеко от главной площади строились павильоны колхозного рынка, о чем писали в журналах. Например, побывавшая в Ангарске корреспондент «Советской женщины» восторгалась: «...На одной из площадей наша попутчица свернула в высокие ворота с надписью: «Колхозный рынок». И на минуту нам показалось, что мы из Сибири перенеслись на знойный юг. Горы красных помидоров, румяные яблоки, сливы и бесчисленные ведра с ягодами!» [36].

В советских городах именно женщины становились главными посетителями магазинов и других учреждений торговли. В социокультурном пространстве женской повседневности (как было заведено в советских семьях) магазины были основными координатами. Естественным было стремление каждой матери, чтобы ее ребенок был сыт, красиво одет, имел много игрушек, удобных и полезных вещей. В каждом новом городе открывались детские универсальные магазины [27]. Министр торговли РСФСР Д. Павлов в интервью «Советской женщине» отмечал факты того, как «...магазины идут навстречу покупателям...». В городах они открывали выставки товаров, вывешивали рекламные стенды «Сегодня в продаже», организовывали продажу на улицах и площадях, выезжали на заводы. Вводились новые, удобные для населения часы торговли [27, с. 27]. Постановление правительства «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» иллюстрировало тот факт, что промышленность СССР успешно справлялась с планами производства товаров для населения.

На ключевой вопрос, какое влияние оказывала советская торговля на облегчение быта семьи, был дан официальный ответ в соответствии ленинскими идеалами. В частности, общественное питание рассматривалось как один из главных помощников советских женщин. В 1957 г. услугами общественного питания пользовались более 41 миллиона человек. Но советское правительство ставило цель, чтобы эта цифра выросла до 80 миллионов. Для достижения этих показателей открывались новые столовые в домах и на предприятиях, домовые кухни. В них привозили полуфабрикаты различных блюд, готовили завтраки, обеды, ужины. Чтобы быстро накормить семью, хозяйке оставалось только подогреть пищу дома. Так экономились ее «дорогие часы» [27, с. 28].

На вопрос об импортных товарах в отечественных магазинах, министр торговли отмечал, что советская женщина могла купить французские, итальянские ткани и трикотаж, английскую обувь и многое другое из западных стран.

Однако открыто признавался и дефицит товаров. В частности, холодильников, телевизоров, пианино. Но прежде всего не хватало в 1950-е гг. мебели. Сооружение мебельных комбинатов не поспевало за темпами строительства жилых домов. «...Новоселу не хочется везти в новый дом старую мебель. Все стремятся иметь современные гарнитуры, торшеры, люстры последних образцов. В ближайшее время будет произведено мебели на 18 миллиардов рублей...» [27, с. 29].

Жилье как пространство женской повседневности и быта, в периодической печати

В начале 1950-х гг. семьи столичных рабочих уже получали отдельные квартиры (в провинциальных городах относительно массовым этот процесс стал лишь во второй половине 1950-х гг.). Счастливые обладатели заветных квадратных метров становились героями сюжетов всесоюзных газет и журналов. В новый дом на Велозаводской улице въехали рабочие Автозавода им. Сталина (Автозавод ЗИЛ). Одну из квартир заняла семья мастера автобусного цеха Н. И. Хохлова. И хотя о месте работы его супруги не сообщалось (скорее всего, сфера, не связанная с рабочим классом), подчеркивалось, что в деле воспитания детей заняты оба супруга: «Вечером, после работы, Николай Иванович любит поиграть с дочуркой» (фото в гостиной); «Пока Олечка на руках отца, хозяйка дома Тамара Илларионовна готовит ей на кухне кашку» (фото на кухне у плиты) [6].

Во второй половине 1950-х героинями сюжета «Советской женщины» стали пять сестер – работниц сортопрокатного цеха Магнитогорского металлургического комбината: Александра, Мария, Клавдия, Надежда и Анна (с общей девичьей фамилией Худовековы). На примере рассказа об их повседневной жизни было показано, что во многих новых городах СССР (например, в Магнитогорске) женщины имели возможность не заниматься трудоемкой домашней стиркой, сдавая белье в механизированную прачечную [11]. Также жительницы крупных городов (таких, например, как Магнитогорск, Челябинск или Свердловск) имели возможность бывать на просмотрах моделей в ателье: новое платье могли заказать в мастерской или сшить самостоятельно по выбранной модели.

Контраст старого и нового жилья, улучшение быта хозяек, становились прекрасными иллюстрациями на страницах «Советской женщины». «...Была у Кузьминых одна комната, разделенная перегородкой, а получили они отдельную квартиру» [8]. Старая квартира отапливалась дровами, а умываться приходилось у раковины. В новой квартире не нужно было носить и греть воду, имелась газовая плита, центральное отопление и водопровод.

Гендерное равноправие в вопросах работы и быта, подчеркивалось как социальное завоевание, даже в вопросах квартплаты. Так, если бы вся семья москвичей Кузьминых жила на средства ее мужа – шофера Ефима Петровича, то 5,3 процента его заработка уходило бы на оплату квартиры. Но в семье имели доходы все взрослые. Сама Нина Васильевна – медицинская сестра, ее младшая незамужняя сестра Софья – врач, а мать Евдокия Александровна получала пенсию. К общему заработку семьи квартирная плата составляла всего лишь полтора процента [8, с. 10].

В конце 1950-х гг., с наступлением в СССР декларируемой «эры изобилия», на страницах периодики, в репортажах, рассказах, заметках и фельетонах, подчеркивалось дистанцирование женщины от домашних бытовых обязанностей. Примеры того, как советская женщина может оставаться красивой и на работе, и дома, и не стать жертвой домашнего быта. «...Такая быт не поглотит. Да и быт в последнее время заметно облегчается. Семья живет теперь в отдельной квартире в центре поселка. Сошли на нет многие хлопоты, в частности, беготня за продуктами: столько магазинов рядом!» [9].

В идеальной семье на первый план выходит помощь супруга (в хозяйстве, в воспитании детей), старших детей (в уходе за младшими, в домашних обязанностях), которая в той или степени варьируется в зависимости от их пола и возраста. Гораздо большее внимание уделялось человеческим взаимоотношениям: «...кроме хозяйственных дел, у женщины есть еще важная забота (не всегда только окружающие понимают, как много душевных сил она требует!) – это забота об установлении в семье добрых взаимоотношений...» [9, с. 39].

О том, как домохозяйки имели возможность помогать хозяйке в домашних бытовых делах свидетельствуют много рассказов о рабочих семьях на страницах «Советской женщины». Например, семья Третьяковых, рабочих горьковского автомобильного завода. «...Воскресенье, утро... Еще нет девяти часов. Евдокия хлопочет на кухне, готовит завтрак, а девочки – Тамара и Рита – занимаются уборкой. Потом Рита подходит к зеркалу и начинает причесываться...». «...Другие девочки смотрят ежедневно телевизор, ходят в кино в будни, а не только по субботам...» [37, с. 7]. Массовое получение в начале 1960-х гг. городскими рабочими семьями дачных участков «раздвинуло» границы пространства женской повседневности. «Все принимаются за еду – творог, кашу и кофе. За столом взрослые обсуждают садоводческие дела: говорят о прививке яблонь, сортах малины, о том, удастся ли культивировать дикую рябину...» [37, с. 8].

В разговорах заметно уважение семьи к маминой работе. При получении зарплаты, старшая дочь попросила себе лыжи, младшая – новый мяч. Супруг уговаривал жену приобрести стиральную машину, а хозяйка настаивала на том, чтобы отложить деньги на мебель. В конце концов пришли к общему согласию: «нельзя в наше время обойтись без домашней техники» [37, с. 10].

Пассионарность женской повседневности, изменения окружающего пространство, эмоционально-чувственное отношение к окружающим людям, также становилось предметом обсуждения периодической печати. Яркая иллюстрация – продолжение бережного отношения (как к дому) на территории завода, где силами женщин проводилось озеленение, благоустройство, создавались летние и зимние сады, огороды, поддерживалась чистота и уют. «...В цехе, где работает Третьякова все иначе. Здесь много света, цветов, стены и пол выложены белыми кафельными плитами...» [37].

Интерьер квартир как среда женской повседневности

Большое внимание уделялось интерьеру квартир в новых жилых домах. Хозяйкам советовали обратить внимание на убранство окон. На узких стенах делать занавески с таким расчетом, чтобы они захватывали и простенки, а комната казалась шире. На окнах, расположенных по широкой стене, хороши драпировки до пола. В солнечной комнате занавеска может прикрывать часть стекла. Если комната находится на первом этаже, нужны были полузанавески, закрывающие нижнюю часть окна. «...Современная форма мебели требует простого оформления окон, где главным украшением будет сама ткань, падающая свободными, красивыми складками (без старомодных кисточек, тесемок, лент и т. п.), по цвету гармонирующая с мебелью. При однотонных обоях на окна можно повесить ткань в полоску, в клетку или с орнаментом. Важно, чтобы один из основных ее тонов был близок к цвету стен...» [12].

Каждая хозяйка стремилась сделать свою квартиру уютной. В заботе об украшении комнаты, следуя общему политическому курсу на экономичные решения в строительстве, дизайне и других сферах жизни, авторы рубрики «Советы хозяйкам» предостерегали от излишеств в украшениях из тюля, кружев, вышивок. «...Иной раз дорожками, салфеточками накрывают столы, тумбочки, полочки, радиоприемники, электролампы, вешают их на стены, прикрепляют настенным коврам, дверцам шифоньеров, даже к креслам и картинам. Нечего и говорить, что это уродует квартиру...» [20, с. 45].

На двери советовали повесить портьеры из красивой ткани и даже из льняного серого полотна, состоящие из боковин и ламбрекена. Карниз лучше скрыть. Декоративные ткани должны гармонировать с окружающей обстановкой. Для украшения квартиры рекомендовали драпировки спокойных тонов, гладкие или в полоску, в клетку, с геометрическим орнаментом; хороши одноцветные ткани.

Кухня и кулинария в пространстве образцовой женской повседневности

В конце 1950-х гг. в рекламе появилась электрическая вафельница, прозванная детьми «вкусная печка», которую выпустил в продажу завод «Вольта» Министерства электропромышленности. «Блестящую, с черными ручками электровафельницу полюбили и хозяйки...» [10]. В условиях советского дефицита, ценность представляли именно технические приспособления, а не сама женщина, быт которой эти приборы были призваны облегчить. Так о новой вафельнице писали, что именно она (а не хозяйка) за 10 – 15 минут выпекает разнообразные печенья. Чтобы испечь вафли, следовало включить вафельницу в электросеть, смазать формы, залить их тестом и закрыть. Через 3 – 4 минуты вафли готовы, и их можно было свернуть трубочкой и начинить кремом.

Несмотря на проанализированную выше риторику о снабжении советских семей продуктами питания и товарами первой необходимости, рубрики, связанные с советами в домашнем хозяйстве, обнажали проблемы дефицита и другие недостатки плановой экономики СССР, с которыми ежедневно сталкивались хозяйки. Например, рекомендовалось не выбрасывать яичную скорлупу, кофейную гущу, вишневые косточки (они помогали для чистки разной посуды), семечки айвы (для смягчения кожи рук), очистки от кислых фруктов (яблок, груш и других), картофельную шелуху, воду, в которой варился картофель, опитой чай (для растворов при уборке помещений) или луковую шелуху (для приготовления тканевой краски) [35].

Кулинарные рецепты 1950-х гг. на страницах периодики были довольно разнообразны, символизировали изобилия одним своим описанием. В том числе встречались блюда из труднодоступных советской женщине продуктов. Например, в дни проведения Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 г. хозяйкам рекомендовали приготовить интернациональные блюда: курица-фри ароматическая по-китайски, зразы по-польски, тушеное мясо с черносливом по-румынски, мясо с рисом по-сербски, гуляш по-венгерски [25]. К праздничному столу в том же году в рубрике «Кулинария» советским женщинам предлагались рецепты: салат с мясом, заливной судак, осетрина паровая, поросенок жареный, лимонное желе [19].

Однако, по-прежнему в советской прессе подвергался критике факт увлечения женщины приготовлением пищи и другими бытовыми обязанностями, в ущерб времени, которая она могла бы уделить семье, отдыху, коллективу, городу и т.д. В этом примечателен рассказ о семье работницы завода химического машиностроения Елизаветы Реборак из поселка Уктусские Горы (Свердловск), окруженного зелеными лесными массивами. «...Не всегда есть время любоваться этой красотой. В жизнь врывается проза. Тесто подошло в тот самый момент, когда согрелась ванна. Вот-вот пережарится рыба и потеряет ту сочность и аромат, которые придают прелесть этому любимому в уральских семьях блюду...» [9, с. 40].

В ритуале образцовых семейных ужинов 1950 – 1960-х гг. прослеживается также влияние социально-экономического контекста: небольшая кухня хрущевки (в среднем 6 кв. метров) не предполагала наличие здесь обеденного стола. Предполагалось, что хозяйка должна красиво накрыть на стол в главной комнате – зале или гостиной. «Сверкает белизной круглый стол. Ужин накрыт в самое просторной, «парадной» комнате...» [9, с. 41].

Особенно важным семейным праздником в СССР оставался «Новый год». В этот период особенный колорит придавался не столько образу женщины-хозяйки, сколько романтизированному образу женщины-мечтательницы, свойственному ей социальному оптимизму. Ткачиха Краснохолмского комбината А. Н. Сотникова писала: «...Я по обычаю встречаю праздник в кругу семьи. Закончен последний рабочий день 1951-го: муж – у себя, в артели, я – на фабрике, дочь – в конструкторском

бюро, зять – в спортивной секции... Соберемся за праздничным столом, разольем вино в прозрачные, звонкие бокалы, и ровно в полночь поздравим друг друга: - С Новым годом! С Новым счастьем!». «В этих словах не только надежда, но и уверенность: да, оно будет, оно непременно придет к вам в новом году – новое счастье...» [33].

Заключение

Таким образом, женская городская повседневность на страницах периодической печати в СССР в 1950-е гг. становилась идеальной моделью. Эта образцовая повседневная жизнь прослеживается на разных уровнях: город (как образцовая среда повседневности, удовлетворяющая все потребности советского человека и советской женщины); снабжение (которое, хотя и не поспевало за спросом, все же стремилось к олицетворению советского изобилия); жилье (как проблема, которую впервые за всю историю СССР власти смогли постепенно решать, и предоставлять советской женщине пространство для приватности и реализации собственных желаний, вкусов и потребностей); быт (который становился все более простым и непринужденным) и др.

Советская женщина априори брала на себя и рабочие (на заводе, на производстве и т. д.) и семейные обязанности, совмещая сразу несколько социальных ролей. В этом ключе официальный нарратив иллюстрировал равноправное распределение домашних дел между членами семьи (как в многопоколенных, так и в однопоколенных семьях). Муж и дети становились помощниками, но не полноправными хозяевами бытовой сферы дома. Их обязательное участие в домашних делах – залог освобождение времени женщины для собственных дел и поддержание доброжелательного климата в семье. В случаях, если женщине приходилось одной (без мужа) воспитывать детей, обязанности помощника ей в хозяйстве и воспитании (в идеальной модели) брал на себя коллектив.

Социокультурная динамика развития советских городов, сферы услуг, снабжения, способствовали облегчению домашнего труда женщин, могли дать большие возможности в удовлетворении повседневных потребностей домохозяйств. В условиях Холодной войны, противостояния с капиталистическими странами, не только в гонке вооружений, но и в уровне жизни населения, подобные аргументы приобретали яркий политизированный контекст, но в условиях реальной женской повседневности (особенно в нестоличных, провинциальных рабочих городах) подобные статьи и заметки, основанные на существующих историях и событиях, приукрашенные репортажами и редакторами, становились несбыточной мечтой.

Список источников и литературы

1. Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. статей. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 25–67.
2. Бигуди // Советская женщина. 1960. № 2. С. 31.
3. Болотова Е. В. «Работницам – боевую подготовку»: милитаризация образа советской женщины в 1930-е гг. (на материале журнала «Работница») // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 230–238.
4. Богдашина И. В. Хозяйственно-бытовые заботы как важная часть повседневной жизни женщины-врача в г. Сталинграде (Волгограде): по сведениям дневниковых записей 1950 – 1960-х гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 2 (14). С. 31–41.
5. Бужкевич М. Урал, Магнитная гора: На правом берегу // Работница. 1957. № 1. С. 4.
6. В гостях у Хохловых // Советская женщина. 1953. № 2. С. 14.
7. В минувшем году... // Советская женщина. 1952. № 1. С. 14.

8. *Ветров А., Ганкин М., Зельма Г.* На окраинах Москвы // Советская женщина. 1957. № 9. С. 8–9.
9. Вечер в рабочей семье // Советская женщина. 1959. № 9. С. 38–39.
10. Вкусная печка // Советская женщина. 1957. № 3. С. 14.
11. *Волк И., Портер Л.* В гостях у Худовековых // Советская женщина. 1957. № 10. С. 22.
12. *Делле В.* Занавески на окнах // Советская женщина. 1957. № 6. С. 46.
13. *Дружинина Г.* Влюбленные в свою профессию // Советская женщина. 1957. № 11. С. 39.
14. Женщины-доктора наук // Советская женщина. 1957. № 2. С. 15.
15. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С. 299–321.
16. *Золтнер О. В., Горностаева Д. С.* Типология наименования женщин в советском производственном дискурсе (на материале журналов «Работница» и «Крестьянка») // The scientific heritage. 2021. № 2. С. 28–35.
17. *Измайлова Р.* Клуб интересных встреч // Советская женщина. 1960. № 9. С. 23–26.
18. Итоги съезда // Советская женщина. 1953. № 1. С. 8.
19. К праздничному столу // Советская женщина. 1957. № 4. С. 47.
20. *Кропивницкий Л.* Хочется посоветовать хозяйкам // Советская женщина. 1957. № 4. С. 45.
21. *Латышева М. С.* Образ советской женщины в журнале «Работница» (1923 – 1937 гг.) // Этнодиалог. 2020. № 1. С. 95–120.
22. *Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН. 2010. 270 с.
23. Моды // Советская женщина. 1952. № 1. С. 62.
24. *Карим Мустай.* Носящий имя революции // Огонёк. 1967. № 45. Ноябрь.
25. Мясные блюда // Советская женщина. 1957. № 5. С. 47.
26. *Ольшанов Н.* Строим для мира // Советская женщина. 1952. № 3. С. 18.
27. *Павлова Л.* 105 000 новых магазинов // Советская женщина. 1960. № 11. С. 26–27.
28. *Пушкарева Н. Л., Битокова Т. В.* Женская городская повседневность второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской и постсоветской историографии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 2. С. 305–320.
29. *Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В.* Повседневные практики матерей провинциального советского города в 1950 – 60-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 2. С. 42–46.
30. *Рейд С. Е.* Быт – не частное дело: внедрение современного вкуса в семейную жизнь // Семейные узы. Модели для сборки / под ред. С. А. Ушакина. М.: НЛЮ, 2004. С. 360–391;
31. *Савосткина Р.* Бытовая реорганизация советского города в дискурсе журнала «Работница» в первой половине 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 1. С. 34–37.
32. *Смирнова В. Ю.* Конструирование возраста в журнале «Работница» в советское время // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 92–102.
33. *Сотникова А. Н.* Новогодний тост // Советская женщина. 1952. № 1. С. 3.
34. Труд свободный, творческий, равноправный // Советская женщина. 1952. № 20. С. 7.
35. У хорошей хозяйки ничего не пропадает: Девять способов использования отходов пищевых продуктов // Советская женщина. 1957. № 2. С. 42.
36. *Хмельницкая А.* Тайга отступает // Советская женщина. 1957. № 10. С. 27.
37. *Шаменкова Л.* Семья Третьяковых // Советская женщина. 1960. № 11. С. 7–10.
38. Это будет! // Советская женщина. 1953. № 2. С. 9.

References

1. Belova, AV 2013, 'Zhenskaya povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti: istoriograficheskiy i metodologicheskiy aspekty' (Women's Everyday as a Subject of the History of Everyday Life), *Rossiyskaya povsednevnost' v zerkale gendernykh otnosheniy* (Russian eve-

- ryday life in the mirror of gender relations), *Novoye literaturnoye obozreniye publ*, Moscow, pp. 25–67. (In Russ.)
2. 'Bigudi' (Curlers) 1960, *Soviet Woman*, no. 2, p. 31. (In Russ.)
 3. Bolotova, EV 2020, '«Rabotnitsam — boevuyu podgotovku»: militarizatsiya obraza sovetskoy zhenshchiny v 1930-e gg. (na materiale zhurnala «Rabotnitsa»)» ('Military training for working women": the militarization of the Soviet woman's image in the 1930s (on the "Rabotnitsa" magazine's material)), *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 230–238. (In Russ.)
 4. Bogdashina, IV 2023, 'Khozyaystvenno-bytovyye zaboty kak vazhnaya chast' povsednevnoy zhizni zhenshchiny-vracha v g. Stalingrade (Volgograd): po svedeniyam dnevnikovyykh zapisey 1950 – 1960-kh gg.' (Household and domestic concerns as an important part of a woman physician's daily life in Stalingrad (Volgograd): according to the diary records of the 1950s and 1960s), *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, no. 2 (14), pp. 31–41. (In Russ.)
 5. Buzhkevich, M 1957, 'Ural, Magnitnaya gora: Na pravom beregu' (Urals, Magnitnaya Gora: On the right bank), *Rabotnitsa* (The Woman Worker), no 1, p. 4. (In Russ.)
 6. 'V gostyakh u Khokhlovykh' (Visiting the Khokhlovs) 1953, *Soviet Woman*, no. 2, p. 14. (In Russ.)
 7. 'V minuvshem godu...' (Last year...) 1952, *Soviet Woman*, no. 1, p. 14. (In Russ.)
 8. Vetrov, A, Gankin, M & Zel'ma, G 1957, 'Na okrainakh Moskvy' (On the outskirts of Moscow), *Soviet Woman*, no. 9, pp. 8–9. (In Russ.)
 9. 'Vecher v rabochey semye' (An evening in a working family) 1959, *Soviet Woman*, no.9, pp. 38–39. (In Russ.)
 10. 'Vkusnaya pechka' (Delicious stove) 1957, *Soviet Woman*, no. 3, p. 14. (In Russ.)
 11. Volk, I & Porter, L 1957, 'V gostyakh u Khudovekovyykh' (Visiting the Khudovekovs), *Soviet Woman*, no. 10, p. 22. (In Russ.)
 12. Delle, V 1957, 'Zanaveski na oknakh' (Curtains on the windows), *Soviet Woman*, no. 6, p. 46. (In Russ.)
 13. Druzhinina, G 1957, 'Vlyublennyye v svoyu professiyu' (Those in love with their profession), *Soviet Woman*, no.11, p. 39. (In Russ.)
 14. 'Zhenshchiny-doktora nauk' (Female Doctors of Science) 1957, *Soviet Woman*, no. 2, p. 15. (In Russ.)
 15. Zdravomysova, EA & Tyomkina, AA 2003, 'Gosudarstvennoye konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve' (The public construction of gender in soviet society), *The journal of social policy studies*, vol. 1, no.3/4, pp. 299–321. (In Russ.)
 16. Zoltner, OV & Gornostayeva, DS 2021, 'Tipologiya naimenovaniya zhenshchin v sovetskom proizvodstvennom diskurse (na materiale zhurnalov «Rabotnitsa» i «Krestyanka»)» (Typology of the names of women in the Soviet industrial discourse (based on the material of the magazines "Rabotnitsa" and "Krestyanka")), *The scientific heritage*, no. 2, pp. 28–35. (In Russ.)
 17. Izmaylova, R 1960, 'Klub interesnykh vstrech' (Club of interesting meetings), *Soviet Woman*, no. 9, pp. 23–26. (In Russ.)
 18. 'Itogi syezda' (Results of the meeting) 1953, *Soviet Woman*, no.1, p. 8. (In Russ.)
 19. 'K prazdnichnomu stolu' (To the festive table) 1957, *Soviet Woman*, no.4, p. 47. (In Russ.)
 20. Kropivnitskiy, L 1957, 'Khochetsya posovetovat' khozyaykam' (I would like to advise housewives), *Soviet Woman*, no. 4, p. 45. (In Russ.)
 21. Latysheva, MS 2020, 'Obraz sovetskoy zhenshchiny v zhurnale «Rabotnitsa» (1923 – 1937 gg.) (The image of a Soviet woman in the "Worker" magazine (1923-1937))', *Etnodialogi*, no. 1, pp. 95–120. (In Russ.)
 22. Lüdtke, A 2010, *Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novyye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* (The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life), trans. K. A. Levinson, ed. S. V. Zhuravlev, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
 23. 'Mody' (Fashion) 1952, *Soviet Woman*, no. 1, p. 62. (In Russ.)

24. 'Karim Mustay. Nosyashchiy imya revolyutsii' (Karim Mustai. Bearing the name of the revolution) 1967, *Ogonyok*, no. 45 (November). (In Russ.)
25. 'Myasnye blyuda' (Meat dishes) 1957, *Soviet Woman*, no.5, p. 47. (In Russ.)
26. Olshanov, N 1952, 'Stroim dlya mira' (Building for the world), *Soviet Woman*, no.3, p. 18. (In Russ.)
27. Pavlova, L 1960, '105 000 novykh magazinov' (105,000 new stores), *Soviet Woman*, no. 11, pp. 26–27. (In Russ.)
28. Pushkareva, NL & Bitokova, TV 2021, 'Zhenskaya gorodskaya povsednevnost' vtoroy poloviny 1950-kh – nachala 1960-kh gg. v sovetskoy i postsovetskoy istoriografii' (The daily lives of urban women during the Khrushchev thaw in Soviet and post-Soviet scholarship), *RUDN Journal of Russian History*, vol. 20, no. 2, pp. 305–320. (In Russ.)
29. Pushkaryova, NL & Bogdashina, IV 2020, Povsednevnyye praktiki materей provintsialnogo sovetskogo goroda v 1950-60-e gg. (Everyday practice of mothers in a provincial Soviet city in the 1950-60s), *Vestnik of Kostroma State university*, no. 2, pp. 42–46. (In Russ.)
30. Reyd, SE 2004, Byt – ne chastnoye delo: vnedreniye sovremennogo vkusa v semeynuyu zhizn' (Domesticity is not a private matter: introducing modern taste into family life), *Semeynyye uzy. Modeli dlya sborki (Family Ties. Models for assembly)*, ed. S.A. Ushakin, NLO publ, Moscow, pp. 360–391. (In Russ.)
31. Savostkina, R 2019, 'Bytovaya reorganizatsiya sovetskogo goroda v diskurse zhurnala «Rabotnitsa» v pervoy polovine 1930-kh gg.' (Household reorganization of the Soviet city in the discourse of the magazine "Rabotnitsa" in the first half of the 1930s), *RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"*, no 1, pp. 34–37. (In Russ.)
32. Smirnova, VYu 2016, 'Konstruirovaniye vozrasta v zhurnale «Rabotnitsa» v sovetskoye vremya' (Construction of age in the magazine "Rabotnitsa" during the Soviet time), *Journal «Woman in Russian Society»*, no. 1, pp. 92–102. (In Russ.)
33. Sotnikova, AN 1952, 'Novogodniy tost' (New Year's toast), *Soviet Woman*, no. 1, p. 3. (In Russ.)
34. 'Trud svobodnyy, tvorcheskiy, ravnopravnyy' (Free, creative, and equal labor) 1952, *Soviet Woman*, no. 20, p. 7. (In Russ.)
35. 'U khoroshey khozyayki nichego ne propadayet: Devyat' sposobov ispol'zovaniya otkhodov pishchevykh produktov' (A good housewife never wastes anything: 9 ways to use food waste) 1957, *Soviet Woman*, no. 2, p. 42. (In Russ.)
36. Khmel'nitskaya, A 1957, 'Tayga otstupaet' (Taiga retreats), *Soviet Woman*, no. 10, p. 27. (In Russ.)
37. Shamenkova, L 1960, 'Semya Tretyakovykh' (Tretyakov family), *Soviet Woman*, no. 11, pp. 7–10. (In Russ.)
38. 'Eto budet!' (It will be!) 1953, *Soviet Woman*, no. 2, p. 9. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.11.2023
Одобрена после рецензирования: 06.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 23.11.2023
Approved after reviewing: 06.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Тулский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 32–42.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 1 (17). P. 32–42.

Научная статья

УДК 629 (09) : 94 (470.57)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-32-42>

КУПЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ГОРОДА УФЫ НА РУБЕЖЕ XIX – XX вв.

**Михаил Игоревич
Роднов**

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального
исследовательского центра РАН
Уфа, Россия, rodnov@ufacom.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

Аннотация. Статья посвящена изучению истории сословной организации купечества в городе Уфе, окончательно оформившейся после 1870 г. Судьбы купеческих обществ затронуты в сравнительно небольшом количестве научных трудов в целом по России, на Южном Урале и в Среднем Поволжье в том числе. Главной проблемой является плохая сохранность архивных фондов. Лишь там, где имеются фонды купеческих старост, как в Самаре или Кирове, исследователи сумели провести анализ деятельности этих сословных структур. В Уфе архивная документация купеческого общества также не дошла до наших дней, но возглавлявший местное купеческое общество почти два десятка лет купец Н. К. Блохин издавал рекламную газету. В ней в начале 1900-х гг. были опубликованы три годовых отчета. В данной статье впервые привлекаются материалы прессы для изучения купеческого общества. Эти данные позволили увидеть стабильность сословной организации после введения закона 1898 г., разделившего предпринимательскую и сословную деятельность. Уфимское купечество не покинуло свое сословие. А купеческое общество Уфы показало свою эффективность в благотворительной поддержке обедневших купцов и различных структур города. Выплачивались индивидуальные ежегодные пособия вдовам и старикам, некоторые получали стабильные суммы, в других случаях была единовременная помощь. Среди получателей встречались некогда известные в Уфе купеческие фамилии, как, например, В. В. Грен – бывший товарищ купеческого старосты. Эти данные показывают судьбу уфимских купцов в старости, что обычно не отражается в иных источниках. В целом можно утверждать, что сословное купеческое общество оставалось важной и необходимой структурой вплоть до революционных потрясений.

Ключевые слова: купеческое общество, купечество, сословие, экономика, благотворительность, Южный Урал, Уфа.

Для цитирования: Роднов М. И. Купеческое общество города Уфы на рубеже XIX – XX вв. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 32–42. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-32-42>

Сведения об авторе: М. И. Роднов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450054, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, проспект Октября, д. 71.

Scientific Article
UDC 629 (09) : 94 (470.57)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-32-42>

MERCHANT SOCIETY OF THE CITY OF UFA AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

Mikhail I. Rodnov

Institute of History, Language and Literature
Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russia, rodnov@ufacom.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

Abstract. The article is devoted to the study of the history of merchants in Ufa, finally formed after 1870. The fate of merchant societies is touched upon in a relatively small number of scientific works in Russia as a whole, in the Southern Urals and in the Middle Volga region as well. The main problem is the poor preservation of archival collections. The researchers managed to analyze the activity of these class structures only where there are funds of merchant elders, as in Samara or Kirov. In Ufa, the archival documentation of the merchant society has also not survived to this day, but the merchant N. K. Blokhin, who headed the local merchant society for almost two decades, published an advertising newspaper. It published three annual reports in the early 1900s. This article is the first to use press materials to study merchant society. This data allowed us to see the stability of the class organization after the introduction of the 1898 law that separated business and class activities. The Ufa merchants did not abandon their class. And the merchant society of Ufa has shown its effectiveness in charitable support of impoverished merchants and various structures of the city. For example, individual annual allowances were paid to widows and the elderly, some people received stable amounts, in other cases there was one-off assistance. Among the recipients were once well-known merchant families in Ufa, such as V. V. Gren, a former comrade of the merchant elders. These data show the fate of Ufa merchants in their old age, which is usually not reflected in other sources. In general, the merchant society remained an important and necessary structure until the revolutionary upheavals.

Keywords: merchant society, merchants, class, economics, charity, Southern Urals, Ufa.

For citation: Rodnov, MI 2024, 'Merchant Society of the City of Ufa at the Turn of the 19th – 20th Centuries', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 32–42, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-32-42> (in Russ.)

Information about the Author: *Mikhail I. Rodnov* – Doctor of Science (History), Leading Researcher of the Department of History and Cultural History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russia.

Введение

С XVIII в. в России существовали сословные организации купцов – купеческие общества [10]. Система окончательно сложилась в XIX в., купеческие гильдии избирали своих старшин, с 1879 г. выбирался единый староста для оставшихся двух гильдий. «На купеческих старост, между прочим, возложена раскладка, с согласия общества, казенных податей и сборов и общественных и городских повинностей купеческого сословия. Купеческое общество участвует также в выборе членов податных присутствий. Дисциплинарной власти над своими членами купеческие общества не имеют» [8]. Купеческие старосты информировали купеческое общество о распоряжениях вышестоящих лиц и органов, собирали и представляли сведения о купцах для записи в городскую обывательскую книгу и т. д. [13, с. 86–91].

Материалы и методы

В советской историографии редко и вкратце затрагивалась история купеческих обществ [15; 21], в современной литературе можно выделить два направления. В фундаментальных монографиях Натальи Анатольевны Ивановой и Валентины Павловны Желтовой раскрыты эволюция законодательства, права и обязанности купеческих обществ и старост, даётся статистический материал. Эти работы – теоретическая основа при изучении данной проблематики.

Купеческие общества получили «своё окончательное оформление в пореформенный период», они не могли отказать никому «в приёме в гильдии или исключать из общества» (кроме порочного поведения), с 1870 г. делами по опеке над собственностью купцов стали ведать Сиротские суды, одного из членов которого избирало купеческое общество. Всю реальную деятельность осуществляли купеческие старосты и их товарищи (заместители), их в начале каждого года выбирали из числа зажиточных купцов на один год. По истечении года староста отчитывался о суммах общества.

Наибольшее развитие получили купеческие общества Петербурга, Москвы и Одессы, где существовали даже специальные купеческие управы, в остальных городах было упрощённое управление в лице старосты с товарищем. Н. А. Иванова и В. П. Желтова подтвердили, что купеческие общества существовали далеко не в каждом городе Российской империи, что «было совершенно не обязательно». По данным обследования МВД из 289 учтённых городских пунктов купеческие общества имелись лишь в 119 (41,2 %) [14, с. 434–454].

Вторую группу составляют региональные исследования по истории купечества, одной из самых популярных тем последних десятилетий. В обязательном порядке изучается городское самоуправление, но сословные выборные общества редко упоминаются. Наличие купеческих обществ кратко освещается в диссертациях по истории городских сословий [7, с. 22–23] и статьях. Достаточно подробно деятельность купеческого общества Санкт-Петербурга показал А. А. Журавлёв [11, с. 130–134].

В литературе по истории купечества Южного Урала и Среднего Поволжья сходная ситуация. Обязанности купеческих старост рассмотрел М. С. Судовиков, по архивным материалам привёл примеры деятельности отдельных купеческих старост Вятки и Котельнича, на 1878 г. купеческое общество Вятки включало 123 купца с потомственными почётными гражданами. В Вятской губернии во всех городах кроме Малмыжа работали купеческие общества. Автор отмечает активную деятельность Вятского купеческого старосты, за 1890 – 1892 гг. в архиве указаны 612 записей исходящих бумаг. Судовиков приходит к выводу, что купеческие общества «были обречены на угасание», основы сословного строя подрывало Положение о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г. [23, с. 119–126].

Наличие архивного материала (ЦГАСО. Ф. 146. Самарский купеческий старо-

ста) позволило К. М. Макитрину и Е. П. Бариновой осветить сословное самоуправление в Самарской губернии, создав наиболее подробное исследование купеческого общества. Работа Макитрина и Бариновой имеет особое значение, так как это ближайший к Уфе губернский центр.

Авторы подчёркивают принципиальное значение городской реформы 1870 г., до этого городские думы занимались сословными проблемами купечества (записывали в гильдии и пр.). После 1870 г. дела перешли в ведение самарского купеческого старосты. Он утверждался губернатором и не должен был состоять ни в какой другой службе, жалованья не получал. Главной функцией купеческого старосты было ведение посемейных списков купцов, он контролировал поступление повинностей (но без круговой поруки), ведал благотворительной деятельностью, выдвигал кандидатуры от купеческого общества в различные присутствия (купцы нередко воспринимали их как повинности и относились к ним отрицательно). На старосте лежал обширный документооборот – всевозможные переписки, выдача удостоверений купцам для казённой палаты, для поступления в учебные заведения, получения вида на жительство, для наследования, заключения браков и т. д. Макитрин и Баринова противоречат себе, заявляя, что «круг обязанностей купеческого старосты был чрезвычайно узок», но далее: «подобных удостоверений купеческому старосте приходилось выдавать достаточно много». Кроме того, староста представлял отчёты о состоянии торговли, готовил формулярные списки, отправляя властям различные ведомости и справки о купцах.

Купеческий староста занимался хозяйственными делами, ежегодные собрания собирались в Самаре в помещении городской управы, явка, как всегда, была низкая. Если у самарского купеческого общества имелась недвижимость в виде каменного дома, то в Уфе ничего подобного не было. Зато формирование денежного капитала являлось стандартным: сбор с гильдейских свидетельств, проценты с капитала (ценных бумаг). По данным самарских историков, «сборы с гильдейских свидетельств производились при их выдаче в городской управе, и староста позднее по своему запросу получал общую сумму сбора». То есть сам купеческий староста деньги не собирал [22, с. 58–82].

В оренбургском архиве фонд купеческого общества не сохранился, поэтому в трудах главного исследователя местного купечества Е. В. Бурлуцкой про купеческое общество есть лишь небольшие упоминания [9, с. 142–143]. Не дошли до наших дней архивы и уфимского купеческого общества, о котором в местной литературе практически вообще ничего не говорится.

Результаты

Ранняя история купеческих сословных структур не известна, в справочнике за 1836 г. есть примечание: «Под ведомством Уфимских Дум и Магистрата состоят купеческие и мещанские общества городов: губ. Уфы и уездн. Стерлитамака, Белебея, Бугульмы, Бугуруслана, Бирска и Мензелинска» [1, с. 114]. Но в справочнике за 1851 г. купеческое общество не упоминается.

В первом пореформенном адрес-календаре за 1873 г. зафиксирована в Уфе купеческая управа, старостой был купец 2-й гильдии Алексей Васильевич Константинов, его товарищем – также купец 2-й гильдии Василий Васильевич Грен. В Уфимской губернии купеческое общество существовало только в Уфе, ни в одном из уездных городов оно не сложилось. Обращает внимание маленький управленческий аппарат у купцов, в мещанской управе было четверо (включая общественного писаря), в ремесленной – пятеро [17, с. 43–44]. Делами купеческого сословия занималось городское самоуправление.

В 1876 г. купеческая управа Уфы включала старосту – купца 1-й гильдии Александра Фёдоровича Мамина и товарища его, купца 2-й гильдии Флора Гавриловича

Лебедева [30, с. 66]. Во главе уфимского купеческого общества стояли весьма состоятельные предприниматели. Масштабы деятельности уфимского купеческого общества в этот период неизвестны, видимо, имели скромный характер. Интересно, что в самом подробном справочнике за 1883 г., составленном руководителем уфимской статистики Н. А. Гурвичем, есть уфимские ремесленная и мещанская управы, а купеческой нет.

На 1889 г. купеческое управление в Уфе возглавлял купец 2-й гильдии Николай Кондратьевич Блохин, товарищем его был также купец 2-й гильдии Алексей Петрович Зайков [16, с. 50]. Этот дуэт и возглавлял уфимское купеческое управление долгие годы, в 1900 г. к ним добавился заведующий делопроизводством не имеющий чина Александр Иоакимович Суханов [2, с. 42] (то же в 1901 г., в 1903 г. – Суханова нет). С 1903 г. товарищем купеческого староста избирается Сергей Петрович Зайков, брат предыдущего (за 1902 г. нет данных), который, в отличие от него, был более «скромным» предпринимателем. Они вместе с Н. К. Блохиным служили по 1906 г. включительно.

Если в 1870-е гг. купеческим обществом Уфы руководили весьма крупные предприниматели Константинов и Мамин, то затем всё бумажное делопроизводство отдали Николаю Кондратьевичу Блохину (1842 – 1918). Это была очень известная в Уфе персона, владелец типографии, активный общественный деятель, ему даже посвящена мемориальная доска. Как личность Н. К. Блохин – человек дисциплинированный, хороший организатор, но бизнес у него был слабенький. В местном отделении Государственного банка в октябре 1890 г. дали ему следующую характеристику. «Г. Блохин хотя и имеет главные торговли винную и книжную, но во всяком случае эти торговли далеко не заслуживают такого кредита [...], что же касается торговли книжной то та положительно ничтожна, а писчебумажная торговля и типография тоже плоха, так как в Уфе открыто ещё две таковых же – которые много лучше его работают и торгуют; недвижимость вся у Блохина в залоге» [20, л. 936 об. – 937]. Уфимские купцы «свалили» всю административно-бумажную работу на ответственного Блохина.

Но именно это оставило источники по Уфимскому купеческому обществу. Дело в том, что Николай Кондратьевич издавал небольшую рекламную газету «Уфимский листок объявлений и извещений». И в 1894 г. как владелец и редактор издания печатает там объявление:

«Объявление Уфимского купеческого старосты. Имею честь известить Гг. Уфимских купцов, что мной назначено в четверг, 7 апреля 1894 года, в 7 часов вечера, в доме Городского Общества, Собрание Уфимского Купеческого Общества, для обсуждения и разрешения следующих дел: 1) ходатайства вдовы, Уфимской мещанки Александры Никифоровой Безруковой, о назначении ей пособия из общественного купеческого капитала, и 2) доклада учреждённой Собранием Уфимского Купеческого Общества Коммиссии для предварительной разработки вопроса об обложении приходящих и отходящих от железной дороге и водяным путём грузов и товаров сборами в пользу города на устройство подъездных путей. Купеческий Староста Н. Блохин» [25].

В Уфимское купеческое общество обращались за помощью обедневшие семьи бывших купцов, здесь же обсуждали принципиальные вопросы развития города. Правда, кворум собрать не удалось, и на 29 апреля Блохин назначил ещё одно собрание купеческого общества [26].

Начало нового века для Н. К. Блохина складывалось неудачно, сокращалось число рекламодателей, он в своём листке регулярно печатает отчёты местных банков, а весной 1902 г. впервые был опубликован годовой отчёт: «Приход, расход и остаток капитала Уфимского купеческого Общества с 19-го Апреля 1901 г. по 25-е

Апреля 1902 г.» [27]. Затем купеческий староста Н. Блохин печатает такие же годовые отчёты за 1903 г. (по 29 апреля) [28] и 1904 г. (по 8 мая) [29]. Анализ трёх ежегодных отчётов показывает конкретную деятельность Уфимского купеческого общества и старосты Н. К. Блохина.

Если в Самарском купеческом обществе на 1901 г. баланс составлял 8,6 тыс. руб., в 1902 г. – около 11 тыс., в 1903 г. – 11,6 тыс. руб. [22, с. 72], то в Уфимском купеческом обществе баланс прихода и расхода стабильно держался на уровне 22,1 – 22,6 тыс. руб. Основной капитал уфимских купцов хранился в ценных бумагах, в 1901 г. имелось три, с 1902 г. – пять билетов Уфимского городского общественного банка, стоимость которых к маю 1904 г. упала с 10 806,25 до 9550,65 руб. Также хранился один билет Уфимского общества взаимного кредита в 6266,83 руб. Наконец, в городском банке общество имело текущий счёт, с которого производились безналичные платежи (была чековая книжка) и куда поступали переводы. На отчётный период остаток колебался от 2996,37 руб. на 19 апреля 1901 г. до 2178,95 руб. на 8 мая 1904 г. Общая величина капитала в ценных бумагах и деньгах на текущем счету сначала тоже была почти постоянной – около 19,5 тыс. руб., лишь к весне 1904 г. она сократилась с 19 935,36 до 17 996,45 руб. Уфимские купцы пожертвовали деньги на русско-японскую войну. В целом, в Уфе, которая по численности жителей была значительно меньше Самары, местное купеческое общество обладало более значительными капиталами.

Доходы Уфимского купеческого общества складывались из двух источников. Предприниматели, остававшиеся в купеческом сословии, выкупали промысловые свидетельства, с которых удерживали сбор в пользу общества. В Самаре сбор составлял 15 руб. для 1-й гильдии и 5 руб. для 2-й [22, с. 77]. Промысловые свидетельства выдавали в Уфе две структуры, они же потом и перечисляли деньги старосте Н. К. Блохину. Основные суммы поступали из Городской управы – 1564 руб. в 1901 / 1902 г., 1684 и 1635,5 руб. в два следующих года. Немного переводило казначейство – 134,5, 138,5 и 136 руб. Как говорилось выше, само Уфимское купеческое общество деньги не собирало. Наконец, ему шли проценты на капитал за хранившиеся в Городском банке и Обществе взаимного кредита билеты и по текущему счёту. Эти платежи по годам также были стабильными: 837,7 руб., 850,01 и 849,29 руб.

В итоге Уфимское купеческое общество получало общего дохода в размере 2536,2 руб. за 1901 – 1902 г., 2672,51 руб. за 1902 – 1903 г. и 2620,79 руб. за 1903 – 1904 г. Ситуация оставалась устойчивой.

Староста Николай Кондратьевич Блохин старался вести дела с профицитом, за первый финансовый год доходы превышали расходы (2536,2 против 2491,05 руб.), за второй – 2672,51 и 2351,75 руб., и только в третьем году, когда случилась русско-японская война, расходы (4559,7 руб.) резко обогнали доходы (2620,79 руб.).

Информация по расходам Уфимского купеческого общества раскрывает его реальную деятельность. Накладные расходы главным образом в виде жалованья и вознаграждения в первый год составили 33 % от общей суммы расходов (820,05 из 2491,05 руб.). Уфимское купеческое общество ежегодно платило 360 руб. зарплаты члену Сиротского суда.

Уфимское купеческое общество выдвигало много лиц в различные присутствия, но везде купцы там состояли безвозмездно. Лишь в Уфимском сиротском суде председателем на 1901 г. являлся А. А. Малеев, от купеческого общества служил Алексей Львович Коситский (Косицкий), третий член от мещан [3, с. 105–106]. Косицкий служил очень долго – по 1915 г. Это была самая крупная выплата, и не случайно. В Сиротском суде рассматривались дела малолетних детей и вдов, оставшихся без поддержки, там назначались опекуны, следили за имуществом вдов и сирот, если последние не имели ничего, суд заботился о дальнейшей судьбе призываемого, что-

бы тот получил образование или профессию. Сиротский суд был важной структурой, туда подбирали людей совестливых, и купеческое общество платило неплохой оклад своему представителю. Да ещё по 50 руб. ежегодно перечисляли канцелярии Сиротского суда. Причём эта сумма проходила по статье «пособия», не являлась обязательной. Купцы понимали, что в Сиротском суде большое делопроизводство.

Второе жалованье в размере 120 руб. в год Уфимское купеческое общество выплачивало заведующему своим делопроизводством, на 1901 г. – А. И. Суханову. Документооборот, как показано выше, у старосты был весьма значителен, требовался специальный сотрудник.

Наконец, оплачивался труд сторонних служащих. Канцелярия Городской управы «за труд по сбору денег», за сбор и отчётность по взиманию денег с промысловых свидетельств на купеческие надобности ежегодно получала от Уфимского купеческого общества 100 руб., и ещё 15 руб. платили кассиру Казначейства. Они избавляли общество от самостоятельного и хлопотного сбора денег.

Прочие накладные расходы включали в себя оплату телеграмм, канцелярских принадлежностей, печатных работ, разноски повесток на собрания и пр. (по годам: 25 руб. 05 коп., 18,75 руб.). На третий отчётный год они резко выросли до 169,7 руб. 6 мая 1903 г. в Уфе эсеры-террористы убили губернатора Н. М. Богдановича, и в расход Уфимского купеческого общества вошла плата «священнослужителям за молебен и панихиду и на венок Н. М. Богдановичу».

Но основную часть получаемых средств Уфимское купеческое общество тратило на сословно-благотворительные цели, 2 / 3 всех расходов. Все три года перечислялось по 500 руб. на строительство церкви на кладбище. Инициатором постройки храма на новом городском погосте выступил уфимский купец В. И. Нестеров, отец великого художника [19, с. 130].

Остальные «пособия» делились на два вида: отдельным лицам и организациям. В купеческое общество подавались прошения, как от мещанки Безруковой выше. Наверняка Блохин с Зайковым внимательно изучали материальное положение просящих, не все просьбы удовлетворялись. По трём имеющимся годовым отчётам видно, что пособия получали: два года студент Белышев (120 и 100 руб.), вдовы Пенно (180, 180, 180), Виноградова (60, 60, 60), Мамина (120, 120, 120), Бондаренко (36, 52, 60), с апреля 1902 г. – А. А. Полетаева (25 и 120) и Плотникова (36 и 60 руб.). Это все представители некогда известных уфимских купеческих фамилий, некоторые вдовы получали фиксированную сумму, у других она менялась, без сомнения, Блохин с Зайковым учитывали изменения в семейном положении. Выплаты купеческого общества в целом были вполне достаточны для скромного проживания.

Помимо вдовиц, Уфимское купеческое общество назначало пособия старикам, также бывшим крупным или средним предпринимателям: А. А. Ряхину (60, 60, 60), В. В. Грену (120, 120, 115), с апреля 1902 г. А. В. Кондратьевой (35 и 60 руб., не вдова), с апреля 1903 г. – Васильеву в сумме 60 руб. Уравниловки не было, Николай Кондратьевич Блохин, лично знавший всех этих людей, прекрасно видел состояние каждого. Эти отрывочные данные приоткрывают судьбу ушедших из бизнеса стариков, уфимских купцов.

Наконец, Уфимское купеческое общество ежегодно вело значимую благотворительную деятельность, назначая пособия различным обществам: мещанской богадельне и бесплатной лечебнице комитета о бедных (ежегодно по 100 руб. каждому), Вольному пожарному обществу (100, 100, 150 руб.). Другие структуры получали единовременные пособия, в 1902 г. – дом трудолюбия (100 руб.) и общество спасения на водах (25 руб.), детскому приюту Ведомства императрицы Марии выдали 200 руб. за 1900 и 1901 гг., затем – 100 руб. в 1902 г.

Уфимское купечество не могло не откликнуться на патриотический призыв

помощи стране в 1904 г., когда разразилась русско-японская война. Староста Н. К. Блохин пошёл на дефицитный бюджет, но пожертвовали 500 руб. Обществу Красного Креста и сразу 1500 руб. – семьям воинов, призванных на войну. Это была самая крупная благотворительная акция.

Таким образом, три годовых отчёта Уфимского купеческого общества за 1901 / 1902, 1902 / 1903 и 1903 / 1904 гг. показывают, что эта организация в первую очередь заботилась о нуждах своего сословия, поддерживала обедневших старых купцов, вдов и сирот, богадельню и Сиротский суд, бесплатную медицину. Социальная работа являлась главной составной частью усилий старосты и его товарища. Уфимские купцы знали, что их не бросят в беде, не случайно после закона 1898 г. сословная организация купцов не распалась ни в Уфе, ни в других городах империи.

Почти двадцать лет возглавлявший Уфимское купеческое общество Николай Кондратьевич Блохин в 1907 г. покидает пост старосты (ему 65 лет), наверняка сам попросил самоотвод. Купеческим старостой выбирают его зама – Сергея Петровича Зайкова, а товарищем к нему – купца Павла Ивановича Костерина [4, с. 27]. С 1907 по 1913 гг. уже они руководили сословной организацией купцов. Староста С. П. Зайков исполнил волю покойного купца Нестерова, 8 июля 1907 г. на Ново-Ивановском кладбище Уфы были подняты колокола церкви в честь иконы «Всех скорбящих радость» [31].

Затем староста С. П. Зайков покидает должность, исполняющим обязанности избрали бывшего зама П. И. Костерина, а товарищем к нему – Н. Степанова [32]. В справочнике на 1914 г. купеческое управление Уфы возглавлял староста Павел Иванович Костерин, товарищем его был Николай Никанорович Степанов, появился секретарь – Александр Иакимович Суханов [5, с. 44]. Купеческое общество базировалось по-прежнему в здании Городской управы (улица Большая Успенская, 51), пользовалось здешним телефоном № 147. Об авторитете купеческого общества свидетельствует избрание товарищем председателя Уфимского биржевого комитета Н. Н. Степанова [18].

В реальности, видимо, последний осуществлял руководство, так как Павел Иванович Костерин умер 17 декабря 1913 г. [24]. На 1915 г. купеческим старостой являлся Дмитрий Клементьевич Юдаев, товарищем – коллежский регистратор Иван Евдокимович Иванов [6, с. 44]. Военные условия привели к выселению общества из здания управы. На 1916 г. купеческое управление находилось на квартире Юдаева по улице Большой Казанской (№ 70), телефон 108 [12, с. 9]. Дом сохранился, находится внизу улицы с современным адресом Октябрьской революции, 76. Юдаев и Иванов занимали свои посты вплоть до рокового 1917 г., когда хаос революции уничтожил Уфимское купеческое общество, увы, вместе с архивом.

Заключение

Таким образом, даже по отрывочным материалам, трём годовым отчётам, можно сделать вывод, что Уфимское купеческое общество – это реальная, необходимая, отнюдь не бумажная структура, где велась большая работа, староста с товарищем на общественных началах занимались благотворительной поддержкой своего сословия, купцы не возражали против отчислений в пользу общества, финансовое положение было стабильным. В данной статье не рассматривается представительская функция купеческого общества, имевшая большое значение, выбранные в различные присутствия купцы доносили точку зрения предпринимательского сообщества до властей, участвовали в выработке законодательных решений и административном управлении краем. Российская империя оставалась сословным обществом, и каждое сословие должно было иметь свою структуру. Сословия не исчезли с крахом монархии, а под новыми вывесками (соцпроисхождение, партийность и пр.) плавно перешли в советскую реальность.

Список источников и литературы

1. Адрес-календарь Оренбургского Отдельного Корпуса, Оренбургской Губернии и Управления Оренбургского края по части Пограничной, с присовокуплением Кратких Статистических сведений. 1836 года. Оренбург: тип. штаба Оренбургского отдельного корпуса, [1835], 175 с.
2. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1900 год. Уфа: паровая типо-лит. А. П. Зайкова, 1900. 157 с.
3. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1901 год. Уфа: электр. типо-лит. В. П. Колмацкого и К°, 1900. 169 с.
4. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1907 год. Уфа: Тип. Губ. Правления, 1907. Разд. паг.
5. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа: Электр. губер. тип., 1914. Разд. паг.
6. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1915 год. Уфа: Электр. губер. тип., 1915. Разд. паг.
7. Анкушева К. А. Городские сословия Зауралья в конце XVIII – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Анкушева Ксения Александровна. Тюмень, 2005. 262 с.
8. Купцы // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 17. Култагой – Лед. СПб.: Типо-Лит. И. А. Ефрона, 1896. С. 58.
9. Банникова Е. В. Дореформенное купечество Южного Урала: повседневная жизнь в городской среде. Оренбург: ОГПУ, 2009. 238 с.
10. Дитятин И. Устройство и управление городов России. Т. 1. Введение. Города России в XVIII столетии. СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1875. 508 с.
11. Журавлёв А. А. Столичное купечество в органах сословного самоуправления Петербурга вторая половина XIX – начало XX века // Economics and Management. 2013. № 3. С. 127–138.
12. Записная книжка для чинов Уфимской городской полиции. На 1916 год. Уфа: Губернская Электрическая типография. 67 с.
13. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004. 574 с.
14. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: НОВЫЙ ХРОНОГРАФ, 2009. 752 с.
15. Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика / под ред. Р. Ш. Ганелина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 260 с.
16. Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года / сост. Н. А. Гурвич. Уфа: Губ. тип., 1889. Разд. паг.
17. Резанцов П. Г. Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. (К Памятной книжке Уфимской губернии). Уфа: Губ. тип., 1873. 72 с.
18. Роднов М. И. Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа: Альфа-Реклама, 2016. 216 с.
19. Роднов Михаил. Купец Василий Иванович Нестеров. История семьи и бизнеса // Бельские просторы (Уфа). 2023. № 6. С. 121–135.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 587. Оп. 52. Д. 1114.
21. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во Академ. наук СССР, 1958. 559 с.
22. Самарское купечество: вехи истории / под ред. Е. П. Бариновой. Самара: Самарский ун-т, 2006. 370 с.
23. Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. 342 с.
24. Уфимский вестник. 1913. 20 дек.
25. Уфимский листок объявлений и извещений. 1894. 28 марта.
26. Уфимский листок объявлений и извещений. 1894. 11 апр.
27. Уфимский листок объявлений и извещений. 1902. 29 апр.
28. Уфимский листок объявлений и извещений. 1903. 5 мая.

29. Уфимский листок объявлений и извещений. 1904. 10 мая.
30. Уфимский календарь на 1876 год / под ред. В. А. Новикова и Н. А. Гурвича. Вып. 1. Уфа: печатня Н. Блохина, [б. г.]. Разд. паг.
31. Уфимский край. 1907. 11 июля.
32. Уфимский край. 1913. 29 дек.

References

1. *Adres-kalendar' Orenburgskogo Otdel'nogo Korpusa, Orenburgskoy Gubernii i Upravleniya Orenburgskogo kraya po chasti Pogranichnoy, s prisovokupleniyem Kratkikh Statisticheskikh svedeniy. 1836 goda* (Address calendar of the Orenburg Separate Corps, the Orenburg Province and the Office of the Orenburg Territory for the Border Region, with the addition of Brief Statistical Information. 1836) 1835, tip. shtaba Orenburgskogo otdel'nogo korpusa publ, Orenburg. (In Russ.)
2. *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1900 god* (Address calendar of the Ufa province for 1900) 1900, parovaya tipo-lit. A. P. Zaykova publ, Ufa. (In Russ.)
3. *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1901 god* (Address-calendar of the Ufa province for 1901) 1900, elektr. tipo-lit. V. P. Kolmatskogo i K° publ, Ufa. (In Russ.)
4. *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii i spravochnaya knizhka na 1907 god* (Address-calendar of the Ufa province and reference book for 1907) 1907, Tip. Gub. Pravleniya publ, Ufa. (In Russ.)
5. *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1914 god* (Address-calendar of the Ufa province for 1914) 1914, Elektr. guber. tip. publ, Ufa. (In Russ.)
6. *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii na 1915 god* (Address-calendar of the Ufa province for 1915) 1915, Elektr. guber. tip. publ, Ufa. (In Russ.)
7. Ankusheva, KA 2005, *Gorodskiyе sosloviya Zaural'ya v kontse XVIII – nachale XX veka* (Urban estates of the Trans-Urals at the end of the 18th - beginning of the 20th century), PhD thesis, Tyumen. (In Russ.)
8. Brokgauz, FA & Yefron, IA 1896, 'Kuptyy' (Merchants), *Entsiklopedicheskiy slovar'* (Encyclopedic Dictionary), vol. 17, Tipo-Lit. I. A. Yefrona, publ, St. Petersburg, p. 58. (In Russ.)
9. Bannikova, YeV 2009, *Doreformennoye kupechestvo Yuzhnogo Urala: povesdnevnyaya zhizn' v gorodskoy srede* (Pre-reform merchants of the Southern Urals: everyday life in an urban environment), OGPU publ, Orenburg. (In Russ.)
10. Dityatin, I 1875, 'Vvedeniye. Goroda Rossii v XVIII stoletii' (Introduction. Cities of Russia in the 18th century), *Ustroystvo i upravleniye gorodov Rossii* (Structure and management of Russian cities), vol. 1, Tipografiya P. P. Merkul'yeva publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Zhuravlyov, AA 2013, 'Stolichnoye kupechestvo v organakh soslovnogo samoupravleniya Peterburga vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka' (Capital merchants in the bodies of class self-government of St. Petersburg, the second half of the 19th - early 20th centuries), *Economics and Management*, no. 3, pp. 127–138. (In Russ.)
12. *Zapishnaya knizhka dlya chinov Ufimskoy gorodskoy politsii. Na 1916 god* (Notebook for officials of the Ufa city police. For 1916), Gubernskaya Elektricheskaya tipografiya, Ufa. (In Russ.)
13. Ivanova, NA & Zheltova, VP 2004, *Soslovno-klassovaya struktura Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* (Class structure of Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th century), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
14. Ivanova, NA & Zheltova, VP 2009, *Soslovnoye obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka)* (Class society of the Russian Empire (18th - early 20th centuries)), NOVYY KHRONOGRAF publ, Moscow. (In Russ.)
15. Nardova, VA 1984, *Gorodskoye samoupravleniye v Rossii v 60-kh – nachale 90-kh godov XIX v. Pravitel'stvennaya politika Pod red. R. SH. Ganelina* (Urban self-government in Russia in the 60s - early 90s of the 19th century. Government policy), ed. R. Sh. Ganelin, Nauka. Leningradskoye otdeleniye publ, Leningrad. (In Russ.)
16. Gurvich, NA (comp.) 1889, *Pamyatnaya knizhka Ufimskoy gubernii 1889 goda* (Memorial book of the Ufa province of 1889, Gub. tip. publ, Ufa. (In Russ.)

17. Rezantsov, PG 1873, *Adres-kalendar' lits, sluzhashchikh v Ufimskoy gubernii. (K Pamyatnoy knizhke Ufimskoy gubernii)* (Address-calendar of persons serving in the Ufa province. (To the Memorial Book of the Ufa Province)), Gubernskaya tipografiya publ, Ufa. (In Russ.)
18. Rodnov, MI 2016, *Ufimskaya tovarnaya birzha (1905 – 1917 gody)* (Ufa Commodity Exchange (1905 – 1917)), Al'fa-Reklama publ, Ufa. (In Russ.)
19. Rodnov, M 2023, 'Kupets Vasiliy Ivanovich Nesterov. Istoriya sem'i i biznesa' (Merchant Vasiliy Ivanovich Nesterov. History of family and business), *Bel'skiye prostory* (Belskiye expanses), no. 6, pp. 121–135. (In Russ.)
20. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* (RGIA) (Russian State Historical Archive) fund 587, inventory 52, file 1114. (In Russ.)
21. Ryndzyunskiy, PG 1958, *Gorodskoye grazhdanstvo doreformennoy Rossii* (Urban citizenship of pre-reform Russia), Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moscow. (In Russ.)
22. Barinova, YeP (ed.) 2006, *Samarskoye kupechestvo: vekhi istorii* (Samara merchants: milestones in history), Samarskiy un-t publ, Samara. (In Russ.)
23. Sudovikov, MS 2009, *Kupecheskoye sosloviye Vyatsko-Kamskogo regiona v kontse XVIII – nachale XX veka* (Merchant class of the Vyatka-Kama region at the end of the 18th – beginning of the 20th century), Izd-vo VyatGGU publ, Kirov. (In Russ.)
24. *Ufimskiy vestnik* (Ufa Bulletin) 1913, 20 December (In Russ.)
25. *Ufimskiy listok obyavleniy i izveshcheniy* (Ufa leaflet of announcements and notices) 1894, 28 March (In Russ.)
26. *Ufimskiy listok obyavleniy i izveshcheniy* (Ufa leaflet of announcements and notices) 1894, 11 April (In Russ.)
27. *Ufimskiy listok obyavleniy i izveshcheniy* (Ufa leaflet of announcements and notices) 1902, 29 April (In Russ.)
28. *Ufimskiy listok obyavleniy i izveshcheniy* (Ufa leaflet of announcements and notices) 1903, 5 May (In Russ.)
29. *Ufimskiy listok obyavleniy i izveshcheniy* (Ufa leaflet of announcements and notices) 1904, 10 May (In Russ.)
30. Novikov, VA & Gurvich, NA (eds.), *Ufimskiy kalendar' na 1876 god* (1836 Calendar), vol. 1, pechatnya N. Blokhina publ, Ufa. (In Russ.)
31. *Ufimskiy kray* (Ufa region) 1907, 11 July. (In Russ.)
32. *Ufimskiy kray* (Ufa region) 1913, 29 December. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.10.2023
Одобрена после рецензирования: 11.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 26.10.2023
Approved after reviewing: 11.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Научная статья

УДК 94(47).081+94(47).082

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-43-60>

ТОРГОВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО МЕЩАН В ГОРОДЕ ТУЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: ФОРМЫ, МАСШТАБЫ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

**Никита Алексеевич
Биленко¹**

**Игорь Владимирович
Алексеев²**

^{1,2} Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия

¹ nikitabilenko@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-4666-4553>

² aligor2018@yandex.ru

² <https://orcid.org/0009-0005-2622-6379>

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития торгового предпринимательства мещан в губернском городе Тула второй половины XIX в. Основу исследования составили массовые исторические источники – фискально-административная документация («Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений»), созданные в результате проверок деятельности предпринимателей Тулы (административного и экономического центра провинции, сочетавшей в себе черты Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов). Типовой формуляр Журналов позволил автоматизировать обработку больших массивов информации исторических источников путем создания источник-ориентированной машиночитаемой базы данных (на основе СУБД Microsoft Access 2007) и ответить на вопросы: «В каких формах была организована предпринимательская деятельность представителей мещанства города Тула второй половины XIX в.?», «Насколько масштабным было вовлечение мещанства в сферу частной торговли по сравнению иными слоями населения города?», «Имеются ли устойчивые тенденции в сфере частного предпринимательства в пределах локального рынка губернского центра?». В результате исследования было установлено, что «мещанские» заведения составляли большинство стационарных торговых предприятий города (от трети до половины), причем большинство из них относилось к мелким формам торговли – палаткам и мелочным лавочкам. Массовые источники позволили выявить устоявшую модель хозяйствования, единую для мещанства города: стремление собственников (как мужчин, так и женщин) самостоятельно управлять заведениями, стратегию минимизации капиталовложений в коммерческую недвижимость, ориентацию на краткосрочную перспективу экономической активности, долгое отсутствие специализации торговых предприятий как способа диверсификации капиталов, способа минимизации рисков разорения. Настоящая работа предлагает модель изучения локальной общности провинциальных предпринимателей, которую возможно масштабировать относительно иных местностей Российской империи с последующей организацией историко-компаративных исследований.

Ключевые слова: экономическая история, предпринимательство, торговля, эпоха модернизации, город, мещане, массовые исторические источники.

Для цитирования: Биленко Н. А., Алексеев И. В. Торговое предпринимательство мещан в городе Тула второй половины XIX в.: формы, масштабы, тенденции развития // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 43–60. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-43-60>

Сведения об авторах: *Н. А. Биленко* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125;

И. В. Алексеев – аспирант кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Биленко Н. А., Алексеев И. В., 2024

Scientific Article
UDC 94(47).081+94(47).082
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-43-60>

COMMERCIAL ENTREPRENEURSHIP OF THE BURGHERS IN THE CITY OF TULA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: FORMS, SCALES, DEVELOPMENT TRENDS

Nikita A. Bilenko¹

Igor V. Alekseev²

^{1,2} Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia

¹ nikitabilenko@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-4666-4553>

² aligor2018@yandex.ru

² <https://orcid.org/0009-0005-2622-6379>

Abstract. The article is devoted to the problem of the development of commercial entrepreneurship of burghers in the provincial city of Tula in the second half of the XIX century. The research was based on mass historical sources - fiscal and administrative documentation ("Journals of general verification of trade and industrial establishments"), created as a result of inspections of the activities of entrepreneurs of Tula (the administrative and economic center of the province, which combined the features of the Central Industrial and Central Agricultural regions). The standard format of the Journals allowed automating the processing of large amounts of information from historical sources by creating a source-oriented machine-readable database (based on the Microsoft Access 2007 DBMS) and answering the questions: "In what forms was the entrepreneurial activity of representatives of the bourgeoisie of the city of Tula organized in the second half of the XIX century?", "How large-scale was there any involvement of philistinism in the sphere of private trade compared to other segments of the city's population?", "Are there stable trends in the field of private entrepreneurship within the local market of the provincial center?". As a result of the study, it was found that "petty-bourgeois" establishments made up the majority of stationary commercial enterprises in the city (from a third to a half), and most of them belonged to small forms of trade - tents and small shops. Mass sources made it possible to identify an established business model that is uniform for the city's population: the desire of owners (both men and women) to independently manage institutions, a strategy to minimize investments in commercial property, a focus on short-term economic activity, a long absence of specialization of trading enterprises as a way to diversify capital, a way to minimizing the risks of ruin. The present work offers a model for studying the local community of provincial entrepreneurs, which can be scaled relative to other localities of the Russian Empire with the subsequent organization of historical and comparative studies.

Keywords: economic history, entrepreneurship, trade, the era of modernization, the city, the bourgeoisie, mass historical sources.

For citation: Bilenko, NA & Alekseev, IV 2024, 'Commercial Entrepreneurship of the Burghers in the City of Tula in the Second Half of the 19th Century: Forms, Scales, Development Trends', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 43-60, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-43-60> (in Russ.)

Information about the Authors: *Nikita A. Bilenko* – PhD in History, Associate Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia;

Igor V. Alekseev – Postgraduate Student of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Одна из глав монографии Л. В. Кошман, посвященной истории развития городов и городской жизни в России второй половины XIX в., имеет название «Мещанство – “Забытое сословие” российских городов» [38, с. 179–185]. Вероятно, основу этого названия составил заголовок статьи известного публициста XIX столетия Я. Абрамова, опубликованной в журнале «Наблюдатель» за 1885 г. [2]. Однако это название – «забытое сословие», как нельзя лучше характеризует и современное историографическое состояние историко-экономических исследований. Поразительно, но в трудах, посвященных истории предпринимательства, практически не нашлось места мещанам. Во многих фундаментальных работах по истории российского предпринимательства исследователи концентрируют свое внимание на деятельности купцов; сложился даже определенный исследовательский тренд, отождествляющий историю предпринимательства и историю профессиональной деятельности купечества [10; 34; 40; 56; 58]. Вместе с тем, наблюдаемая историками эволюция социального слоя предпринимателей в России второй половины XIX в., побуждала ученых отслеживать проникновение в среду предпринимателей представителей иных сословий. Но и здесь в центре подробного изучения чаще оказывались полярные слои: крестьянство или дворянство [31; 34; 37; 51; 58].

Предпринимательская деятельность непосредственно мещан (в частности, торговая) учеными рассматривалась в контексте нескольких самостоятельных направлений: либо в рамках истории формирования классовой структуры общества в России XIX в. (что типично для советской историографии [45; 52; 54]); либо в контексте изучения эволюции городов и городской жизни периода модернизации [38; 53; 55]; в рамках изучения взаимоотношений торговцев и власти [63]; либо в качестве аргумента к тезису о расширении слоя предпринимателей в России второй половины XIX в. [36; 58]. Торговое предпринимательство мещан упоминается в отдельных разделах специальных трудов (преимущественно в главах диссертаций, посвященных хозяйственной деятельности мещан в целом) [1; 30; 32; 33; 35; 44; 46; 59; 60; 61].

Следует признать, что требуется больше специальных исторических исследований [9; 33; 42; 47], посвященных формам, масштабам, тенденциям и путям развития предпринимательства представителей самого многочисленного, особенно подвижного в социальном плане слоя городского населения Российской империи. В особенности это необходимо в отношении торгового предпринимательства, которое чаще всего становилось основой первоначального накопления капиталов, фундаментом формирования крупных торговых и промышленных династий.

Настоящее исследование не претендует на масштабность выводов, но предлагает одну из возможных моделей изучения истории торгового предпринимательства мещан в городах Российской империи. В ее основе – локальный подход, опора на массовые исторические источники, применение количественных методов. В центре внимания – мещане, проживавшие в губернском центре провинции (г. Тула), располагавшейся на границе двух экономических районов Европейской части России – Центрально-промышленном и Центрально-земледельческом [53, с. 5–6].

Источники и методы

Основу исследования составили массовые исторические источники фискально-административной документации – «Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений» [11, л. 4–89; 12, л. 2–69; 13, л. 19–113; 14, л. 2–106; 15, л. 1–57; 16, л. 2–376; 17, л. 9–17, 24–39; 18, л. 4–179; 19, л. 37–73, 78–87, 90–116, 162–174; 20, л. 10–263; 21, л. 7–133; 22, л. 6–142; 23, л. 5–59; 24, л. 2–45, 56–100; 25, л. 2–49, 54–111; 26, л. 2–5, 7–130, 137–175; 27, л. 2–43; 52–78]. В работе привлечены документы 1864, 1876, 1880, 1884, 1888, 1892 гг. Данная совокупность источников из гене-

ральной выборки обусловлена наибольшей степенью сохранности корпуса архивных материалов. Шаг в 4 года при отборе источников позволил установить динамику и выявить тенденции развития торгового предпринимательства мещан в губернском центре во второй половине XIX в.

Источники содержат сведения о формах и размерах торговых заведений, их собственниках, лицах, непосредственно осуществлявших управление предприятиями, документах, на основании которых осуществлялся торг, масштабы торговли, ассортименте реализуемых товаров. Но следует оговорить, что в данных источниках зафиксированы только т. н. ценовые предприятия – торгово-промышленные заведения, подлежащие налогообложению [3, с. 4–9]. Самые мелкие торговцы (которые как раз чаще всего упоминаются исследователями городской жизни на основе нарративных источников) не облагались налогами, а, соответственно, не нашли отображения в фискальной документации и административной статистике. Тем не менее, в настоящее время данные источники активно вводятся в научный оборот, что делает возможным проведение историко-компаративных исследований¹.

Информационный потенциал источниковой базы определил методологию и методику проводимого исследования: в основу работы положен локальный подход. Типовой формуляр Журналов обусловил применение автоматизированной обработки сведений массовых источников: таблицы 1, 2 и 3 в настоящей работе сформированы на основе машиночитаемой источник-ориентированной реляционной базы данных «Предприниматели города Тулы и Тульского уезда второй половины XIX в.» [4, с. 79–81].

Результаты

Торговое предпринимательство мещан занимало значительное место в экономической жизни города. Во второй половине XIX в. почти каждое второе ценовое торговое заведение Тулы принадлежало представителям именно этой социальной категории (таблица 1). Торговля относилась к одному из приоритетных видов хозяйственной деятельности мещанства наряду с наемными работами, ремеслом, садоводством и огородничеством, что следует признать типичной чертой для многих городов Центральной части Европейской России и Западной Сибири [33; 36; 38; 55].

Экономическая активность мещан второй половины XIX в. во много была связана с тремя факторами: во-первых, искать источники пропитания для себя и семей в условиях корпоративной «прикрепленности» к мещанским обществам, местам проживания приходилось именно в городе. Во-вторых, либерализация торгового законодательства снимала многие административные и сословные барьеры. Торговая правосубъектность жителей империи во второй половине XIX в. базировалась на принципах свободы торговли и всесословности, провозглашенных Положением о пошлинах за право торговли и других промыслов 1863/1865 гг. Установленные ограничения торговых прав, главным образом, связывались с их возрастом и этнической (например, для евреев) принадлежностью. Правоспособные и дееспособные участники рынка имели потенциально равные права, а приобретение торговых документов высшего порядка – купеческих свидетельств (предоставлявших максимальный спектр прав на занятия торговой деятельностью) всецело зависело от экономических возможностей мещан [6, с. 420]. В-третьих, слой мещан является особенным с точки зрения положения в городской среде. Известный публицист М. П. Щепкин в середине XIX в. писал: «Мещанское общество представляло собой постоянно движущуюся, изменяющуюся массу, которая то принимала в себя постоянно новых членов из низшего, бывшего крепостного населения – самый сильный прилив его был в течение последних лет, после освобождения крестьян, то выпускала из себя других, всегда более сильных и здоровых членов, искавших себе простора в купечестве, которое, в свою очередь, возвращало ему назад своих несостоятельных членов» [62, с. 44].

Иными словами, слой мещан включал в себя немало инициативных в хозяйственном отношении представителей, которые в предпринимательской деятельности нередко видели возможность социального лифта.

Таблица 1

Формы и численность торговых заведений мещан в губернском городе Тула во второй половине XIX в.²

Формы торговых заведений	Торговые заведения в собственности мещан (м – мужчин; ж – женщин)											
	1864 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.		1892 г.	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
рундук	-	-	-	5	-	-	1	15	5	14	23	40
сарай	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	-
палатка	-	-	47	78	53	51	35	49	35	27	15	23
подвал	-	-	-	-	2	5	3	2	1	2	3	3
комната для продаж	-	-	3	1	3	-	-	-	-	-	-	-
мелочная лавочка	10	1	121	32	62	15	134	43	51	28	143	86
лавка	79	6	111	16	137	37	88	14	181	78	87	26
магазин	-	-	7	1	2	1	2	1	3	-	3	2
амбар	-	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-
лабаз	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-
склад	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	2
лесной склад	-	-	2	-	-	-	-	1	2	1	-	-
продажа дров	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	1	1
угольный двор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
количество торговых заведений в городе	258		1064		974		992		1110		1184	
количество торговых заведений в собственности мещан	96		429		378		396		457		503	
Доля в % «мещанских» торговых заведений	37,2 %		40,3 %		38,8 %		39,9 %		41,2 %		42,4 %	

Анализ Журналов генеральной поверки позволил установить несколько форм организации торгового предпринимательства мещан в губернском центре: от торговли в сараях до масштабных складов и магазинов (таблица 1). Самыми мелкими формами ценовых предприятий являлись рундуки (небольшие лари, крытые лавки с подъемной крышкой, прилавки с ящиками [29, с. 113]), сараи, палатки. Значительное их количество связано с дешевизной содержания, что было важным фактором для мещан, не обладавших значительным капиталом. Отличительной особенностью этих малых форм мещанской торговли можно считать их «женский» характер: большинство их собственников – мещанки. Аналогичное явление фиксируется в крестьянском предпринимательстве Тулы [5].

Наибольшее распространение среди мещан-торговцев получили такие формы как мелочные лавочки и собственно лавки³. Современник, исследователь торговли, А. Д. Бочагов, отмечал, что они имели огромное значение для снабжения городского

населения Петербурга всем необходимым - «в “мелочной” все имеется не только для удовлетворения желудка, но даже и малейшей прихоти. Вам за пяточек, за гривенник отпустят и чаю, и сахару, и кофе, и миндалю, и хлеба, капусты, трески...» [8, с. 63]. Однако «мы зачастую видим, что чаю сообщается запах кислой капусты, а сахар отдает треской или керосином...» [8, с. 65]. В Туле из мелочных лавочек, палаток, рундуков торговали печеным хлебом, баранками, кренделями, нитками, веревками, скобяным товаром, предметами рукоделия. По такому же принципу работали лари и палатки, к примеру, в Москве [48, с. 95–96].

Данные о количестве торговых заведений губернского центра в собственности мещан свидетельствуют о господстве самых малых форм стационарного торгового предпринимательства. Однако нельзя недооценивать их значение как с точки зрения снабжения города всем необходимым, так и с точки зрения их коллективного влияния на институциональную среду, определявшую «правила игры» на локальном рынке Тулы. К примеру, в марте 1870 г. мелочные торговцы губернского центра, большинство из которых составляли мещане, коллективно обратились к городскому голове с просьбой разрешить торговать им без приобретения купеческих свидетельств из своих мелочных лавочек овсом, горохом, гречихой, лаптями, тесьмой, коленкором, веревками и прочими товарами широкого потребления [28, л. 1]. Налоговая система империи предусматривала возможность торговли определенными товарами в соответствии с наличием определенных торговых свидетельств, либо беспошлинно, если эти товары содержались в особых «рописях». «Положение о пошлинах за право торговли...» в редакции 1865 г. предписывало реализацию указанных торговцами товаров в губернном центре только при наличии купеческого свидетельства. В мае 1870 г. на заседании Тульской городской думы депутаты пришли к выводу, что продукты и товары, о которых упоминали мелочные торговцы, во-первых, *«должны быть допущены в торговле в мелочных лавочках, так как в них предстоит насущная потребность для бедных граждан живущих в отдаленных местностях от городского рынка и крестьян из окрестных селений, приобретающих их в самом ничтожном количестве для своего дешевого продовольствия, домашнего хозяйства и необходимой обуви»* [28, л. 5–6]; во-вторых, что количество указанных товаров *«мелочные торговцы имеют в своих лавках в самом малом количестве, и покупая их у Тульских же более возможных торговцев, не делают им свою торговлей никакого подрыва»* [28, л. 6]. В августе 1870 г. тульский губернатор, заручившись поддержкой чиновников Казенной Палаты, обратился к министру финансов Российской империи с просьбой утвердить собственный указ о допущении торговли в Туле мелочным торговцам реализовывать указанный товар по свидетельствам на мелочный торг [28, л. 11–12]. Итогом всего этого длительного рассмотрения стала корректировка общеимперского законодательства. В сентябре 1873 г. министр финансов поддержал внесение в роспись Ж «Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов» 1865 г., для города Тулы *«хлебный товар всякий, веревки, лапти и принадлежности производства гармоник»* [28, л. 20].

Приведенное прошение торговцев, постановления Тульской городской думы, заключения Казенной Палаты важны не только как источники по истории взаимоотношений предпринимателей и местной власти. Эти нарративные делопроизводственные источники приоткрывают особенности организации различных форм торговли в городе. Во-первых, большинство лавок и мелочных лавочек мещан располагалось непосредственно в жилых домах, что объективно связано с желанием собственников минимизировать издержки при организации торговой деятельности. Эта модель организации своего дела родственна организации палаточной и подвальной торговли: абсолютное большинство стационарных торговых заведений мещан в процентном выражении можно отнести к самым малым предприятиям, не

требующих значительных капиталовложений в содержание недвижимого имущества, даже при наличии существенного товарооборота. Это означает, что домашнюю лавку, так же как и палатку можно быстро организовать и так же быстро закрыть, что фактически свидетельствует об ориентации мещанства на краткосрочную перспективу экономической активности. Во-вторых, данные источники подтверждают материалы фискально-административного учета – большинство мещан занималось перепродажей в своих торговых заведениях продуктов питания и непродовольственных товаров, которые закупались у состоятельных купцов и крестьянства ближайших к городу селений.

Рассматривая динамику изменения численности различных форм торговых заведений мещан, следует обратить внимание на существенный рост их количества (почти в 5 раз) с 1864 г. по 1892 г. Подобный резкий рост численности заведений отчасти объясним более жестким контролем со стороны государства за предприятиями и, соответственно, их более качественным учетом. Однако стоит обратить внимание на то, что доля «мещанских» торговых заведений в общей массе городских предприятий Тулы за вторую половину XIX столетия практически не изменилась (с 37,2 % до 42,4 %). Опираясь на эти и вышеизложенные данные, возможно сделать несколько выводов: во-первых, предпринимательская деятельность становилась основной для все более широкого круга мещан; во-вторых, сохранение практически неизменной доли в % «мещанских» предприятий явилось следствием более активного проникновения в города их конкурентов – крестьян (но несмотря на количественный рост крестьянских торговых заведений их массовая доля в % аналогичным образом изменялась медленно [5]).

Важным показателем развития мещанского предпринимательства следует признать способы управления торговыми заведениями (таблица 2). Этот критерий позволяет установить степень развитости наемного труда в торговле. Количественные данные таблицы 2 однозначно свидетельствуют о самостоятельной занятости мещан: собственник – торговец. Это справедливо относительно самых крупных предприятий (амбаров, складов, магазинов) и самых мелких (рундуков, палаток), причем безотносительно «женские» это торговые заведения или «мужские». Аналогичные модели управления своими заведениями в уездах и уездных городах Тульской губернии в 1860 – 1870 гг. установила И. Н. Лобачева [41].

Однако стоит обратить внимание на организацию лавочной торговли: практически в равной степени мещане-собственники прибегали к помощи родственников и наемных приказчиков. Но семейный подряд и наемный труд в большинстве случаев привлекался только при относительно широком развитии предпринимательской деятельности, наличии у владельца нескольких торговых заведений. К примеру, в 1880 г. в Туле мещанин Козьма Иванович Вышегородцев владел 2 лавками, в одной из которых трудился сам, в другой – приказчик. Таким же образом поступил и Петр Иванович Копанев – владелец 3 лавок, в одной трудился сам, во вторую направил сына, а третью доверил приказчику.

Те же представители мещанского сословия, кто располагал средствами, старались вложить их в предприятия различных сфер (диверсифицировать капиталы), с целью максимизации прибыли и сокращения рисков потери капиталов. Так в 1880 г. поступил Семен Никифорович Новиков, содержавший лавку по купеческому свидетельству, постоялый двор по свидетельству на мелочный торг и еще одну лавку при дворе по билету на мелочный торг. При этом в самой крупной лавке распоряжался самостоятельно, в постоялом дворе с приказчиком, а в мелкую лавку посадил сына. Пример Семёна Никифоровича отображает еще одно важное явление в среде предпринимателей – при наличии капитала организовать предприятия различных сфер: предприятия торговли и сферы услуг или торговое предприятие и промышленное

заведение. Аналогичным путем развивалось и женское предпринимательство. Так, в том же 1880 г. мещанка Пелагея Родионовна Коньшина владела питейным домом и двумя лавками, причем питейным домом заведовала сама, одну лавку доверила сыну, а вторую приказчику. Однако скорее всего, состоятельные мещанки просто сохраняли ту модель организации бизнеса, что получали в наследство от своих мужей, поддерживали ее функционирование.

Таблица 2

**Способы управления «мещанскими» торговыми заведениями
в губернском городе Тула во второй половине XIX в.**

Формы торговых заведений	Способы управления заведениями	Торговые заведения в собственности мещан (м – мужчин; ж – женщин)											
		1864 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.		1892 г.	
		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
рундук	самостоятельно	-	-	-	5	-	-	1	15	3	14	22	40
	с приказчиком	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-
	с родственниками	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
сарай	самостоятельно	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	-
	с приказчиком	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с родственниками	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
палатка	самостоятельно	-	-	47	78	43	51	32	47	33	27	15	23
	с приказчиком	-	-	-	-	9	-	2	1	2	1	-	-
	с родственниками	-	-	-	-	1	-	1	1	-	-	-	-
подвал	самостоятельно	-	-	-	-	2	5	2	2	1	2	2	3
	с приказчиком	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с родственниками	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-
комната для продаж	самостоятельно	-	-	3	-	2	-	-	-	-	-	-	-
	с приказчиком	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-
	с родственниками	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
мелочная лавочка	самостоятельно	10	1	92	21	52	6	105	27	48	24	127	69
	с приказчиком	-	-	22	4	7	6	16	11	2	2	15	11
	с родственниками	-	-	7	7	3	3	13	5	1	2	1	6
лавка	самостоятельно	72	6	80	8	97	27	62	9	145	53	64	17
	с приказчиком	6	-	21	4	31	7	18	3	31	19	19	8
	с родственниками	1	-	10	4	9	3	8	2	5	6	3	1
магазин	самостоятельно	-	-	4	1	1	1	-	1	-	-	-	1
	с приказчиком	-	-	3	-	1	-	2	-	3	-	3	1
	с родственниками	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
амбар	самостоятельно	-	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-
	с приказчиком	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с родственниками	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
лабаз	самостоятельно	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-
	с приказчиком	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с родственниками	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
склад	самостоятельно	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	2
	с приказчиком	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с родственниками	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
лесной склад	самостоятельно	-	-	2	-	-	-	-	-	2	-	-	-
	с приказчиком	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-
	с родственниками	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
продажа дров	самостоятельно	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	1	1
	с приказчиком	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с родственниками	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
угольный двор	самостоятельно	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
	с приказчиком	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с родственниками	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

В начале 1980-х гг. Б. Н. Миронов выдвинул тезис, что по мере своего развития внутренний товарный рынок страны проходит через определенные стадии, причем каждая стадия характеризуется собственной организационной структурой рынка. Так, постепенно наблюдается переход от периодических к стационарным формам торговли, от смешанных к специализированным [43, с. 8]. Многообразие товаров, реализуемых в торговых заведениях мещан второй половины XIX в., фрагментарность описаний этих товаров в источниках затрудняют анализ степени специализации торговли, однако полностью не исключают такой возможности. Имеющиеся данные о товарах, которые продавались в лавках, палатках, складах и иных предприятиях мещан, были формализованы и сведены в три группы: «непродовольственные», «продовольственные» и группа «смешанный набор товаров». Выделение данных групп позволило классифицировать торговые предприятия мещан исходя из их товарной специализации (Таблица 3).

Материалы таблицы 3 позволили выявить тенденции специализации торговых заведений второй половины XIX в. и, вместе с тем, определенные закономерности. Очевидна стопроцентная специализация магазинов, лесных, дровяных и угольных складов – крупных торговых объектов, в то время как иные организационные формы розничной торговли требуют более детального рассмотрения. Во-первых, наиболее специализированными торговыми точками явились наименьшие по своему масштабу торговые предприятия: рундуки, палатки, сараи, подвалы. Данный факт объясним целями организации данных точек мещанами. Большинство самых мелких торговцев города реализовывали продукты собственного рукоделия, домашнего ремесла, подсобного хозяйства или товары, которые были закуплены у крестьян ближайших селений с целью перепродажи (аналогичная характеристика мещанской торговли имеется по городам черноземной полосы центра страны и Сибири [9, с. 42–44; 33, с. 308–310; 44, с. 168–170]). Причем форма торгового заведения иногда демонстрирует корреляцию с характером продаваемых в нем товаров: к примеру, в подвалах (или из них) чаще реализовывали продовольственные товары, что связано с особенностями хранения быстропортящихся продуктов.

Во-вторых, данные таблицы 3 фиксируют разнонаправленные тенденции товарной специализации стационарных торговых заведений – лавок и мелочных лавочек. Характеризуя торговлю из них до начала 1880-х гг., можно утверждать об относительной специализации: доля торговых заведений со смешанным набором товаров минимальна за рассматриваемый период. Однако с середины 1880-х гг. и до конца столетия (в период бурного экономического развития страны) устанавливается стойкая тенденция отхода мещан от профилизации торговой деятельности. Вероятно, это связано со стремлением максимизировать прибыль, реализуя в одном заведении максимально широкий спектр разрешенных к продаже товаров. В данном случае одновременная торговля продовольственными и непродовольственными товарами позволяла минимизировать издержки, обойтись без диверсификации организационных форм торговых предприятий.

Таблица 3

**Специализация торговых заведений мещан в городе Тула
во второй половине XIX в.**

Формы торговых заведений	Характер реализуемых товаров	Торговые заведения в собственности мещан (м – мужчин; ж – женщин)											
		1864 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.		1892 г.	
		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
рундук	непродовольственные	-	-	-	5	-	-	1	13	5	14	22	40
	продовольственные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
	смешанный набор	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
сарай	непродовольственные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	-
	продовольственные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	смешанный набор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
палатка	непродовольственные	-	-	20	45	29	34	9	23	10	4	5	3
	продовольственные	-	-	21	30	20	13	24	15	23	22	10	18
	смешанный набор	-	-	1	3	4	4	2	11	2	1	-	2
подвал	непродовольственные	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	1	-
	продовольственные	-	-	-	-	2	5	2	2	-	2	2	3
	смешанный набор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
комната для продаж	непродовольственные	-	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-
	продовольственные	-	-	1	1	2	-	-	-	-	-	-	-
	смешанный набор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
мелочная лавочка	непродовольственные	4	1	9	2	6	1	5	2	3	3	39	27
	продовольственные	-	-	86	27	28	9	7	2	4	2	64	34
	смешанный набор	6	-	25	3	28	5	122	39	44	23	40	25
лавка	непродовольственные	21	4	53	6	53	8	63	8	67	34	40	11
	продовольственные	13	-	56	8	40	12	20	4	38	15	25	9
	смешанный набор	45	2	2	2	44	17	5	2	76	29	22	6
магазин	непродовольственные	-	-	7	1	2	1	2	1	3	-	3	2
	продовольственные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	смешанный набор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
амбар	непродовольственные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	продовольственные	-	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-
	смешанный набор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
лабаз	непродовольственные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	продовольственные	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-
	смешанный набор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
склад	непродовольственные	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	2
	продовольственные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	смешанный набор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
лесной склад	непродовольственные	-	-	2	-	-	-	-	1	2	1	-	-
	продовольственные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	смешанный набор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
продажа дров	непродовольственные	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	1	1
	продовольственные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	смешанный набор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
угольный двор	непродовольственные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
	продовольственные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	смешанный набор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Детальный анализ массовых исторических источников – фискально-административной документации позволяет сделать ряд выводов относительно форм, масштабов и тенденций развития торгового предпринимательства мещан Тулы во второй половине XIX в. Во-первых, торговые заведения, находившиеся в собственности мещан, составляли относительное большинство торговых предприятий

города (от трети до почти половины предприятий на протяжении рассматриваемого периода). Несмотря на то, что в собственности мещан находились торговые заведения, относящиеся к мелким формам организации стационарной торговли (палатки, подвалы, мелочные лавочки и лавки), они являлись основным элементом системы распределения продуктов питания и непродовольственных товаров непосредственно в самом губернском центре. Во-вторых, динамика изменения численности торговых заведений, а самое главное – стабильное доленое соотношение «мещанских» торговых точек и предприятий, находившихся в собственности иных сословий свидетельствуют о двух тенденциях: растущей вовлеченности слоя мещан с сферу частного торгового предпринимательства и увеличивающейся конкуренции со стороны представителей иных сословий в результате урбанизационных процессов. Однако первую тенденцию следует рассматривать, учитывая выявленные историками социальные процессы в Российской империи второй половины XIX в.: падение привлекательности купеческого звания и ценности принадлежности к гильдейскому купечеству к концу столетия и учитывая «подвижность» мещанской корпорации губернского центра, одновременно вбирающей в себя выходцев из крестьянства и разорившихся купцов. В-третьих, массовые источники фиксируют устойчивое существование единой модели организации и функционирования торговых заведений в мещанской среде: стремление собственников к самостоятельному управлению предприятиями, привлечение родственников или наемных торговых служащих только при условии расширения торговой деятельности, наличии в собственности более одного торгового заведения. Распространившаяся модель хозяйствования базировалась на стремлении минимизировать издержки при организации торговой деятельности: открытие торговых предприятий в собственных жилых домах или в таких формах как рундуки, палатки, подвалы, которые не требовали существенных капиталовложений в недвижимость. Курс на минимизацию издержек и стремление минимизировать риски разорения определили долгое отсутствие специализации торговых предприятий средних масштабов, главным образом, лавок; определили стремление крупных собственников диверсифицировать капиталы путем открытия различных организационных форм торговых заведений, их открытие в совокупности с предприятиями других сфер – промышленности или услуг.

Имеющиеся в распоряжении историков исследования по истории сословных корпораций мещан различных губерний Европейской части России, Сибири и Дальнего Востока позволяют сравнить некоторые аспекты экономической активности представителей мещанства (к примеру, формы торгового предпринимательства, масштабность торговли, отдельные хозяйственные практики). Но более результативным представляется применение предложенной в настоящей статье модели исследования, основанной на применении сведений массовых исторических источников – «Журналов генеральной поверки торговли и промышленных заведений». Объем данных о торговых предприятиях мещан, степень детализации информации источников, их массовый характер делают возможным проведение аналогичных локальных исторических исследований по множеству местностей Российской империи с последующей организацией историко-компаративных изысканий.

Примечания

1. К примеру, историк Н. А. Кораблев на основе Журналов генеральной поверки торговли установил социальный состав предпринимателей в городах и уездах Карелии второй половины XIX – начала XX вв. [36]; уфимский историк М. И. Роднов на их основе провел анализ потребительского рынка Южного Урала [50] и анализ торгово-промышленной деятельности крестьянства в Уфе пореформенного периода [49; 51].

2. Стоит отметить, что архивные исторические источники содержат относительно некоторых торговых предприятий пояснения: «мясная лавка», «гончарная лавка», «магазин одежды». Но с целью анализа эволюции организационных форм торговли, их сопоставления, данные уточнения следует опустить и сконцентрироваться непосредственно на формах стационарной торговли. Однако часть сведений Журналов намеренно не была формализована. В таблицах 1, 2 и 3 настоящего исследования фигурируют «подвалы» и «комнаты для продаж», которые затруднительно отнести к лавкам или мелочным лавочкам. Именно поэтому авторы приняли решение пойти вслед за непосредственными авторами исторических источников, которые намеренно фиксировали особенности внешнего облика торговых заведений, выделяя в одном документе «подвалы», «комнаты для продаж», разделяя «амбары» и «лабазы».

3. Здесь имеется сомнение относительно необходимости разделять лавки и мелочные лавочки. Учитывая механизм составления источников (Журналов) не совсем ясны критерии, которыми руководствовались чиновники Казенной Палаты и торговые депутаты при квалификации торгового заведения в качестве «лавки» или «мелочной лавочки». Тем не менее, авторы настоящего исследования приняли решение сохранить наименования торговых предприятий, указанных современниками.

Список источников и литературы

1. *Абакумова Е. А.* Мещане российской провинции во второй половине XIX – начале XX века (на примере Курской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Абакумова Екатерина Александровна. Курск, 2020. 209 с.
2. *Абрамов Я.* Забытое сословие // Наблюдатель. 1885. № 1. С. 269–303.
3. *Биленко Н. А.* Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений как исторические источники по изучению внутреннего рынка Российской империи второй половины XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 4–9.
4. *Биленко Н. А.* Источнико-ориентированная база данных «Предприниматели Тулы и Тульского уезда второй половины XIX века»: проблемы формирования и возможности использования в исторических исследованиях // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27–29 апреля 2023 г. в 2 т. / отв. ред. А. Н. Дулов, М. Ф. Румянцева. Витебск, 2023. Т. 1. С. 79–81.
5. *Биленко Н. А.* Крестьянское предпринимательство в губернском городе Туле второй половины XIX века: формы, масштабы, тенденции развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4 (48). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/053-008.pdf>.
6. *Биленко Н. А.* Торговая правосубъектность подданных Российской империи во второй половине XIX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XIX вв. : сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф. (Н. Новгород, 28–30 сент. 2017 г.) / ред.-сост. А. И. Раздорский. Н. Новгород, 2018. С. 416–422.
7. *Биленко Н. А.* Торговое предпринимательство женщин в губернском городе Тула второй половины XIX века // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 2 (6). С. 29–44.
8. *Бочагов А. Д.* Наша торговля и промышленность в старину и ныне (исторические очерки): торговля предметами потребления. М.: Ленанд, 2015. 202 с.
9. *Булыгина Д. Ю.* Торгово-промышленное предпринимательство мещан в пореформенный период (на материалах Курской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1-2 (27). С. 41–44.
10. *Галаган А. А.* История предпринимательства российского. От купца до банкира. М.: Ось-89, 1997. 160 с.
11. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21811.
12. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21812.
13. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21813.
14. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21814.
15. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21815.
16. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18137.

17. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18686.
18. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18687.
19. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18688.
20. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19330.
21. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19331.
22. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19332.
23. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19333.
24. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20315.
25. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20323.
26. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20325.
27. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 30319.
28. ГУ ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 15990.
29. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1882. 704 с.
30. *Жеребчиков Д. П.* Мещанское сословие уездного города Моршанска в XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 6 (86). С. 270–274.
31. *Журавлёв С. С., Перепелицын А. В.* Крестьянская торговля в Воронежской губернии в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45, № 4. С. 682–689.
32. *Захарова В. В.* Мещанское сословие пореформенной России : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Захарова Виктория Васильевна. М., 1998. 20 с.
33. *Зеткин С. Н.* Хозяйственная и торгово-экономическая деятельность мещан Мордовского края второй половины XIX – начала XX в. // Регионоведение. 2010. № 4. С. 302–310.
34. *История предпринимательства в России.* Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2000. 575 с.
35. *Кобозева З. М.* Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями» : моногр. Самара: Самарский ун-т, 2013. 610 с.
36. *Кораблев Н. А.* Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX вв. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2011. 269 с.
37. *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 304 с.
38. *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
39. *Лаверычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России (1861 – 1900). М.: Мысль, 1974. 281 с.
40. *Летопись тульского предпринимательства* : кол. моногр. / ред. Ю. В. Иванова, науч. ред. Е. В. Симонова. Тула: Аквариус, 2016. 216 с.
41. *Лобачева И. Н.* Хозяева и управляющие: анализ социального и гендерного состава предпринимателей Тульской губернии в конце 60-х гг. XIX в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. № 1 (5). С. 6–23. URL: http://tula-vestnik.ru/pdf/2021/vipusk_5_31_03_21.pdf.
42. *Меженина О. В.* Торговая деятельность мещан в городах Томской губернии в первой половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4-1 (88). С. 186–192.
43. *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981. 259 с.
44. *Молонова Е. П.* Хозяйственная деятельность мещан уездных городов Забайкалья в пореформенный период // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск, 2017. С. 166–171.
45. *Нифонтов А. С.* Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. 1955. Т. 54. С. 239–250.

46. *Одинцова Л. А.* Хозяйственная деятельность мещан Нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 2 (27). С. 26–33.
47. *Одинцова Л. А.* Эволюция мещанского сословия в системе социально-экономических отношений Нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Одинцова Людмила Александровна. Астрахань, 2011. 208 с.
48. *Рогатко С. А.* История продовольствия России с древнейших времен до 1917 г.: историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи, развитие основных сельскохозяйственных и пищеперерабатывающих отраслей. М.: Русская панорама, 2014. 1024 с.
49. *Роднов М. И.* Переписи торгово-промышленных заведений Уфы в 1860 – 1870-е гг. // История России и Финляндии в современных исследованиях : сб. науч. тр. / науч. ред.: Н. В. Дунаева, С. Г. Кащенко. СПб., 2021. С. 206–214. (Сборники Президентской б-ки. Сер. «Электронный архив»; вып. 6).
50. *Роднов М. И.* Перепись торговых заведений г. Златоуста 1867 года как информационный ресурс изучения потребительского рынка Южного Урала // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2021. № 2. С. 123–136. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/2_2021/rodnov.pdf .
51. *Роднов М. И.* Торгово-промышленная деятельность крестьянства в Уфе (1860 – 1870-е гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2021. № 1. С. 35–43.
52. *Рындзюнский П. Г.* Утверждение капитализма в России. М.: Наука, 1978. 295 с.
53. *Симонова Е. В.* Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. Тула, 2005. 237 с.
54. *Сметанин С. И.* Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России (1800 – 1861) // Исторические записки. 1978. Т. 102. С. 153–182.
55. *Терещенко А. А.* Социально-экономическое развитие провинциального города Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века. Курск, 2003. 145 с.
56. *Ульянова Г. Н.* Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история: ежегодник. 2016. Т. 2014-15. С. 54–82.
57. *Ульянова Г. Н.* Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е гг.: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история: ежегодник. 2017. Т. 2016-17. С. 140–169.
58. *Ульянова Г. Н.* Купчихи, дворянки, магнатки: женщины-предпринимательницы в России XIX века. М.: НЛЮ, 2021. 352 с.
59. *Устюгова О. А.* Социальное положение и общественная деятельность предпринимателей-торговцев на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3. С. 41–47.
60. *Ушаков А. В.* Профессионально-хозяйственная деятельность мещан города Сарапула конца XIX века // Малые и средние города России: прошлое, настоящее и будущее : материалы VI Междунар. Стахеевских чтений. Елабуга, 2013. С. 145–149.
61. *Чутчев В. С.* Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Чутчев Вадим Сергеевич. Барнаул, 2004. 268 с.
62. *Щепкин М. П.* Бюджеты трех московских сословий: купеческого, мещанского, ремесленного. М.: тип. Грачева и К^о, 1865. 68 с.
63. *Яковлева Т. Г.* Торговля по правилам и без: Власть и торговцы в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 462 с.

References

1. Abakumova, E A 2020, Meshchane rossiyskoy provintsii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na primere Kurskoy gubernii) (Lower middle class people of the Russian provinces in the second half of the 19th - early 20th century (on the example of Kursk province)), PhD thesis, Kursk. (In Russ.)

2. Abramov, Ya 1885, 'Zabytoye sosloviye' (The forgotten class), *Nablyudatel*, no. 1, pp. 269–303. (In Russ.)
3. Bilenko, NA 2018, 'Zhurnaly general'noy poverki trgovli i promyshlennykh zavedeniy kak istoricheskiye istochniki po izucheniyu vnutrennego rynka Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX veka' (Journals of general check of trade and industrial institutions in Tula governorate as the historical sources on studying the domestic market of the Russian Empire in the 2nd half of XIX century), *Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities*, no. 1, pp. 4–9. (In Russ.)
4. Bilenko, NA 2023, 'Istochniko-oriyentirovannaya baza dannykh "Predprinimateli Tuly i Tul'skogo uyezda vtoroy poloviny XIX veka": problemy formirovaniya i vozmozhnosti ispolzovaniya v istoricheskikh issledovaniyakh' (Source-oriented database "Entrepreneurs of Tula and Tula uyezd of the second half of the 19th century": problems of formation and possibilities of use in historical research), *Aktualnyye problemy istochnikovedeniya : materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. Konf.* (Actual Problems of Source Studies : Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conf.), vol. 1., eds. A. N. Dulov, M. F. Rumyantseva, 27–29 April, Vitebsk, pp. 79–81. (In Russ.)
5. Bilenko, NA 2018, 'Krestyanskoye predprinimatelstvo v gubernskom gorode Tule vtoroy poloviny XIX veka: formy, masshtaby, tendentsii razvitiya' (Peasant entrepreneurship in the provincial city of Tula in the second half of the 19th century: forms, scales, development trends), *Uchenyye zapiski*, no. 4 (48), <http://scientific-notes.ru/pdf/053-008.pdf> (In Russ.)
6. Bilenko, NA 2018, 'Torgovaya pravosubyektnost' poddannyykh Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX v.' (Commercial legal personality of the subjects of the Russian Empire in the second half of the 19th century.), *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii v XVI–XIX vv. : sb. materialov Chetvertoy mezhdunar. nauch. konf.* (Trade, merchants and customs affairs in Russia in the 16th -19th centuries. Collection of materials of the Fourth International Scientific Conference), ed. A. I. Razdorskiy, 28–30 September, Nizhny Novgorod, pp. 416–422. (In Russ.)
7. Bilenko, NA 2021, 'Torgovoye predprinimatelstvo zhenshchin v gubernskom gorode Tula vtoroy poloviny XIX veka' (Women's commercial entrepreneurship in Tula in the second half of the 19th century), *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, no. 2 (6), pp. 29–44. (In Russ.)
8. Bochagov, AD 2015, *Nasha torgovlya i promyshlennost' v starinu i nyne (istoricheskiye ocherki): torgovlya predmetami potrebleniya* (Trade and industry in our country anciently and nowadays (historical sketches): trade in consumer goods), Lenand publ, Moscow. (In Russ.)
9. Bulygina, DYu 2013, 'Torgovo-promyshlennoye predprinimatelstvo meshchan v poreformen-nyy period (na materialakh Kurskoy gubernii)' (Commercial and industrial entrepreneurship of lower middle class during post-reform period (by materials of Kursk province)), *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 1-2 (27), pp. 41–44. (In Russ.)
10. Galagan, AA 1997, *Istoriya predprinimatelstva rossiyskogo. Ot kuptsa do bankira* (History of Russian entrepreneurship. From merchant to banker), Os'-89 publ, Moscow. (In Russ.)
11. *Gosudarstvennoye uchrezhdeniye "Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti" (GU GATO)*. (State Archive of the Tula Region), fund 118, inventory 1, volume 11, file. 21811. (In Russ.)
12. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 11, file 21812. (In Russ.)
13. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 11, file 21813. (In Russ.)
14. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 11, file 21814. (In Russ.)
15. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 11, file 21815. (In Russ.)
16. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 8, file 18137. (In Russ.)
17. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 8, file 18686. (In Russ.)
18. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 8, file 18687. (In Russ.)
19. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 8, file 18688. (In Russ.)
20. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 9, file 19330. (In Russ.)
21. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 9, file 19331. (In Russ.)
22. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 9, file 19332. (In Russ.)
23. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 9, file 19333. (In Russ.)

24. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 9, file 20315. (In Russ.)
25. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 9, file 20323. (In Russ.)
26. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 9, file 20325. (In Russ.)
27. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, volume 9, file 30319. (In Russ.)
28. *GU GATO*, fund 518, inventory 1, volume 5, file 15990. (In Russ.)
29. Dal, VI 1882, *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka. V 4 t.* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols), Izd. M. O. Vol'fa publ, St. Petersburg, Moscow. (In Russ.)
30. Zherebchikov, DP 2010, 'Meshchanskoye sosloviye uyezdnogo goroda Morshanska v XIX v.' (Petit bourgeois of district town Morshansk in 19th century), *Tambov University Review. Series: Humanities*, no. 6 (86), pp. 270–274. (In Russ.)
31. Zhuravlov, SS & Perepelitsyn, AV 2018, 'Krest'yanskaya trgovlya v Voronezhskoy gubernii v poreformenny period (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)' (Peasant's trade in Voronezh province in the post-reform period (second half of 19th - beginning of 20th century)), *Via in tempore. History and political science*, vol. 45, no. 4, pp. 682–689. (In Russ.)
32. Zakharova, VV 1998, *Meshchanskoye sosloviye poreformennoy Rossii* (The bourgeoisie in post-reform Russia), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
33. Zetkin, SN 2010, 'Khozyaystvennaya i trgovno-ekonomicheskaya deyatel'nost' meshchan Mordovskogo kraia vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.' (Business and trade and economic activities of the Mordovia Krai bourgeoisie in the second half of the 19th - beginning of the 20th centuries), *Russian Journal of Regional Studies*, no.4, pp. 302–310. (In Russ.)
34. 'Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka' (Second half of the 19th – beginning of the 20th centuries) 2000, *Istoriya predprinimatelstva v Rossii* (History of entrepreneurship in Russia), vol. 2, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
35. Kobozeva, ZM 2013, *Meshchanskoye sosloviye g. Samary v prostranstve vlasti i povsednevnosti (vtoraya polovina XIX – XX v.)*, ili Rasskaz o 'dushe s povinnostyami' (Bourgeois estate of Samara in space of the power and daily life (the second half of 19th -the beginning of the 20th centuries), or the Story about "Soul with duties"), Samarskiy un-t publ, Samara. (In Russ.)
36. Korablev, NA 2011, *Predprinimatelstvo v Karelii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* (Entrepreneurship in Karelia in the second half of the 19th - early 20th centuries), Karel. nauch. tsentr RAN publ, Petrozavodsk. (In Russ.)
37. Korelin, AP 1979, *Dvoryanstvo v poreformennoy Rossii 1861–1904 gg.: sostav, chislennost', korporativnaya organizatsiya* (The nobility in post-reform Russia 1861-1904: composition, numbers, corporate organisation), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
38. Koshman, LV 2008, *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: sotsial'nyye i kul'turnyye aspekty* (The city and urban life in Russia of the 19th century: social and cultural aspects), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
39. Laverychev, VYa 1974, *Krupnaya burzhuaziya v poreformennoy Rossii (1861 – 1900)* (Large bourgeoisie in post-reform Russia (1861-1900)), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
40. Ivanova, YuV & Simonova, EV (eds.) 2016, *Letopis' tul'skogo predprinimatelstva* (Annals of Tula entrepreneurship), Akvarius publ, Tula. (In Russ.)
41. Lobacheva, IN 2021, 'Khozyayeva i upravlyayushchiye: analiz sotsial'nogo i gendernogo sostava predprinimateley Tul'skoy gubernii v kontse 60-kh gg. XIX v.' (Owners and stewards: analysis of social and gender composition of the enterpreneurs of the Tula province of the late 60s of the 19th century), *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, no. 1 (5), pp. 6–23, http://tula-vestnik.ru/pdf/2021/vipusk_5_31_03_21.pdf (In Russ.)
42. Mezhenina, OV 2015, 'Torgovaya deyatel'nost' meshchan v gorodakh Tomskoy gubernii v pervoy polovine XIX v.' (Trading Activity of Burghers in the Cities of the Tomsk Province in the First Half of the 19th Century), *Izvestiya of Altai State University*, no. 4-1 (88), pp. 186–192. (In Russ.)
43. Mironov, BN 1981, *Vnutrenniy rynek Rossii vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX v.* (Russian domestic market in the second half of the 18th - first half of the 19th century), Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)
44. Molonova, EP 2017, 'Khozyaystvennaya deyatel'nost' meshchan uyezdneykh gorodov Zabaykal'ya v poreformenny period' (Post-reform Transbaikal Region provincial towns petty

- bourgeois economic activities), *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik: 2017*, Irkutsk, pp. 166–171. (In Russ.)
45. Nifontov, AS 1955, 'Formirovaniye klassov burzhuaznogo obshchestva v russkom gorode vtoroy poloviny XIX v.' (Formation of classes of bourgeois society in the Russian city of the second half of the 19th century), *Istoricheskiye zapiski*, vol. 54, pp. 239–250. (In Russ.)
 46. Odintsova, LA 2011, 'Khozyaystvennaya deyatel'nost' meshchan Nizhnego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.' (Economic activity of the bourgeoisie of the Lower Volga region in the second half of the 19th - early 20th centuries.), *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 2 (27), pp. 26–33. (In Russ.)
 47. Odintsova, LA 2011, Evolyutsiya meshchanskogo sosloviya v sisteme sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniy Nizhnego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (Evolution of the bourgeoisie in the system of socio-economic relations of the Lower Volga region in the second half of the XIX - early XX centuries), PhD thesis, Astrakhan. (In Russ.)
 48. Rogatko, SA 2014, *Istoriya prodovol'stviya Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 g.: istoriko-ekonomicheskii vzglyad na agropromyshlennoye razvitiye Rossiyskoy imperii, razvitiye osnovnykh sel'skokhozyaystvennykh i pishchepererabatyvayushchikh otrasley* (History of Food in Russia from Ancient Times to 1917: Historical and Economic View of the Agro-Industrial Development of the Russian Empire, Development of the Main Agricultural and Food Processing Industries), Russkaya panorama publ, Moscow. (In Russ.)
 49. Rodnov, MI 2021, 'Perepisi torgovo-promyshlennykh zavedeniy Ufy v 1860 – 1870-ye gg.' (Census of commercial and industrial establishments in Ufa in 1860-1870s.), *Istoriya Rossii i Finlyandii v sovremennykh issledovaniyakh* (History of Russia and Finland in modern studies), no.6, eds. N. V. Dunayeva, S. G. Kashchenko, St.Petersburg, pp. 206–214. (In Russ.)
 50. Rodnov, MI 2021, 'Perepis torgovykh zavedeniy g. Zlatoust 1867 goda kak informatsionnyy resurs izucheniya potrebitel'skogo rynka Yuzhnogo Urala' (The 1867 census of Zlatoust commercial establishments as an information resource for studying the consumer market of the Southern Urals), "*Magistra Vitae*": *Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*, no. 2, pp. 123–136, https://magistravitaejournal.ru/images/2_2021/rodnov.pdf (In Russ.)
 51. Rodnov, MI 2021, 'Torgovo-promyshlennaya deyatel'nost krestyanstva v Ufe (1860 – 1870-ye gg.)' (Trade and industrial activity of the peasantry in Ufa (1860 – 1870s)), *The agrarian history of Eastern Europe yearbook*, no. 1, pp. 35–43. (In Russ.)
 52. Ryndzyunskiy, PG 1978, *Utverzhdeniye kapitalizma v Rossii* (The establishment of capitalism in Russia), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 53. Simonova, EV 2005, *Provintsialnyye goroda Tul'skoy gubernii v XIX veke* (Provincial towns of Tula province in the 19th century), Tula. (In Russ.)
 54. Smetanin, SI 1978, 'Razlozheniye sosloviy i formirovaniye klassovoy struktury gorodskogo naseleniya Rossii (1800 – 1861)' (Decomposition of estates and formation of the class structure of the urban population of Russia (1800 – 1861)), *Istoricheskiye zapiski*, vol. 102, pp. 153–182. (In Russ.)
 55. Tereshchenko, AA 2003, Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye provintsial'nogo goroda Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (Socio-economic development of the provincial city of the Central Black Earth Region in the second half of the 19th - early 20th century), Kursk. (In Russ.)
 56. Ulyanova, GN 2016, 'Zhenshchiny-predprinimateli Peterburga i Moskvy v 1860-ye gody (po «Spravochnym knigam o litsakh, poluchivshikh kupecheskiye svidetel'stva»)' (Women entrepreneurs of St. Petersburg and Moscow in the 1860s (according to "Reference books on persons who received merchant certificates")), *Ekonomicheskaya istoriya*, vol. 2014-15, pp. 54–82. (In Russ.)
 57. Ulyanova, GN 2017, 'Zhenshchiny-predprinimateli Rossiyskoy imperii v 1890-ye gg.: ekonomicheskaya deyatel'nost', sotsiobiograficheskiye i etnicheskiye parametry' (Women entrepreneurs of the Russian Empire in the 1890s: economic activity, sociobiographical and ethnic parameters), *Ekonomicheskaya istoriya*, vol. 2016-17, pp. 140–169. (In Russ.)
 58. Ulyanova, GN 2021, *Kupchikhi, dvoryanki, magnatki: zhenshchiny-predprinimatel'nitsy v Rossii XIX veka* (Kupchikha, noblewomen, tycoons: women entrepreneurs in 19th century Russia), NLO publ, Moscow. (In Russ.)

59. Ustyugova, OA 2010, 'Sotsial'noye polozheniye i obshchestvennaya deyatelnost' predprinimateley-torgovtsev na yuge Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroy polovine XIX v.' (Social status and social activities of businessmen-traders in the south of the Russian Far East in the second half of the XIX century), *Otkumena. Regional Researches*, no. 3, pp. 41–47. (In Russ.)
60. Ushakov, AV 2013, 'Professional'no-khozyaystvennaya deyatelnost' meshchan goroda Sarapula kontsa XIX veka' (Professional and economic activity of the bourgeoisie of Sarapul at the end of the XIX century), *Malyye i sredniye goroda Rossii: proshloye, nastoyashcheye i budushcheye : materialy VI Mezhdunar. Stakheevskikh chteniy* (Small and medium-sized cities of Russia: past, present and future : materials of the VI Intern. Stakheev readings), Yelabuga, pp. 145–149. (In Russ.)
61. Chutchev, VS 2004, *Meshchanskoye sosloviye Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* (The bourgeoisie of Western Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries), PhD thesis, Barnaul. (In Russ.)
62. Shchepkin, MP 1865, *Byudzhety trekh moskovskikh sosloviy: kupecheskogo, meshchanskogo, remeslennogo* (Budgets of the three Moscow estates: merchant, petty bourgeoisie, and craftsmen), tip. Gracheva i Ko publ, Moscow. (In Russ.)
63. Yakovleva, TG 2021, *Torgovlya po pravilam i bez: Vlast' i torgovtsy v Yeniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* (Trade according to the rules and without: Power and traders in Yenisei province in the second half of the 19th - early 20th century), Izd-vo Yevrop. un-ta v Sankt-Peterburge publ, St. Petersburg. (In Russ.)

Вклад авторов:

Биленко Н. А. – идея, методология, сбор и анализ научной литературы, подбор исторических источников, написание текста, научное редактирование текста.

Алексеев И. В. – подбор исторических источников, сбор и анализ научной литературы, написание текста.

Contribution of the authors:

Nikita A. Bilenko – the idea, methodology, collection and analysis of scientific literature, selection of historical sources, writing of the text, scientific editing of the text.

Igor V. Alekseev – selection of historical sources, collection and analysis of scientific literature, writing of the text.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2023
Одобрена после рецензирования: 19.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 17.11.2023
Approved after reviewing: 19.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Научная статья

УДК 94 (470) «1941–1945»

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-61-77>

НОРМИРОВАННАЯ СИСТЕМА СНАБЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ И ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

**Илья Сергеевич
Тряхов**

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Владимир, Россия, ilja.tryahoff@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6488-5205>

Аннотация. Обеспечение граждан минимальным количеством продовольствия, необходимого для выживания в годы Великой Отечественной войны, – важная исследовательская задача. По многочисленным тыловым регионам СССР по сей день данная тема изучена не в полной мере. Система нормированного снабжения населения долгое время рассматривалась отечественной историографией как наиболее удачный способ решения продовольственного вопроса в условиях дефицита продуктов питания. Владимирская и Ивановская области относились традиционно к потребляющим регионам страны, а потому централизованное распределение продовольствия было особенно важно для местного населения. Для написания исследования были использованы партийные документы региональных архивов означенных регионов, а также источники личного происхождения, однозначно указывающие на продовольственный вопрос как основную проблему всех граждан, переживших войну. В статье осуществлена попытка выявить значение карточного снабжения для городских жителей обоих регионов в годы военного лихолетья, а также проследить динамику получаемого гражданами данным способом продовольствия. Выявлены основные продукты, которые полагались людям по нормированной системе снабжения. Показаны основные нарушения в ходе данного процесса, а также их влияние на местное население. В частности, в документах местных горкомов и райкомов сохранилось значительное количество вопросов, которые были заданы в разные годы войны партийным инструкторам и партийным секретарям на собраниях с рабочими и служащими предприятий и учреждений региона. Исследование обозначенной темы позволяет в очередной раз не только констатировать остроту продовольственной проблемы, но и на примере изученных регионов подтверждает изъядны сложившейся в годы войны карточной системы, а также необходимость поиска местным населением и властями альтернативных источников для восполнения рациона.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, продовольственный вопрос, карточное снабжение, дефицит, отоваривание, разбазаривание, продовольственные фонды.

Для цитирования: Тряхов И. С. Нормированная система снабжения населения и ее функционирование в годы Великой Отечественной войны (на примере Ивановской и Владимирской областей) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 61–77. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-61-77>

Сведения об авторе: И. С. Тряхов – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры «история России», Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600024. Россия, Владимирская область, г. Владимир, проспект Строителей, 11.

© Тряхов И. С., 2024

Scientific Article

UDC 94 (470) «1941–1945»

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-61-77>

THE NORMALIZED SUPPLY SYSTEM OF THE POPULATION AND ITS FUNCTIONING DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF THE IVANOVO AND VLADIMIR REGIONS)

Ilya S. Tryakhov

Vladimir State University

named after Alexander and Nikolay Stoletovs

Vladimir, Russia, ilja.tryahoff@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6488-5205>

Abstract. Providing the minimum amount of food necessary for the survival of people during the Great Patriotic War is an important research task that remains unstudied completely to this day in numerous rear regions of the USSR. Russian historiography for a long time considered the rationed supply system as the most successful way to solve the food issue in conditions of food shortages. The Vladimir and Ivanovo regions were traditionally the consuming regions of the country, and therefore the centralized distribution of food was especially important for the local population. In the course of the research, the author used party documents from the regional archives of the mentioned regions as well as sources of personal origin, which unambiguously point to the food issue as the main problem of all citizens who survived the war. The author identifies the main products that people were entitled to under the rationed supply system and shows the main irregularities in the process, as well as their impact on the local population. In particular, the documents of the local city and district committees contain a considerable number of questions asked in different years of the war to party instructors and party secretaries at meetings with workers and employees of enterprises and institutions in the region. The study of this topic makes it possible once again not only to state the severity of the food problem, but also, using the example of the studied regions, confirms the shortcomings of the card system that developed during the war, as well as the need for the local population and authorities to search for alternative sources to replenish the ration.

Keywords: The Great Patriotic War, the food issue, card supply, shortage, shopping, wastage, food facilities.

For citation: Tryakhov, IS 2024, 'The Normalized Supply System of the Population and its Functioning During the Great Patriotic War (on the Example of the Ivanovo and Vladimir Regions)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 61–77, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-61-77> (in Russ.)

Information about the Author: *Ilya S. Tryakhov* – Associate Professor, PhD in History, Associate Professor of the Department of Russian History, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, 11, Stroiteley Prospekt, Vladimir Region, Vladimir, 600024, Russia.

© Tryakhov I. S., 2024

Введение

Вскоре после начала Великой Отечественной войны в СССР обозначились трудности с обеспечением населения продовольствием и товарами первой необходимости. Советская власть, имевшая большой опыт в централизованном распределении товаров, уже к концу лета 1941 г. стала вводить карточную систему для обеспечения граждан основными продуктами. Теоретически здравая мысль предоставить людям необходимое количество продовольствия по фиксированным ценам наталкивалась на суровую реальность, связанную с человеческим фактором. Это нередко приводило к нарушениям в работе системы нормированного снабжения из-за недостаточного контроля над гражданами, занятыми распределением основных товаров.

Материалы и методы

Продовольственный вопрос в годы Великой Отечественной войны занимает в последние десятилетия видное место в историографии. Если в советский период отечественная историческая наука видела в карточной системе наилучший способ решения распределения ограниченного количества продовольствия и товаров первой необходимости [1; 28], то с рассекречиванием архивных фондов, которое началось в 1990-е гг. и происходит по сей день, историки более критически подходят к данной практике военной эпохи [32; 36; 39; 40]. В то же время некоторые учёные обращают внимание на преимущества нормированной системы снабжения в условиях военного времени [34]. Благодаря всё большей доступности документов из региональных архивов накоплен большой и ценный материал по различным регионам страны [29; 35]. Уже в ближайшей перспективе это приближает отечественных историков к созданию более объективной картины на основе обобщения всех исследовательских материалов.

Территориальные рамки статьи касаются современных Владимирской и Ивановской областей, которые до августа 1944 г. являлись единым регионом. Спецификой исследуемых территорий был их преимущественно «потребляющий» характер, так как области обладали неплохо развитой промышленностью, но одновременно им недоставало плодородных сельскохозяйственных угодий, а также благоприятного климата. Одновременно масштабная мобилизация в Красную армию создавала на селе дефицит аграриев, что приводило к необходимости изыскания дополнительной рабочей силы.

Источниками для исследования темы статьи послужили преимущественно материалы, хранящиеся в государственных архивах Владимирской и Ивановской областей и в основном принадлежащие к их партийной части. Здесь интерес представляли как нормативные акты, через которые можно проследить процесс складывания карточной системы, так и делопроизводственные документы, которые стремились проконтролировать успешность функционирования системы.

Целью статьи является реконструкция процесса функционирования системы нормированного снабжения населения продовольствием и товарами первой необходимости, а также выявление сбоев в данном процессе.

В статье применялся ретроспективный метод исторического исследования для выявления причин и последствий применения нормированной системы снабжения населения, историко-сравнительный метод для отслеживания изменений в этом вопросе в течение военных лет, историко-системный метод для выявления значения карточной системы в решении продовольственной проблемы.

Историко-геополитический подход, используемый в работе, предполагает особое значение продовольственного снабжения в жизни общества и доказывает, что продовольственная безопасность государства имеет в период военного лихолетья определяющее значение по сравнению с экономической эффективностью.

Результаты

Основными нормируемыми продовольственными товарами, помимо хлеба и сахара, были мясо, рыба, растительные и животные жиры, крупа и макаронные изделия [37, с. 49]. Всё население, получающее продукты по карточкам, было поделено на две категории. В первую вошли рабочие военной, нефтяной, металлургической, машиностроительной, химической промышленности, работники электростанций, железнодорожного и морского транспорта и др. Во вторую категорию были включены рабочие и инженерно-технические работники, служащие других отраслей промышленности и все остальные, кто не вошёл в первую категорию. В 1941 г. работникам из первой категории полагалось 800 г хлеба в сутки и 800 г сахара в месяц. В 1942 г. была понижена норма на сахар – теперь его полагалось лишь 400 г в месяц; такое положение сохранялось вплоть до конца войны. В 1943 г. была в свою очередь снижена норма на хлеб – до 600 г. Работники второй категории в 1941 г. получали 600 г хлеба ежемесячно, в 1943 г. эта норма была снижена до 500 г. Разумеется, в реальности нормы выполнялись далеко не всегда, а качество отпускаемых продуктов оставляло желать лучшего [21, л. 72, 101–101 об., 159].

Согласно законодательным установлениям, принятым в военные годы, карточная система действовала в городах, но не в сельской местности. Однако немалая часть рабочих и служащих, занятых на городских предприятиях, проживала поблизости в районных городах. Эти люди ежедневно ездили на работу в городские центры, но далеко не сразу получили возможность отовариваться по карточкам. Уже в 1941 г. Ивановский обком обратился к наркому торговли А. И. Микояну с просьбой выделить дополнительные квоты на карточки городам региона. В частности, для жителей Иваново запрашивалось 5100 карточек, Владимира – 3381, Кинешмы – 2014, Шуи – 3014, Фурманова – 1869, Вичуги – 1186, Вязников – 1343, Александрова – 3200, Коврова – 3570. В общей сложности запрос был сделан на 25677 человек. Все эти талоны должны были быть выданы семьям рабочих, проживавших в сельской местности [22, л. 63]. Помимо этого, обком просил ввести карточки на хлеб и кондитерские изделия в девяти райцентрах: Ильинском, Небылом, Палехе, Селиванове, Кадые, Пестяках, Лухе, Семеновском, Сокольском с населением 34564 человека для рабочих, занятых на государственных и кооперативных предприятиях, и работников советских и партийных организаций [22, л. 64].

В Суздальском районе из-за эвакуированных москвичей возникли трудности с продовольствием уже осенью 1941 г. Незадолго до этого, в августе, фонд муки были снижен на 40 тонн, а в район за несколько месяцев с начала войны прибыло 1600 эвакуированных. Прибытие продолжалось и в дальнейшем. При этом в хлебе нуждалось всё большее количество колхозников, учитывая, что в районе преобладало сельское население. В перспективе это могло привести к голоду. Предшествующие 1939 и 1940 гг. были неурожайными, хотя описываемый район относился к знаменитому Ополью и давал немалое количество продовольствия всему региону. В результате всей этой ситуации секретарь Суздальского райкома Крюков обращался в обком с просьбой о выделении дополнительных 30 тонн муки [3, л. 32].

Неурожай картофеля в 1942 г. подтолкнул руководство Ивановского региона прекратить продажу картофеля через магазины вплоть до особых распоряжений обкома и исполкома; организациям можно было отпускать картофель и овощи только для проверенного контингента рабочих, служащих и только на общественное питание. Несмотря на нехватку картофеля область продолжала его поставки в Красную армию и спецпотребителям. Вследствие этого все сельские столовые (за исключением фабрично-заводских) переводились на снабжение из подсобного хозяйства и децентрализованных заготовок. Кроме того, контингенты, обслуживаемые столовыми, сокращались. Отпуск картофельных блюд в столовых должен был происходить толь-

ко по абонементам или пропускам с отрывом талонов из абонементов и продовольственных карточек на крупу при отпуске [4, л. 139].

Значительную роль в питании населения играли заведения общественного питания. На 1 апреля 1943 г. в области имелось 1112 предприятий общепита, в том числе 3 фабрики-кухни, 752 ресторана и столовых, 357 буфетов, чайных и закусовых. Их большая часть была организована при фабриках, заводах и учреждениях. 229 заведений было при торгах НКГ РСФСР, 145 относились к потребкооперации, 21 – к тресту столовых НКГ РСФСР, 331 – к отделам рабочего снабжения (ОРС) предприятий, 287 – к промышленным предприятиям и учреждениям, 66 принадлежали военным и спецторгам, также имелось 33 железнодорожных буфета. Таким способом по области обслуживалось не менее 430 тыс. человек. Это примерно шестая часть населения Ивановской области. За годы войны сеть столовых выросла на 105 единиц. В то же время количество буфетов и закусовых сократилось со 157 до 15 точек. По данным обкома работникам, занятым тяжёлым физическим трудом, ежедневно отпускалось 32580 вторых обедов [25, л. 4].

По информации о состоянии торговли и общественного питания в области в I квартале 1943 г., направленной в ЦК ВКП(б), было отоварено намного меньше от положенных норм. Из таблицы ниже можно видеть данные по конкретным продуктам.

Таблица 1

**Отоваривание продовольственных фондов
в I квартале 1943 г. [25, л. 6]**

Товары	Квартальный фонд	Выполнено	%
Рыботовары	662	372	56
Масло растительное	412	218	52,8
Масло животное	218	215	95
Мясопродукты	1932	1920	99,8
Сухие грибы	90	90	100
Яйцо (ящичков)	1000	1000	100
Сало	200	199	99,7
Сыр	110	84	84
Соль	5000	100	2
Сахар	767	210	27,3
Кондитерские изделия	1115	358	32,1

Карточная система не в полной мере восполняла потребность в продовольствии ряда категорий населения. Так, студенты проедали свою месячную карточку за 10 – 12 дней, а затем не посещали столовую по половине месяца. Для улучшения питания студентов Ивановский обком ввёл питание с абонементом. После каждого посещения столовой карточки предполагалось отбирать. В тех городах, где не было продкарточек, с IV квартала 1942 г. на студенческое питание из централизованных фондов выделялось в месяц на человека 600 г мяса и рыбы, 100 г жиров и 800 г крупы. Недостающее количество продуктов пытались покрывать за счёт местных ресурсов [25, л. 7]. Для этого использовались подсобные хозяйства предприятий и учреждений, децентрализованные заготовки дикорастущих растений и грибов, а также индивидуальные огороды граждан.

Плохо было организовано питание на предприятиях, не имевших ОРСов. В основном это касалось текстильных фабрик, расположенных в небольших районных городах и в сельской местности. Там работало всего около 78000 человек. В IV квартале 1942 г. для них вообще не выделили централизованные фонды. В I квартале 1943 года этим предприятиям выделили продуктов на 10 дней вместо месячной потребности. При этом все запасы от собственных подсобных хозяйств закончились, и стало нечем кормить рабочих. Таким образом, при карточной системе в худших условиях оказались рабочие и служащие мелких городских, районных предприятий, а также население, снабжаемое потребкооперацией. Для этих групп за всё время войны не выделялось никаких продтоваров. В результате этого Ивановский обком просил секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева выделить на область в мае 1943 г. дополнительные 975 т муки [25, л. 11].

Острой проблемой в годы войны становилось отоваривание карточек. В январе 1943 г. в Иваново карточки были отоварены только на 30 %, а в марте – на 50 %. За февраль по карточкам ничего не выдавалось, кроме крупы и картофеля [25, л. 17]. На III городской партконференции в Муроме в 1945 г. также констатировали слабое отоваривание карточек. Только по хлебу талоны реализовывались на 100 %, по другим продуктам показатели были ниже. Так, по крупе карточки отоваривались лишь на 73 %, по сахару – на 77 %, по промтоварам – на 54,5 % [17, л. 107]. Выдачу продуктов питания населения по карточкам в IV квартале 1941 г. и начале 1942 г. можно видеть из таблицы ниже.

Таблица 2

Положение с отовариванием базами промышленности утверждённых фондов в Ивановской области для выдачи населению по карточкам [17, л. 107]

Товары	4 квартал 1941 г.			с 1 января по 16 февраля 1942 г.		
	план	факт	%	план	факт	%
Рыба, т	985	163	16,3	900	53	5,9
Сельдь	680	161	23,9	1000	57	5,7
Консервы	345	119	34,6	500	64	3,4
Масло животное	605	500	82,6	500	12	2,4
Сыр	103	67	51,3	117	11	9,4
Масло растительное	465	168	36,8	300	226	75,5
Мясо	1930	1920	99,5	850	170	20
Колбасные изделия	1297	1240	95,6	766	232	30,2
Птица	100	100	100	-	-	-
Сахар	2408	2464	102	2100	712	33,9
чай	23	23	100	27	-	-
Кондитерские изделия	2480	386	16,2	1500	338	22,6
Яйцо, ящики	1100	1100	100	-	-	-
Соль	9333	907	8,8	5000	76	1,5
Маргарин	70	70	100	100	20	20

По большинству продуктов было сильное отставание фактических показателей от плановых.

24 ноября 1944 г. райком Суздаля издал постановление «О снабжении учителей, врачей и специалистов сельской местности продовольственными и промышленными товарами». Обращалось внимание на плохое снабжение этой категории

интеллигенции. Так, сахара им полагалось 2,4 кг в месяц, а продано было только 0,9; хозяйственного мыла получено в среднем 0,6 кг вместо положенных 1,6 кг; керосина отпущено по литру вместо 12; из положенных к продаже в сумме 500 рублей промышленных товаров продано на 179 руб. Вину руководство райкома возложило на председателя РПС Вахромеева, не принявшего достаточных мер в деле получения и взыскания нужных фондов промтоваров и продовольствия на снабжение этого контингента людей [5, л. 78].

В I квартале 1943 г. по централизованным фондам область недополучила 574 т мясорыбных товаров, 247 т жиров, 457 т сахара, 1499 т хозяйственного мыла. Эти товары оценивались на общую сумму 7496 тыс. руб. Как отмечается в справке обкома о работе предприятий торговли и общественного питания, за 1943 г. схожее положение было и в других кварталах. В марте 1943 г. Наркомат торговли СССР признал этот разрыв и выделил дополнительно: 165 т мясорыбных товаров, 40 т жиров и 5 т сахара. Разрыв, разумеется, не был перекрыт. Ещё ранее, в 1942 г., по Иваново не были отоварены карточки по мясу–рыбе за февраль, март и – частично – за август, сентябрь, декабрь, по жирам – частично – за август, сентябрь, декабрь; по сахару – части населения – за сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. При этом надо иметь в виду, что для Иваново как крупного промышленного центра снабжение через карточки имело важнейшее значение в силу большого количества проживавших там людей. Из таблицы ниже можно видеть, в какой мере были отоварены продовольственные карточки в областном центре в I квартале 1943 г.

Таблица 3

**Отоваривание продовольственных карточек в Иваново
в I квартале 1943 г. (в %) [26, л. 92].**

Места отоваривания	мясо		крупы		жиры		сахар	
	ян-варь	фев-раль	ян-варь	фев-раль	ян-варь	фев-раль	ян-варь	фев-раль
ОРСы	94,5	48,4	100	55,5	100	44,7	51,5	1,9
Горпищетоорг	48	15,5	100	52,7	28	18	43	2,7
Спецторг	100	57,1	100	79,2	100	78	50	3,8
Военторг	100	31	100	69,5	100	72,8	50	3,5
Трансторгпит	80	34,6	100	82,5	100	76,5	-	1
Гастроном	100	175	100	160	100	237	100	160
Всего	75,8	38,7	100	60,6	56,4	48,1	47,4	6,8

Из таблицы видно, если в январе 1943 г. продуктивное отоваривание по большей части было сравнительно успешным, то уже в феврале показатели в основном резко снизились. В архивных документах есть упоминания о перебоях с отовариванием карточек и в отдельных районах области. Так, в Курловском районе хлеб по карточкам с января до 20 мая 1943 года выдавался с перебоями [26, л. 144].

В 1942 г. область в целом недополучила значительное количество продуктов питания, что, собственно, и приводило к невозможности в полной мере снабдить население продовольствием через талоны. В таблице ниже представлены плановые и фактические показатели отоваривания продовольственных фондов.

Отоваривание фондов товаров по области в 1942 г. [26, л. 92 об.]

Товары	План 1942 г.	Выполнено	%
Рыба	6255	1438	23
Мясо	5634	4737	85,6
Масло животное	2090	1560	74,6
Масло растительное	1215	925	76,1
Сыр	394,2	309	78,3
Сахар	4445	3434	77,2
Кондитерские изделия	5155	2767	53,7
Яйцо	10300	7141	69,3
Консервы	1075	438	40,7
Соль	24250	5300	21,8
Молоко	25523	23277,6	90,9
Хлопчатка	61345	29827,6	48,6
Шерсть	16828	4554,3	27
Лён	4203	2092	49,8
Шёлк	7885	3225,2	40,9
Нитки	2770	947,9	34,2
Платки	1950	865,8	44,3
Чулки–носки	9650	833,4	8,6
Кожаная обувь	13470	8415,3	62,5
Швейные изделия	20750	4821,3	23,2
Трикотаж	19730	5657,7	28,7
Табак–папиросы	44640	21890,5	49
Хозяйственное мыло	13920	10002,1	71,8

Ни один товар не был предоставлен региону в полной мере. В отдельных случаях было распределено вообще менее 30 % от плана.

В важном промышленном центре региона Коврове, выполнявшем стратегические задания фронта в 1941 – 1942 гг., были постоянные перебои в торговле хлебом. Руководство горкома неоднократно предупреждало директора торгового Филиппова и его заместителя Жукова о необходимости ликвидировать в городе перебои в торговле. Длинные многочасовые очереди и прекращение работы части магазинов и ларьков были следствием слабой организации своевременного завоза хлеба по причине отсутствия фургонов. Ни в одном магазине города не было переходящего остатка хлеба на следующий день. При этом на хлебозаводе скопилось более 50 т продукции [8, л. 88]. Поскольку население города составляло 70 тыс. человек, этим хлебом можно было кормить горожан примерно два дня, а срок годности хлебобулочных изделий как раз и составляет обычно 2 – 4 суток.

Труженик тыла Б. Е. Чиркунов вспоминал скудные нормы, положенные ему в годы войны, несмотря на тяжёлый труд и длинные очереди на отоваривание картошек, которые приходилось занимать с ночи [33, с. 285–286]. Похожие воспоминания об очередях отложились и у А. А. Чиркуновой, которая отмечала, что номер в очереди писали на руке [33, с. 288].

24 марта 1945 г. в Александрове состоялось общегородское партийное собрание, на котором констатировалось, что снабжение продовольствием не улучшилось со времени образования Владимирской области. Обыденной практикой была выдача жиров за прошедший квартал в начале следующего. Лучше обычно была ситуация на предприятиях, находившихся на особом положении [14, л. 2].

Закрытые учреждения также требовали колоссального количества продуктов, но значительная часть потребности закрывалась за счёт использования местных ресурсов.

Таблица 5

Справка о потребности картофеля и овощей по закрытым учреждениям Ивановской области на 1943 г. (в тоннах) [26, л. 126]

№	Название организаций	Контингент	Картофель	Овощи
1	Детские сады	70086	2800	1400
2	Детские ясли	44229	1100	880
3	Больницы	10016	1000	625
4	Школьные завтраки	199422	12000	6000
5	Санат. туберк.	1373	165	165
	Всего	325126	17065	9070

Сегодня информация о количестве выданных населению карточек в регионе по всем месяцам войны в архивах не найдена, но по отдельным месяцам она имеется. Это даёт возможность сложить некую динамику в количестве карточек, а также соотнести количество талонов, предназначенных региону в целом и областному центру Иваново в отдельности.

Таблица 6

Количество выданных карточек населению [27, л. 89 об.]

Период / Местность	1 категория	2 категория
Сентябрь 1942 г.		
Всего по области	340466	923699
в т. ч. по Иваново	54090	201508
Январь 1943 г.		
Всего по области	313083	927336
в т.ч. по Иваново	43933	203256

Особые трудности в военное время возникли с сахаром. Они влекли за собой недостаточное производство кондитерских изделий [23, л. 19]. Во втором полугодии 1942 г. сахар в Ивановской области по спискам полагался 1457880 гражданам. Сюда относились весьма разнообразные категории населения. Прежде всего, это были рабочие предприятий особого списка и торфопредприятий в количестве 112572 человека, рабочие первой и второй категории, лесозаготовок и совхозов общей численностью 464116 человек, служащие всех категорий, которых было 82458, иждивенцы рабочих и служащих – 405193 человека, а также дети рабочих и служащих – 393541 ребенок. В сельской местности сахар полагался рабочим промышленных предприятий, таких было 46150 человек, 15190 служащим, 40523 иждивенцам и 60784 детям. Также сюда относились рабочие лесозаготовок, сплава и лесовывозки численностью 33463 человека и сельская интеллигенция – 8369 граждан. Кроме того, регион принял немалое количество эвакуированных, которым также полагался сахар. Сюда относились 37663 взрослых и 28833 ребёнка. Сахар также был положен семьям красноармейцев, таковых было 125324, инвалидам и пенсионерам – 35545 человек, работникам ГУШОСДОР и стройбатов – 12450 человек и пожарной охране НКВД, в

которой служило 409 граждан. Всего по спискам снабжалось 445063 человека, а сахар полагался 1902943 [23, л. 23].

Сахар был необходим закрытым учреждениям. Ими стали больницы, детские ясли и сады, санатории, молочные кухни, дома инвалидов на 140487 человек. Пионерлагерям предполагалось выделять сахар на 417106 человек. Полагался он и учащимся ФЗО и РУ – 13000 человек. В приоритете были и доноры – 50670 человек. Общее количество снабжаемых сахаром через закрытые учреждения составлял 621263 человека [23, л. 24].

Во втором квартале 1942 г. сахаром удалось обеспечить только 11 городов области (Иваново, Владимир, Кинешму, Шую, Фурманов, Вичугу, Вязники, Гусь-Хрустальный, Александров, Ковров, Кольчугино). Если в апреле–мае остальные города и районы могли быть отоварены полностью, то в июне – лишь на 50 %. Только на июнь региону требовались 132 т сахара [24, л. 94]. Нехватка этого продукта заставляла искать заменители для его производства. Например, в этих целях предлагалось перерабатывать «злейший сорняк – лопух» [16, л. 39 об.].

Особенная сложность в годы войны была связана с дефицитом мыла. Например, на I квартал 1943 года его фонд был установлен на 1990 тысяч рублей. Такого количества хватало бы для выдачи 130 граммов мыла на 1 человека в квартал при условии, если не давать мыла детсадам, яслям, больницам и прочим закрытым учреждениям [25, л. 17–17 об.].

Организация карточной системы имела значительные изъяны, в результате чего её рентабельность в определённой степени ставилась под сомнение. Это отразилось во мнениях отдельных граждан, которые разными способами фиксировались НКВД и доходили до местного партийного руководства. Примером может служить информация о том, что в Иваново через магазин «Гастроном» значительная часть хлеба, выделяемого государством, попадает в руки спекулянтов [23, л. 14].

В докладных записках горкомов и райкомов ВКП(б) описаны многочисленные случаи неправильной выдачи карточек, а также регулярное завышение формального положения получающих карточки [24, л. 46–47]. В одной из докладных записок отмечалось, что потеря отдельными лицами карточек была ежемесячной, но заврайторготделом Киселева давала распоряжение о выдаче им талонов снова и снова. При этом зачастую якобы утерянные карточки задерживались у родственников потерявшего. В связи с этим заведующий торговым отделом Ивановского обкома Назарова требовала строго подходить к разбору заявлений по утерянным карточкам и выдавать талоны только в исключительных случаях. Помимо этого, объявлялось о необходимости произвести ревизию на выдачу карточек по всем организациям [24, л. 50].

Хлебозаводы и пекарни областного центра Иваново, согласно докладным запискам инструкторов отдела о работе предприятий и торговли общественного питания, бесконтрольно расходовали хлеб. Своим рабочим хлеб выдавался по коммерческим ценам в размере от 1 до 1,2 кг, другие же лица получали его по запискам. Так, согласно данным одного из партинструкторов, с 1 августа 1941 по 1 февраля 1942 г. через буфет было израсходовано хлеба и хлебобулочных изделий свыше 304 тонн, а также свыше 11 тонн кондитерских изделий, выданных организациям. Практика выдачи хлеба за различные работы также присутствовала [26, л. 43 об.].

Учёт нормированных продуктов вёлся слабо. Так, в Кинешме продукты отпускались без соответствующей документации под предлогом, что они предназначены для больных и командировочных. В Кольчугинском тресте общественного питания за январь 1943 г. было разбазарено продуктов на сумму 6930 рублей. По запискам систематически отпускали мясо, сливочное масло, кондитерские изделия и сахар. Выполненные для треста работы обычно оплачивались продуктами [26, л. 43].

Следствием такой деятельности становилась нехватка хлеба для выдачи по карточкам и очереди в магазинах. Одной из причин такого вольного обращения с талонами был слабый контроль за процессами выдачи и отоваривания карточек со стороны областного и районных партбюро. Только в одном из магазинов города Иваново общая недостача за январь 1942 г. составила 1077 кг хлеба [26, л. 44].

В фонде Ивановского обкома нашлись справки о недостачах и растратах в торговой системе региона. Таблица ниже показывает, как обстояло дело в системе Иво-блпотребсоюза.

Таблица 7

Справка о недостачах и растратах по системе Ивоблпотребсоюза в 1940 – 1943 гг. [26, л. 143]

Наименование	1940 г.	1941 г.	1942 г.	В 1-м полугодии 1943 г.
Выявлено растрат за отчётный период в розничных ценах в т. р.	792	1167	441	153
% к обороту	0,15	0,2	0,13	0,07
Списано на убыток	641	392	285	49
Количество случаев недостач, хищений и растрат	938	1097	426	82

Для борьбы с нарушениями в сфере торговли и распределения проводились проверки со стороны обкома. Крупнейшая проверка реализовывалась в 1943 г. Всего было проверено 956 торговых точек из 1233. В результате этого было обнаружено 58 нарушений, связанных с расходом товаров, на 121 предприятии вскрыто 185 случаев обмериваний, обвешиваний и обсчётов [26, л. 179].

В представленной ниже таблице дана справка, показывающая количество израсходованных с нарушением товаров за проверочный период. В таблице речь идёт только о вскрытых нарушениях, в реальности же их было больше. Точные данные уже не будут известны.

Бороться с нарушениями в системе торговли предлагалось внимательным подбором кадров, что было особенно важно в условиях военного времени [26, л. 46]. Система карточного снабжения с доступом определённых лиц к распределению и отовариванию карточек неизбежно приводила к многочисленным нарушениям. Значительная часть этих нарушений была зафиксирована, а лица, участвовавшие в незаконных действиях, были осуждены.

К нарушениям относилось скрывание от покупателей одежды в магазинах. Такие факты были зафиксированы со стороны продавцов и завмагов в Шуе [26, л. 42 об.]. Завмаг № 48 в Шуе на своей квартире обменивал водку на сахар. Отдельные работники торговли незаконно бронировали для себя продовольственные фонды. Такие эпизоды имели место в Шуе со стороны завмагов № 45 Крыгина, № 20 Шабалкина, № 93 Корочкина. Схожие факты отмечались и в районном центре Родники [26, л. 42 об.–43].

На X городской партконференции во Владимире, проходившей 13 – 14 июля 1942 г., милицию и прокуратуру обвиняли в слабой борьбе с хищениями в сфере торговли, отсутствии профилактики в этой сфере и снисходительное отношение к спекулянтам [2, л. 94].

**Справка о количестве израсходованных товаров, сырья
с нарушением установленных законом положений по области
с 1 марта по 1 сентября 1943 г. [26, л. 179]**

№	Наименование	Единица измерения	Количество
1	Хлеб	кг	17912
2	Мука		6868
3	Мясо–рыба		2453
4	Все заменители мяса–рыбы		426
5	Жиры		516
6	Крупа и макаронные изделия		3135
7	Сахар и кондитерские изделия		1023
8	Соль		7738
9	Картофель		20276
10	Ткани	метр	3925
11	Готовое платье	шт.	40
12	Бельё		300
13	Трикотаж		65
14	Обувь	пары	276
15	Мыло разное	кг	364

В Вязниках некоей гражданке Блюдовой в магазине № 2 отпустили мыло по справке эвакуированной, на которую та не имела права [20, л. 3]. На одном из заседаний Вязниковского горкома ВКП(б) отмечалось, что продукция ширпотреба разбазаривалась не по назначению. Из 3473 кг мыла продано в организации только 100 кг, остальное распродано без учёта [18, л. 94].

В Муроме имелись нарушения в отпуске сухого пайка из магазина столовой завода «Станкопатрон» под предлогом командировок. Проверяющий отмечал, что директор завода, главный инженер и начальник ОРСа считают себя полными хозяевами в вопросе отпуска еды [15, л. 20].

В Александровском районе глава пригородного совхоза П. М. Акимов незаконно получал хлебные и продуктовые карточки на членов семьи – детей, которые проживали в сельской местности с его первой женой. Последняя являлась членом колхоза. Акимов утверждал, что получил на это устное разрешение заведующего карточным бюро Казанской в сентябре 1941 г. [10, л. 156–157]. К самой руководительнице было немало претензий. Осенью 1942 г. её обвиняли в халатном отношении к исполнению служебных обязанностей по выдаче хлебных и продовольственных карточек. За июль–сентябрь 1942 г. было переполучено 665 хлебных карточек на 9759 кг хлеба. Излишки в карточное бюро сданы не были. В результате этого чиновницу сняли с работы и объявили выговор с занесением в учётную карточку [11, л. 183].

В 1943 г. фронтовик Шишков, находившийся временно в родном Александрове, жаловался в Ивановский обком на махинации местных работников горкома и служащих, занятых в системе продовольственного снабжения. Он писал, что зав. торговле Казанская и директор торгового Бреханов брали сами и отпускали по запискам своим друзьям и знакомым остродефицитные продукты питания, сливочное масло, муку, сахар, конфеты, тогда как они предназначены для детских учреждений. В письме Шишков отмечал, что это можно установить по запискам. Сообщал фронтовик и о пьянках, в которых участвовали как указанные граждане, так и другие ответственные лица. Наибольшее возмущение жалобщика вызвал отказ в помощи сво-

ей 70-летней теще, у которой все ближайшие родственники были на фронте. Местные руководители при проверке инициированной властями региона фактов, нарушений, разумеется, не нашли [12, л. 14].

На фабрике «Искождеталь» бывший заведующий отделом кадров Грязнова выписывала лишние хлебные карточки на несуществующих на фабрике рабочих и раздавала последние без учёта разным лицам. В результате было разбазарено более 11 т хлеба. Женщина была арестована, велось следствие [13, л. 4 об.].

В Александровском торге была ликвидирована группа, возглавляемая завмагазином № 11 Кулагиной и завмагазином № 3 Архиповой. Они уничтожали хлебные талоны на нереализованный хлеб, а саму продукцию раздавали участникам своей группы. Те перепродавали хлеб. В ходе обысков у Кулагиной были найдены талоны на 2196 кг хлеба и на 102 кг сахара. У Архиповой нашли талоны на 100 кг хлеба, а также обнаружили 100 метров шелковой и шерстяной материи и 10667 рублей [13, 4 об.]. По этому поводу велось следствие, часть подозреваемых была арестована, другие же были под подпиской о невыезде. При этом среди арестованных и осуждённых были кандидаты и члены партии, что и позволяло вора́м действовать долгое время безнаказанно [13, л. 5].

В Коврове со стороны торго́в и Трансторгпита не вёлся контроль над продавцами и заведующими магазинами за правильной вырезкой талонов на сахар, масло и др. продукты. В магазине № 7 при подсчете талонов оказалось: в хлебные талоны на 800 грамм было вложено 26 талонов на 400 г, в талонах на сахар были обнаружены хлебные талоны. Такие действия способствовали как заведующим магазинами, так и продавцам злоупотреблять своим положением. Отрезанные талоны в магазинах в установленный срок торго́в и Трансторгпитом не реализовывались и не уничтожались. Это позволяло незаконно отоваривать дефицитные продукты и затем сбывать их на чёрном рынке [6, л. 236]. Только в июне 1943 г. жители Коврова задали на различных собраниях 635 вопросов. Самыми частотными из них были вопросы о малом количестве выдаваемой соли, отоваривании промтоварных карточек, а также о выдаче мыла. Недоумение многих вызывало неравенство в выдаче продовольствия детям рабочих и служащих [7, л. 55].

Таким образом, нарушения в карточной системе снабжения были достаточно хорошо известны местным властям и рождали с их стороны справедливую критику правоохранительных органов и ответственных работников торговли. В то же время в ряде выявленных милицией и прокуратурой махинаций было задействовано местное руководство. Подробнее такие эпизоды рассматривались нами в других исследованиях.

Недостатки карточной системы весьма прозрачно характеризуют вопросы, задаваемые партийным инструкторам и членам обкома, горкомов и райкомов на различных городских и заводских собраниях рабочих и служащих.

В Вязниках в 1943 г. работники фабрики «Парижская коммуна» задавали вопросы: «Почему фабричный магазин работает в одну смену, а продавцы не дают сдачу?», «Почему не полностью отовариваются сахарные карточки?» и «Почему снизили в столовой норму картошки (с 250 до 150 г)?». Сотрудников занимал вопрос, когда для молодёжи, не достигшей 17 лет, будет организовано трёхразовое питание, и когда их обеспечат спецодеждой [19, л. 86 об.]. Все эти вопросы волновали трудящихся в разных городах региона на протяжении всей войны.

В 1944 г. Гусь-Хрустальный посетил первый секретарь обкома Г. Пальцев. На городском собрании рабочих и служащих ему было задано огромное количество вопросов. Самые важные так или иначе были связаны с продовольствием и карточной системой. Так, работники завода № 802, пожарной охраны и торговле интересовались возможностью увеличить нормы выдачи хлеба до показателей первых воен-

ных месяцев, вопрошали по поводу отсутствия круп и макарон, несмотря на наличие карточек, были недовольны обеспечением обувью и одеждой. Сотрудники торгового отдела указывали на нерациональность отпуска промышленных и продовольственных товаров облторготделом, выделявшим их не в начале, а в середине квартала. Представители госпиталя № 1896 и стеклозавода имени Дзержинского были недовольны неотovarиванием промышленных и продовольственных карточек, а также выдаче лишь 250 г сахара вместо положенных 500 г, да и тот выдавался не весь год. Задержка сухих пайков также была распространённым явлением, судя по заданным Г. Пальцеву вопросам. Текстильщики с фабрики «Красный профинтерн» спрашивали, ставился ли вопрос перед правительством о выдаче работникам их отрасли жировых карточек, а также интересовались перспективами изменений в лучшую сторону к концу войны и надеялись на увеличение нормы хлеба. Схожие надежды питали рабочие и служащие других предприятий города. Отмена карточек на хлеб и другие продукты у немалого количества людей ассоциировалась с возможностью улучшения их повседневной жизни [9, л. 7–8].

Большая часть местного населения проявляла возмущение сложившейся системой снабжения, жаловалась на дискриминацию, по мнению многих нормы устанавливались необоснованно. Кроме того, некоторые категории товаров, полагавшиеся по карточкам, редко отovarивались, но зато имелись на рынке по завышенным ценам. Обычно их попадание на рынок было обусловлено махинациями граждан, связанных с системой торговли и распределения.

Заключение

Исследование обозначенной темы позволяет в очередной раз не только констатировать остроту продовольственной проблемы, но и на примере изученных регионов подтверждает изъёмы сложившейся в годы войны карточной системы, а также необходимость поиска местным населением и властями альтернативных источников для восполнения рациона. Такими источниками могли быть прежде всего подсобные хозяйства предприятий и учреждений, существовавшие с различной степенью эффективности, но к концу войны дававшие более половины продовольствия на многих фабриках и заводах в изучаемых регионах. Иным источником дополнительного снабжения становились индивидуальные огороды граждан, которые с 1942 г. получают широкое распространение. Наконец, в годы войны часть продовольствия удалось получить через децентрализованные заготовки, носившие разнообразный характер. Однако и здесь многое зависело от конкретных районов обоих регионов, так как доступность речной рыбы, дикорастущих ягод и грибов неодинакова в силу природных условий. Большое значение здесь имела и активность местного руководства.

Нормированное снабжение порождало злоупотребления со стороны лиц, занятых в распределении продовольствия, что нередко выявлялось в ходе расследований правоохранительных органов. Причём речь шла о системных нарушениях, которые были характерны для разных районов обоих регионов. Ситуация в этом вопросе усугублялась тем, что Владимирская и Ивановская области не в полной мере удовлетворяли потребности населения в продовольствии и в довоенный период, а война лишь усугубила имевшиеся трудности.

Согласно данным, зафиксированным в партийных документах, именно вопросы о размерах и разнообразии продовольственных пайков, а также справедливости их распределения среди разных категорий населения особенно волновали граждан. По отдельным категориям товаров (сахар, соль, мыло) выдача меньше нормы была постоянной в течение всей войны. Наконец, несмотря на здравую мысль в получении населением некоего минимума продовольствия, нужного для жизни, следует обратить внимание на качество продукции, которое зачастую было очень низким как

по вкусовым характеристикам, так и по калорийности. Всё вышеуказанное в очередной раз подтверждает разрыв между надеждами населения и руководства страны на удачное решение продовольственного вопроса и суровой реальностью военного лихолетья.

Список источников и литературы

1. Волков И. М., Вылцан М. А., Зеленин И. Е. Вопросы продовольственного обеспечения населения СССР (1917 – 1982 гг.) // История СССР. 1983. № 2. С. 3–20.
2. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. П.-100. Оп. 56. Д. 50.
3. ГАВО. Ф. П.-112. Оп. 3. Д. 87.
4. ГАВО. Ф. П.-112. Оп. 3. Д. 101.
5. ГАВО. Ф. П.-112. Оп. 3. Д. 158.
6. ГАВО. Ф. П.-116. Оп. 1. Д. 44.
7. ГАВО. Ф. П.-116. Оп. 1. Д. 113.
8. ГАВО. Ф. П.-116. Оп. 63. Д. 30.
9. ГАВО. Ф. П.-118. Оп. 1. Д. 193.
10. ГАВО. Ф. П.-119. Оп. 3. Д. 95.
11. ГАВО. Ф. П.-119. Оп. 3. Д. 96.
12. ГАВО. Ф. П.-119. Оп. 3. Д. 144.
13. ГАВО. Ф. П.-119. Оп. 3. Д. 150.
14. ГАВО. Ф. П.-119. Оп. 3. Д. 195.
15. ГАВО. Ф. П.-495. Оп. 1. Д. 126.
16. ГАВО. Ф. П.-495. Оп. 5. Д. 10.
17. ГАВО. Ф. П.-495. Оп. 5. Д. 139.
18. ГАВО. Ф. П.-791. Оп. 1. Д. 81.
19. ГАВО. Ф. П.-791. Оп. 1. Д. 87.
20. ГАВО. Ф. П.-791. Оп. 63. Д. 20.
21. ГАВО. Ф. Р.-146. Оп. 1. Д. 1.
22. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П.-327. Оп. 7. Д. 106.
23. ГАИО. Ф. П.-327. Оп. 7. Д. 484.
24. ГАИО. Ф. П.-327. Оп. 7. Д. 648.
25. ГАИО. Ф. П.-327. Оп. 7. Д. 819.
26. ГАИО. Ф. П.-327. Оп. 7. Д. 1006.
27. ГАИО. Ф. П.-327. Оп. 7. Д. 1009.
28. Дихтяр Г. А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. М.: Наука, 1965. 402 с.
29. Кабирова А. Ш. Сороковые-роковые: Татарстан в годы военного лихолетья. Казань: Ин-т ист. им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. 212 с.
30. Комаров В. Е., Чернявский У. Г. Доходы и потребление населения СССР. М.: Наука, 1973. 356 с.
31. Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 231 с.
32. Орлов И. Б. Карточное снабжение в 1941 – 1943 гг.: расчёты и просчёты // Современные проблемы туризма и сервиса. 2010. № 3. С. 36–42.
33. Победители: воспоминания участников Великой Отечественной войны и труженников тыла / сост.: В. И. Титова [и др.]. М.; Владимир: Тип. СК, 2010. 344 с. : ил.
34. Савченко П. В., Блесков Д. А. Государственная система снабжения населения в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 8. С. 11–15.
35. Соловьёва В. В. Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941–45 гг.: государственная политика и стратегии адаптации : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Соловьёва Вера Валерьевна. Екатеринбург, 2011. 325 с.
36. Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения СССР. 1941-1947 гг. // Вестник СПбГУ. Серия: История. 2010. № 2. С. 32–40.

37. *Трудящиеся Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)* / сост. А. И. Горшков и др. Иваново: Иванов. кн. изд-во, 1959. 722 с.
38. *Филиппова Э. В.* Питание в годы Великой Отечественной войны. Челябинск: Челяб. дом печати, 2005. 265 с.
39. *Шалак А. В.* Карточная система распределения как источник социальной напряженности: 1941-1947 гг. (на примере Восточной Сибири) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2001. Иркутск: Байкальский гос. ун-т, 2001. С. 39–49.
40. *Шалак А. В.* Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. 82 с.

References

1. Volkov, IM, Vyltsan, MA & Zelenin, IE 1983, 'Vopros prodovol'stvennogo obespecheniya naseleniya SSSR (1917 – 1982 gg.)' (Issues of food supply to the population of the USSR (1917 – 1982), *Istoriya SSSR*, no. 2, pp.3–20. (In Russ.)
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Vladimirskoy oblasti (GAVO)* (State Archive of the Vladimir region), fund P – 100, inventory 56, file 50. (In Russ.)
3. *GAVO*, fund P– 112, inventory 3, file 87. (In Russ.)
4. *GAVO*, fund P– 112, inventory 3, file 101. (In Russ.)
5. *GAVO*, fund P– 112, inventory 3, file 158. (In Russ.)
6. *GAVO*, fund P– 116, inventory 1, file 44. (In Russ.)
7. *GAVO*, fund P– 116, inventory 1, file 113. (In Russ.)
8. *GAVO*, fund P– 116, inventory 63, file 30. (In Russ.)
9. *GAVO*, fund P– 118, inventory 1, file 193. (In Russ.)
10. *GAVO*, fund P– 119, inventory 3, file 95. (In Russ.)
11. *GAVO*, fund P– 119, inventory 3, file 96. (In Russ.)
12. *GAVO*, fund P– 119, inventory 3, file 144. (In Russ.)
13. *GAVO*, fund P– 119, inventory 3, file 50. (In Russ.)
14. *GAVO*, fund P– 119, inventory 3, file 195. (In Russ.)
15. *GAVO*, fund P– 495, inventory 1, file 26. (In Russ.)
16. *GAVO*, fund P– 495, inventory 5, file 10. (In Russ.)
17. *GAVO*, fund P– 495, inventory 5, file 139. (In Russ.)
18. *GAVO*, fund P– 791, inventory 1, file 81. (In Russ.)
19. *GAVO*, fund P– 791, inventory 1, file 87. (In Russ.)
20. *GAVO*, fund P– 791, inventory 63, file 20. (In Russ.)
21. *GAVO*, fund R – 146, inventory 1, file 1. (In Russ.)
22. *Gosudarstvennyy arkhiv Ivanovskoy oblasti (GAIO)* (The State Archive of the Ivanovo region), fund P – 327, inventory 7, file 106. (In Russ.)
23. *GAIO*, fund P– 327, inventory 7, file 484. (In Russ.)
24. *GAIO*, fund P– 327, inventory 7, file 648. (In Russ.)
25. *GAIO*, fund P– 327, inventory 7, file 819. (In Russ.)
26. *GAIO*, fund P– 327, inventory 7, file 1006. (In Russ.)
27. *GAIO*, fund P– 327, inventory 7, file 1009. (In Russ.)
28. Dikhtyar, GA 1965, *Sovetskaya torgovlya v period sotsializma i razvitiya kommunizma* (Soviet trade in the period of socialism and the expanded construction of communism), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
29. Kabirova, ASH 2011, *Sorokovyue-rokovyue: Tatarstan v gody voyny* (Forties-fateful: Tatarstan in the years of military hard times), In-t ist. im. Sh. Mardzhani AN RT publ, Kazan. (In Russ.)
30. Komarov, VE & Chernyavsky, UG 1973, *Dokhody i potrebleniye naseleniya SSSR* (Income and consumption of the population of the USSR). Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
31. Lyubimov, AV 1968, *Torgovlya i snabzheniye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* (Trade and supply during the Great Patriotic War), Ekonomika publ, Moscow. (In Russ.)
32. Orlov, IB 2010, 'Kartochnoye snabzheniye v 1941 – 1943 godakh: raschety i raschety' (Card supply in 1941 – 1943: calculations and miscalculations), *Sovremennyye problemy turizma i*

- servisa. Nauchno-prakticheskiy zhurnal* (Service and Tourism: Current Challenges), no. 3, pp. 36–42. (In Russ.)
33. Titova, VI (comp.) 2010, *Pobediteli: Vospominaniya uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny i truzhenikov tyla* (Winners: Memoirs of participants of the Great Patriotic War and home front worker, Tip. SK publ, Vladimir. (In Russ.)
 34. Savchenko, PV& Bleskov, DA 2010, 'Gosudarstvennaya sistema snabzheniya naseleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny' (State system for supplying the population during the Great Patriotic War), *Vestnik of Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 8. pp. 11–15. (In Russ.)
 35. Solovyova, VV 2011, *Usloviya zhizni personala promyshlennykh predpriyatiy Urala v 1941 – 45 godakh: gosudarstvennaya politika i strategicheskaya adaptatsiya* (Living conditions of personnel of industrial enterprises of the Urals in 1941 – 45: state policy and adaptation strategies), PhD thesis, Yekaterinburg. (In Russ.)
 36. Tverdyukova, ED 2010, 'Bor'ba so zloupotrebleniyami v oblasti kartochnogo snabzheniya naseleniya SSSR. 1941 – 1947 gg.' (Food rationing coupons in the USSR in 1941 – 1947 and control of their abuse), *Vestnik SPbGU. Istoriya*, no. 2, pp. 32–40 (In Russ.)
 37. Gorshkov, AI (ed.) 1959, *Trudyashchiyesya Ivanovskoy i Vladimirskoy oblastey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941 – 1945 gg.)* (Workers of Ivanovo and Vladimir regions during the Great Patriotic War. (1941 – 1945)), Ivanov. kn. izd-vo publ, Ivanovo. (In Russ.)
 38. Filippova, EV 2005, *Pitaniye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* (Nutrition during the Great Patriotic War), Chelyab. dom pechati publ, Chelyabinsk. (In Russ.)
 39. Shalak, AV 2001, 'Kartochnaya sistema raspredeleniya kak istochnik sotsial'noy napryazhenosti: 1941 – 1947 gg. (na primere Vostochnoy Sibiri)' (Card distribution system as a source of social tension: 1941 – 1947. (on the example of Eastern Siberia), *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij yezhegodnik*, Irkutsk, pp. 41–42. (In Russ.)
 40. Shalak, AV 1998, *Usloviya zhizni naseleniya Vostochnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941 – 1945 gg.)* (Living conditions and way of life of the population of Eastern Siberia during the Great Patriotic War (1941 – 1945), Izd-vo IGEA publ, Irkutsk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.10.2023
Одобрена после рецензирования: 25.11.2023
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 21.10.2023
Approved after reviewing: 25.11.2023
Accepted for publication: 19.02.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 78–89.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 1 (17). P. 78–89.

Научная статья

УДК 947.07 (093)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-78-89>

ВОПРОС О САМОДЕРЖАВИИ, ПРАВОСЛАВИИ И КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Н. В. ГОГОЛЯ

**Аркадий Наумович
Долгих**

Липецкий государственный
педагогический университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия
adonli@mail.ru

Аннотация. В данной статье делается попытка анализа социально-политических взглядов великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя (1809 – 1852), дается краткий обзор историографии вопроса, выявляются основные узлы противоречий в литературе по данной проблематике. Стоит отметить также периодические изменения подходов в литературе к творчеству Н. В. Гоголя. При этом акценты советского времени, в целом, были направлены на критические стороны гоголевской сатиры в «Ревизоре» и «Мертвых душах», оставляя часто в стороне его пассажи насчет крепостного права в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Сегодня же маятник историографии качнулся в сторону его по преимуществу консервативных воззрений, несмотря на стремление многих авторов защитить доброе имя великого писателя. При этом автор данной работы дает свое понимание происхождения этих споров в литературе вопроса. В статье также достаточно подробно рассматриваются разные стороны мировоззрения Н. В. Гоголя, выявленные в его переписке, в публицистике и в художественных произведениях разного типа – прозе и драматургии. Наряду с его воззрениями в отношении самодержавия и религии рассмотрена особо ключевая проблема – его отношение к решению крестьянского вопроса – важнейшего вопроса общественно-политической жизни России первой половины XIX в. При этом отмечен его доминирующий консерватизм в данном отношении (что проявлялось и в отношении других сфер его мировоззрения), что противоречит традиционным представлениям на сей счет массового сознания в нашей стране. Великий писатель не всегда является великим мыслителем, тем более прогрессивным, – таков вывод автора статьи.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, мировоззрение, консерватизм, самодержавие, крестьянский вопрос, религия, православие, крепостное право.

Для цитирования: Долгих А. Н. Вопрос о самодержавии, православии и крепостном праве в социально-политических взглядах Н. В. Гоголя // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 78–89. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-78-89>

Сведения об авторе: А. Н. Долгих – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

Scientific Article
UDC 947.07 (093)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-78-89>

THE AUTOCRACY, ORTHODOXY AND SERFDOM ISSUE IN NIKOLAI V. GOGOL'S SOCIO-POLITICAL VIEWS

Arkady N. Dolgikh

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia
adonli@mail.ru

Abstract. This article attempts to analyze the socio-political views of Nikolai Vasilyevich Gogol (1809 – 1852), the great Russian writer, gives a brief overview of the historiography of the issue, and identifies the main knots of contradictions in the literature on this issue. It is also worth noting the periodic changes in approaches in literature to the N. V. Gogol's work. In Soviet times, however, emphasis was placed on the critical aspects of Gogol's satire in *The Inspector* and *Dead Souls*, while his passages about serfdom in *Selected Passages from Correspondence with Friends* were often left aside. Today, the pendulum of historiography has swung towards his predominantly conservative views, despite the desire of many authors to protect the good reputation of the great writer. At the same time, the author of the article gives his understanding of the origin of these disputes. The article also considers in detail different aspects of N. V. Gogol's worldview, revealed in his correspondence, in his journalism and in artistic works of different types - prose and drama. Along with his views on autocracy and religion, the article considers his attitude to the solution of the peasant question - the most important issue of social and political life in Russia in the first half of the 19th century. At the same time, it is worth noting his dominant conservatism in this respect (also manifested in other areas of his worldview), which contradicts the traditional ideas of the mass consciousness in our country. A great writer is not always a great and progressive thinker - this is the conclusion of the author of the article.

Keywords: N. V. Gogol, worldview, conservatism, autocracy, peasant question, religion, Orthodoxy, serfdom.

For citation: Dolgikh, AN 2024, 'The Autocracy, Orthodoxy and Serfdom Issue in Nikolai V. Gogol's Socio-political Views', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 78–89, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-78-89> (in Russ.)

Information about the Author: *Arkady N. Dolgikh* – Associate Professor, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of National and Universal History, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin Str., Lipetsk, 398020, Russia.

Как писал когда-то о своем учителе – великом русском историке С. М. Соловьеве – другой великий русский историк В. О. Ключевский, «в жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли» [21, с. 319]. Эти слова стоит отнести вполне и к характеристике жизни и воззрений еще одного великого деятеля России и отечественной культуры – Н. В. Гоголя. Сюжет, рассматриваемый нами в данной статье, недостаточно изучен: в основном, им занимались филологи, обращавшие особое внимание на религиозную составляющую его творчества, а историки все же уделяли данному сюжету мало внимания [4; 20; 24; 26; 28; 32; 34]. При этом типичным подходом к его творческой судьбе для советского времени являлся тезис Л. В. Черепнина о том, что участь писателя «была трагична». Правда, говоря об его идейной эволюции, превращении его в «обскуранта», апологета самодержавия, автор так и не смог показать радикальность того изначального Гоголя, от которого пошла его эволюция вправо. И уж совсем несерьезно выглядит заключительный тезис автора: «Он погиб, задавленный суровой крепостнической действительностью, ставши... жертвой тяжелого режима николаевского самодержавия» [33, с. 96–97, 110]. В подобном же духе высказался и Д. П. Николаев: «Гоголь не был сторонником революции, не стремился к свержению монархии. Он не принимал революционных методов изменения существующего положения вещей. Но к самому положению вещей он относился резко отрицательно. Это было в 30-е годы отрицание решительное, последовательное и бескомпромиссное» [27, с. 364].

Гоголевские парадоксы, связанные с очевидным, на первый взгляд, изменением мировоззрения (Гоголь «Ревизора» и 1-го тома «Мертвых душ» 1830 – начала 1840-х гг. и Гоголь «Выбранных местах из переписки с друзьями» 1847 г.), давно вызывали интерес и у литературоведов, и у философов, упиравшим, в основном, на психологические особенности личности писателя, приведшие его к духовному кризису в конце жизни, к своеобразному разлому сознания, по-разному трактуемому в зависимости от политических, религиозных и иных воззрений того или иного мыслителя. Очевидно, что на оценках творчества и взглядов Гоголя лежал отпечаток слов В. Г. Белинского из его письма от 15 июля 1847 г., посвященного выходу из печати «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «...вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди..., не молитвы..., а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства... – права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью... Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть...» [3, с. 675; 25, с. 210–218]. Это произведение Гоголя, вызвавшее бурю эмоций у современников, сегодня оценивается спокойнее [5, с. 111–113; 8, с. 19–25, 547–548; 19, с. 574; 26].

Наиболее афористично данное обстоятельство представлено у русского эмигранта К. В. Мочульского: «В нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского... Вся русская литература последовала за Гоголем: от него ее браннолюбивый, практический и гражданственный характер». При этом автор проводил дальнейшее развитие общественной мысли и общественного движения. Рассматривая программу «дела жизни» Гоголя, Мочульский отмечал, что способом исправления России он считал «поучение и нравственное влияние»; иных способов он не допускал. «Любопытно, – отмечал исследователь, – сравнить его с Белинским, стоявшим на той же почве общественного реформаторства». Белинский признавал лишь «внешние, государственные методы преобразования: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, изменение госу-

дарственного строя; у Гоголя все методы внутренние, психологические: перевоспитание души человека. Для материалиста Белинского – бытие определяет сознание, для спиритуалиста Гоголя – сознание определяет бытие. Линия Белинского привела через интеллигенцию, народников и марксистов к современному коммунизму. Линия Гоголя возрождается в пореволюционном религиозном сознании» [31, с. 450, 454–455].

Еще в 1909 г. В. В. Розанов так определил основное содержание критических произведений Гоголя, рисовавшего «темное, вернее – грязное, засоренное и заносенное, русское захолустье», какую-то «цель жизни», полную «сумрака, невежества, злоупотреблений», но в контексте «ряда прежде всего смешных, забавных сцен и положений», представлявших «область сплошного и притом невыразимого комизма». При этом, как замечали исследователи, сам Гоголь не знал многих реалий русской жизни. Как писал С. А. Венгеров, единственный раз он проживал неделю в провинциальном городе Курске в трактире, описанном, видимо, им в «Ревизоре», никогда не заезжал «ни к какому русскому помещику, не обедал никогда ни у какого Манилова, не видал, как уписывает бараний бок Собакевич, не ночевал у Коробочки, не бывал никогда ни на каком, столь неправдоподобно у него описанном губернаторском балу»; в том же «Ревизоре» в среде провинциального общества им «пропущены стряпчий, казначей и исправник»; в «Мертвых душах» полицмейстер представлен как весьма важное лицо, каковым он не был в губернском городе; крестьяне на вывод продаваться должны были семьями; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя было продать чужих крестьян; откуда целая серия явно украинских фамилий (Земляника, Коробочка, Петух, Сквозник-Дмухановский, Добчинский, Бобчинский) в русской глуши и т. д. Как ни странно, писал об этом В. В. Вересаев, и «провинциального чиновничества тогдашнего Гоголь не знал, – но мыто через него знаем это чиновничество, как будто сами тогда жили...» [2, т. 4, с. 549–550; 29, с. 336].

В советское время поначалу на волне критики «проклятого прошлого» исследователи, исходявшие из классового подхода, жестко оценивали социальную сущность творений Гоголя. Особенно стоит выделить мыслителя, по происхождению дворянина, однако пропитавшегося сначала народническим духом в стиле В. И. Семевского, а затем принявшего и марксизм – В. В. Вересаева, сумевшего стать своим в советском обществе, посвятившего Гоголю значительное исследование, представлявшее свод мнений о жизни и воззрениях писателя. В своем труде «Гоголь в жизни» (1933 г.) он в духе первого историка-марксиста М. Н. Покровского клеймил Гоголя за его консервативные воззрения, рассматривая его как заурядного помещика, несмотря на то что реально тот «скорее принадлежал, подобно Белинскому, к сословию разночинцев», отказавшись от своей части имения в Полтавской губернии «в пользу матери и сестер»; причем идеологию «старосветской помещицкой жизни» Гоголь, по мнению Вересаева, «пронес в совершенно нетронутом виде» через всю жизнь. Автор также отмечал, что «к политике и ко всякой общественности Гоголь был глубоко равнодушен», а если и «чувствовал нарастание во всей Европе предгрозового революционного электричества, то видел в этом только язву, которая разъедает ничем не довольную Европу». При этом, если в России «революционная часть общества и молодежь восторженно приветствовали Гоголя за сокрушительные удары по существующему строю, то сам он тяготел к... реакционным кругам» того же общества, «с благоговением относясь к ненавидимому всеми императору Николаю», а самой большой его болью было то, что «в его обличениях читатель не хотел видеть высмеивания "частных случаев", а воспринимал их, как подрывную работу, направленную на самый строй, создавший возможность подобных "случаев"». Заметим, что книга Вересаева не встретила поддержки в тогдашнем советском обществе, почему,

видимо, она и не переиздавалась до 1990 г. Известны были две рецензии, обвинявших ее в том, что она носила «поверхностно беллетристический, анекдотический характер» [2, т. 3, с. 318–320; т. 4, с. 530–531].

Однако вскоре этот подход к творчеству Гоголя изменился. Известно стало высказывание И. В. Сталина 1952 г. «Раз есть зло, надо его лечить. Нам нужны Гоголи. Нам нужны Щедрины». Правда, после смерти вождя эти подходы несколько изменились. Так, в журнале «Коммунист» в 1957 г. этот лозунг фактически был дезавуирован: «Кое-кто неправильно толкует призыв партии поднять бичующую силу нашей сатиры до уровня гоголевской и щедринской. Забывается при этом, что сатира Гоголя и особенно сатира Салтыкова-Щедрина была направлена на расшатывание основ существовавшего тогда строя». Между тем цель советской сатиры совершенно иная – «утверждение советского строя путем критики недостатков» [16]. Однако и в дальнейшем упор на развитие «советского патриотизма» не давал хода всякого рода критикам таких глобальных фигур для отечественного мировоззрения, как Гоголь, и в советских учебниках литературы его творчество представлялось, как правило, оппозиционной самодержавию и крепостничеству.

Это веяние отразилось и в научной литературе. Так, по словам Н. Л. Степанова, автора вводной статьи к изданию собрания сочинений Гоголя рубежа 1940 – 1950-х гг., «писатель-сатирик» выступал «как обличитель крепостнических порядков царствования Николая I», «обнажал мерзость и бесчеловечность крепостнического строя, пустоту и ничтожность, которые отличали его представителей», а сами дворяне в его изображении являлись «жестокими и недостойными владельцами миллионов крепостных крестьян, безжалостно их эксплуатирующими». По мнению исследователя, писатель изображал в виде «мертвых душ» и «небокоптителей» именно помещиков. Правда, автор отмечал, что в своих произведениях Гоголь не давал «развернутого, подробного показа жизни крестьян», но их читатель чувствовал «страшную тяжесть крепостного права за нарисованными автором картинами помещичьего быта». Несмотря на позднейшее отступление писателя от этих позиций и проповедь всяческого смирения, его творчество тем не менее «нанесло страшный удар старому крепостническому порядку, содействовало пробуждению и развитию революционных идей». Одновременно он же подчеркивал и «антибуржуазность» взглядов Гоголя, обличавшего «тлетворную и губительную власть денег в капиталистическом обществе»; однако он «не смог правильно осмыслить и социальные противоречия» буржуазного общества в Европе, не видя «путей освобождения от господства торжествующей буржуазии, от всеобщей продажности, внушающей ему отвращение и страх» [9, т. 1, с. XIX, XXII, XXIX, XXXII–XXXIII, XLIV].

В новейшей литературе об этой последней стороне мировоззрения Гоголя писали литературоведы П. Вайль и А. Генис. Именуя помещиков Манилова, Собакевича, Коробочку и Плюшкина, представленных в «Мертвых душах», людьми «фольклорного хронотопа» и «бесполезными монстрами», Гоголь в то же время запрягал, по мнению авторов, «Русь-тройку», чтобы «она везла Чичикова, – других не было». Именно последний был в его глазах «героем нового времени», несмотря на все недостатки, ничтожество и скучность его как человека. По мнению писателя, в их изложении, будущие положительные герои «берутся только из отрицательных», при этом Чичиков в его глазах – «единственный герой, который знает, что и зачем делает», Чичиков – «это буржуй. Это Онегин и Печорин берут и деньги из тумбочки. Это они не опускаются до меркантильных расчетов. Чичиков деньги зарабатывает», за ним и будущее [1, с. 132–140].

Наш взгляд на социально-политические идеи, высказанные Н. В. Гоголем в его художественной прозе, драматургии и публицистике (прежде всего, в его «Выбранных местах из переписки с друзьями» 1847 г.), выглядит несколько иначе,

нежели его оценка современниками. Здесь налицо несколько положений, нуждающихся в дополнительном изучении. Ясно, что художественная проза Гоголя раннего времени с ее идеями и, в принципе, критическим изображением реальной жизни тогдашней России в значительной степени противоречила его же идеальным структурам, представленным в духовной прозе и публицистических штудиях. При этом нам представляется, что «поправение» писателя в последние годы жизни было связано не с его личным духовным кризисом (хотя именно в этом он сам признавался, например, в ответе Белинскому). Речь могла идти, видимо, о разнонаправленности его критической, в сущности, прозы и драматургии и его позитивном образе России в публицистике. Налицо, с нашей точки зрения, сочетание в нем великого бытописателя эпохи и довольно-таки заурядного консерватора. В этом отношении близкой к нам позиции придерживается, например, современный исследователь И. И. Гарин, полагающий, что «взгляды Гоголя в течение его жизни не претерпели существенных перемен», но «передовые слои» различных направлений тогдашнего русского общества «не поняли этого», а его «несчастливая книга», по выражению И. П. Золотусского, где писатель выступал как «судия и пророк», стала для многих из них «предательством», хотя она «лишь выразила в концентрированном виде то, что Гоголь хотел сказать, начиная с первой написанной им строки» [7, с. 436; 17, с. 350–351].

Так, православную веру (и церковь) Гоголь рассматривал как главное средство обороны России от всяких тлетворных воздействий, в том числе и особенно идущих с Запада. При этом, если в отношении самой веры подобная позиция выглядит вполне корректной и правомерной, тем более личной, то применительно к самой церкви, ее клиру и ее многостороннему воздействию на население страны она, скажем просто, слащава. Здесь и нравы самих священнослужителей, их недостаточная, мягко говоря, образованность (отмеченная Гоголем и чуть ли не прославляемая им именно за это), и само положение церкви как служанки государства вследствие реформы Петра I (в связи с созданием Синода и руководством церковью гражданским лицом – обер-прокурором). Обратим внимание также и на его «учительство», основанное, судя по всему, на представлении о том, что именно ему известно нечто такое, чего не знают другие. Причем это учительство адресовано было даже монарху всероссийскому, что, по мнению И. П. Золотусского, «походило на заигрывания Державина с Фелицею», тому же Николаю I, который при его характере и огромной реальной власти, естественно, не мог с этим согласиться. Между прочим, показательна реакция самого монарха на критику российского чиновничества в «Ревизоре», разрешенном к постановке лишь по высочайшему повелению: «В этой пьесе всем досталось, а мне в особенности». Адресатами его «учительства» были и высокопоставленные чиновники, например, генерал-губернаторы, их жены, помещики, духовные лица, крестьяне и вообще все население империи [6, с. 600, 636–637; 17, с. 354–357].

Налицо консерватизм его взглядов, отсутствие предложений реформ, кроме стереотипных положений о том, что не надо брать взятки (во всяком случае, с бедных людей), об исполнении всеми должностными структурами своих функций и христианском смирении и носителей власти, и всех остальных. Заметим, кстати, что подобные же идеи разделял в ту пору (по крайней мере, на словах) видный деятель III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии Л. В. Дубельт: «...силы полицейской власти преимущественно заключаются в нравственном влиянии, орудия которых суть: истина в словах и доброжелательность в действиях. Поэтому тот только хорошо выполняет все обязанности службы полицейской и приносит истинную пользу, кто может быть безукоризненным примером для других. Что составляет порок в частном лице, то делается уже преступлением в лице полицейского чиновника» [11, с. 589].

Несмотря на эти мизерные, в сущности, пожелания, в писаниях Гоголя позднего периода наличествует и представление о многостороннем кризисе общества вообще и российского в частности. Показательно его отношение к самодержавию и российским монархам. Так, например, налицо идеализированное, даже благостное восприятие императрицы Екатерины II в повести «Ночь перед Рождеством», известны и восхищенные оценки Гоголем Николая I. Здесь он приближался к воззрениям того же Л. В. Дубельта, отмечавшего, что «Россию можно сравнить с арлекинским платьем, которого лоскутки сшиты одною ниткою, – и славно и красиво держится. Эта нитка есть самодержавие. Выдерни ее, и платье распадется!» [9, т. 1, с. 131–134; 15, с. 133].

Остановимся на главной интересующей нас проблеме – вопросе о крепостном праве и его месте в воззрениях Гоголя. Картины помещичьего быта, например, достаточно ярко представлены в его повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Последняя вела разумное хозяйство на своем хуторе, контролируя все и вся, в том числе используя и рукоприкладство: «...била ленивых вассалов своею страшною рукою и подносила достойным рюмку водки из той же грозной руки». Следствием подобных мер «было то, что маленькое именьеце..., состоявшее из осмнадцати душ..., процветало в полном смысле сего слова». И именно контроль и неотлучное бдение самого героя «при жнецах и косарях» говорило о том, что он стал хорошим хозяином. Эти идеи о благотворности помещичьего руководства и контроля за крестьянами весьма напоминают воззрения Н. М. Карамзина, выраженные в его статьях начала XIX в. «Письмо сельского жителя» и «Добрый помещик», напечатанные в «Вестнике Европы». Тем не менее комментаторы издания сочинений Гоголя 1950 г. все равно именуют этих помещиков «бесполезными небокоптителами» с их «бесмысленностью» и «бессодержательностью» жизни [9, т. 1, с. 190–191, 323; 23, т. 1, с. 249–258; т. 4, с. 161], хотя в принципе они оказывали помощь в деле лучшей организации крестьянского труда, что давало большие урожаи и, как сегодня пишут, способствовало экономическому развитию России [22]. Заметим, что даже в «Мертвых душах», наиболее близком к изображению реального крепостного права по содержанию произведению писателя, цензор Московского цензурного комитета И. М. Снегирев отметил (по словам Н. В. Гоголя из письма П. А. Плетневу от 7 января 1842 г.), что «...о крепостном праве и намеков нет, что даже нет обыкновенных оплеух, которые раздаются во многих повестях крепостным людям; что здесь совершенно о другом речь; что главное дело основано на смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупателя, и на всеобщей ералаши, которую произвела такая странная покупка...». Данное явление показательно даже при сопоставлении, например, с изображением крепостного права в фонвизинском «Недоросле» [9, т. 6, с. 257; 14, т. 1, с. 241–249].

По нашим в общем-то достаточно примерным данным, соотношение фактов или эпизодов в произведениях Гоголя, которые можно трактовать в пользу смягчения крепостного права или его сохранения соотносятся как 3 к 9 (или как 1 к 3); если же исходить вообще из данных о количестве дворянских проектов решения крестьянского вопроса за 1830 – 1840-е гг., то есть годы творческого расцвета Гоголя, то он попадает в круг умеренно-консервативных мыслителей, составляющих примерно 30 % от общего числа дворянских проектов той эпохи. Здесь его позиции были вполне типичны для массы помещиков России (при этом в данном контексте не так уж важно, владел ли он лично крестьянами). Характерным для Гоголя являлось признание позитивности крепостного права в духе отношений «помещики – отцы, крестьяне – дети», что в ту пору не гармонировало даже с направленностью политики Николая I в сторону смягчения крепостного права и его последующей отмены (по

крайней мере, до эпохи европейских революций 1848 – 1849 гг.) [12; 13, с. 166–189; 18; 30, с. 43–242].

Гоголь вообще не говорил ни в своих художественных произведениях, ни в публицистике о необходимости отмены крепостного права, чем отличался от некоторых консервативных представителей тогдашней элиты, того же А. Х. Бенкендорфа или С. С. Уварова, которые отлагали проведение этой реформы на более или менее отдаленное будущее [13, с. 117–119, 122–126; 14, т. 2, с. 286–297]. Здесь великий писатель являлся еще большим обскурантом на фоне своих современников – А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, которые в ту пору также не отличались явными стремлениями к крестьянской эмансипации, а изображение народа (именно крестьян) у Гоголя выглядело чаще всего сатирическим (пример: дядя Митяй и дядя Миняй в «Мертвых душах») – в том смысле, что они без поводыря-помещика ничего положительного не сделают, а лишь пойдут в кабак. Примеры иного рода редки («мертвые души» Собакевича) и не делают здесь погоды [9, т. 5, с. 90–91, 102; 13, с. 401–406, 409–411].

Попытки найти антикрепостнический смысл в писаниях Гоголя выглядят не совсем удачными и натянутыми. Так, например, Д. П. Николаев отмечал, что в «Мертвых душах» помещики предстали «в качестве владельцев крестьян», то есть «в самом важном своем проявлении», а также в качестве «торговцев крестьянами», причем, по мнению автора, «тот факт, что торгуют они в данном случае не реальными, живыми людьми, а "мертвыми душами", – ничуть не смягчает социальной остроты нарисованных Гоголем сцен». Стоит только сравнить данные картины хотя бы с фразами о продаже людей из пьесы «Горе от ума», и сразу станет ясна разница в подходах к одной и той же теме [10, с. 66; 27, с. 324]. Ничего в его произведениях нет о помещичьих жестокостях, насильственных браках, ссылке крестьян на каторгу или на поселение в Сибирь, сдаче их в солдаты в качестве наказания и др. Пожалуй, отметить можно в данном контексте лишь Плюшкина, который не кормил своих дворовых людей, но это была, действительно «прореха на человечестве». Сами крепостные относятся, по Гоголю, к телесному наказанию вполне спокойно, раз за дело (Селифан), и только [9, т. 5, с. 42, 108–130]. Налицо, действительно, благостные картины крепостного быта, имевшие место не только в публицистике, но и в его художественных произведениях. По мнению современного исследователя М. В. Медоварова, Гоголь считал, что дворяне – «цвет населения», и в награду за это они получают крестьян, «к которым нужно относиться по-отечески», а жестокие помещики «должны быть изгоями в обществе», но он же отстаивал и тезис об «опасности отмены крепостного права» [26].

Еще В. В. Вересаев отмечал, что «в вопросах общественности, морали, религии» Гоголь «до конца жизни стоял совершенно на том же уровне, на котором стояла его наивная и глуповатая мать-помещица». Особенно это проявлялось в вопросе о крепостном праве. Так, по его воззрениям, «мужику... Богом предписано работать на своего барина». В частности, в письме 1846 г. к сестре он настаивал на том, чтобы она ездила на полевые работы и смотрела за мужиками: «Ленивому ты должна говорить, что он может наработать больше, стало быть, грех ему так не делать, что ты ему потому приказываешь и велишь, что Бог приказал трудиться усердно. Он сказал: "в поте лица трудитесь!", стало быть, это грех, и с помещика за то взыщется. Расскажи также мужикам, чтобы они слушали приказчика и умели бы повиноваться, несмотря на то, кто ими повелевает, хотя бы он был и худший их, потому что нет власти, которая была бы не от Бога. Словом, так говори с ними, чтоб они видели, что, исполняя дело помещицы, они с тем вместе исполняют и Божие дело». А в другом письме ей же указано, что Всевышний наказывает не тех, кто эксплуатирует чужой труд и владеет людьми, а тех, кто не участвует в контроле за этим трудом, пусть и живя одно-

временно за счет крестьян. В этой связи Вересаев, приводя эти строки, замечал, что вряд ли «можно найти во всемирной литературе более наивно-откровенное исповедание барско-помещичьего Бога». Заметим, что для данной эпохи, начиная примерно с первого десятилетия XIX в., можно говорить о появлении своеобразного чувства «стыда» у ряда дворян и помещиков России за владение «крещеной собственностью», чего избежал Н. М. Карамзин, но которое уже присутствовало, например, у А. С. Пушкина. Однако это явление обошло Гоголя стороной [2, т. 3, с. 319–320; 14, т. 1, с. 301–310; т. 2, с. 310–324].

Подводя итог, отметим, что Гоголь в николаевскую эпоху находился на правом фланге общественно-политической мысли, о чем писал, например, В. Я. Гросул. По его словам, «в рядах консервативного направления» в ту пору «оказалось немало русских писателей, в том числе и весьма значительных. К ним относились Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет...» [11, с. 528, 534, 587]. Трудно сказать, как бы он себя повел на фоне Крымского поражения, но он не дожид до этих печальных и судьбоносных для России дней.

Список источников и литературы

1. Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности. М.: КоЛибри, 2011. 256 с.
2. Вересаев В. В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников // Соч. : в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3. С. 315–540; Т. 4. С. 3–559.
3. Белинский В. Г. Письмо к Гоголю // Хрестоматия по истории СССР. Т. 2 : (1682–1856) / сост. С. С. Дмитриев и М. В. Нечкина. М.: Учпедгиз, 1949. С. 674–682.
4. Виноградов А. И. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. К 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. М.: ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. 448 с.
5. Воропаев В. А. Гоголь (Гоголь-Яновский) Николай Васильевич // Общественная мысль России XVIII – начала XX в. : энцикл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 110–113.
6. Высокочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX в. М.: Академ. проект, 2018. 999 с.
7. Гарин И. И. Загадочный Гоголь. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. 640 с.
8. Гоголь Н. В. Критика. Публицистика. Духовная проза / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ю. В. Манн. М.: РОССПЭН, 2010. 600 с.
9. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 6 т. / под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М.: Худож. лит., 1949–1951. Т. 1. М., 1950. 327 с.; Т. 5. М., 1949. 431 с.; Т. 6. М., 1950. 360 с.
10. Грибоедов А. С. Сочинения. М.: Худож. лит., 1988. 752 с.
11. Гросул В. Я. Общественное движение в России первой половины XIX в. М.: АИРО–XXI, 2017. 848 с.
12. Долгих А. Н. Поиски решения крестьянского вопроса в России в дворянских проектах конца XVIII – первой половины XIX в. // Российская история. 2023. № 1. С. 59–70.
13. Долгих А. Н. «Пороховой погреб под государством»: пути решения крестьянского вопроса в России в эпоху правления Николая I. Историографические очерки : монография. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. 478 с.
14. Долгих А. Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. : историограф. очерки : в 2 т. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. Т. 1. 354 с.; Т. 2. 358 с.
15. Дубельт Л. В. Заметки генерал-лейтенанта Л. В. Дубельта // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 127–171.
16. Душенко К. В. История знаменитых цитат. М.: КоЛибри, 2018. 701 с.
17. Золотусский И. П. Гоголь. М.: Молодая гвардия, 2005. 485 с.
18. Ильин А. Ю., Канищев В. В. К проблеме изучения крестьянского вопроса в России в XVIII – первой половине XIX в. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. № 3 (28). С. 16–21.

19. *Карев В. М.* Гоголь Николай Васильевич // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энцикл. : в 5 т. М.: Большая рос. энцикл., 1994. Т. 1. С. 573–574.
20. *Китаев В. А.* Пушкин, Гоголь и консервативная традиция в России первой половины XIX века // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. К 80-летию Г. В. Краснова : сб. науч. ст. Коломна: КГПИ, 2001. С. 76–86.
21. *Ключевский В. О.* Сергей Михайлович Соловьев // Соч. : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989. Т. 7. С. 303–319.
22. *Козлов С.А., Марасанова В.М.* «Вся награда трудов в общем благе»: хозяйственно-просветительная деятельность Дмитрия и Константина Полторацких // IX Бартеневские чтения : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Липецк, 9 октября 2020 г. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. С. 182–209.
23. *Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX веков: власть и общество* : сб. док. : в 4 т. / сост. и авт. коммент. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2008. Т. 1. 360 с.; Т. 4. 341 с.
24. *Манн Ю. В.* В поисках живой души. «Мертвые души»: писатель – критика – читатель. М.: Книга, 1984. 353 с.
25. *Манн Ю. В.* Гоголь Н. В. // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1964. Т. 2. Стб. 210–218.
26. *Медоваров М. В.* Н. В. Гоголь и русская общественная мысль первой половины XIX века // Mahtalcar : сайт. URL: https://mahtalcar.narod.ru/history/gogol3_txt.html (дата обращения: 31.12.2023).
27. *Николаев Д. П.* Сатира Гоголя. М.: Худож. лит., 1984. 367 с.
28. *Поспелов Г. Н.* Творчество Гоголя. М.: Учпедгиз, 1953. 277 с.
29. *Розанов В. В.* Гоголь и его значение для театра // Сумерки просвещения / сост. В. Н. Щербаков. М.: Педагогика, 1990. С. 334–339.
30. *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2015. 360 с.
31. *Русская идея* : в 2 т. / сост. В. М. Пискунов; коммент. Н. В. Злобина. М.: Искусство, 1994. Т. 2. 684 с.
32. *Степанов Н. А.* Н. В. Гоголь. Творческий путь. М.: Худож. лит., 1959. 608 с.
33. *Черепнин Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Мысль, 1968. 383 с.
34. *Шульгин В. Н.* Русский свободный консерватизм первой половины XIX в. СПб.: Нестор-История, 2009. 496 с.

References

1. Vayl, P & Genis, A 2011, *Rodnaya rech': Uroki izyashchnoy slovesnosti* (Native Speech: Lessons of polite literature), KoLibri publ, Moscow. (In Russ.)
2. Veresayev, VV 1990, 'Gogol' v zhizni. Sistematischeskiy svod podlinnykh svidetel'stv sovremennikov' (Gogol in Life. A systematic collection of authentic testimonies of contemporaries), *Soch.: v 4 t.* (Collected works. In 4 vols), vol 3-4, Pravda publ, Moscow, pp. 315–540, pp. 3–559. (In Russ.)
3. Belinskiy, VG 1949, 'Pis'mo k Gogolyu' (A letter to Gogol), *Khrestomatiya po istorii SSSR* (Chrestomathy on the USSR history), vol. 2 (1682 – 1856), comp. S. S. Dmitriyev, M. V. Nechkina, Uchpedgiz publ, Moscow, pp. 674–682. (In Russ.)
4. Vinogradov, AI 2000, *Gogol' – khudozhnik i myslitel': khristianskiye osnovy mirosozertsaniya. K 150-letiyu so dnya smerti N. V. Gogolya* (Gogol - artist and thinker: Christian foundations of worldview. On the 150th anniversary of the death of N.V. Gogol), IMLI RAN publ, Naslediye publ, Moscow. (In Russ.)

5. Voropayev, VA 2005, 'Gogol' (Gogol'-Yanovskiy) Nikolay Vasil'yevich' (Gogol (Gogol-Yanovsky) Nikolai Vasilievich), *Obshchestvennaya mysl' Rossii XVIII – nachala XX v. : entsikl* (Public thought of Russia in the 18th - early 20th century), ROSSPEN publ, Moscow, pp. 110–113. (In Russ.)
6. Vyskochkov, LV 2018, *Nikolay I i yego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroy chetverti XIX v.* (Nicholas I of Russia and his epoch. Essays of Russian history of the second quarter of the 19th century), Akadem. Proyekt publ, Moscow. (In Russ.)
7. Garin, II 2002, *Zagadochnyy Gogol'* (Mysterious Gogol), TERRA – Knizhnyy klub publ, Moscow. (In Russ.)
8. Gogol, NV 2010, *Kritika. Publitsistika. Dukhovnaya proza* (Criticism. Journalism. Spiritual prose), comp. Yu.V. Mann, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
9. Gogol, NV 1949 – 1951, *Sobraniye sochineniy: v 6 t* (Collected writings. In 6 vols), vol. 1, 5, 6, ed. F. M. Golovenchenko, Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
10. Griboyedov, AS 1988, *Sochineniya* (Writings), Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
11. Grosul, VYa 2017, *Obshchestvennoye dvizheniye v Rossii pervoy poloviny XIX v.* (Social movement in Russia in the first half of the 19th century), AIRO–XXI publ, Moscow. (In Russ.)
12. Dolgikh, AN 2023, 'Poiski resheniya krest'yanskogo voprosa v Rossii v dvoryanskikh proyektakh kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v.' (Search for a solution to the peasant question in Russia in the noble projects of the late 18th - first half of the 19th century), *Rossiyskaya istoriya*, no.1, pp. 59–70. (In Russ.)
13. Dolgikh, AN 2022, «*Porokhovoy pogreb pod gosudarstvom*»: *puti resheniya krest'yanskogo voprosa v Rossii v epokhu pravleniya Nikolaya I. Istoriograficheskiye ocherki* (The Powder Room under the State": ways of solving the peasant question in Russia during the reign of Nicholas I. Historiographical essays), LGPU im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo publ, Lipetsk. (In Russ.)
14. Dolgikh, AN 2018, «*Uvizhu l', o druz'ya, narod neugnetenny...*»: *Rossiyskoye dvoryanstvo i krest'yanskiy vopros v XVIII – pervoy chetverti XIX v. : istoriograf. ocherki : v 2 t.* (Will I see, oh friends, the people unoppressed...": The Russian nobility and the peasant question in the 18th - first quarter of the 19th century), vols 1-2, LGPU im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo publ, Lipetsk. (In Russ.)
15. Dubel't, LV 1913, 'Zametki general-leytenanta L. V. Dubel'ta' (Notes by Lieutenant-General L. V. Dubelt), *Golos minushego*, no. 3, pp. 127–171. (In Russ.)
16. Dushenko, KV 2018, *Istoriya znamenitykh tsitat* (A History of Famous Quotations), KoLibri publ, Moscow. (In Russ.)
17. Zolotusskiy, IP 2005, *Gogol'*, Molodaya gvardiya publ, Moscow. (In Russ.)
18. Ilyin, AYu & Kanishchev, VV 2023, 'K probleme izucheniya krest'yanskogo voprosa v Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX v.' (Revisiting the study of the peasant question in Russia in the 18th – first half of the 19th century), *Humanities researches of the Central Russia*, no. 3 (28), pp. 16–21. (In Russ.)
19. Karev, VM 1994, 'Gogol' Nikolay Vasil'yevich', *Otechestvennaya istoriya. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 goda : entsikl. : v 5 t.* (History of Russia from Ancient Times to 1917. In 5 vols), vol 1, Bol'shaya ros. entsikl publ, Moscow, pp.573–574. (In Russ.)
20. Kitayev, VA 2001, 'Pushkin, Gogol' i konservativnaya traditsiya v Rossii pervoy poloviny XIX veka' (Pushkin, Gogol and the conservative tradition in Russia in the first half of the 19th century), *Literaturnyye melochi proshlogo tysyacheletiya. K 80-letiyu G. V. Krasnova* (Literary trivia of the last millennium. To the 80th anniversary of G. V. Krasnov), KGPI publ, Kolomna, pp. 76–86. (In Russ.)
21. Klyuchevskiy, VO 1989, 'Sergey Mikhaylovich Solov'yev', *Soch.: v 9 t.* (Writings. In 9 vols), vol. 7, ed. V. L. Yanin, Mysl' publ, Moscow, pp. 303–319. (In Russ.)
22. Kozlov, SA & Marasanova, VM 2020, «*Vsya nagrada trudov v obshchem blage*»: *khozyaystvenno-prosvetitel'naya deyatel'nost' Dmitriya i Konstantina Poltoratskikh'* (The whole award of works in the common good: economic and educational activities of Dmitry and Konstantin Poltoratsky), *IX Bartenevskiy chteniya : materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem, posvyashch. 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne* (9th Bartenev readings : materials of the All-Russian scientific conference with international

- participation, dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War), Lipetsk, 9 October 2020, LGPU imeni P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo publ, Lipetsk, pp. 182–209. (In Russ.)
23. Dolgikh, AN (comp.) 2008, *Krest'yanskiy vopros v Rossii v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX vekov: vlast' i obshchestvo : sb. dok. : v 4 t.* (The Peasant Question in Russia at the End of the 18th – First Quarter of the 19th Centuries: Power and Society. Collection of documents. In 4 vols), vols. 1, 4, LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.)
 24. Mann, YuV 1984, *V poiskakh zhivoy dushi. «Mertvyye dushi»: pisatel' – kritika – chitatel'* (In search of a living soul. "Dead Souls": writer - criticism - reader), Kniga publ, Moscow. (In Russ.)
 25. Mann, YuV 1964, 'Gogol' N. V.', *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* (A Concise Encyclopaedia of Literature), vol. 2, ed. A. A. Surkov, Sov. Entsikl publ, Moscow, pp. 210–218. (In Russ.)
 26. Medovarov, MV, 'N. V. Gogol' i russkaya obshchestvennaya mysl' pervoy poloviny XIX veka' (N. V. Gogol and Russian social thought of the first half of the 19th century), *Mahtalcar*, viewed 31 December 2023, https://mahtalcar.narod.ru/history/gogol3_txt.html (In Russ.)
 27. Nikolayev, DP 1984, *Satira Gogolya* (Gogol's satire), Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
 28. Pospelov, GN 1953, *Tvorchestvo Gogolya* (Gogol's works), Uchpedgiz publ, Moscow. (In Russ.)
 29. Rozanov, VV 1990, 'Gogol' i yego znachenije dlya teatra' (Gogol and his importance to the theatre), *Sumerki prosveshcheniya* (Twilight of enlightenment), comp. V. N. Shcherbakov, Pedagogika publ, Moscow, pp. 334–339. (In Russ.)
 30. Ruzhitskaya, IB 2015, *Zakonodatel'naya deyatelnost' v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I* (Legislative activity during the reign of Emperor Nicholas I), Tsentr gumanitar. Initsiativ publ, Moscow, St.Petersburg. (In Russ.)
 31. Piskunov, VM (comp.) 1994, *Russkaya ideya : v 2 t.* (The Russian Idea. In 2 vols), vol. 2, Iskusstvo publ, Moscow. (In Russ.)
 32. Stepanov, NA 1959, *N. V. Gogol'. Tvorcheskiy put'* (N. V. Gogol. Artistic journey), Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
 33. Cherepnin, LV 1968, *Istoricheskiye vzglyady klassikov russkoy literatury* (Historical views of the classics of Russian literature), Mysl' publ, Moscow. (In Russ.)
 34. Shul'gin, VN 2009, *Russkiy svobodnyy konservatizm pervoy poloviny XIX v.* (Russian free conservatism of the first half of the 19th century), Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.01.2024
Одобрена после рецензирования: 06.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 02.01.2024
Approved after reviewing: 06.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 90–103.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 1 (17). P. 90–103.

Научная статья
УДК 94(47).084.5
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-90-103>

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР МЕЖДУ РСФСР И УССР В 1924 Г.: УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ АКТОРОВ НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

**Анна Николаевна
Шульгина**

Европейский университет в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Россия
ashulgina@eu.spb.ru

Аннотация. В 1920-е гг. между РСФСР и УССР проходил пересмотр границ. В 1924 г. УССР предъявила претензии на южные уезды Воронежской губернии, где проживала значительная часть украиноязычного населения. Тогда же проходили наиболее активные обсуждения вопроса разграничения между республиками. В статье этот локальный территориальный спор рассматривается через взаимодействие акторов разного уровня. В дискуссию помимо центральных акторов, представителей союзных республик, были включены и губернские власти. Они собирали материал для центральных комиссий и принимали участие в их заседаниях. Кроме того, воронежские власти определяли, как освещать вопрос на местах. Помимо губернских властей в обсуждения были вовлечены и другие местные акторы, в том числе украинские активисты и крестьянство. Участники дискуссии часто ссылались на мнение населения и указывали противоположные сведения о желаниях местных жителей. Несколько акторов (воронежские власти, украинские власти и местные украинские активисты) пытались воздействовать на мнение населения спорных уездов губернии напрямую. В конце ноября – начале декабря воронежские власти провели в губернии волостные собрания и сельские сходы по вопросу претензий УССР. Таким образом, местные акторы участвовали в процессе обсуждения вопроса о границе. Однако итоговое решение осталось за Политбюро.

Ключевые слова: территориальный спор, РСФСР, УССР, Воронежская губерния, советская национальная политика, местная пресса.

Для цитирования: Шульгина А. Н. Территориальный спор между РСФСР и УССР в 1924 г.: участие местных акторов на примере Воронежской губернии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 90–103. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-90-103>

Сведения об авторе: А. Н. Шульгина – аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А.

© Шульгина А. Н., 2024

Scientific Article
UDC 94(47).084.5
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-90-103>

THE TERRITORIAL DISPUTE BETWEEN THE RSFSR AND THE UKRAINIAN SSR IN 1924: PARTICIPATION OF THE LOCAL ACTORS (THE CASE OF THE VORONEZH PROVINCE)

Anna N. Shulgina

European University at St. Petersburg
St. Petersburg, Russia
ashulgina@eu.spb.ru

Abstract. In the 1920s, border revisions took place between the RSFSR and the Ukrainian SSR. In 1924, the Ukrainian SSR laid claim to the southern counties (uezdy) of Voronezh province (guberniia), where a significant part of the Ukrainian-speaking population lived. At that time, the most active discussions on the issue of delimitation between the republics took place. The article examines this local territorial dispute through the interaction of actors of different levels. In addition to the central actors, representatives of the Union republics, the provincial authorities were also included in the discussion. They collected material for the central Commissions and participated in their meetings. Besides, the Voronezh authorities determined how to cover the issue locally. In addition to the provincial authorities, other local actors, including Ukrainian activists and the peasantry, participated in the discussions. Discussants often referred to the opinion of the population, and provided contrary information about the desires of local residents. Several actors (Voronezh authorities, Ukrainian authorities, and local Ukrainian activists) tried to directly influence the opinion of the population of the disputed counties. In late November and early December, Voronezh authorities held volost and village gatherings in the province on the issue of the Ukrainian SSR claims. Thus, local actors participated in the border deliberation process. However, the final decision remained with the Political Bureau.

Keywords: territorial dispute, RSFSR, Ukrainian SSR, Voronezh province, Soviet nationality policy, local press.

For citation: Shulgina, AN 2024, 'The Territorial Dispute between the RSFSR and the Ukrainian SSR in 1924: Participation of the Local Actors (The Case of the Voronezh Province)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 90–103, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-90-103> (in Russ.)

Information about the Author: *Anna N. Shulgina* – Postgraduate Student, European University at St. Petersburg, 6/1 A, Gagarinskaya Str., St. Petersburg, 191187, Russia.

В 1920-е гг. происходил пересмотр границ между советскими республиками в связи с административно-территориальным переустройством (районированием)¹. Вопросы о принадлежности различных территорий приводили к пограничным спорам, в том числе между РСФСР и УССР. В историографии к теме разграничения между этими двумя республиками обращались не раз². Весьма продуктивным кажется подход к изучению этого вопроса, который применил Штефан Риндлисбахер [42; 43]. Он предложил рассматривать территориальный спор через взаимодействие акторов разных уровней. Историк выделяет три главных уровня, участвовавших в установлении границы: высшие партийные органы в Москве, руководство союзных республик и местные активисты³. Риндлисбахер отмечает, что публичного обсуждения территориального спора не было, дебаты ограничивались внутривластными и административными структурами⁴. Участие же местных жителей рассматривается на примере отдельных приграничных селений различных губерний в 1925 – 1927 гг., уже после принятия решений на центральном уровне. В этой статье на примере Воронежской губернии мы покажем, что в территориальный спор в 1924 г. было вовлечено большее число участников. В это время обсуждения проходили, в том числе, и среди местного населения. Для решения поставленной задачи мы обратимся к материалам центральных (ГА РФ и РГАСПИ) и региональных (ГАВО и ГАОПИ ВО) архивов, а также к периодической печати.

В Воронежской губернии по данным Всеобщей переписи населения 1897 г. проживало более 900 тыс. малороссов из 2,5 млн. населения губернии [35, с. VI]⁵. В основном это были крестьяне в южной части губернии. В 1917 – 1918 гг. украинской стороной предъявлялись претензии на четыре уезда губернии (подробнее см.: [4; 40]). В 1920-х гг. вопрос о принадлежности южных уездов вновь стал актуальным⁶. УССР претендовала на Богучарский, Валуйский, Острогожский и Россошанский уезды⁷. На этот раз спор проходил в рамках единого государства, СССР, и на фоне проведения советской украинизации⁸.

В 1923 г. УССР заявляла о необходимости пересмотра границ с Брянской, Курской и Воронежской губернией⁹. Однако изначально обсуждения касались только Курской губернии. В начале же 1924 г. Госпланом Украины и Центральной административно-территориальной комиссией (далее – ЦАТК) при ВУЦИК были выдвинуты претензии к Воронежской губернии на Валуйский уезд. Ходатайство о присоединении рассматривали воронежские власти. Они заключили, что Валуйский уезд составлял «органическую часть» губернии и должен остаться в составе Воронежской губернии [13, л. 24 об.]. Документы были отправлены в Госплан, Укргоплан и ЦАТК [18, л. 95–99]. Это был первый обмен мнениями по поводу спорных территорий между украинской стороной и воронежскими властями. Основные аргументы сторон были идентичны – это однородность с территорией Харьковской или Воронежской губернии, экономические связи и национальный состав населения¹⁰.

С апреля 1924 г. вопрос о разграничении между республиками было решено рассматривать в специально созданной для этого комиссии¹¹. В ее состав вошли по 2 представителя от каждой республики и председатель комиссии А. Г. Червяков, возглавлявший в то время Белорусский ЦИК. На первом заседании Комиссии ЦИК Союза СССР по урегулированию границ между РСФСР и УССР, 1 июля, обсуждался украинский проект. Согласно ему часть территорий РСФСР, в том числе и Воронежской губернии, должна была войти в состав УССР. От губернии уже требовалась передача не только Валуйского, но и Россошанского и Богучарского уездов, южной части Острогожского, северо-западной и юго-западной части Павловского уезда, южной части Калачеевского [21, л. 1]¹². Представители губерний, территории которых были спорными, в заседании комиссии не участвовали. Однако после того, как

были озвучены требования УССР, российская сторона заявила о необходимости привлечения губернских властей для парирования украинских масштабных требований.

На первом заседании участники обсудили вопрос о привлечении к обсуждению местных органов не только в лице губисполкомов, но и властей уездного, волостного и даже сельского уровня по отдельным вопросам. По поводу плебисцита Червяков изначально подчеркивал, что его по этому вопросу не будет. А. Г. Белобородов, нарком внутренних дел РСФСР, предложил вынести вопрос на уездные и волостные съезды. В ответ председатель комиссии предупреждал, что необходимо относиться «очень осторожно воли изъявления (sic!) съездов советов... ибо мы все можем провести на съездах советов» [20, л. 13]. М. Н. Полоз, председатель Госплана Украины, также отметил, «знаю съезды все волеизъявляют и что следует отсюда вообще говоря» [20, л. 15]. Поэтому, по его мнению, нужно сначала провести статистическую работу, показать общую картину для руководящих органов, а затем уже выносить на обсуждение населения и съездов. Белобородов ответил ему, что «относительно плебисцита и волеизъявления не нужно больших опасений. Несомненно, что драки большой не будет. ... Кроме того, у нас Президиум ВЦИК имеет право отменить постановления съездов» [20, л. 17]. В итоге, решение вопроса населением на съездах или сходах изначально было исключено как возможный путь решения спора.

На первом заседании были зафиксированы основные принципы, которые должны применяться при урегулировании вопросов: этнографический (главный), экономический и административный (дополнительные). Отметим также, что комиссия предоставляла равные условия участникам спора. Червяков подчеркивал, что «было бы неправильным, если бы мы начали свою работу исходя из удовлетворения чьих-либо претензий или притязаний. Постановление Президиума ЦИК Союза говорит не об удовлетворении претензии, а об урегулировании границ между УССР и РСФСР» [20, л. 13].

В июле административная комиссия ВЦИК РСФСР сообщила Воронежскому губисполкому о претензиях Украины на часть уездов губернии и указала на необходимость предоставить подробные данные по этим территориям. Как указывалось в губернской газете «Воронежская коммуна», комиссия «просит губисполком не считать себя в изложении своего мнения и мотивировок связанным претензией ВУЦИК, Губисполком с своей стороны может выставить контрпретензии на территорию УССР, но эти претензии (если они будут) должны быть солидно мотивированы» [38]. Губернские власти, напечатав сообщение в газете, показывали населению, что вопрос не является заранее решенным. В следующем номере газеты в одной из заметок отмечалось, что «не касаясь того, справедливы или нет высказанные претензии, все же было бы интересно выслушать мнение работников и населения заинтересованных местностей. Прежде всего, конечно, следует уяснить себе экономическое тяготение вышеназванных местностей, национальный состав и, кроме этого, историю формации Воронежского края. Поднятый вопрос чрезвычайно интересен, и мы ждем откликов с мест, так как думаем, что в процессе практического обсуждения этого вопроса выявятся такие детали, которые могли быть не учтены авторами проекта о присоединении определенных территорий Ворон. губернии к Украине» [41]. Воронежские власти под видом нейтральности проводили свою точку зрения, а заодно, возможно, хотели сформировать мнение для центральных органов, предоставив соответствующие отклики местного населения к основному материалу. К тому же в своих выступлениях украинская сторона указывала на ходатайства о присоединении к УССР со стороны населения РСФСР¹³.

В газете «Новый путь» спорного Валуйского уезда¹⁴ в конце июля также было сообщено о претензиях Украины. Редакция призывала «высказаться по вопросу о

целесообразности и нецелесообразности присоединения» должностных лиц уезда и всех селькоров газеты [34]. Отклики стали печатать спустя месяц под заголовком «О присоединении Валуйского уезда к Украине». В одном номере были помещены три небольших заметки, в которых авторы выступили за переход к УССР. Они указывали на экономические выгоды: «крестьяне рассуждают так, что Харьков на Украине первым был разрушен и быстро оправился, потому что Украина богаче ... присоединение к Украине будет очень кстати нашему крестьянству» [30], «хозяйство может возрасти» [25]; подчеркивали административную близость: «ближе проехать в Украинский центр, чем в Москву» [30]. В статьях отмечались и национальные мотивы: «почти все крестьянство нашего уезда симпатизирует малоросам-украинцам, говорящим с ними на общем языке» [25], «преимущественно украинцы “хохлы”», поэтому присоединится «к нашій рідній Україні треба и дуже треба» [6]. В сентябре вышло еще две заметки по теме. Одна из них была написана из села Кукуевка Уразовской волости, где проживали великороссы. В ней автор сообщал, что «стремление присоединения к Украине соседних сел само собой влечет к желанию присоединиться и наши села (Кукуевку, Долгое и хут. Песчанку) с великорусским населением», однако при условии, что останется русский язык в школе и учреждениях [27].

В августе в губернской газете появилась заметка «Украинцы Воронежа о присоединении южной части нашей губ. к УССР». В ней говорилось о том, что «члены и кандидаты городского клуба имени Т. Г. Шевченко¹⁵, заслушав на общем собрании сообщение о желании УССР присоединить к ее территории южную часть Воронеж. губ. ... высказались со своей стороны в пользу такого присоединения» [8]. Подробнее про это собрание его глава Квитченко рассказал в статье на украинском языке в газете «Новый путь». По итогам собрания было принято постановление, которое повторяло национальные, экономические и административные доводы украинской стороны в территориальном споре. В документе также указывалось на необходимость распространения информации среди граждан спорных уездов и освещения вопроса на страницах местной прессы [28].

В этом же номере была напечатана статья о том, что учителя, участвовавшие в Воронежских губернских украинских курсах, заслушали вопрос о претензиях ВУЦИК и проголосовали за присоединение к Украине [7]. Активную агитацию среди них проводили члены клуба им. Шевченко. Изначально заметку о решении, вынесенном курсантами, местные украинские активисты собирались опубликовать в губернской прессе. Однако, как они сообщали в письме в редакцию газеты «Вісти ВУЦИК», «русотяпская редакция местной газеты “Воронежская коммуна” напечатать таковую отказалась» [17, л. 30].

Итак, летом 1924 г. в обсуждение вопроса были вовлечены разные акторы. Помимо дискуссий на центральном уровне, обсуждение шло и на местах. Губернские власти озвучили претензии УССР в местной печати и даже пригласили к высказыванию своего мнения население. Решение о публикациях в уездных газетах, видимо, сначала отдавалось на откуп местным редакциям. Так, одна из уездных газет «Новый путь» печатала отклики местных жителей и заметки украинских активистов из воронежского клуба им. Шевченко в поддержку присоединения к УССР, а в другой газете «Наша жизнь» таких материалов мы не найдем.

Губернские власти, предоставив площадку для выражения мнения, старались изначально показывать свою нейтральность, но в дальнейшем изменили свою позицию. По мере развития и усложнения ситуации воронежские власти стали открыто артикулировать свою линию по отношению к присоединению. Так, в «Воронежской коммуне» уже в октябре напрямую сообщалось, что власти собирают материал¹⁶, который поможет доказать, что «спорная часть территории должна быть оставлена за

нами» [9]. Сообщения о желании присоединиться к УССР в губернской и уездной прессе уже нельзя было встретить¹⁷.

Помимо вопроса о принадлежности части уездов к УССР, шло обсуждение и другого проекта изменения административно-территориальных границ – создание Центрально-Черноземной области (далее – ЦЧО). В новую область должны были войти Воронежская и Курская губернии, часть территорий которых оспаривала Украина, а также Тамбовская и Орловская губернии. Образование ЦЧО было связано с экономическим районированием РСФСР по проекту Госплана. Эта идея обсуждалась еще с 1919 г. Ведущую роль в организационном плане при образовании ЦЧО играл Воронеж, именно он изначально был запланирован как центр области. Идея Центрально-Черноземной области поддерживалась воронежскими деятелями (Б. А. Петерсом¹⁸, А. Н. Татарчуковым¹⁹, С. Н. Введенским²⁰ и др.), которые много делали для ее реализации. Кроме того, они старались обосновать, почему часть территории Воронежского края должна остаться в составе РСФСР. Претензии УССР на значительные части Курской и Воронежской губерний в случае реализации делали невозможным осуществление этого проекта. Представители Госплана, участвующие в обсуждениях, были за сохранение границ.

В ноябре шла наиболее активная дискуссия. Постоянно собирались заседания различных центральных комиссий, обсуждался вопрос в Президиуме ВЦИК. В Воронежской губернии сначала прошли два заседания фракции РКП (б) уездных съездов Советов²¹. На них обсудили вопрос о претензиях УССР и вынесли решение о нецелесообразности присоединения²². В протоколах фигурировали такие доводы, как связь с экономикой РСФСР, близость к административным центрам, отрицательное отношение местных жителей. Последнему аргументу выступающие на съездах уделяли больше всего внимания. Они указывали на то, что население высказывалось против присоединения после заметок в прессе о претензиях УССР, отказывалось от украинизации школ. Обращалось внимание на обрусение населения – «имеющаяся в уезде часть украинского населения в силу проводившейся до революции национальной политики ... ассимилировалась с великорусским составом населения» [22, л. 32]. Затем заседание IV сессии Воронежского губисполкома, проходившее 15 – 18 ноября 1924 г., также рассмотрело вопрос о претензиях УССР²³. Как и уездные партийные съезды, оно отметило «нецелесообразность отторжения значительной части территории Воронежской губ. к Украине» [10]. На сессии выступили представители спорных уездов. Они акцентировали внимание на нежелании населения присоединяться к Украине, несмотря даже на то, что многие жители этих уездов относились, по их словам, к «хохлам» / «малороссам». Для того чтобы усилить значимость данных утверждений, часть делегатов, как, например, председатель Богучарского уисполкома Мирошниченко заявлял: «Лично я, несмотря на то, что хохол и говорю по-украински, утверждаю, что тяготение со стороны нашего уезда к Украине не замечается» [22, л. 25]. Член губисполкома, крестьянин Россошанского уезда Скляренко, отмечал: «Сам я хохол. ... По моему личному мнению, большинство хохлов ... присоединяться к Украине не желает» [22, л. 26]. Выступающие не только указывали на нежелание населения, но также приводили подтверждения этому. Наиболее распространенным аргументом было указание на то, что, несмотря на возможность образования украинских школ, их практически нет: учителя не знают украинского языка, а сам украинский язык не пользуется популярностью среди населения.

На заседаниях фракции РКП (б) уездных съездов советов и IV сессии губисполкома была представлена точка зрения губернских и уездных властей по вопросу присоединения к УССР. Воронежские власти стали активно использовать аргумент, что само местное украинское население не желало присоединяться к УССР. Так, в конце резолюции, принятой на сессии губисполкома, шло обращение к президиуму

ВЦИК и ЦИК Союза «не допускать решения вопроса вопреки экономическим связям целостного района и против желания населения» [10]. В публикациях в губернских газетах²⁴ с ноября сообщалось о нежелании большинства населения присоединиться к УССР. Таким образом, губернские власти пытались повлиять на мнение местных жителей. Кроме того, как на сессии, так и в прессе подчеркивалось отличие местного украиноязычного населения от проживавшего в УССР²⁵. Указывалось на то, что в губернии были обрусевшие малороссы, а не украинцы²⁶.

Представители РСФСР во время обсуждений также обращались к мнению населения, противодействуя в том числе основному доводу (этнографическому) украинской стороны. Они подчеркивали нежелание жителей спорных территорий присоединиться к УССР, в том числе вследствие его ассимиляции. Так, 14 ноября в комиссии по районированию секретарь СНК РСФСР М. Ф. Болдырев отметил, что в Воронежской губернии «никаких признаков украинского быта, языка, характерных его особенностей, не осталось» [23, л. 5]. Украинские представители были возмущены использованием подобной аргументации²⁷. Ассимиляционные процессы осуждались в советской национальной политике [31]. Кроме того, украинская сторона, ссылаясь на постановления партии в национальном вопросе, указывала на неспособность или нежелание проведения советской украинизации властями спорных губерний. Воронежские власти, реагируя на такие обвинения, сообщали, «что у них на очереди дня уже стоит вопрос о создании в этих районах украинского округа» [24, л. 8].

Сложность спора заключалась в том, что обе стороны чаще всего приводили взаимоисключающие данные в области экономики, статистики и т. д. Зачастую и центральные отраслевые ведомства отказывались вынести какое-то решение, указывая на недостаточность сведений. По мере развития дискуссий использование аргумента о мнении населения стало играть большую роль, чем ранее.

Еще 18 октября в газете «Известия», являвшейся органом ЦИК СССР и ВЦИК, была опубликована статья секретаря ВУЦИК А. И. Буценко. В ней, кроме прочего, отмечалось желание населения спорных территорий РСФСР присоединиться к Украине. Буценко указывал на ходатайства с их стороны [5]²⁸. В комиссии по районированию 14 ноября разбирались одно из таких писем из Воронежской губернии. Представитель РСФСР Болдырев прокомментировал, что всегда есть такие, которые будут выступать за присоединение к Украине, «но их будет меньшинство, в большинстве такой тенденции ... не имеется» [23, л. 5]. Поэтому, по его мнению, руководствоваться такими письмами при решении пограничного спора не следует. На этом же заседании секретарь ВЦИК СССР Енукидзе уточнял, был ли произведен опрос населения, известно ли мнение жителей на сходах и собраниях. Болдырев ответил, что такого не было. Таким образом, можно зафиксировать, что к середине ноября возможность проведения собраний населения не отрицалась.

28 ноября на заседании комиссии районирования по урегулированию границ Аггеев, председатель губисполкома, отметил, «что меры, которые рекомендует принять Украина, не встретят сочувствия среди нашего населения. Мы имеем ряд материалов, чтобы так категорически заявлять, и думаем, что мы получим еще более неопровержимые данные в этом вопросе» [24, л. 17]²⁹. За несколько дней до этого собрания, 25 ноября, Воронежский губисполком отправил в уезды губернии циркуляр о проведении внеочередных районно-волостных съездов до 10 декабря. В 4 спорных уездах, помимо прочего, предлагалось обсудить претензии УССР, чтобы выяснить мнение местного населения [12, л. 1 об.; 15, л. 72]. Вместе с этим у уездных властей стояла задача донести свою точку зрения до крестьян. Уездные власти рассылали в волости указания с повесткой дня и датой съезда. Затем там принимались решения о проведении сельских сходов³⁰. Для проведения съездов Советов в волости

отправлялись уполномоченные – представители уездного исполнительного комитета. Они получали должностные инструкции. В них подчеркивалось: «Выступления крестьян по этому вопросу должны быть подробно вынесены в протокол съезда» [15, л. 15]. Кроме того, уполномоченный должен был провести еще 2 – 3 сельских схода. Туда, где не сможет выступить сам уполномоченный, предлагалось отправлять «местных работников ... наиболее выдержанных товарищей, которые вполне обеспечат проведение должной линии среди крестьянства» [15, л. 15]. Однако на практике местным властям часто не удавалось получить желаемый результат. Отметим, что на собраниях проводилась не только линия местных властей, но и заметна агитация местных украинских активистов. Распространялись слухи (в том числе поддерживаемые украинской стороной [31, с. 384]), что на Украине будет лучше. Для части жителей присоединение к УССР казалось решением накопившихся проблем, получением каких-то дополнительных выгод для себя³¹.

На данный момент в источниках и в литературе не было обнаружено упоминания об обсуждении результатов проведенных волостных и сельских сходов в губернии на центральном уровне³². Результаты голосования уже не были востребованы. Комиссия по урегулированию границ между РСФСР и УССР завершила свою работу в конце ноября³³. Обе стороны выступили против принятого итогового решения комиссии, вынося свои особые мнения. В итоге решение комиссии и особые мнения были отправлены на утверждение Президиума ЦИК Союза ССР. Однако 11 декабря этот вопрос также был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) [36, л. 3]³⁴. На нем присутствовал и представитель Воронежской губернии. В самом постановлении было сказано только о передаче УССР Путивльского уезда Курской губернии. 23 января 1925 г. комиссия по урегулированию границ собралась на заседание еще раз. По его итогам Троицкая волость и несколько селений Уразовской волости Валуйского уезда, то есть малая часть того, что запрашивал Харьков, должны были быть переданы Украине³⁵. В октябре 1925 г. ВЦИК СССР оставил решение по Воронежской губернии без изменений.

В марте 1925 г. в «Воронежской коммуне» в заметке «Мы и Украина» сообщалось, что вопрос о претензиях УССР «несколько раз обсуждался и на пленуме Губисполкома, и на местах, и в центре – в Москве. Решения выносились то в одну, то в другую сторону». И вопрос «центром решен окончательно и в отрицательном для Украины смысле: губерния наша остается в своих прежних границах» [33]. Про переход небольшой части Валуйского уезда в газете не говорилось. Вопрос о территориальных претензиях УССР к Воронежской губернии, несмотря на принятые решения, существовал до конца 1920-х гг. Однако границы не изменились, и столь активного обсуждения на разных уровнях, как в 1924 г., уже не было.

Итак, в процессе обсуждения проведения границ в 1924 г. активное участие приняли не только центральные акторы, представители союзных республик, но и губернские власти. Так, воронежские власти предоставляли статистический материал в центральные комиссии, участвовали в их заседаниях, определяли, как освещать вопрос на местах.

В то же время в спор оказалось вовлечено и местное население. Среди принципов, которыми необходимо было руководствоваться в вопросе разграничения, мнение населения не указывалось. Хотя с развитием спора участники дискуссий все чаще стали на него ссылаться. Несколько акторов на протяжении всего времени пытались воздействовать напрямую на жителей спорных территорий. С одной стороны, воронежские власти, которые не хотели отдавать значительную часть губернии УССР, пытались донести «правильное» мнение через прессу и затем через местные власти на волостных собраниях и сельских сходах. С другой стороны, украинские

власти и местные украинские активисты пытались мобилизовать население в пользу перехода в УССР.

Партийное руководство напрямую не вмешивалось в обсуждение в комиссиях, в процессы, которые происходили на местах. Однако основное решение оставалось за Политбюро. Факт же проведения собраний на разных уровнях, в том числе самом низовом, говорит о том, что публичные обсуждения на местах были в этот период возможны и действительно происходили.

Последнее слово в этом споре принадлежало Политбюро, которое руководствовалось своими собственными соображениями, тем более что и материалы комиссии, и информация о настроениях на местах свидетельствовали об отсутствии консенсуса по вопросу о территориальном размежевании.

Примечания

1. В дискуссиях о том, как структурировать советское пространство, основные дебаты шли о том, какой принцип должен быть главным: национальный или экономический (см., например, [39, с. 98–147]).
2. См., например: работы, посвященные советской национальной политике, [31, с. 382–388; 39, с. 218–224]; исследования, затрагивающие только вопрос об установлении границ между двумя республиками: [1; 3; 4; 37; и др.].
3. В качестве активистов автор рассматривает представителей администрации приграничных населенных пунктов и местных жителей.
4. Риндлибахер подчеркивает, что «должностные лица стремились избежать открытых дебатов об изменении границ и пограничном регулировании. Они опасались, что такая дискуссия приведет к потере контроля, и в результате к дестабилизации большевистского правления» [42, с. 93].
5. В 1924 г. в основном обращались к данным переписи 1897 г.
6. Власти УССР указывали на несоответствие этнографических границ Украины с границами девяти губерний, входящих в ее состав. В 1920-е гг. среди украинских политических деятелей был распространен взгляд на УССР как на Пьемонт XX в., центр объединения украинцев, проживающих в разных государствах. Советская Украина использовала этот аргумент и во внутренних спорах с РСФСР.
7. 12 мая 1924 г. в губернии произошел переход на новое административное деление. Хотя в ряде документов в течение всего 1924 г. встречается обращение и к старому делению. Претензии УССР распространялись на территорию этих уездов согласно новому делению. По данным воронежских властей в этих уездах украинцы составляли от 50 до 95 % всего населения [14, л. 65].
8. В Воронежской губернии, где проживало украиноязычное население, должна была проводиться политика украинизации. Она являлась составной частью советской национальной политики (подробнее см.: [31]).
9. В это же время также обсуждался вопрос о передаче территорий УССР Юго-Восточной области РСФСР.
10. В Валуйском уезде украиноязычное население составляло чуть более половины жителей.
11. Подробнее о работе этой комиссии и других, в которых рассматривался вопрос о территориальных претензиях см.: [3; 42; и др.].
12. Это согласно территориальному делению губернии до мая 1924 г.
13. Сначала в пример приводились материалы из Курской губернии. В дальнейшем, по мере развития спора, появились материалы и из Воронежской губернии.
14. В газете с весны печатались материалы и на украинском языке. В другой газете «Наша жизнь» также спорного Острогожского уезда вопрос о присоединении не освещался до декабря.
15. Клуб существовал в Воронеже с 1921 г. Часть его членов принимали участие в украинском движении в губернии в 1917 г.
16. В октябре от воронежских властей в Госплан и комиссию по районированию потребовали материалы о границах Воронежской губернии с УССР. Губернские власти отправили в Москву своих представителей с документами, указывая на то, что пока этот материал ориентировочный [11, л. 19].
17. В декабре появился документ, в котором отмечалось, что вопросы по поводу присоединения к УССР должны были печататься только с ведома губкома [15, л. 3].
18. Проживал в Воронеже с 1919 по 1926 г. В разное время занимал должности председателя Воронежской комиссии по районированию, губернской плановой комиссии, являлся автором большого количества работ, посвященных ЦЧО.
19. Экономист, статист. В 1920-е гг. председатель секции экономического районирования Воронежской плановой комиссии, секретарь областной плановой комиссии.

- 20.** Преподаватель ВГУ, историк, занимавшийся изучением заселения Воронежского края. В 1920-е гг. возглавлял краеведческое движение, принимал участие в различных конференциях, посвященных ЦЧО.
- 21.** 3 ноября в Россоши и 13 ноября в Острогожске.
- 22.** Позже, 29 ноября, был проведен также и пленум фракции РКП (б) в Валуйском уезде, который также принял решение остаться в пределах Воронежской губернии.
- 23.** Во время прохождения сессии губернскими властями была получена телеграмма: 17 ноября в Президиуме ВЦИК РСФСР будет слушаться вопрос о границах РСФСР и УССР, поэтому необходимо откомандировать представителя. В Москву поехал председатель губисполкома С. П. Аггеев. В это же время местные власти отправляли членам комиссии, в Президиум ВЦИК, выписки из протокола IV сессии. 19 ноября его перенаправили в Секретариат Сталина. В 20-х числах ноября губернские власти начали рассылать и выписки постановлений фракций РКП (б) Острогожского и Россошанского уезда. К протоколам этих собраний, находящимся в ГАРФ и ГАОПИ ВО, обращались и другие историки, например, [3; 26].
- 24.** Помимо «Воронежской коммуны» выходила еще одна губернская газета «Наша газета».
- 25.** Например: «делегаты указывали, главным образом, на то, что, хотя они и считаются малороссами, но таковыми уже не являются» [10]; «язык, обычаи воронежских малороссов стали мало походить на украинцев» [29].
- 26.** Отметим, что в Российской империи существовала официальная версия общерусского дискурса: великороссы, малороссы и белорусы – части триединой русской нации, где понятие «украинец» отрицалось как таковое. Однако в контексте советской национальной политики «маркер малоросс нагроужается... негативным содержанием, что малоросс – обидное прозвище, наследие русификации и колониализма» [32]. В официальных документах стали применять понятие «украинец» ко всем украиноязычным жителям советского государства [2]. Примеры употребления понятия «малоросс» во время территориального спора во второй половине 1924 г. скорее являются исключением. Уже в начале 1925 г. в прессе указание на ассимиляционные процессы применительно к населению губернии исчезло из риторики.
- 27.** Секретарь ВУЦИК А. И. Буценко жаловался в докладной в ЦК КП(б)У, что на заседании комиссии употребляются такие понятия, как «великоросс» и «малоросс» [1, с. 55].
- 28.** В начале работы комиссии по урегулированию границы ее секретарь Золотаревский предлагал опубликовать статью по поводу ее работы. Секретарь ВЦИК СССР Енукидзе отметил, что обсуждать такие вопросы до решения вопроса в прессе не стоит, так как многие участки являются слишком спорными. Риндлисахер указывает на этот пример, когда подчеркивает, что партийное руководство не выносило на публичное обсуждение территориальный спор. Однако в местной печати этот вопрос затрагивался, а в октябре в центральной газете все же была напечатана статья Буценко. Кстати, на его статью ссылались участники украинского клуба в Воронеже в своей повторной резолюции о поддержке территориальных претензий УССР [17, л. 29].
- 29.** Отметим, что в постановлении Президиума ВЦИК РСФСР от 17 ноября среди принципов, которыми предложено было руководствоваться представителям РСФСР при рассмотрении дела в комиссии по урегулированию границы, желание населения не указывалось [11, л. 85]. На этом заседании ВЦИК присутствовал и Аггеев. Губернские власти, возможно, по неформальному согласованию с кем-то из членов комиссии все же решили провести опрос населения. По имеющимся данным в соседней Курской губернии обсуждения прошли только на пленуме губкома и уездных партийных конференциях [26, с. 180–187].
- 30.** Обсуждение среди крестьянства было запланировано властями, но не во всех сельских обществах, а выборочно.
- 31.** Подробнее проведение и итоги волостных съездов и сельских сходов планируется рассмотреть в отдельной статье. Материалы этих собраний сохранились в ГАОПИ ВО [14; 15].
- 32.** Хотя в обращениях тех, кто был заинтересован в переходе этих территорий к УССР, встречаются отсылки к этим собраниям. Поэтому о них и некоторых итогах высшее руководство могло знать, даже не имея подробного отчета.
- 33.** По Воронежской губернии было принято следующее решение: к УССР должен был отойти Валуйский уезд. Остальные три спорных уезда – Острогожский, Россошанский и Богучарский – было решено оставить в пределах Воронежской губернии [11, л. 98]. Как отмечал на заседании Червяков, при условии, что «районы будут иметь возможность развивать свою национальную культуру и т. д.» [24, л. 8], как, впрочем, и УССР должна была выполнять такие же обязательства по отношению к русскому населению на передаваемых территориях.
- 34.** До этого 11 июля Политбюро также приняло решение о передаче Таганрога и Шахтинского округа в состав РСФСР [3; 42].
- 35.** В особом мнении, которое было вынесено после решения комиссии, именно эту территорию в Воронежской губернии российская сторона была готова отдать. [19, л. 17]. В одном из черновиков ответа

губисполкома на запрос Административной комиссии ВЦИК от февраля 1925 г. сохранился абзац: «вопрос о южных уездах Воронежской губернии ... был решен Политбюро (декабрь 1924 г.) окончательно и бесповоротно в пользу оставления названных уездов в составе Воронежской губернии» [16, л. 4]. Таким образом, на местах не все знали о дополнении к решению Политбюро или были не согласны с ним.

Список источников и литературы

1. Боечко В. Д., Ганжа О. Г, Захарчук Б. І. Кордони України; історична ретроспектива та сучасний стан. Київ: Основи, 1994. 168 с.
2. Борисенко Е. Ю. Из малороссов – в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 171–186.
3. Борисенко Е. Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / отв. ред. Л. Е. Горизонтов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 205–237.
4. Брязгунов Ю. А. Міжнародно-правові аспекти територіальної проблеми на Воронезчині 1917 – 1918 та 1924 – 1925 рр. // Україна дипломатична : наук. щорічник. 2005. Вип. 6. С. 407–429.
5. Буценко А. К вопросу об урегулировании государственной границы УССР с РСФСР и БССР // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1924. 18 окт. (№ 239). С. 2.
6. Валуйки ближе к Украинскому центру // Новый путь. 1924. 24 авг. (№ 58). С. 2.
7. Вирішення курсів // Новый путь. 1924. 31 авг. (№ 60). С. 2.
8. Воронежская коммуна. 1924. 15 авг. (№ 184). С. 4.
9. Воронежская коммуна. 1924. 21 окт. (№ 241). С. 4.
10. Воронежская коммуна. 1924. 20 нояб. (№ 265). С. 1.
11. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 732.
12. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 786.
13. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 905.
14. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 960.
15. ГАОПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 961.
16. ГАОПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1192.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-3316. Оп. 17. Д. 719.
18. ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 4.
19. ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 5.
20. ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 11.
21. ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 12.
22. ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 17.
23. ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 19.
24. ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 20.
25. Гриднев. Выгоднее присоединить // Новый путь. 24 авг. (№ 58). С. 2.
26. Дроздов К.С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923 – 1933 гг. М.: Ин-т рос. ист. РАН : Центр гуманитар. инициатив, 2016. 487 с.
27. Жуков. Против ничего не имеют // Новый путь. 1924. 11 сент. (№ 63). С. 2.
28. Квітченко П. Прилучіть до України // Новый путь. 1924. 31 авг. (№ 60). С. 2.
29. Крестьяне против. Присоединение к Украине // Наша газета. 1924. 24 дек. (№ 96). С. 3.
30. Крестьянин из Палатово. Голосуем за присоединение // Новый путь. 24 авг. (№ 58). С. 2.
31. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923 – 1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
32. Миллер А. И. Неуловимый малоросс: историческая справка // Россия в глобальной политике. 2018. № 2 (март-апрель). URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/neulovimyj-maloross-istoricheskaya-spravka/> (дата обращения: 10.11.2023).
33. Мы и Украина // Воронежская коммуна. 1925. 3 марта (№ 51). С. 3.
34. О присоединении Валуйского уезда к Украине // Новый путь. 1924. 27 июля (№ 52). С. 3.

35. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 9. Тетрадь 2: Воронежская губерния.* СПб.: Изд. Центр. стат. комитетом М-ва внутр. дел, 1904. 255 с.
36. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 480.
37. *Татаринев И. Е.* К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917 – 1925 гг. // *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2019. № 1. С. 103–113.
38. Украина претендует на часть территории нашей губернии // *Воронежская коммуна.* 1924. 24 июля (№ 165). С. 3.
39. *Хириш Ф.* Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛЮ, 2022. 472 с.
40. *Шульгина А. Н.* Споры о принадлежности части территорий Воронежской губернии к России или Украине в 1917 – 1918 гг. // *Новое прошлое/The New Past.* 2022. № 3. С. 106–126.
41. *Щ. А.* К вопросам районирования // *Воронежская Коммуна.* 1924. 25 июля (№ 166). С. 4.
42. *Rindlisbacher S.* From Space to Territory: Negotiating the Russo-Ukrainian Border, 1919 – 1928 // *Revolutionary Russia.* 2018. Vol. 31, Issue 1. P. 86–106. URL: <https://doi.org/10.1080/09546545.2018.1478771> (дата обращения: 10.11.2023).
43. *Rindlisbacher S.* Contested Lines: The Russo-Ukrainian Border, 1917–29 // *Making Ukraine: Negotiating, Contesting, and Drawing the Borders in the Twentieth Century* / ed. O. Palko, C. Ardeleanu. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's University Press, 2022. P. 189–209.

References

1. Boechko, VD, Ganzha, OG & Zakharchuk, BI 1994, *Kordoni Ukraïni; istorichna retrospektiva ta suchasni stan* (The Boundaries of Ukraine; Historical Retrospect and Current Status), Osnovi publ, Kiïv. (In Ukrainian)
2. Borisenok, EYu 2014, 'Iz malorossov – v ukraintsy: bol'shevistskaya strategiya identifikatsii natsional'noi prinadlezhnosti' (From Little-Russians into Ukrainians: the Bolshevik Strategy of Identification of the National Affiliation), *Slavic Almanac*, no 1–2, pp. 171–186. (In Russ.)
3. Borisenok, EYu 2005, 'Ukraina i Rossiya: spor o granitsakh v 1920-e gody' (Ukraine and Russia: the debate on borders in the 1920s), *Regiony i granitsy Ukraïny v istoricheskoi retrospektive* (Regions and Borders of Ukraine in Historical Retrospect), ed. L.E. Gorizontov, In-t slavyanovedeniya RAN publ, Moscow, pp. 205–235. (In Russ.)
4. Bryazgunov, YuA 2005, 'Mizhnarodno-pravovi aspekti teritorial'noi problemi na Voronezhchini 1917 – 1918 ta 1924 – 1925 rr.' (International legal aspects of the territorial problem in the Voronezh region 1917 – 1918 and 1924 – 1925), in *Ukraina diplomatichna: nauk. Shchorichnik*, no.6, pp. 407–429. (In Ukrainian)
5. Butsenko, A 1924, 'K voprosu ob uregulirovanii gosudarstvennoy granitsy USSR s RSFSR i BSSR' (On the issue of settling the state border of the Ukrainian SSR with the RSFSR and the BSSR), *The Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK*, 18 October, p. 2. (In Russ.)
6. 'Valuiki blizhe k Ukrainskomu tsentru' (Valuyki is closer to the Ukrainian center) 1924, *The Novyi put'*, 24 August, p. 2. (In Russ.)
7. 'Virisheniya kursiv' (The solution of the course) 1924, *The Novyi put'*, 31 August, p. 2. (In Russ.)
8. *The Voronezhskaya kommuna*, 1924, 15 August, p. 4. (In Russ.)
9. *The Voronezhskaya kommuna*, 1924, 21 October, p. 4 (In Russ.)
10. *The Voronezhskaya kommuna*, 1924, 20 November, p. 1. (In Russ.)
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Voronezhskoy oblasti* (GAVO), (State Archive of Voronezh Oblast), fund R-10, inventory 1, file 732. (In Russ.)
12. GAVO, fund R-10, inventory 1, file 786. (In Russ.)
13. GAVO, fund R-10, inventory 1, file 905. (In Russ.)

14. *Gosudarstvennyy arkhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Voronezhskoy oblasti* (GAOPI VO), (State Archive of Socio-Political History of Voronezh Oblast), fund 1, inventory 1, file 960. (In Russ.)
15. *GAOPI VO*, fund 1, inventory 1, file 961. (In Russ.)
16. *GAOPI VO*, fund 1, inventory 1, file 1192. (In Russ.)
17. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiiskoy Federatsii* (GARF), (State Archive of the Russian Federation), fund R-3316, inventory 17, file 719. (In Russ.)
18. *GARF*, fund R-6892, inventory 1, file 4. (In Russ.)
19. *GARF*, fund R-6892, inventory 1, file 5. (In Russ.)
20. *GARF*, fund R-6892, inventory 1, file 11. (In Russ.)
21. *GARF*, fund R-6892, inventory 1, file 12. (In Russ.)
22. *GARF*, fund R-6892, inventory 1, file 17. (In Russ.)
23. *GARF*, fund R-6892, inventory 1, file 19. (In Russ.)
24. *GARF*, fund R-6892, inventory 1, file 20. (In Russ.)
25. Gridnev 1924 'Vygodnee prisoedinit'(It's more profitable to annex), *The Novyi put'*, 24 August, p. 2. (In Russ.)
26. Drozdov, KS 2016, *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozemye 1923 – 1933 gg.* (The policy of Ukrainization in the Central Chernozem region 1923–1933). Institut rossiiskoy istorii RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ, Moscow. (In Russ.)
27. 'Zhukov. Protiv nichego ne imeyut' (Zhukov. They have nothing against it) 1924, *The Novyi put'*, 11 September, p. 2. (In Russ.)
28. Kvitchenko, P 1924, 'Priluchit' do Ukraini' (Joining Ukraine), *The Novyi put'*, 31 August, p. 2. (In Russ.)
29. 'Krest'yane protiv. Prisoedineniye k Ukraine' (The peasants are against it. Joining Ukraine) 1924, *Nasha gazeta*, 24 December, p. 3. (In Russ.)
30. 'Krest'yanin iz Palatovo. Golosuem za prisoedineniye' (A peasant from Palatovo. Vote to join) 1924, *The Novyi put'*, 24 August, p. 2. (In Russ.)
31. Martin, T 2011, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923 – 1939*, trans. O.R. Shchelokova, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
32. Miller, AI 2018, 'Neulovimyy maloross: istoricheskaya spravka' (The elusive Little Russian: historical background), *Russia in Global Affairs*, no. 2, viewed 10 November 2023, <https://www.globalaffairs.ru/articles/neulovimyj-maloross-istoricheskaya-spravka/> (In Russ.)
33. 'My i Ukraina' (We and Ukraine) 1925, *The Voronezhskaya kommuna*, no. 51, 3 March, p. 3. (In Russ.)
34. 'O prisoedinenii Valuyskogo uyezda k Ukraine' (On the accession of Valuysky uyezd to Ukraine) 1924, *The Novyi put'*, no. 52, 27 July, p. 3. (In Russ.)
35. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897. Voronezhskaya guberniya* (The first general census of the population of the Russian Empire, 1897. Voronezh province) 1904, vol. 9, layer 2, Izd. Tsentr. Stat. komitetom M-va vn. Del publ, St. Petersburg. (In Russ.)
36. *Rossiiskyy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii (RGASPI)*, (Russian State Archive of Socio-Political History), fund 17, inventory 3, file 480. (In Russ.)
37. Tatarinov, IE 2019, 'K voprosu o formirovanii rossiisko-ukrainskoy granitsy na yuge Tsentral'nogo Chernozemya v 1917 – 1925 gg'. (On the formation of the Russian-Ukrainian border in the south of the Central Black Earth Region in 1917 – 1925), *Ojkumena. Regional researches*, no. 1. pp. 103–113, doi: 10.24866/1998-6785/2019-1/103-113. (In Russ.)
38. 'Ukraina pretenduyet na chast' territorii nashey gubernii' (Ukraine claims part of the territory of our province) 1924, *The Voronezhskaya kommuna*, no. 165, 24 July, p. 3. (In Russ.)
39. Hirsch, F 2022, *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*, trans. R. Ibatullina, Novoye literaturnoe obozrenie publ, Moscow. (In Russ.)
40. Shulgina, AN 2022, 'Spory o prinadlezhnosti chasti territorii Voronezhskoy gubernii k Rossii ili Ukraine v 1917 – 1918 gg.' (Disputes about the Territorial Belonging of Part of the Voronezh Province to Russia or Ukraine in 1917 – 1918), *The New Past*, no. 3. pp. 106–126, doi: 10.18522/2500-3224-2022-3-106-126. (In Russ.)
41. ShchA 1924, 'K voprosam rayonirovaniya' (To the regionalization issues), *The Voronezhskaya kommuna*, no. 166, 25 July, p. 4. (In Russ.)

42. Rindlisbacher S 2018, 'From Space to Territory: Negotiating the Russo-Ukrainian Border, 1919–1928', *Revolutionary Russia*, vol. 31, no 1, pp. 86–106, viewed 10 November 2023, doi: 10.1080/09546545.2018.1478771
43. Rindlisbacher S 2022, 'Contested Lines: The Russo-Ukrainian Border, 1917 – 29' in O Palko & C Ardeleanu (ed.), *Making Ukraine: Negotiating, Contesting, and Drawing the Borders in the Twentieth Century*, McGill-Queen's University Press publ, Montreal & Kingston, London, Chicago, pp. 189–209.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2023
Одобрена после рецензирования: 12.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 03.12.2023
Approved after reviewing: 12.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 104–111.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 1 (17). P. 104–111.

Научная статья

УДК 94(470.5)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-104-111>

**НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКИХ УРЯДНИКОВ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ
«ОРЕНБУРГСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»)**

***Сергей Михайлович
Рязанов***

Пермский институт ФСИН России
Пермь, Россия, s_ryazanov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>

Аннотация. Целью данной работы является анализ деятельности полицейских урядников. Круг их обязанностей согласно инструкции был чрезвычайно широк, а, учитывая значительные размеры их участков, вряд ли в полном объеме выполним. В связи с этим для понимания специфики их службы периодическая печать приобретает не меньшее значение, чем нормативно-правовая документация. В качестве базы исследования была выбрана Оренбургская губерния. В ходе анализа сообщений о деятельности полицейских урядников, публиковавшихся на страницах местного официального издания в 1879 г., были получены следующие выводы. На первом месте для полицейских урядников стояла борьба с преступностью, прежде всего кражами. В связи со спецификой Оренбургской губернии почти половину хищений составляли кражи лошадей. На втором месте для оренбургских урядников была пожарная безопасность. Среди сообщений преобладала информация о расследованиях уже произошедших пожаров, хотя меры к их предотвращению также принимались. На третьем месте – борьба с нарушением санитарных правил. Прежде всего, речь шла о наблюдении за очисткой селений и берегов рек от мусора, навоза и прочих нечистот. На четвертой позиции стоял паспортный контроль. На пятой – соблюдение правил торговли. Преобладали сообщения о протоколировании «беспатентной» торговли, хотя боролись и с другими нарушениями, например, с использованием «неклеимленных» мер и весов. Разумеется, были и другие явления, которые протоколировались полицейскими урядниками. Однако, судя по газете «Оренбургские губернские ведомости», они не играли в их деятельности значительной роли.

Ключевые слова: институт полицейских урядников, периодика, полицейская реформа, преступность, региональная периодика, Урал, формально-количественный анализ.

Для цитирования: Рязанов С. М. Направления деятельности полицейских урядников в начальный период существования института (по материалам газеты «Оренбургские губернские ведомости») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 104–111. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-104-111>

Сведения об авторе: С. М. Рязанов – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Пермский институт ФСИН России, 614012, Россия, Пермская область, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125.

Scientific Article
UDC 94(470.5)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-104-111>

AREAS OF VILLAGE POLICEMEN' ACTIVITIES IN THE INITIAL PERIOD OF THE INSTITUTE'S EXISTENCE (BASED ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER "ORENBURGSKIYE GUBERNSKIYE VEDOMOSTI")

Sergey M. Ryazanov

Perm Institute of the FPS of Russia
Perm, Russia, s_ryazanov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>

Abstract. The purpose of this work was to analyze the policing of the village policemen. According to the instruction, the range of their responsibilities was extremely wide, and, given the significant size of their areas, unlikely to be fully fulfilled. In this regard, the periodical press becomes as important as the legal and regulatory documentation for understanding the specifics of their service. The Orenburg province was chosen as the base for the study. During the analysis of reports on the policing of the police constables, published on the pages of the local official periodical in 1879, the author draws the following conclusions: the first priority for village policemen was the fight against crimes, primarily thefts. Due to the specifics of the Orenburg province, almost half of the thefts were horse thefts. Fire safety was in second place for Orenburg village policemen. Investigations into fires that had already occurred dominated the reports, although measures to prevent them were also being taken. In the third place is the fight against violations of sanitary rules. First of all, it was about monitoring the cleaning of villages and river banks from garbage and manure. In fourth place is passport control. In fifth position was compliance with trade rules. Reports of "patentless" trade were predominant, although other violations, such as the use of "unstamped" weights and measures, were also combated. Of course, there were other situations that were also recorded by village policemen. However, judging by the "Orenburgskiy Gubernskiy Vedomosti" newspaper, they did not play a significant role in their activities.

Keywords: institute of village policemen, periodicals, police reform, criminality, regional periodicals, the Urals, formal quantitative analysis.

For citation: Ryazanov, SM 2024, 'Areas of Village Policemen' Activities in the Initial Period of the Institute's Existence (Based on the Materials of the Newspaper "Orenburgskiy Gubernskiy Vedomosti")', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 104–111, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-104-111> (in Russ.)

Information about the Author: *Sergey M. Ryazanov* – Associate Professor, PhD in History, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Perm Institute of the FPS of Russia, 125, Karpinsky Str., Perm Region, Perm, 614012, Russia.

Введение

Если обратиться к законодательству Российской империи XVIII – XIX вв., то можно убедиться, что круг задач полиции был необычайно широк и вряд ли выполнен в полной мере, особенно с учетом весьма скромных штатов. Однако именно нормативно-правовая база послужила дореволюционным ученым основным источником в изучении полицейской деятельности. В результате как историки-государственники, так и либеральные исследователи констатировали лишь необычайную широту функций и необходимость сужения круга полицейских обязанностей. Первые – для более эффективного решения оставшихся задач [2; 6], вторые – для прекращения ущемления полицией прав граждан [3; 4]. Советская историография, которая опиралась преимущественно на те же источники, нередко повторяла выводы либеральных юристов [7; 14]. Новый этап изучения полиции наступил на рубеже тысячелетий, когда историки взялись за изучение огромного массива сохранившихся делопроизводственных источников по истории полиции, как в центральных, так и в местных архивах. Однако этот богатый материал часто мог лишь иллюстрировать те многообразные задачи, с которыми полиция должна была справляться, но не позволял выстроить какую-либо четкую иерархию [12; 13].

Методы и материалы

В то же время ученые недооценивают информационный потенциал дореволюционной периодической печати. В 1878 – 1880 гг. для создания положительного образа новоучрежденных полицейских урядников все сообщения об их деятельности не просто доставлялись в департамент полиции исполнительной, но и публиковались на страницах местных губернских ведомостей. Постепенно сообщения эти становились все более редкими и менее подробными и, наконец, свелись к простым статистическим таблицам, в которых указывалось количественные данные о раскрытых урядником преступлениях, о возвращенных потерпевшим деньгах и ином имуществе, о задержанных, об иных дознаниях, о жителях в участке. Несмотря на то что таблицы гораздо легче подвергнуть статистической обработке, в отличие от сообщений они не раскрывают всего многообразия деятельности урядников. Последние же, благодаря формально-количественному анализу, могут дать весьма четкое представление о том, чем же в действительности занималось низовое звено полиции. Такую возможность не дают не только нормативные, но нередко и описательные архивные источники.

Разумеется, степень объективности представленных сведений не стоит абсолютизировать, значительная часть информации в данные публикации могли не включаться. Это особенно заметно при сравнении публикаций о деятельности полицейских урядников в разных губерниях. Например, в «Вятских губернских ведомостях» за 1879 г. практически нет информации о расследовании полицейскими урядниками случаев пожаров, тогда как в «Оренбургских губернских ведомостях» они составляют 6,46 % от всех сообщений. Учитывая, что, во-первых, расследование пожаров являлось одной из задач полицейских урядников, а, во-вторых, Вятская губерния в 20 раз (!) превосходила Оренбургскую по числу пожаров за пределами городов [8, с. 135; 9, с. 68], данная диспропорция явно не отражает действительного положения вещей. Наоборот, по причине того, что эта деятельность вятской полиции была настолько неустанной и рутинной, власти не видели смысла о ней сообщать.

В качестве базы настоящего исследования выбрана Оренбургская губерния, территория достаточно уникальная. С одной стороны в ней, как и во всех «губерниях по общему учреждению управляемых», должности полицейских урядников были учреждены в конце 1878 г., но, с другой – там существовали специфические нормативно-правовые режимы для казаков и киргизского населения.

К настоящему времени было просмотрено 42 номера газеты «Оренбургские губернские ведомости» за 1879 г. из 52, т. е. 80,8 %, что делает данную выборку вполне репрезентативной для данного года. В газете выявлено 1273 «действия» урядников в 1879 г., которые заключались как в составлении протоколов и дознаний по различным правонарушениям, так и в непосредственной деятельности полицейских, например, по прекращению пожара или проверке ночного караула. Некоторые из этих «действий», возможно, относятся к 1878 г., так как дата составления протокола или произошедшего события указана далеко не везде. Однако для данного исследования это не имеет принципиального значения. Наибольшее влияние субъективного фактора наблюдалось при объединении описательной информации о разнообразных действиях урядников к единым категориям. Но даже с учетом этого и вышеприведенного недостатков настоящее исследование более объективно и взвешено, чем выведение иерархии полицейской деятельности без всяких количественных подсчетов, на основе традиционных методов анализа исторических источников. Сведения о действиях полицейских урядников публиковались в «Оренбургских губернских ведомостях» и в последующие годы. Их изучение может стать предметом дальнейших исследований.

Помимо формально-количественного метода в работе использовались и традиционные методы исторической науки: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты

Наиболее распространенным явлением, с которым имел дело урядник, были хищения имущества, преимущественно кражи. Всего данным правонарушениям посвящено 239 сообщений, т. е. 18,76 %. Из этого видно, что расследования и розыски по ним не составляли даже четверти от общей нагрузки полицейского урядника Оренбургской губернии. Почти половину среди всех расследуемых хищений составляло конокрадство – 100 «действий» (41,84 %). Кроме того, полицейские урядники протоколировали опознание пропавших лошадей (10; 0,79 %), выкуп крестьянами краденых лошадей (5; 0,39 %), выявляли подложные расписки на лошадей (3; 0,24 %) и т. д. Среди других корыстных преступлений относительно распространены были лишь самовольные порубки в местных лесных дачах, составившие 20 (1,57 %) случаев. Расследование насильственных преступлений было распространено еще в меньшей степени. Убийств касалось только 20 (1,57 %) сообщений. О нанесении ран, побоев, жестоком обращении с женой свидетельствовали 42 (3,3 %).

Значительный блок составляет деятельность полицейских урядников, связанная с пожарами. Только расследование уже случившихся пожаров составило 81 (6,46 %) сообщение. 12 (14,81 %) из них произошло по причине поджога. Еще 6 (7,41 %) – от неисправности дымовой трубы. Один – из-за неосторожного обращения с огнем. У остальных причина не указана или неизвестна. Ущерб от пожаров в селениях был несравним: от сгоревших хозяйственных построек, оцененных в несколько рублей до бушевавшего несколько дней пламени, в котором сгорело 123 дома, включая и тот, в котором жил сам полицейский урядник. Кроме того, полицейскими урядниками расследовалось 11 (0,86 %) случаев напольных пожаров, 5 (45,5 %) из которых были вызваны поджогами, и 4 (0,31 %) – лесных пожаров, половина из которых также произошла из-за поджогов. Как минимум, в 14 (1,1 %) случаях урядник принимал меры по тушению огня: в 8 (57,14 %) – при пожарах в селениях, в 2 (14,29 %) – на лесных пожарах, в 2 – при напольных пожарах и еще в 2 пожарах без уточнения места. Кроме того, полицейские урядники составили протоколы об ослупании 8 казаков при тушении пожара и о недонесении об уже произошедшем пожаре за взятку. Значительную часть деятельности нижних чинов полиции, особенно в период активизации пожаров в губернии, составляли меры по их предупреждению.

29 (2,28 %) сообщений касались проверки полицейским урядником ночного обхода и пожарного инструмента, 5 (0,39 %) – исправности дымовых труб, 4 (0,24 %) – наличия в бочках воды и еще 22 (1,73 %) – соблюдения правил предосторожности от огня, без каких-либо уточнений. Полицейскими урядниками было составлено 6 (0,47 %) протоколов о неисполнении ночного караула, 5 (0,39 %) – о неисправности дымовых труб, 4 (0,31 %) – о неисправности пожарного инструмента или машины, 3 (0,24 %) – о неосторожном обращении с огнем, по одному – об отлучке с дневки при пожарной машине и отсутствию воды в бочке. 4 (0,34 %) сообщения касались профилактической работы урядников по «увещиванию» сельского населения к соблюдению правил предосторожности от огня. Кроме того, в одном случае полицейский урядник следил за опалкой полей, а в другом – предупредил сжигание хвои, которое могло привести к пожару. Таким образом, даже с учетом дознаний по уже случившимся пожарам, противопожарная деятельность полицейских урядников составила 15,44 % от всех сообщений.

Можно выделить также отдельный раздел, посвященный соблюдению санитарных норм, прежде всего профилактике эпидемий и эпизоотий, отнимавший немалым менее сил у оренбургских полицейских урядников (11,25 %). 51 (4,01 %) сообщение относилось к контролю урядника за очисткой селений и берегов рек от мусора, нечистот и навоза. 36 (2,83 %) протоколов было составлено о неисполнении требований по очистке улиц и дворов, 11 (0,86 %) – о вывозе нечистот в неуказанное место, 3 (0,24 %) – о засорении водоемов, один – о нечистоте в арестантском помещении. Помимо гигиенических норм отмечались многочисленные нарушения санитарных предписаний, связанных с противодействием эпизоотиям: 10 (0,79 %) случаев обнаружения снятия кожи с палого скота, 7 (0,55 %) – незарытия палого скота или зарытия в непопозвоженном месте, 6 (0,47 %) – непринятия мер к прекращению эпизоотии, 5 (0,39 %) – недонесения о начавшейся у скота заразной болезни, 2 (0,16 %) – обнаружения заразной болезни животных, по одному – самовольного прогона большого скота, продажи кожи палого скота и пастьбы скота без соблюдения правил. Кроме того, зафиксировано 5 (0,39 %) случаев помощи полицейского урядника в прекращении уже начавшейся эпизоотии, 2 (0,16 %) – наблюдения за свалкой палого скота. В том, что касается заразных болезней людей, – найдено единственное донесение полицейского урядника о появлении оспы у детей.

Большую роль в деятельности урядников Оренбургской губернии играло наблюдение за соблюдением паспортных правил. За «бесписьменность» (отсутствие паспорта), просроченный письменный вид на жительство или истекший билет на отлучку было задержано как минимум 136 человек (10,68 %). К этому правонарушению тесно примыкал сбор милостыни (25; 1,96 %), так как 40 % нищих привлекались еще и за «бесписьменность». В одном случае отсутствие паспорта было связано с укрывательством от воинской повинности. Хотя в целом данное правонарушение было не особенно распространено. Было задержано всего 5 (0,39 %) человек, которые уклонялись от призыва. Кроме того, одно «сообщение» касалось розыска полицейским урядником «уклонистов» и одно – отрубания пальца призывником после получения повестки.

Важным направлением деятельности урядников была борьба с различными нарушениями торговли (8,02 %), прежде всего беспатентная торговля. Несмотря на то что «казенная продажа питей» еще не была в это время введена, больше всего случаев зафиксировано незаконной торговли алкогольными напитками – 17 (1,34 %), табаком – 6 (0,47 %), иными товарами или без уточнения товара – 25 (1,96 %) случаев. Кроме того, отмечено 14 (1,1 %) случаев использования неточных (неклеимых) мер, 10 (0,79 %) случаев продажи тухлой рыбы или мяса, 5 (0,39 %) случаев торговли вином в непопозвоженное время, 4 (0,31 %) случая отворенных или неправильно устро-

енных дверей в питейном заведении, 4 случая отсутствия вывесок на лавках, 3 (0,24 %) случая допуска к работе в питейном заведении без приказщицкого свидетельства, один – нечистоты в питейном заведении. Выявлены также неправильные действия 7 (0,55 %) торговцев – без уточнения, в чем они выражались. Отмечались и более специфические случаи: продажа табака дороже бандероли, продажа травы вместо чая, продажа чая с подмесью травы (2; 0,16 %) и даже отравление жителей чаем с подмесью табака. 2 (0,16 %) сообщений касались объезда полицейскими урядниками мест торговли.

Немало внимания уделяли оренбургские полицейские урядники состоянию транспортных артерий региона – в 52 (4,08 %) случаях сообщалось об осмотре дорог, мостов или трактов. Отдельные протоколы касались отказа башкир от исправления коммерческого тракта, обнаружению сгоревшего моста, постройке новых мостов, выявлению неисправности дороги.

Достаточно много протоколов составлялось по случаю – как естественной смерти сельских жителей, так и их гибели от несчастных случаев. О скоропостижно умерших – 34 (2,67 %). Об утонувших – 9 (0,71 %). О найденных мертвых телах без следов насильственной смерти – 4 (0,31 %).

Дискуссия

В отечественной историографии не без оснований закрепилось мнение, что введение института урядников, как и многие другие преобразования общей полиции второй половины XIX – начала XX в., имели целью борьбу с «политическими беспорядками». Эффективно противостоять новым негативным явлениям в конце 70-х гг. XIX в. выборная сельская полиция очевидно не могла [1, с. 35–37; 11, с. 82]. Однако формально-количественный анализ деятельности полицейских урядников в рассматриваемый период говорит о том, что в провинции институт действовал в интересах общества в целом, а не только «господствующего класса». Разумеется, справлялись при этом полицейские урядники со своими задачами далеко не так эффективно, как ситуация того требовала, на что были объективные и субъективные причины, изучение которых не входит в круг задач настоящего исследования.

Формально-количественный анализ подтверждает также на более высоком уровне объективности не раз встречавшееся в историографии мнение, что общая полиция Российской империи во второй половине XIX в. оставалась не только правоохранительным, но и административным органом [5, с. 83; 10, с. 105]. Как видно из настоящего исследования, борьба с преступностью, хотя и играла важную роль, но не составляла сущности деятельности полицейских урядников.

Заключение

Можно сделать вывод, что значительный акцент в своей деятельности оренбургские полицейские урядники в 1879 г. делали на борьбу с уголовными правонарушениями, прежде всего кражами. На втором месте стояло противодействие пожарам. На третьем – борьба с нарушением санитарных правил. На четвертом – паспортный контроль. На пятом – соблюдение правил торговли. Разумеется, были и другие явления, которые протоколировались полицейскими урядниками: оскорбления (15; 1,18 %) угрозы (13; 1,02 %), обнаружение фальшивых денег (11; 0,86 %), буйство (11; 0,86 %) и т. д. Однако, судя по «Оренбургским губернским ведомостям», они не играли в их деятельности значительной роли. Разумеется, данные сведения в силу неизбежных субъективных напластований нуждаются в проверке другими источниками. Интересно также сравнение деятельности полицейских урядников на основе материалов местных губернских ведомостей в различных губерниях. Все это может составлять предмет дальнейших исследований.

Список источников и литературы

1. Ахмедов Ч. Н. Институт полицейских урядников: профессиональная подготовка и социально-материальное обеспечение его деятельности (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2018. 223 с.
2. Белецкий С. П., Руткевич П. В. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1913. 42 с.
3. Гессен В. М. Исключительное положение. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1908. 410 с.
4. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. Т. 3: Органы местного управления. Ч. 1. 384 с.
5. Кошкиаров А. В. Полиция Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Иваново: Спринт, 2012. 144 с.
6. Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие, 1855 – 1880 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1880. 183 с.
7. Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер. М.: Акад. МВД СССР, 1979. 27 с.
8. Обзор Вятской губернии за 1879 год. Вятка: Тип. Вят. губ. правления, 1880. 163 с.
9. Обзор Оренбургской губернии за 1879 год. Оренбург, 1880. 94 с.
10. Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М.: Изд. А. И. Осипенко : Майор, 2005. 224 с.
11. Тот Ю. В. Реформа уездной полиции Александра II // Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие : сб. науч. тр. СПб.: Президент. б-ка, 2019. С. 72–85.
12. Три века полиции в Удмуртии: 1718 – 2018. Ижевск: Премиум, 2018. 281 с.
13. Чашиников В. А., Михеева С. Н., Фалькина Т. Ю. Историко-правовой анализ становления и развития полиции на Урале с первой половины XVIII века до 1917 года. Екатеринбург: Урал. юрид. ин-т МВД России, 2017. 121 с.
14. Шинджихашивили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973. 67 с.

References

1. Akhmedov, ChN 2018, *Institut politseyskikh uryadnikov: professional'naya podgotovka i sotsial'no-material'noye obespecheniye ego deyatel'nosti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* (Institute of the police constables: professional training and social and material support of its activities (second half of the 19th – early 20th centuries)), Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii publ, St. Petersburg. (In Russ.)
2. Beletskiy, SP & Rutkevich, P 1913, *Istoricheskiy ocherk obrazovaniya i razvitiya politseyskikh uchrezhdeniy v Rossii* (Historical sketch of the formation and development of police institutions in Russia), Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Gessen, VM 1908, *Isklyuchitel'noe polozheniye* (Unique position), Izdatelstvo yuridicheskogo knizhnogo sklada “Pravo” publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. Gradovskiy, AD 1883, ‘Organy mestnogo upravleniya’ (Local governments), *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava* (The beginnings of Russian state law), vol. 3, p. 1, Tipografiya M. M. Stasyulevicha publ, St. Petersburg. (In Russ.)
5. Koksharov, AV 2012, *Politsiya Vladimirskoty gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* (Police of the Vladimir province in the second half of the 19th – early 20th centuries), Sprint publ, Ivanovo. (In Russ.)
6. *Kratkiy ocherk deyatel'nosti Ministerstva vnutrennikh del za dvadtsatipyatiletiye, 1855 – 1880 g.*, (A brief sketch of the activities of the Ministry of the Interior over twenty-five years, 1855 – 1880) 1880, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Mulukayev, RS 1979, *Obshcheugolovnaya politsiya dorevolyutsionnoy Rossii. Yeyo klassovyy kharakter* (General criminal police of pre-revolutionary Russia. Its class character), Akademiya MVD SSSR publ, Moscow. (In Russ.)

8. *Obzor Vyatskoy gubernii za 1879 god* (Review of the Vyatka province for 1879) 1880, Tipografiya Vyatskogo gubernskogo pravleniya publ, Vyatka. (In Russ.)
9. *Obzor Orenburgskoy gubernii za 1879 god* (Review of the Orenburg province for 1879) 1880, Orenburg. (In Russ.)
10. Sichinskiy, EP 2005, *Politsiya Yuzhnogo Urala v period krizisa samodержaviya* (Police of the Southern Urals during the crisis of autocracy), Izd. A. I. Osipenko publ, Mayor publ, Moscow. (In Russ.)
11. Tot, YuV 2019, 'Reforma uezdnoy politsii Aleksandra II' (Reform of the district police of Alexander II) in *Epoha Velikikh reform: istoriya i dokumental'noye naslediyе* (The Age of Great Reforms: history and documentary heritage), Prezidentskaya biblioteka imeni B. N. Yeltsina publ, St. Petersburg, pp. 72–85. (In Russ.)
12. Pervukhin, AS (ed.) 2018, *Tri veka politsii v Udmurtii: 1718–2018* (Three centuries of the police in Udmurtia: 1718 – 2018), Premium publ, Izhevsk. (In Russ.)
13. Chashnikov, VA, Mikheeva, SN & Fal'kina, TYu 2017, *Istoriko-pravovoy analiz stanovleniya i razvitiya politsii na Urale s pervoy poloviny XVIII veka do 1917 goda* (Historical and legal analysis of the formation and development of the police in the Urals from the first half of the 18th century to 1917), Uralskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
14. Shindzhikashvili, DI 1973, *Sysknaya politsiya tsarskoy Rossii v period imperializma* (Detective police of Tsarist Russia during the period of imperialism), Omskaya vysshaya shkola militsii publ, Omsk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.10.2023
Одобрена после рецензирования: 12.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 18.10.2023
Approved after reviewing: 12.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Научная статья

УДК 930.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-112-121>

ИГРОВОЕ КИНО КАК ИСТОРИЯ: ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

**Матвей Игоревич
Ромашин^{1, 2}**

¹ Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия

² Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия
romatvey@yandex.ru

Аннотация. В статье выявлены, проанализированы, описаны основные методологические подходы к проблеме визуализации исторического знания. Сформулированы следующие исследовательские вопросы: может ли визуальный ряд, а не текст быть формой презентации исторического знания? может ли аффективное, а не когнитивное быть средством научного познания прошлого? может ли игровое кино быть историческим источником? На основе сравнения и теоретического осмысления текстов исследователей, принадлежащих к разным сферам науки (историков, культурологов, киноведов) выстроено междисциплинарное дискуссионное поле. Мнения авторов представлены в сочетании хронологического и тематического принципов с соблюдением методологической вариативности. Рассмотрены идеи Марка Ферро, Пьера Сорлена, Роберта Розенстоуна, Дэвида Херлихи, Хейдена Уайта и других теоретиков истории. В качестве выводов отмечено, что вопрос о правомерности визуальной формы презентации исторического знания был поставлен в 1970-е гг. и к настоящему времени большинством исследователей решен положительно. Историческое познание в визуальном формате всегда оперирует не только когнитивными, но и аффективными стратегиями, адресуется как интеллектуальной, так и к эмоциональной сфере личности человека. В этом контексте игровое кино может быть историческим источником наряду с кино документальным. Однако, в отличие от хроник, художественный фильм фиксирует не столько факты, сколько *представления* о них. В этом смысле он несомненно является документом эпохи, но его чтение и интерпретация требуют от профессионала специфических умений на стыке исторической критики и *visual studies*.

Ключевые слова: методология истории, игровое кино, художественный фильм, исторический источник, историческое познание.

Для цитирования: Ромашин М. И. Игровое кино как история: основные методологические подходы // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 112–121. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-112-121>

Сведения об авторе: М. И. Ромашин – старший преподаватель, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125; аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9.

Scientific Article
UDC 930.2
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-112-121>

LIVE ACTION FILM AS HISTORY: BASIC METHODOLOGICAL APPROACHES

Matvey I. Romashin^{1, 2}

¹ Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia

² St. Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
romatvey@yandex.ru

Abstract. The article identifies, analyzes, and describes the main methodological approaches to the problem of historical knowledge visualizing. The following research questions are formulated: whether visuals can be a form of presentation of historical knowledge rather than text? whether the affective can be a means of scientific knowledge of the past rather than the cognitive? whether live action films can be a historical source? On the basis of comparison and theoretical understanding of texts by researchers from different fields of science (historians, cultural specialists, film scholars), the author identifies an interdisciplinary discussion field. The researchers' opinions are presented in a combination of chronological and thematic principles with methodological variability. The article considers the ideas of Mark Ferro, Pierre Sorlin, Robert Rosenstone, David Herlihy, Hayden White and other historical theorists. As conclusions, the author notes that the question of the legitimacy of the visual form to present historical knowledge has existed since the 1970s. By now, most researchers have answered it positively. Historical cognition in a visual format always operates not only with cognitive, but also with affective strategies; it addresses both the intellectual and emotional spheres of the individual. In this context, live action films can be a historical source along with documentaries. However, unlike chronicles, live action films record not so much facts as opinions about them. In this sense, they are undoubtedly documents of the era, but their reading and interpretation requires specific skills from a professional at the intersection of historical criticism and visual studies.

Keywords: methodology of history, live action film, fiction film, historical source, historical knowledge.

For citation: Romashin, MI 2024, 'Live Action Film as History: Basic Methodological Approaches', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 112–121, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-112-121> (in Russ.)

Information about the Author: *Matvey I. Romashin* – Senior Lecturer, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia; Postgraduate Student, St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya Embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russia.

Введение

В 1915 г. американский кинорежиссер Дэвид Гриффит пророчествовал: «Детей в государственных школах практически всему будут учить с помощью движущихся картинок. Конечно, им больше никогда не придется читать историю... Вы просто сядете у правильно устроенного окна, в научно подготовленной комнате, нажмете кнопку и посмотрите, что произошло на самом деле» [19, р. 1].

Сегодня вполне очевидно, что он ошибался, и подобная «библиотека» не может быть целью даже самого последовательного поклонника исторического кино; впрочем, создатели подобных фильмов никогда и не пытались «навязать гегемонию кинематографических репрезентаций над историческими текстами» [14, р. 6].

В чем заблуждался Гриффит? В русле позитивистского представления о роли кинотехнологий он воспринимал их как научные инструменты, свободные от человеческих предубеждений и, следовательно, создающие и транслирующие прозрачное и абсолютно объективное знание о прошлом. Гносеологические теории постмодерна убедительно продемонстрировали, что это не так. Сегодня исследователи, обращающиеся к анализу исторического кино, рассматривают фильмы не как «закрытие дебатов», а как их продолжение и возобновление в ином контексте, созданном с помощью специфических средств – иконических, символических, визуальных и звуковых. В междисциплинарном поле исследований (отметим его высокую методологическую вариативность) на повестке дня стоят следующие вопросы.

Может ли визуальный ряд, а не текст, быть формой презентации исторического знания?

Может ли аффективное, а не когнитивное, быть средством научного познания прошлого?

Может ли игровое кино быть историческим источником?

Постараемся ответить. А предварим наши рассуждения цитатой из книги британского историка Г. Баттерфилда, изданной в 1944 г.: «Хотя прошлое уже завершено, оно одновременно присутствует здесь, с нами – что-то от него остается, живое и очень важное для нас. Прошлое, действительно как прокрученная часть киноплёнки, свернулось кольцом внутри настоящего» [16, р. 5].

Материалы и методы

Наше исследование носит историографический характер. Отвечая последовательно на каждый из обозначенных вопросов, проанализируем широкий круг текстов, сопоставляя и сравнивая различные, зачастую противоположные мнения, и по возможности выстраивая диалог между авторами.

Результаты

В 1970 г. под эгидой Американской Исторической Ассоциации (*American Historical Association*) был создан Комитет историков кино (*The Historians Film Committee*), и начал издаваться междисциплинарный журнал «Фильм и История» (*Film & History: an Interdisciplinary Journal of Film and Television Studies*). В журнале публиковались статьи, в которых исследовалась взаимосвязь между художественным кино и историческим наследием Америки, главным образом, с точки зрения достоверности представленных в кино сюжетов [25, р. XIII].

В Европе начало обсуждению академической роли и значения исторических фильмов было положено работами двух французских историков – Марка Ферро и Пьера Сорлена [18; 24]. Ферро сформулировал вопрос «Существует ли кинописьмо о прошлом?» и ответил на него предварительным и оговорочным «да»: по его мнению, некоторые режиссеры – Лукино Висконти, Ханс-Юрген Зиберберг и Андрей Тарковский – внесли весомый и оригинальный вклад в понимание прошлого [18, р. 158]. Пьер Сорлен не согласился с этим тезисом и дал импульс другому направлению дискуссии: он отмечал, что исторические фильмы являются скорее отражением пе-

риода, в который они были сняты, чем серьезным или полезным изображением прошлого [24].

В декабре 1988 г. авторитетный профессиональный журнал *The American Historical Review* посвятил более половины места в своем номере «Форуму по кино и истории». Здесь было помещено эссе Роберта А. Розенстоуна «История в образах / История в словах: размышления о возможности реального воплощения истории в кино», а также работы ведущих теоретиков истории, включая Дэвида Херлихи (David Herlihy) и Хейдена Уайта (Hayden White). В следующем десятилетии Роберт Скляр, Натали Земон Дэвис, Роберт Топлин и другие авторитетные исследователи «узаконили» тему кино и заложили основы исторического киноведения как особой научной субдисциплины – априори междисциплинарной, вписанной в общий контекст трансформации гуманитарных наук [10, с. 12].

Хотя «визуальный поворот» в культуре [4] и создал серьезную провокацию для понимания историками своей профессиональной миссии, сегодня уже никто не подвергает сомнению то, что помимо текстов могут существовать и успешно функционировать другие жанры исторической репрезентации, предполагающие иные пути и формы знания о прошлом. «Интеллектуальную деконструкцию Галактики Гутенберга» вполне можно сравнить с переходом от устной истории Геродота и Фукидида к письменной историографии [14, р. 7]. Кино стало конкурировать с текстом не потому, что оно рассказывало содержательно *другую* историю прошлого, но в первую очередь потому, что рассказывало ее с помощью *других* средств – аудиовизуальных, метонимических, драматических, эмоциональных – более адекватных для человека эпохи медиа [Ibid.].

В своей новаторской статье для «Американского исторического обозрения» в 1988 г. Роберт Розенстоун обосновал значение кино, опираясь на концепцию «историзации» Алана Манслоу и вслед за ним подчеркивая принципиально сконструированную природу исторического нарратива – как письменного, так и визуального [22]. Розенстоун отмечал, что и академический текст, и фильм (в том числе документальный), это не само прошлое, а его репрезентация: «мы видим не сами события и не события в том виде, в каком они были пережиты или даже засвидетельствованы участниками, а избранные образы этих событий, отобранные и тщательно выстроенные в последовательности, чтобы рассказать конкретную историю или привести конкретный аргумент» [22, р. 1179]. Таким образом, язык не отражает, а создает и структурирует историю, наполняет ее смыслом, и в этом контексте нет различий между письменным и визуальным нарративом. Розенстоун не предложил (и тем более не реализовал) какой бы то ни было позитивной исследовательской программы, но его идеи стимулировали развитие целого ряда научных направлений – визуальной антропологии, этнографической документалистики и др., которые вполне положительно ответили на вопрос, «можно ли рассказывать исторические истории на пленке и при этом не потерять профессиональную или интеллектуальную душу?» [Ibid.]. За прошедшие десятилетия были созданы новые способы репрезентации истории как «саморефлексивного исследования, как театра самосознания, как смешанной формы драмы и анализа» [22, р. 1183]. Отметим, впрочем, что в начале XXI в. кино уже не относится к авангарду исторической репрезентации, его активно сменяют другие медиаинструменты.

Обсуждение в профессиональной среде проблем соотношения формы и содержания исторического знания привело к созданию специальной площадки для подобных дискуссий: в 1997 г. был учрежден журнал *Rethinking History*. В программной статье Алан Манслоу писал: «Переосмысление истории <...> требует от нас не только поставить под сомнение эмпирический фундаментализм наряду с когнитивным функционированием литературной формы истории, но затем спросить: до-

бавляют ли новые модели, теории, методы, построения / деконструкции к нашему историческому пониманию того, почему произошли события или действия? <...> Переосмысление должно означать вопрос о границах того, как мы изучаем прошлое» [19, p. 11].

В данном случае вопрос границы относился прежде всего к включению в арсенал методов познания аффективных практик наряду с когнитивными.

Любое произведение искусства, любая художественная практика – а мы говорим прежде всего об информации в визуальном формате – потенциально обладает гораздо более высоким уровнем субъективности и индивидуальности семантики, множественностью «считываемых» смыслов. Автор закладывает в образ свои значения, но зритель всегда по-своему «прочитывает» его и вписывает в уникальный, свой собственный ассоциативный ряд. Изучение прошлого в тренде «визуального поворота» вызывает у историков многочисленные опасения – прежде всего именно из-за проблемы интенции образа, многозначности толкований «картинки» в отличие от жесткой структуры линейного текста. Научное познание стремится к системности и организованности, а мир, запечатленный камерой, рассыпается, допуская бесконечное множество вариантов восприятия и интерпретации.

Однако, не отвергая аффективное как более легкую и / или приятную альтернативу когнитивному, сегодня исследователи говорят о том, что активное перемещение между этими полюсами может служить «провокацией», способной привести к новым мыслям и открытиям. В этом ключе Франклином Анкерсмитом были высказаны идеи о «возвышенном историческом опыте» [1]; Алейдой Ассман [2], Элисон Ландсберг [19] и другими профессионалами описаны эмоциональные эффекты от музейных выставок, арт-объектов, телесериалов и т. д. Когда аффективные переживания формируются подобным фреймом, историческое знание «контекстуализируется и изменяет свои очертания» [19, p. 16].

Характеризуя «мышление в искусстве», часто используют предложенный Ж. Делёзом и Ф. Гваттари образ ризомы – «корневища», т. е. нелинейный способ восприятия и организации информации, «распространяющийся в разных направлениях, постоянно сдвигающийся и сообразующийся с новыми встречами и отношениями» [9, с. 153]. В отношении исторического познания это означает не отказ от попыток установить истину, но признание того, что может существовать более чем один вид исторической правды.

Хейден Уайт иллюстрирует эту мысль на примере фильма Оливера Стоуна «Джон Кеннеди» (1991). Он считает, что это «новый тип исторического мышления, модернистский стиль, в котором прошлое представлено фрагментарными сюжетными линиями, дизъюнктивными отношениями причины и следствия и с точки зрения сложных контекстов и перекрывающихся возможностей» [26, p. 17–38]. Традиционная история, утверждает Уайт, построена по образцу форм XIX в., в которых существует четкая связь между причиной и следствием, определенный набор акторов и определенность финала. Но это не лучший способ трактовать монументальные, катастрофические события XX века. Уайт полагает, что ошеломляющий, травматичный характер таких исторических событий, как Холокост, Вторая мировая война, Великая депрессия или убийство Кеннеди, лучше всего может быть представлен в модернистской манере изложения, сохраняющей многочисленные нити и неоднозначные причины и следствия прошлых событий [26, p. 20]. Фильм Оливера Стоуна вызвал оглушительную критику профессиональных историков, фактически стал синонимом исторической неточности, однако, как отмечает Роберт Бургойн, в результате стали доступны миллионы страниц ранее закрытых документов, обстоятельства убийства и возможности его раскрытия стали достоянием широкой общественности, произошел огромный выброс информации, поставившей под сомнение

выводы Комиссии Уоррена [26, р. 36–37]. То есть фильм инициировал новый виток самых разных исторических практик и «включил» в контекст многих исследователей – как профессионалов, так и любителей.

Еще один вариант эффектов от фильмографического прочтения истории дает так называемое авторское европейское кино. В отличие от голливудских «окон в прошлое» фильмы Федерико Феллини, Романа Полански, Вольфганга Беккера и др. – это «высокореклексивные произведения, работающие с самими понятиями истории и памяти, с возможностью их кинематографического выражения», зачастую представляющие «глубокий анализ исторических обстоятельств и альтернативный взгляд на хорошо известные фигуры» [11, с. 10]. В этом случае часто приемом авторов становится «отстранение» – подчеркивание дистанции между демонстрируемым прошлым и настоящим, которая достигается «с помощью фрагментарности повествования, смешения разных временных пластов, введения как бы документального характера изображения и самой фигуры автора», а также «рваного нарратива», абсурда, пародии, иронии и сюрреалистических элементов, использования несочетаемых дискурсов и проч. [11, с. 25]. Подобный «мост» в прошлое демонстрирует зрителю возможность пересмотра его устоявшихся представлений, заставляет изменить оптику взгляда.

«Какая польза от принятия исторического фильма в качестве законного способа исторического мышления?», – спрашивал Р. Розенстоун. Трудно сказать, отвечал он, но «по крайней мере, он привнесет образ, звук и цвет в нашу историю, связав ощущение прошлого с настоящим и предоставив нам более богатую, более глубокую картину текстурированного чувства человеческого опыта» [23, р. 86].

И, наконец, вопрос о возможностях и границах использования художественного кино как исторического источника. Остановимся подробнее на этом направлении теоретических дискуссий.

Уже в сборнике статей «Художественный фильмы как история» под редакцией Л. Шорт (1981) был поднят вопрос о том, каким образом анализ кино может служить средством изучения прошлого [17]. Это направление исследований получило дальнейшее активное развитие. Майкл Мартин и Дэвид Уолл отмечают, что «исторический фильм имеет важное отношение к истории тремя различными и неразрывно связанными способами: во-первых, он пытается «задокументировать» прошлое, поскольку стремится показать нам видение / версию истории – события, людей и места, какими они были на самом деле; во-вторых, фильмы сами по себе являются историческими документами в том смысле, что они – продукт исторического и культурного момента; и, в-третьих, они являются двигателями истории, поскольку выполняют – признаваемую или нет – политическую функцию, идущую вразрез с окружающим их широким социальным и культурным дискурсом. Именно признание фильмов историческими документами дает наиболее ясное представление о них как об идеологических конструкциях» [21, р. 448].

Очевидно, что кинофильм (как и любое другое произведение искусства) не является историческим источником в значении термина «комплекс документов и предметов материальной культуры, непосредственно отразивших исторический процесс и запечатлевших отдельные факты и свершившиеся события» [8, с. 15]. Документальность киноискусства кажущаяся, фиксация и последующая презентация им явлений и событий всегда опосредованы субъектной позицией автора. Кино как исторический источник – это скорее «продукт (материально реализованный результат) целенаправленной человеческой деятельности, используемый для получения данных о человеке и обществе», «отразивший в себе социальные, психологические, эколого-географические, коммуникационно-информационные, управленческие и

другие аспекты развития общества и личности, власти и права, нравственности, мотивов и стереотипов человеческого поведения» [там же].

Сегодня медиапродукты все более востребованы в академической среде: в исторических исследованиях активно используются фотографии, кинохроника, фонодокументы и др., применяются методы междисциплинарного анализа, широко обсуждаются следующие теоретические вопросы: реализуют ли экранные медиа самостоятельные функции или решают исключительно прикладные, иллюстративные задачи? что может / должно являться смысловой доминантой при создании / «считывании» образа исторического прошлого? как соотносятся вербальные и невербальные источники информации? и т. д.

Среди российских исследователей основополагающий вклад в решение этих вопросов внес президент Национальной ассоциации аудиовизуальных архивов В. М. Магидов [6]. Характеризуя практику использования кино-фото-документов в исторических исследованиях, он отмечал, что для оптимизации источниковедения, теории и практики архивоведения необходимо «преодоление искусственной изоляции КФФД», важно и необходимо «введение их в научный оборот как полноценных источников» [7, с. 5]. Должна быть разработана «система приемов и методов их использования в исторических исследованиях, а также анализ того, что дают КФФД для понимания и изучения конкретного исторического события или факта» [там же]. Среди важнейших особенностей этого рода источников Магидов выделил следующие: полнота передачи и воспроизведения изобразительной, звуковой и аудиовизуальной сторон факта; «совпадение момента свершения события или факта с его фиксацией на кинофотоплёнку или посредством звукозаписи, что является своего рода феноменом в источниковедческой практике»; разнообразие (монтажные листы, текстовки или аннотации к фотодокументам, микрофонные материалы радиопередач и др.); специфика методов критического анализа; особая важность источниковедческой верификации [7, с. 7–9].

В. М. Магидов в основном писал о документальном кинематографе, в отношении игрового у историков остается достаточно много вопросов. Ключевой из них: источником чего может служить художественное кино?

Еще Сергей Эйзенштейн определил главные разграничительные признаки экранных версий истории: фиксация *факта* и фиксация *представления о факте* [13]. Любое произведение искусства апеллирует прежде всего к эмоционально-ценностной сфере человека. Кино фиксирует и репрезентирует не столько исторические реалии, сколько *отношение* людей к ним. Именно в этом его ценность в историческом исследовании.

Как технический вид искусства, кинематограф изначально содержал в себе проблему натурализма: целый ряд философов, теоретиков и практиков кино настаивали на максимально точном отражении на экране «физических форм материального мира», воссоздании и имитации действительности и закономерно полагали обратной стороной этого процесса – возможность прямого, буквального влияния кино на социум» [12, с. 65].

На заре киноиндустрии зрители «считывали» фильм либо как «ожившее фото», либо как «скопированный спектакль» – в соответствии с кодами восприятия (и языковыми матрицами) других искусств. Кинотекст убеждал в реальности происходящего и одновременно мистифицировал эту реальность, создавал «фотографическую достоверность изображения» и становился «средством “убеждения” в реальном существовании реально не существующих явлений» [3, с. 58]. В 1958 г. знаменитый французский кинокритик и теоретик Андре Базен (*Andre Bazin*) писал, что «таким путем можно убедить зрителей, будто они видят воочию события, на самом деле являющиеся вымышленными и склеенными из чего попало» [там же].

Роберто Росселини предлагал прямо запретить киномонтаж, искажающий реальность, но призывал правдиво «реконструировать» действительность: неэтично манипулировать вещами, но «можно и должно изменять точку рассматривания их» [12, с. 234]. Но, конечно, граница здесь весьма условна. В любом случае режиссер «задает» выбор направления и фиксацию внимания зрителя, определяет последовательность восприятия тех или иных элементов изображения, тем самым «ведет» публику к определенным оценочным суждениям. Кинофильм – это не «сфотографированная действительность», даже если он посвящен реальным историческим событиям и не отстоит от них во времени и пространстве. Это всегда и «высказывание» художника, и личный опыт зрителя, освоение прошлого не только через интеллектуальные операции, но и через эмоциональные переживания.

Заключение

Подведем итоги. В 1970 – 1980-е гг. в методологии науки был поставлен вопрос о правомерности визуальной формы презентации исторического знания. Положительный ответ сегодня уже не вызывает сомнения, а практики такого рода постоянно ширятся и приумножаются.

В силу сущностных особенностей визуальная информация обладает более высоким потенциалом эмоционального воздействия, нежели текстуальная. Потому историческое познание в этом случае оперирует не только когнитивными, но и аффективными стратегиями, адресуется как интеллектуальной, так и к эмоциональной сфере личности человека.

В этом контексте игровое кино может быть историческим источником наряду с кино документальным. Однако, в отличие от хроник, художественный фильм фиксирует не столько факты, сколько *представления* о них. В этом смысле он, несомненно, является документом эпохи, но его чтение и интерпретация требует от историка-профессионала специфических умений на стыке исторической критики и *visual studies*.

Список источников и литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 609 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
3. Базен А. Что такое кино? М.: Искусство, 1972. 382 с.
4. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. М.: НЛЮ, 2017. 502 с.
5. Иващенко Т. С. Перспективы репрезентации истории в экранных медиа // Вестник Югорского государственного университета. 2017. Вып. 1 (44). С. 59–63.
6. Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: ИЦ РГГУ, 2005. 393 с.
7. Магидов В. М. Кинофотофонодокументы: проблемы историографии, архивоведения и источниковедения : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Магидов Владимир Маркович. М., 1993. 36 с.
8. Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история и метод. М.: РГГУ, 1996. 79 с.
9. Райхман Д. Искусство как процесс мышления: новые соображения // Синий Диван. 2013. Вып. 18. С. 150–164.
10. Самутина Н. В. «Cult Camp Classics»: специфика нормативности и стратегии зрительского восприятия в кинематографе : препринт WP6/2008/01. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2008. 48 с.
11. Самутина Н. В. Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино : препринт WP6/2007/01. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007. 48 с.
12. Соколов В. С. Киноведение как наука / сост. Н. А. Изволов, С. М. Смагина. М.: НИИ киноискусства, 2008. 326 с.

13. *Эйзенштейн С. М.* «Стачка» 1924 : К вопросу о материалистическом подходе к форме // Избранные произведения : в 6 т. Т. 1. М.: Искусство, 1964. С. 109–116.
14. *A Companion to the Historical Film* / ed. R. A. Rosenstone, C. Parvulescu. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. 592 p.
15. *Burgoyne R.* The Hollywood Historical Film. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. 173 p.
16. *Butterfield H.* Englishman and his history. Cambridge: University press, 1944. 142 p.
17. *Feature Films as History* / ed. K. R. Short. Knoxville, TN: University of Tennessee Press, 1981. 192 p.
18. *Ferro M.* Cinéma et histoire. Paris: Denoël, 1977. 168 p.
19. *Landsberg A.* Politics and the Historical Film: Hotel Rwanda and the Form of Engagement // *A companion to the historical film* / ed. R. A. Rosenstone, C. Parvulescu. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 11–29.
20. *LaSpina J. A.* The Visual Turn and the Transformation of the Textbook. New York: Routledge, 1998. 280 p.
21. *Martin M. T., Wall D. C.* The Politics of Cine-Memory Signifying Slavery in the History Film // *A companion to the historical film* / ed. R. A. Rosenstone, C. Parvulescu. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 445–467.
22. *Rosenstone R.* History in Images / History in Words: Reflections on the Possibility of Really Putting History Onto Film // *American Historical Review*. 1988. Vol. 93, no 5. P. 1173–1185.
23. *Rosenstone R. A.* The History Film as a Mode of Historical Thought // *A Companion to the Historical Film* / ed. R. A. Rosenstone, C. Parvulescu. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 71–87.
24. *Sorlin P.* The Film in History: Restaging the Past. Totowa, NY: Barnes & Noble, 1980. 226 p.
25. *The Columbia companion to American history on film: How the movies have portrayed the American past* / ed. P. C. Rollins. New York: Columbia University Press, 2003. 671 p.
26. *White H.* The Modernist Event // *The Persistence of History: Cinema, Television, and the Modern Event* / ed. V. Sobchack. New York: Routledge, 1996. P. 17–38.

References

1. Ankersmit, FR 2007, *Vozvysheenny istoricheskiy opyt* (Sublime historical experience), Evropa publ, Moscow. (In Russ.)
2. Assmann, A 2014, *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* (The long shadow of the past: memorial culture and historical politics), NLO publ, Moscow. (In Russ.)
3. Bazin, A 1972, *Chto takoye kino?* (What is cinema?), Iskusstvo publ, Moscow. (In Russ.)
4. Bachmann-Medick, D 2017, *Kul'turnyye povoroty: novyye orientiry v naukakh o kul'ture* (Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture), trans. S. Tashkenov, NLO publ, Moscow. (In Russ.)
5. Ivashchenko, TS 2017, 'Perspektivy reprezentatsii istorii v ekrannykh media' (Prospects for representation in screen media history), *Yugra State University Bulletin*, vol. 1 (44), pp. 59–63. (In Russ.)
6. Magidov, VM 2005, *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya* (Film-photo-phonological documents in the context of historical knowledge), Izdat. centr RGGU, Moscow. (In Russ.)
7. Magidov, VM 1993, *Kinofotofonodokumenty: problemy istoriografii, arhivovedeniya i istochnikovedeniya* (Film-photo-phonological documents: problems of historiography, archival studies and source studies), doctoral thesis (In Russ.)
8. Medushevskaya, OM 1996, *Istochnikovedeniye: teoriya, istoriya i metod* (Source studies: theory, history and method), Izdat. tsentr RGGU publ, Moscow. (In Russ.)
9. Raykhman, D 2013, 'Iskusstvo kak protsess myshleniya: novyye soobrazheniya' (Art as a process of thinking: new considerations), *Siniy divan*, vol. 18, pp. 150–164. (In Russ.)
10. Samutina, NV 2008, «Cult Camp Classics»: *spetsifika normativnosti i strategii zritel'skogo vospriyatiya v kinematografe*. ("Cult Camp Classics": the specificity of normativity and spectatorship strategies in cinematograph), preprint WP6/2008/01, ID GU VSHE publ, Moscow. (In Russ.)

11. Samutina, NV 2007, *Ideologiya nostalgii: problema proshlogo v sovremennom yevropeyskom kino* (The ideology of nostalgia: the problem of the past in modern European cinema), preprint WP6/2007/01, ID GU VSHE publ, Moscow. (In Russ.)
12. Sokolov, VS 2008, *Kinovedeniye kak nauka* (Film Studies as a Science), NII kinoiskusstva publ, Moscow. (In Russ.).
13. Eyzenshteyn, SM 1964, '«Stachka» 1924. K voprosu o materialisticheskom podkhode k forme' ("Strike" 1924. On the question of the materialist approach to form), *Izbrannye proizvedeniya. V 6 t.* (Choice selection. In 6 vols), vol.1, Iskusstvo publ, Moscow, pp. 109–116. (In Russ.).
14. Rosenstone, RA & Parvulescu, C (eds.) 2013, *A Companion to the Historical Film* 2013, Wiley-Blackwell publ, Chichester.
15. Burgoyne, R 2008, *The Hollywood Historical Film*, Blackwell Publishing publ, Oxford.
16. Butterfield, H 1944, *Englishman and his history*, University press publ, Cambridge.
17. Short, KR 1981, *Feature Films as History*, University of Tennessee Press publ, Knoxville, TN.
18. Ferro, M 1977, *Cinéma et histoire*, Denoël publ, Paris. (In French)
19. Landsberg, A 2013, 'Politics and the Historical Film: Hotel Rwanda and the Form of Engagement', *A companion to the historical film*, ed. Robert A. Rosenstone, Constantin Parvulescu, Wiley-Blackwell publ, Chichester, pp. 11–29.
20. LaSpina, JA *The Visual Turn and the Transformation of the Textbook*, Routledge publ, New York.
21. Martin MT, Wall DC 2013, 'The Politics of Cine-Memory Signifying Slavery in the History Film', *A companion to the historical film*, ed. Robert A. Rosenstone, Constantin Parvulescu, Wiley-Blackwell publ, Chichester, pp. 445–467.
22. Rosenstone, R 1988, 'History in Images / History in Words: Reflections on the Possibility of Really Putting History Onto Film', *American Historical Review*, vol. 93, no. 5, pp. 1173–1185.
23. Rosenstone, RA 2013, 'The History Film as a Mode of Historical Thought', *A Companion to the Historical Film*, ed. Robert A. Rosenstone and Constantin Parvulescu, Wiley-Blackwell publ, Chichester, pp. 71–87.
24. Sorlin P 1980, *The Film in History: Restaging the Past*, Barnes & Noble publ, Totowa, New York.
25. Rollins, PC 2003, *The Columbia companion to American history on film: How the movies have portrayed the American past*, Columbia University Press publ, New York.
26. White, H 1996, 'The Modernist Event', *The Persistence of History: Cinema, Television, and the Modern Event*, Routledge publ, New York, pp. 17–38.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2023
Одобрена после рецензирования: 12.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 26.12.2023
Approved after reviewing: 12.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 122–129.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 1 (17). P. 122–129.

Научная статья

УДК 81.373.47

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-122-129>

ПРОНОМИНАТИВНЫЙ ЭПИТЕТНЫЙ КОМПЛЕКС КАК ЧАСТЬ ЭПИТЕТНОЙ ПАРАДИГМЫ В ПРОЗЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

**Сергей Анатольевич
Губанов**

Университет «МИР»

Самара, Россия, gubanov5@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Аннотация. Идиостилевая специфика художественных текстов исследуется не только в рамках стилистики, но и когнитивной лингвопоэтики, изучающей механизмы и интенции формирования художественных смыслов. В объективе данного исследования находится прономинативный эпитетный комплекс в прозе М. Цветаевой. Эпитетный комплекс является основной единицей языка текстов М. Цветаевой, а эпитет понимается ею в качестве единственного, точного слова. Гиперконцепт «Качество» является универсальным способом освоения действительности, позволяющим многоаспектно выразить многообразие мира и авторского отношения к нему. Данный гиперконцепт находит свою разнообразную вербализацию в текстах М. Цветаевой. Эпитетная парадигма, включающая в себя совокупность эпитетных комплексов, репрезентирующих тот или иной когнитивный признак гиперконцепта, представлена нестандартными типами эпитетных слов, имеющими идиостилевую специфику. В работе производится анализ части эпитетной парадигмы, представляющей отрезок вербализации гиперконцепта Качество когнитивного признака «принадлежность + качественность». В прозаических текстах М. Цветаевой наблюдается авторская рефлексия над словом; эпитетные комплексы попадают в центр внимания поэта. Отмечается, что прономинативный эпитетный комплекс представляет собой неузуальное явление, семантика которого подчеркнута антропоморфна, а формальная выраженность идиолектно специфична. Частотной эпитетации подвергаются притяжательные местоимения, которые имеют в прозе М. Цветаевой графические средства выделения (курсив), окказиональную форму степени сравнения, что свидетельствует о рефлексии поэта над прономинативными эпитетами и качественной характеристикой объекта. Исследуемые эпитетные комплексы репрезентируют окказиональную составляющую языка М. Цветаевой, вербализуют стремление поэта к обновлению языка, языковому эксперименту.

Ключевые слова: эпитет, Марина Цветаева, прономинатив, идиостиль, эпитетный комплекс, эпитетная парадигма.

Для цитирования: Губанов С. А. Прономинативный эпитетный комплекс как часть эпитетной парадигмы в прозе М. Цветаевой // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 122–129. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-122-129>

Сведения об авторе: С. А. Губанов – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков, Университет «МИР», 443030, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Г. С. Аксакова, 21.

Scientific Article
UDC 81.373.47
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-122-129>

PRONOMINAL EPITHET COMPLEX AS PART OF THE EPITHET PARADIGM IN M. TSVETAEVA'S PROSE

Sergey A. Gubanov

International Market Institute
Samara, Russia, gubanov5@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Abstract. Scholars study the individual style specificity of literary text both within the framework of stylistics and cognitive linguistics, which explores the mechanisms and intentions of the artistic meanings formation. The object of this study is the pronominal epithet complex in M. Tsvetaeva's prose. The epithet complex is the main unit of the language of M. Tsvetaeva's texts, and the epithet, in her opinion, is a single, precise word. The hyperconcept 'Quality' is a universal way of mastering reality, which allows expressing the diversity of the world and the author's attitude to it in a multidimensional way. This hyperconcept finds its verbalization in M. Tsvetaeva's texts. The epithet paradigm is a set of epithet complexes representing one or another cognitive feature of a hyperconcept and includes non-standard types of epithet words with individual style specificity. The article analyzes a part of the epithet paradigm, which represents a segment of verbalization of the hyperconcept 'Quality' in the cognitive feature 'belonging + quality'. In her prose texts, M. Tsvetaeva reflects on the word; epithet complexes come into the poet's spotlight. The author notes that the pronominal epithet complex is a non-usual phenomenon, the semantics of which is emphatically anthropomorphic, and the formal expression is idiolectally specific. The frequent epithetisation of possessive pronouns, which in M. Tsvetaeva's prose have graphic means of emphasis (italics) and the occasional form of the degree of comparison, testifies to the poet's reflection on pronominal epithets and qualitative characteristics of the object. The epithet complexes under study represent the occasional component of M. Tsvetaeva's language and verbalize the poet's desire to renew the language and language experiment.

Keywords: epithet, Marina Tsvetaeva, pronominal, individual style, epithet complex, epithet paradigm.

For citation: Gubanov, SA 2024, 'Pronominal Epithet Complex as Part of Epithet Paradigm in M. Tsvetaeva's Prose', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 122–129, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-122-129> (in Russ.)

Information about the Author: *Sergey A. Gubanov* – Associate Professor, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of German languages, International Market Institute, 21, G. S. Aksakov Str., Samara Region, Samara, 443030, Russia.

Введение

Лингвистический анализ традиционных стилистических тропов и приемов в последнее время претерпел значительные изменения [1; 3; 14; 15]. Они заключаются в перенесении внимания с собственно стилистического ракурса их рассмотрения на когнитивно-семантический и когнитивно-метафорический [2; 6; 7; 8; 11].

Что касается эпитета, трактуемого в стилистике и поэтике в качестве «элементарного тропа», к которому могут быть сведены все другие (метафорический эпитет, метонимический эпитет, иронический эпитет и др.), его исследование все еще во многом остается в рамках стилистики речи [1; 15]. С нашей позиции, рассмотрение эпитета, точнее эпитетного комплекса, с когниолингвистической позиции дает намного больше как для лингвопоэтики и теории художественной речи, так и для изучения идиостилей конкретных художников слова. Данный подход только начинает оформляться [4; 11; 16]. Отметим, что в классических работах отечественного языкознания, посвященных имени прилагательному и его формам, упоминается понятие временного эпитета как такого прилагательного, которое выражает конкретный, изменяемый признак [5].

В работе используются и уточняются следующие термины. Эпитет представляет собой когниолингвистический феномен, основную часть эпитетного единства, вербализирующий признаковую семантику. Эпитетный комплекс есть единство ментально-вербального типа, а именно лексемы-определения и лексемы-определяемого, которые связаны между собой на когнитивном уровне блендированным образным пространством. Эпитетная парадигма представляет собой закрытый ряд языковых признаковых единиц, структурно и семантически вербализующий совокупность эпитетных комплексов. Как эпитетный комплекс, так и эпитетная парадигма участвуют в вербализации и репрезентации гиперконцепта «Качество». Будучи концептом высокой степени абстракции, гиперконцепт «Качество» репрезентирует себя с помощью механизма эпитетной парадигматизации [7].

Материалы и методы

Материалом для анализа эпитетных комплексов и эпитетной парадигмы послужило прозаическое творчество М. Цветаевой. Язык М. Цветаевой уникален, что не раз подчеркивалось исследователями ее творчества [9; 10; 12; 13]. Роль эпитета в экспликации базовых авторских смыслов все еще недооценен, хотя элементы изучения признаковых слов в цветаевских текстах содержатся: изучаются степени сравнения адъективов, категория числа, окказиональные атрибутивные словосочетания [10; 12; 13]. Эпитетация предстает как творческая установка, воспринимается автором в качестве системного принципа отбора лексики, как точное определение свойств реалий. Данное определение является субъективным, индивидуальным, но в рамках поэтического мышления М. Цветаевой оно закономерно, поэтому не окказионально, а единственно возможное. Расхождение поэтической картины мира и языковой проявляется на уровне спонтанного словотворчества, непредсказуемой сочетаемости признакового слова и определяемого. Достаточность, мера уточнения смысла слова есть мера точности его семантики: проза как никакой другой род литературы способна отразить логику мысли автора, что находим в прозе М. Цветаевой, представляющей собой рефлексию ее творчества. Потребность в такой рефлексии была для поэта способом объяснить самой себе необходимость подбора нужного слова, это способ освоения мира один на один. В письмах это диалог, разъяснение своих идей, своего отношения к другому человеку, что также вызывает потребность комментирования семантики слов.

Выбор данного поэта неслучаен, поскольку понятию качества, признака, эпитета как их вербализатора она уделяла особое внимание, на что указывают ее многочисленные высказывания:

Le Grand Principe в книге Волконского налицо. Имя ему – справедливость. Не справедливость бесстрастия, страсть справедливости. (Не справедливость бесстрастна, а мы к ней!) **Свое отношение к предмету мы делаем его качеством** [17, т. 5, с. 248].

Качество становится активно моделируемым понятием поэтом, это способ выразить свое отношение к чему-либо.

Эпитет мыслится в качестве единственно верного, точно подобранного слова:

Я день (у стола, без стола, в море, за мытьем посуды – или головы – и т. д.) ищущу эпитета>, т. е. **ОДНОГО** слова: *день* – и иногда не нахожу [17, т. 7, с. 293].

Результаты

Целью работы выступил анализ особенностей образования и функционирования прономинативных эпитетных комплексов в составе эпитетной парадигмы в прозаических текстах М. Цветаевой. Методом сплошной выборки было выявлено 98 прономинативных эпитетных единиц окказиональной семантики в прозе поэта.

Поскольку гиперконцепт «Качество» представлен в русском языке тремя основными когнитивными признаками: «собственно качественность», «относительность + качественность» и «принадлежность + качественность», что соответствует трем разрядам имен прилагательных (качественные, относительные и притяжательные), в статье рассмотрен преимущественно третий из вышеперечисленных признаков концепта – «принадлежность + качественность в прозе М. Цветаевой». Данный когнитивный признак вербализуется притяжательными прилагательными, притяжательными местоимениями, а также некоторыми фразовыми единствами семантики принадлежности, имеющими идиолектную специфику. Необходимо отметить тот факт, что прономинативные эпитеты встречаются и в рамках двух других когнитивных признаков иной семантики (*иной, другой, такой, все* и др.), но в рамках данной статьи рассмотрены частотные притяжательные прономинативы. В прозе М. Цветаевой графические средства выделения (курсив) играет важную роль в выделении эпитета, что свидетельствует о рефлексии поэта над прономинативными эпитетами и качественной характеристикой объекта.

Обсуждение результатов

В рамках данной статьи остановим свое внимание на некоторых центральных для поэта смыслах, выраженных местоименными эпитетными комплексами семантики принадлежности. В состав прономинативных эпитетных комплексов входят такие местоимения-эпитеты, как *мой, свой, твой, наш, ваш, его*. Первые два местоимения являются самыми употребительными (около 70 % от общего числа).

Принадлежность становится одной из важных категорий для М. Цветаевой, актуализирующей оппозицию «свой – чужой»: поэт существует в противопоставлении себя миру, поэтому такую значимость приобретают эпитетные комплексы с компонентом-эпитетом *мой* или *свой*. Безусловно, это связано с персоналистичностью, субъектоцентризмом поэтики текстов М. Цветаевой, лирическая героиня которых стремится пропустить через себя все, что или кто ее окружает, нетривиально обрисовать объект, так или иначе сравнив, противопоставив его себе.

Рассмотрим несколько типов вербализации когнитивного признака принадлежности гиперконцепта «Качество» средствами прономинативных эпитетных комплексов. Они представляют собой структурно-семантические разновидности эпитетных комплексов, которые в своей совокупности образуют идиолектную эпитетную парадигму.

1. Семантика прономинативного эпитета, его «расшифровка» дается в контактной позиции, посредством приведения прилагательного, ему эквивалентного. Таким образом поэт обновляет семантику прономинатива, она становится окказиональной, предельно контекстуальной:

...Но был у Иловайского молодого стола **свой** край – **тихий** [17, т. 5, с. 122].

Может использоваться конструкция «а именно»:

Он так же предаст ее, как Керенского ради Ленина, в **свой** срок, в **свой** час, **а именно: в секунду ее падения** [17, т. 5, с. 315].

Эмоциональное, предельно импульсивное отношение к оцениваемому субъекту приводит к оформлению прономинативного эпитетного комплекса скобками с выделением местоимения курсивом:

Знаете ли Вы что-нибудь о его дочери и внучке?(**Его кровь!**) [17, т. 7, с.366].

Сущность понимания стихов Б. Пастернака дается эпитетной расшифровкой прономинатива *твой*:

То, с чем ехала и за чем: **твой** стих, т. е. **преображение вещи** [17, т. 6 с. 252].

Иногда прономинативный эпитетный комплекс представляет собой цепочку определений, присоединяемых к прономинативу:

... в **свой бездетный, смертный, мертвый** дом [17, т. 5, с. 134].

Трактовка данных словосочетаний, включающих в себя цепочку определений или расшифровку семантики различными способами, в скобках или с помощью пояснительной конструкции со словом «то есть», несомненно, эпитетная. Данные конструкции представляют собой эпитетный комплекс, имеющий единую семантику, объект эпитетации и определение, принимающее идиолектную форму, содержащую авторское понимание признака, качества объекта.

2. Противопоставление своего и чужого осуществляется через противительные конструкции с прономинативами, причем нужное, важное местоимение выделяется курсивом:

«Человек ему – **свой** счет, а я **свой, свои...**» [17, т. 5, с. 158] (первое местоимение *свой* выделено курсивом).

Противопоставление всегда ситуативно, местоимение наполняется контекстуальным смыслом, что отражается ярче всего в прозе возможностью комментирования нужной семантики:

Есенин погиб, потому что **не свой, чужой** заказ (**времени – обществу**) принял за **свой** (**времени – поэту**), один из заказов – за весь заказ [17, т. 5, с. 339].

Мы – это не они; искусство, творчество наше – не их:

Все **наше** искусство в том, чтобы суметь (поспеть) **противупоставить** каждому ответу, пока не испарился, **свой** вопрос [17, т. 5, с. 352] (оба местоимения выделены М. Цветаевой курсивом).

Ощущение единства с близким человеком вербализуется в виде нейтрализации противопоставления мой / наш (местоимения выделены поэтом курсивом):

Мои дела очень плохи, потому что очень плохи **наши** дела [17, т. 7, с. 366].

Осознание личного, своего как чуждого другим, всем, распространяется и на близких поэту людей:

И напиши Пастернак завтра же **свой** Октябрь, это прежде всего будет **его** Октябрь [17, т. 5, с. 395].

Скажем несколько слов об окасиональных прономинативах. Окасиональное словотворчество нарушает семантические и/или структурные нормы языка. Поэт образует окасиональные эпитетные слова словоформы сравнительной степени от притяжательных местоимений, нарушающие нормы русского формообразования:

Чтобы все сказать: игра в *schwarze Peter* была то же самое, что встреча с тайно и жарко любимым – на людях: чем холоднее – тем горячее, чем дальше – тем ближе, чем чуждее – тем **мое**’е, чем нестерпимее – тем блаженнее. [17, т. 5, с. 41].

Неоднократное употребление подобной формы местоимения говорит об идиолектной специфике прономинатива, системности в рамках творчества поэта:

Чтобы всегда носить с собой в кармане, чтобы с Морем гулять в Пачёво и на пеньки, чтобы мое́е было, чтобы я сама написала [17, т. 5, с. 83].

Лакуна, образовавшаяся при заданном векторе противопоставления форм сравнительных степеней прономинативных эпитетов, вызывает необходимую потребность в ее заполнении, роль которой выполняет прономинатив.

При выражении предельного проявления признака поэту также необходима окказиональная форма прономинатива *своее*:

... я все надеялась, что о<льга> Н<иколаевна>, под императивом моего восторга мне его в конце концов подарит – я было дарила – и всю жизнь дарила – вещи и книги, когда видела, что они человеку нужнее, своее – чем мне – но она ничего не почувствовала... [17, т. 7, с. 500].

Оппозиция «свой – чужой», являющаяся центральной для вербализации рассматриваемых смыслов, раскрывает именно качественную составляющую смысла: реальность чудовищна, прозаична, но это не значит, что она и есть закон жизни, художник вне ее, живет по своим законам:

Все, что не чудесно – чудовищно, и если мы в этом чудовищном обречены жить – это не значит, что оно – закон, это значит только, что мы – вне нашего закона [17, т. 7, с. 567].

Установление границ эпитетного комплекса представляет собой значительную проблему, поскольку он включает в себя аппозитивные эпитеты, простые и сложные предложения; именно по этой причине эпитетный комплекс трактуется как лингвокогнитивная единица, содержащая законченное авторское определение ситуации.

Заключение

Подведем итоги. Как было видно из анализа языкового материала, прономинативные эпитетные комплексы занимают заметное место в вербализации когнитивного признака «принадлежность + качество» гиперконцепта «Качество» в прозе М. Цветаевой. Гибридность семантики прономинативных эпитетов заключается в присутствии качественного компонента значения, который актуализируется на уровне эпитетной парадигматики, а именно: структурно, на формальном уровне посредством образования окказиональных форм прономинативов; на семантическом уровне акцентуацией антонимичности своего (авторского или близкого к нему круга лиц) и чужого, чуждого. Проза дает возможность для проявления авторской рефлексии: нужный смысл поэт заключает в скобки, комментирует, подбирает ряд близких эпитетов.

Перспективы дальнейших исследований эпитетных комплексов и эпитетной парадигмы видятся в применении данной концепции к творчеству других писателей, где качество и атрибутивность составляют ядро их идиолекта и связаны с поэтическими константами их мышления. К таковым, на наш взгляд, можно отнести Б. Пастернака, О. Мандельштама. Кроме того, сложные блендированные образы, конструируемые поэтами на основе переноса признака из разных доменов, также востребованы и ждут своего исследования.

Список источников и литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Ком Книга, 2007. 576 с.

4. Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
5. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
6. Гращенко П. В., Лютикова Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. 2018. № 4. С. 9–25.
7. Губанов С. А. Особенности образования эпитетов (на материале текстов М. Цветаевой) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 195–201.
8. Губанов С. А. Эпитетный комплекс в текстах Марины Цветаевой // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 32–40.
9. Захарова Т. В. Степени сравнения прилагательных как первичные морфологические средства вербализации концепта сравнения // Вестник ЧГПУ. Сер.: Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 220–229.
10. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 264 с.
11. Киров Е. Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. № 3. С. 93–95.
12. Козакова А. А. Особенности употребления грамматических категорий числа и степени сравнения в идиостиле Марины Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 // Козакова Александра Алексеевна. Ростов-на-Дону, 2000. 241 с.
13. Ревзина О. Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. 1. С. 5–40.
14. Формы сравнительной степени (компаратив). §1342 – §1350 // Русская грамматика : в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 562–565.
15. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 334 с.
16. Фадеева Т. М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 // Фадеева Татьяна Михайловна. М., 2014. 460 с.
17. Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994–1995. Т. 4–7.

References

1. Arnol'd, IV 2002, *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka* (Stylistics. Modern English language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. Arutyunova, ND 1988, *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* (Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
3. Akhmanova, OS 2007 *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (The Dictionary of the Linguistic Terms), Kom Kniga publ, Moscow. (In Russ.)
4. Bulakhova, NP & Skovorodnikov, AP 2017, 'K opredeleniyu ponyatiya epitet (predugotovlenie k funkcional'noy harakteristike)' (Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic)). *Ecology of Language and Communicative Practice*, Novosibirsk, no. 2 (9), pp. 122–143. (In Russ.)
5. Vinogradov, VV 1986, *Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* (Russian language (Grammatical Theory of Word)), Vysshaya Shkola publ, Moscow. (In Russ.)
6. Grashchenkov, PV & Lyutikova, EA 2018, 'Prilagatel'nyye v tipologii i teorii yazyka: semantika, distributsiya, derivatsiya' (Adjectives in typology and linguistic theory: Semantics, distribution, derivation), *Rhema*, no. 4, pp. 9–25, doi: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33. (In Russ.)
7. Gubanov, SA 2022, 'Osobennosti obrazovaniya epitetov (na materiale tekstov M. Tsvetaevoy)' (Peculiarities of the formation of epithets (on the material of texts by M. Tsvetaeva)), *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 6, pp. 195–201, doi: 10.52454/19931778_2022_6_195. (In Russ.)

8. Gubanov, SA 2022, 'Epitetnyy kompleks v tekstakh Mariny Tsvetaevoy' (Epithet complex in Marina Tsvetaeva's texts), *Theoretical and Applied Linguistics*, no. 8 (4), pp. 32–40, doi: 10.22250/24107190_2022_8_4_32. (In Russ.)
9. Zakharova, TV 2009, 'Stepeni sravneniya prilagatel'nykh kak pervichnyye morfologicheskiye sredstva verbalizatsii kontsepta sravneniya' (The degrees of comparison as the primary morphological meanses of the verbalization of the concept of the comparison), *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, no. 4, pp. 220-229. (In Russ.)
10. Zubova, LV 1989, *Poeziya Mariny Tsvetaevoy: Lingvisticheskiy aspekt* (Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect), Izd-vo LSU publ, Leningrad. (In Russ.)
11. Kirov, EF 2019, 'Diskursema and megaepitet in discursologii' (Discourseme and megaepithet in discourseology), *Kazan Science*, no. 3, pp. 93–95. (In Russ.)
12. Kozakova, AA 2000, Osobennosti upotrebleniya grammaticheskikh kategoriy chisla i stepeni sravneniya v idiostile Mariny Tsvetaevoy (Peculiarities of the use of grammatical categories of numeral and comparative degree in Marina Tsvetaeva's idiostyle), PhD thesis, Rostov-on-Don. (In Russ.)
13. Revzina, OG 1996, *Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy: v 4 t.* (Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva: in 4 vol.), vol. 1, Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy publ, pp. 5–40, Moscow. (In Russ.)
14. 'Formy sravnitel'noy stepeni (komparativ)' (Forms of comparative degree (comparative)) 1980, *Russkaya grammatika* (Russian Grammar), vol. 1. Nauka publ., Moscow, viewed 30 January 2024, <https://rusgram.narod.ru/1342-1365.html#1342> (In Russ.)
15. Tomashevskiy, BV 1996, *Teoriya literatury. Poetika* (Theory of literature. Poetics), Aspekt-Press publ, Moscow. (In Russ.)
16. Fadeeva, TM 2014, Slozhnyy epitet – yadernaya edinitsa khudozhestvennogo prostranstva v russkom yazyke (A complex epithet is a nuclear unit of artistic space in the Russian language), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
17. Tsvetaeva, MI 1994 – 1995, *Sobranie sochineniy* (Collected works), vol. 4-7, Ellis-Lak publ, Moscow. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 12.02.2024
Одобрена после рецензирования: 19.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 12.02.2024
Approved after reviewing: 19.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Научная статья

УДК 81'37: [811.111+811.161.1]

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-130-144>

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВОЕННОГО СЛОГАНА КАК МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ГРАФОДЕРИВАТА

**Алена Витальевна
Елисеева¹**

**Анатолий Петрович
Василенко²**

^{1,2} Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского

Брянск, Россия

¹ alinanoor@rambler.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-2625-7288>

² a.p.vasilenko@mail.ru

² <https://orcid.org/0000-0002-8777-5743>

Аннотация. Статья посвящена исследованию военных слоганов в лингвокультурологическом ракурсе. Военный слоган рассматривается как лингвокультурный знак, характеризующийся информативной, аттрактивной, прагматической и когнитивной функциями, отличительными особенностями которого также являются информативность, экспрессивность, компрессионность, императивность, многозначность, ритмичность, образность восприятия и высокая частота воспроизведения.

В рамках настоящего исследования военный слоган трактуется как емкая содержательная формулировка, которая направлена на привлечение внимания, сообщение информации, формирование и закрепление в сознании целевой аудитории определенно задаваемых установок. Слоганы в лаконичной форме отражают суть продвигаемой идеи, обладают акустически оптимальной речевой оболочкой, легко воспринимаются и запоминаются.

На примере современных российских военных слоганов рассматриваются семантические аспекты гибридных (контаминационных) графических структур (графодериватов) с использованием кириллицы и латиницы, проводится оценочный анализ места и роли военного слогана как элемента лингвокультурного кода в контексте межкультурной коммуникации.

Исследование представляется актуальным с точки зрения рассмотрения лингвокультурной специфики и экстралингвистических причин, послуживших основой формирования образного содержания военных слоганов в современных социокультурных условиях. Целью данной работы становится денотативный и, в особенности, коннотативный объем знаний, заключенный в военных слоганах с наложением латинских графем на кириллическую основу, которые послужили материалом исследования. Основными методами, используемыми авторами в статье, являются лингвокультурологическая интерпретация военных слоганов, компонентный анализ, анализ сочетаемости языковых знаков как представителей семиотической системы, анализ лингвокультурного кода.

Ключевые слова: военный слоган, лингвокультурный код, графические гибриды, полиграффиксат, графодериват, межкультурная коммуникация, языковая картина мира.

Для цитирования: Елисеева А. В., Василенко А. П. Лингвокультурное содержание военного слогана как межъязыкового графодеривата // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 130–144. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-130-144>

Сведения об авторах: А. В. Елисеева – аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 241036, Россия, Брянская область, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14;

А. П. Василенко – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 241036, Россия, Брянская область, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14.

© Елисеева А. В., Василенко А. П., 2024

Scientific Article
UDC 81'37: [811.111+811.161.1]
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-130-144>

LINGUOCULTURAL CONTENT OF A MILITARY SLOGAN AS AN INTERLANGUAGE GRAPHICAL DERIVATIVE

*Alyona V. Eliseeva*¹

*Anatoliy P. Vasilenko*²

^{1,2} Bryansk State

Academician I. G. Petrovski University
Bryansk, Russia

¹ alinanoor@rambler.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-2625-7288>

² a.p.vasilenko@mail.ru

² <https://orcid.org/0000-0002-8777-5743>

Abstract. The article studies military slogans in the linguocultural perspective. The author considers a military slogan as a linguocultural sign characterized by informative, attractive, pragmatic and cognitive functions, the distinctive features of which are also informativity, expressiveness, compression, imperativeness, ambiguity, rhythm, imagery of perception and high frequency of reproduction.

In the framework of this study, a military slogan is interpreted as a capacious, meaningful formulation that is aimed at attracting attention, conveying information, forming and consolidating specific attitudes in the minds of the target audience. Slogans in a laconic form reflect the essence of the idea being promoted, have an acoustically optimal speech shell, and are easily perceived and remembered.

Using the example of modern Russian military slogans, the author considers the semantic aspects of hybrid (contamination) graphic structures (graphic derivatives) using the Cyrillic and Latin alphabet and conducts an evaluative analysis of the place and role of the military slogan as an element of the linguocultural code in the context of intercultural communication.

The study seems relevant from the point of view of considering the linguocultural specifics and extralinguistic reasons that served as the basis for the formation of the figurative content of military slogans in modern sociocultural conditions. The purpose of this work is the denotative and, in particular, the connotative volume of knowledge contained in military slogans with the imposition of Latin graphemes on a Cyrillic basis, which served as research material. The main methods used by the authors in the article are linguocultural interpretation of military slogans, component analysis, analysis of the compatibility of linguistic signs as representatives of the semiotic system, analysis of the linguocultural code.

Keywords: military slogan, linguocultural code, graphic hybrids, polygrafixate, graphic derivative, intercultural communication, linguistic worldview.

For citation: Eliseeva, AV & Vasilenko, AP 2024, 'Linguocultural Content of a Military Slogan as an Interlanguage Graphical Derivative', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 130-144, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-130-144> (in Russ.)

Information about the Authors: *Alyona V. Eliseeva* – Postgraduate Student of the Department of English Language Theory and Translation Studies, Bryansk State Academician I. G. Petrovski University, 14, Bezhitskaya Str., Bryansk Region, Bryansk, 241036, Russia;
Anatoliy P. Vasilenko – Associate Professor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the French Language Department, Bryansk State Academician I. G. Petrovski University, 14, Bezhitskaya Str., Bryansk Region, Bryansk, 241036, Russia.

Военный слоган как языковой знак представляет интерес в культурологическом и лингвистическом плане. В своих исследованиях современные ученые-лингвисты (Ю. В. Крылов [15, с. 179], Ю. И. Левин [20, с. 542–558], Ю. Р. Лемешко [21], О. В. Мурашова [27, с. 100–103], Т. И. Стексова [38, с. 56] и др.) одной из основных задач ставят выявление собственно языковой специфики *военного слогана*. Так, современные российские военные слоганы, возникшие на основе латиницы, прочно закрепились в информационном пространстве, вызвали определенный международный и общественный резонанс, стали в один ряд с символикой русского мира. По словам Т. Н. Ефименко [9], военный слоган как лингвокультурный знак остается одним из эффективных инструментов символярия культуры [39] в контексте формирования культурной коммуникации [11].

Как известно, межкультурную коммуникацию можно рассматривать в контексте общения языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам, где коммуникация представляет собой взаимодействие «говорящих сознаний» [2, с. 361].

Этимологически [46], лексема *slogorn(e)* происходит от слияния двух галльских слов *sluagh* и *ghairm* (в некоторых источниках указывается, что это было одно составное слово *sluagh-ghairm*), в значениях ‘army, battle, host, slew’ (букв.: армия, битва, войско, толпа) и ‘cry, shout’ (букв.: вопль, крик) соответственно. То есть, слоганом называли *клич* (крик), издаваемый идущими на битву воинами. Первое упоминание термина в данном значении относится к 1513 году. В энциклопедии Британника [45] указано, что данный боевой клич использовался ирландскими кланами и шотландскими горцами во время атаки, являлся также сигналом к сбору клана. Дж. Э. Шенкель утверждает, что лексема предназначена для обозначения любого возгласа человека или группы людей [40]. В Средние века на европейском континенте лозунги широко использовались, главным образом, в качестве пароля для распознавания определенной группы людей в случае массового скопления в дневное или ночное время [6].

В историческом контексте термин *слоган* первоначально соотносился только с политическим дискурсом. Известны многие военные слоганы и девизы (к примеру, слоган американских пехотных войск *Infantry is the Queen of Battles* (букв.: Пехота – царица сражений) [30, с. 117]. Первые упоминания политических слоганов относятся к эпохе Древних Афин. Одним из наиболее известных лозунгов Античности считается фраза сенатора Катона-старшего *Carthago delenda est* (букв.: Карфаген должен быть разрушен), которую политик использовал при любой возможности. В 1864 году А. Линкольн использовал избирательный слоган *Don't Swap Horses in the Middle of the Stream* (букв.: Коней на переправе не меняют). В первой половине XIX века термин «слоган» стал активно употребляться в торговле и коммерческой рекламе. По мнению американского историка Ф. Пресбрей, 90-е годы XIX столетия стали «эрой слоганов», при этом исследователь полагает, что слоганы эволюционировали из повторяющихся фраз [41].

В Древней Руси роль слоганов играли так называемые заклички и приговорки – краткие фразы, призывающие покупать товар: *Ярмарку начинаем, гостей приглашаем!*; *Подходи, честной народ! Всех вас ярмарка зовет!*; *Бублики вот, сами просят в рот!* и др. [22].

После широкого распространения письменности в России возник особый жанр искусства – *лубок* – небольшой печатный лист с текстом и рисунком. Лубки поначалу назывались «немецкие» или «фряжские» листы и выпускались на различные темы: литературные, религиозные, юмористические, рекламные и пр. Особый расцвет рекламных лубков пришелся на Петровскую эпоху [18]. С этого момента появляется и социальная реклама – важнейший инструмент информационной политики, в ко-

торой активно используются слоганы. Агитационный, боевой настрой слогана вызывает интерес получателя к заявленной теме и является мотивирующим основанием на совершение каких-либо действий, отвечающих на призыв в конкретной социальной рекламе.

В настоящее время существуют различные определения понятия *слоган*.

Слоган – запоминающаяся фраза, используемая в клановом, политическом, коммерческом, религиозном или другом контексте как повторяющееся выражение идеи или установки с целью убедить представителей общественности.

Слоган (шотл. военный крик) – древний ритмический военный крик шотландцев; сборный зов воинов [43].

Слоган – девиз, лозунг [8].

В «Словаре иностранных слов» под редакцией Н. Г. Комлева находим следующее толкование: *слоган* (англ. slogan – лозунг, девиз) – короткая шумная фраза, представляющая рекламную формулировку относительно чего-либо [12].

Л. П. Крысин считает, что слово *slogan* заимствовано из английского языка, в котором оно восходит к глаголу *to slog* (сильно ударять); глагольная семантика значительно повлияла на характер отношения к слову *slogan* (предполагается, что *слоган* должен «потрясти», «ударить» достаточно сильно, чтобы его запомнили) [17].

К отдельному виду слоганов можно отнести *военные слоганы* – небольшие высказывания, которые могут быть использованы для мотивации войск, поднятия боевого духа, показа превосходства над врагом и т. п. Военные слоганы, или армейские лозунги, – это лаконичные фразы, которые легко запоминаются благодаря ярко выраженному эмоциональному посылу [36].

На протяжении всей истории человечества военным слоганам отводилась особая роль. Функционально слоган был направлен на привлечение внимания целевой аудитории, а также передачу сжатой информации, компрессия которой достигалась при помощи простейших синтаксических структур, сохраняя при этом прагматическую направленность. К числу первых военных слоганов можно отнести латинские изречения *Ave, Caesar, morituri te salutant!* (букв.: Идущие на смерть приветствуют тебя, Цезарь!), *Veni, vidi, vici* (букв.: Пришел, увидел, победил), *Divide et impera* (букв.: Разделяй и властвуй) и др. [37].

Хорошо известны примеры военных слоганов, неразрывно связанных с историей России. Так, слоган *Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет* (художественный фильм «Александр Невский», 1938 год); *Родина-мать зовёт!; Все для фронта! Все для Победы!; Ты чем помог фронту?* и др. – период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годы. Слоганами становятся цитаты деятелей истории, политики, культуры, искусства, например: *Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами* (нарком В. Молотов, 1941 год); *Броня крепка, и танки наши быстры* [44].

В целом военные слоганы отражают дух своего времени, способствуют формированию особого мотивационного и морального настроения, декларируют конкретные цели, задают вектор гражданско-патриотического воспитания. Военные слоганы предназначены для поддержки морально-психологического состояния военнослужащих, воспитывают волю к победе, бесстрашие, внушают готовность пожертвовать собственной жизнью во имя Родины. Военные слоганы образно, лаконично, доступно и предельно эмоционально выражают важные для каждого военнослужащего идеи, ради которых он готов выносить тяготы армейской службы, осваивать военное дело, идти на риск, защищать Отечество [26].

Помимо этого, военные слоганы являются орудием внешней и внутренней политики государства, они также ярко отражают менталитет граждан страны.

Военный слоган реализует следующие функции: *информативную* (сообщение в лаконичной форме адресату определенной информации), *аттрактивную* (привлечение внимания), *прагматическую* (формирование эмоциональной реакции и мотивации), *когнитивную* (формирование у целевой аудитории определенного образа и ценностных установок). Основной задачей слогана является привлечение внимания целевой аудитории. Слоган способен выступать средством убеждения, аргументации, актуализации, идентификации адресата, способен оказывать на аудиторию определенное воздействие [10, с. 112].

Военному слогану присущи такие свойства, как информативность, экспрессивность, компрессионность, прагматичность, ритмичность, специфичность, простота восприятия и воспроизведения [42].

Военные слоганы широко распространены во многих армиях мира, где в качестве девизов используются в том числе известные латинские фразы и выражения. Так, девиз армии США – англ. *Army strong* (букв.: Сила армии или Сильная армия), ВВС Австралии – лат. *Per ardua ad astra* (букв.: Через борьбу к звездам), ВВС Финляндии – лат. *Qualitas potentia nostra* (букв.: Качество – наша сила), армии Франции – франц. *Honneur et patrie* (букв.: Честь и Отечество), британской армии – лат. *Animo et fide* (букв.: Решительность и честность), итальянской армии – лат. *Salus rei publicae suprema lex esto* (букв.: Защита республики должна быть высшим законом), канадской армии – лат. *Vigilamus pro te* (букв.: Мы стоим на страже ради тебя), ВС Германии – нем. *Wir. Dienen. Deutschland.* (букв.: Мы. Служим. Германия), ВС Индии – хин. *Sewa Paramo Dharma* (букв.: Победа Матери Индии), ВС КНР – кит. *fang-wei-gu-shou, you-xiao-he-zu* (букв.: Упорная оборона, эффективное устрашение) и др.

Военные слоганы следует отличать от фразеологизмов военной тематики, организованных в подавляющем большинстве случаев на основе военных жаргонизмов. Под фразеологизмами военной тематики понимается группа устойчивых оборотов образной конструкции с включенными жаргонизмами из военной сферы и распространенная в военной сфере общения [3]. В состав фразеологизма входят элементы военной коммуникации, реалии военного дела и быта. Например, *вытряхнуть из кителя* (синоним: *по переборке растереть*) – ‘проучить кого-либо’; *дневальный, убей тигра!* – ‘требование разбудить того, кто захрапел’; *дембельская каша* – ‘сладкое блюдо из печенья, сгущённого молока и других кондитерских изделий’; *резиновый день* – ‘среда, день РХБЗ (радиационной, химической и биологической защиты)’; *понять службу* – ‘у молодых солдат: пройти первые служебные испытания’; *тащить службу* – ‘находиться в наряде или карауле’ [14].

В этой связи представляется интересным рассмотреть современные российские военные слоганы, получившие широкое распространение в последнее время. Они, как правило, возникли на основе символики, появившейся на российской военной технике. Латинские графемы «Z», «V», «O», «X», «A» стали воспринимать как официальную символику специальной военной операции [24].

Так, Министерство обороны РФ опубликовало в своём «Инстаграм-канале» несколько постов, где «Z» трактовалась как «за победу», «за мир», «за наших», а буква «V» – как «Сила V (в) правде» и «Задача будет выполнена» [19]. Несколько позже на официальной странице «ВКонтакте» МО РФ были представлены новые варианты значений данных букв: *За детей Донбасса, Когда Россия позвала, За правду, Отвага* и др. [25].

Полагают, что символ «Z» употребляется для воссоздания национальной идентичности. Также есть мнение, что использование символов придаёт эмоциональность определённому нарративу. Например, символ «Z» призван пробуждать чувство патриотизма, преданности. По этой причине «Z» часто окрашивают в цвета георгиевской ленты. Также считается, что латинские буквы Z и V являются сакраль-

ными для русской культуры, где «Z» – это «земля», «народ», а литера «V» – символ князей из рода Рюриковичей [28].

Многие современные военные слоганы возникли на основе буквенной латинской символики и сразу же получили широкое распространение. К числу наиболее известных слоганов относятся следующие: *Za Победу!*, *Сила V правде!*, *Задача будет Выполнена!*, *Za Наших!*, *Za Правду!*, *Za Мир!*, *Заканчиваем Войны*, *Слышу ZOV*, *Задачу Выполним!*, *Защита!*, *Время помогать!* и др. [24].

Использование в российских военных слоганах латиницы не случайно. Следует отметить, что в последние годы в лексической системе русского языка наблюдается процесс внедрения латиницы, что приводит к появлению лексических образований, синтезирующих в себе два типа графики. В этой связи полагают, что графическое оформление текста обязательно откладывается в сознании читателя [16].

В грамматике встречаются разные термины: *графодериваты*, *полиграфиксаты*, *новообразования «кентавроводобного»*, *поликодового типа* (Т. В. Попова), *графические гибриды* (Т. М. Григорьева, Г. А. Иванова), *гибридные слова* (В. М. Костюков), *визуальные неологизмы*, *слова-матрешки* (Е. В. Маринова) и др. Полиграфиксация подразумевает создание новообразований с помощью графических средств разных языков [32, с. 204].

Полиграфиксацию следует отличать от межъязыковой деривации. Исследование перевода в деривационном аспекте и анализ механизмов межъязыковых преобразований рассматривается рядом авторов как динамический процесс ([Л. С. Бархударов 1], [В. П. Коровушкин 13], [И. Г. Разина 35] и др.). Порождение вторичного текста (перевода) проходит через систему тема-рематических блоков и комплексов, при этом различия отмечаются только на уровне минимальных предикативных структур, что связано с разной семантико-синтаксической структурой языков. Трансформационные преобразования при переводе носят деривационный характер, который обусловлен универсальными механизмами текстопорождения: контаминацией, компрессией и конверсией, действующими в условиях межъязыковой деривации. В процессе перевода встречаются три типа преобразований: транспозитивная, модификационная и мутационная деривация.

Характерная специфика гибридных контаминаций заключается не только в их формальном выражении, в произвольном характере внутрисловных, межморфемных границ, устанавливаемых при помощи графических средств, но и в новом, зависящем от контекста семантическом наполнении [33]. Помимо формального наличия иноязычного графического элемента важным условием признания неолексемы *полиграфиксатом* является наличие у него семантической значимости [29, с. 92].

Графические гибриды демонстрируют креативный потенциал их создателей, стремящихся представить свое видение и оценку описываемого события, зачастую прибегая к формам языковой игры и вовлекая реципиентов в процесс декодирования информации [31]. Следует также учитывать, что черты современного носителя языка во многом способствуют распространению таких контаминированных единиц [32, с. 208].

Основываясь на описательно-аналитическом и генеративно-синтетическом методах морфемике, *графические гибриды* можно рассматривать через разные морфодеривационные модели, для удобства описаний которых мы предлагаем использовать термин *графодериват*.

Как правило, исследователи подразделяют *графодериваты* на две группы, положив в основу дифференциации многогранность обыгрываемого слова [23]. Первая группа образуется способом линейной деривации, при которой «графическая оболочка однозначно представляет определенную лексему» и не затрагивает внутреннюю семантику слова, заменяя только русскую фонему [5, с. 43]. *Графодериваты*

второй группы создаются способом нелинейной деривации. Ее сущность состоит в том, что смыслы наслаиваются на одной и той же цепочке языковых знаков [23, с. 129].

Иноязычные графические символы в большинстве *графодериватов* выделяются визуально: жирным шрифтом или курсивом, словообразовательные форманты обозначаются строчной кириллицей. Непосредственное воздействие на реципиента обусловлено, в основном, эффектом необычности графического облика *графодеривата*, актуализацией ассоциативных смысловых и образных рядов значения. Для понимания транслируемого смысла *графодеривата* помимо владения языком необходимы также и фоновые знания, связанные с географией, историей, культурой страны и пр.

Семантика *графодериватов* зачастую опирается на прецедентные знаки и национально-культурные коннотации образующих их языковых знаков, а также носит символично-концептуальный характер [34, с. 173].

По сути, внедрение латиницы в русские лексемы можно рассматривать в контексте языковой игры как способ создания определенного экстраординарного текстового образа. Использование «чужой» буквы преследует цель задержать (или привлечь) взгляд читателя.

Условием привлечения внимания наряду с повторяемостью, как известно, является необычность изображаемого текста. Как определенный маркер «чужая» буква активизирует метаязыковое поведение, побуждает обратить внимание на то, каким образом написано слово или фраза [4, с. 188].

В военных слоганах *графодериваты* выполняют номинативную и экспрессивно-игровую функции, отличаются разной степенью сложности, обусловленной количеством латинизированных компонентов и их уровневой природой (графемы, морфемы, лексемы). На основе проведенного лингвистического анализа рассматриваемых межъязыковых *графодериватов* можно выделить четыре контаминационных типа с учетом количества латинизированных компонентов и способа оформления дериватов.

1. Межъязыковой графодериват

в качестве знаменательного слова в латинской графике

Графодериват, обладающий самостоятельным лексическим значением, выполняющим номинативную функцию, а также способный функционировать в качестве члена предложения. Отличительной особенностью данной группы является частичная или полная замена русской графики латиницей. При этом *графодериват* может представлять собой как самостоятельное слово, так и выступать в качестве составной части морфемы.

Например, в словосочетаниях *ZOV предков*, *Слышу ZOV* латиница целиком заменяет кириллическое «зов». Замена кириллического корня латиницей предполагает задействование реципиентом непосредственно лингвистического перекодирования, что влечет за собой особо эмоциональное восприятие считываемой информации.

Необходимо также выделить короткие фразы и словосочетания, в которых представлен самостоятельный латинский знак, имеющий не только значение буквы, но и символизирующий историю и лингвокультуру разных народов. В данной группе используются, в основном, отдельно стоящие латинские символы, подразумевающие тот или иной исторический либо лингвокультурологический подтекст.

Например, *Поколение Z* – термин, который применяется в мире для обозначения поколения людей, появившегося на свет в период с 1996 по 2012 год, первого в истории поколения, родившегося в эпоху интернета. Зачастую термин *Поколение Z*

рассматривается в качестве синонима термина «цифровой человек». Фраза *V – значит ‘возмездие’ (My V is for Vendetta)* стала популярной после выхода одноименного фильма 2005 года, снятого по сценарию Мура и Ллойда. В фильме главный герой *V* выражает идеалы свободы, справедливости и борется против жестокости. Словосочетание *Z – Значит Защита* акцентирует внимание на латинской *Z*, выступающей в качестве военного символа, через отсылку к кириллическому *З* в установочных словах, раскрывающих смысловое значение знака.

2. Межъязыковой графодериват

в качестве неполнозначительного слова в латинской графике

Графодериват, который не выполняет номинативной и самостоятельной синтаксической функции, а также является неизменяемым. Данная группа представлена, как правило, служебными словами (предлогами) с частичной или полной заменой русской графики латиницей.

Например, в словосочетаниях *За Правду! За Победу!* – латинская буква *Z* заменяет в предлоге «за» кириллическую литеру *З*; в выражении *Сила V правде!* – латинская *V* заменяет кириллический предлог «в». Примеры *графодериватов*: *За Пацанов!, За Россию!, За Наших!, За Мир!* и др. [24].

3. Межъязыковой графодериват

в качестве корневой морфемы в латинской графике

Графодериват, являющийся составной частью корневой морфемы – структурного ядра слова, носителя его лексического значения и основного смыслового компонента. Для данной группы характерна замена кириллических символов на их аналоги в латинской транскрипции в составе корневой морфемы. При этом *графодериват* может быть представлен разными частями речи (существительным, глаголом и др.), входить в состав словосочетания, а также выступать в качестве отдельного слова.

Например, в словосочетаниях *Задача будет Выполнена!, Вежливые и Злые* – латинские литеры *Z* и *V* заменяют начальные корневые кириллические буквы *З* и *В*; в словах *Отвага, Защита!* – латинские литеры *V* и *Z* заменяют корневые кириллические буквы *В* и *З*; в составе фразы *VOZмездие неизбежно* кириллическая часть корня «воз» замещена латиницей *VOZ*. Примеры *графодериватов*: *Задачу Выполним!, Не Забудем!, Время помогать!* и др. [24].

4. Межъязыковой графодериват

в качестве аффиксальной морфемы в латинской графике

Графодериват, являющийся составной частью аффиксальной морфемы – вспомогательной части слова, присоединяемой к корню и служащей для словообразования и выражения грамматических значений. В данной группе кириллические символы заменяются на их аналоги в латинской транскрипции в составе аффиксальной морфемы. *Графодериват* может быть представлен разными частями речи (глаголом, наречием и др.) и, как правило, входит в состав словосочетания.

Например, в словосочетании *Заканчиваем войны* латинская литера *Z* заменяет начальную кириллическую букву *З* в префиксе *за-*; в слогане *Вперед к победе!* латинская буква *V* заменяет кириллический префикс *В*.

Каждая из представленных групп имеет характерные особенности и отличия. Так, наиболее широко используются межъязыковые *графодериваты* в качестве неполнозначительного слова и корневой морфемы в латинской графике, что обусловлено достаточно простым способом словообразования, в котором используется замена кириллических символов на их аналоги в латинской транскрипции в составе

неполнозначительных слов и морфем. Вместе с тем более эффективными с точки зрения воздействия на аудиторию являются *графодериваты* в качестве знаменательного слова в латинской графике, поскольку побуждают реципиента задействовать лингвистическое перекодирование и прибегать к расшифровке лингвокультурологического подтекста, что влечет за собой высокоэффективное восприятие считываемой информации. С точки зрения информативности *графодериваты* в качестве знаменательного слова в латинской графике отличаются более выраженной смысло-содержательной новизной, в то время как *графодериваты* в качестве неполнозначительного слова, корневой и аффиксальной морфем в латинской графике считаются значительно быстрее и минимизируют ошибочное трактование.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Слоган – это девиз, лозунг, короткая запоминающаяся фраза, используемая в клановом, политическом, военном, коммерческом, религиозном или другом контексте как выражение определенной идеи или установки с целью воздействия на целевую аудиторию.

Военный слоган – это емкая содержательная фраза, направленная на привлечение внимания, сообщение информации, формирование и закрепление в сознании целевой аудитории установок, связанных с патриотической и военно-профессиональной мотивацией, поднятием боевого духа, демонстрации превосходства над врагом и т. п.

Лингвокультурный характер военного слогана заключается в его позиционировании как элемента лингвокультурного кода, характеризующегося информативной, аттрактивной, прагматической и когнитивной функциями, отличительными особенностями которого также являются информативность, экспрессивность, компрессионность, императивность, многозначность, ритмичность, образность восприятия и высокая частота воспроизведения.

Графодериват – это визуальный (начертательный) неологизм, образованный с помощью графических средств разных языков.

Межъязыковой дериват – это дискретный элемент языка-источника (фонема, морфема, слово, словосочетание), ассимилированный в языке-реципиенте путем различных видов перевода.

Межъязыковой *графодериват* военного слогана – это визуальный неологизм, образованный с помощью графических средств разных языков, включенный в состав короткой запоминающейся фразы военной тематики.

Можно выделить контаминационные типы межъязыковых *графодериватов* военных слоганов с учетом количества латинизированных компонентов и способа оформления дериватов: *графодериват* в качестве знаменательного слова в латинской графике; *графодериват* в качестве неполнозначительного слова в латинской графике; *графодериват* в качестве корневой морфемы в латинской графике; *графодериват* в качестве аффиксальной морфемы в латинской графике.

Характерными особенностями межъязыковых дериватов военных слоганов в лингвистическом ключе являются их необычность, оригинальность, своеобразность, неординарность. Слоганы привлекают к себе внимание отдельно выделенной латинской буквой, меняют привычное восприятие хорошо известных лозунгов. Видоизменяя кириллическое написание, латинская буква придает лексеме оригинальный вид, стимулирует реципиента расшифровать новое содержание деривата.

Характерными особенностями межъязыковых дериватов военных слоганов в культурном ключе являются их символизм, имплицитность, культурно-исторический подтекст. Они представляют собой символическое выражение иден-

тичности, системы ценностей и патриотизма, олицетворяют культурно-историческое наследие. Военные слоганы являются эффективным лингвокультурным инструментом в области реализации языковой политики в контексте межкультурной коммуникации.

Военные слоганы-*графодериваты* можно рассматривать как эффективный прием визуализации данных для привлечения внимания целевой аудитории в интересах реализации заданных установок. Непосредственное воздействие межъязыкового *графодеривата* на реципиента обусловлено, в основном, эффектом необычности начертательного облика *графодеривата*, актуализацией смысловых и образных полей значения.

Список источников и литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
2. Бахтин М. М. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. 608 с.
3. Василенко А. П. Образы фразеологизмов, построенные на идее социального противоборства (на материале военного жаргона) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (459). С. 117–128.
4. Высоцкая И. В. Современный рекламный текст. Прецедентность и интердискурсивность. М.: Флинта, 2022. 85 с.
5. Гугунава Д. В., Первухина И. Ю., Рацибурская Л. В. Особенности словотворчества в современной публицистике. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2003. 56 с.
6. Denton R. E. Jr. The rhetorical functions of slogans: Classifications and characteristics [Дентон Р. Э. (мл.) Риторическая функция лозунгов: классификация и характеристики] // Communication Quarterly. 1980. Vol. 28, Issue 2. P. 10–18.
7. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
8. Ефименко Т. Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, вып. 3. С. 188–191.
9. Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2002. 242 с.
10. Ковшова М. Л. Языковой знак в обретении смыслов культуры субкультуры // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 71–85.
11. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 669 с.
12. Коровушкин В. П. Методика словообразовательного анализа субстандартной аббревиации (на материале английского и русского военного жаргона) // Единицы разных уровней в языке и речи : межвуз. сб. науч. тр. Череповец: Изд-во Череповец. гос. пед. ин-та, 1994. С. 58–86.
13. Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона. Нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII – XX веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 372 с.
14. Крылов Ю. В. Новая жизнь старого жанра: к проблеме вариативности жанра (на материале лозунга и слогана) // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 179–188.
15. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследование по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 883 с.
16. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
17. Кучеровская В. В. Искусство рисованного лубка в русской культуре XVIII – начала XX веков : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 // Кучеровская Вероника Васильевна. СПб., 2005. 160 с.

18. Минобороны опубликовало пост о значении символов «Z» и «V» на военной технике // Коммерсантъ : офиц. сайт. Дата публикации: 03.03.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5239822>.
19. Левин Ю. И. Семиотика советских лозунгов // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 542–558.
20. Лемешко Ю. Р., Ташлыкова М. Б. Структурно-семантические модели лозунгов в синхронии и диахронии // Русский язык. Языки народов России. 2023. № 8 (44). С. 1–13. URL: <https://rulb.org/archive/8-44-2023-august/10.18454/RULB.2023.44.34>.
21. Ломова Н. В. Рекламный слоган как путь к успеху // Studium/Студиум. 2016. № 4-2 (41). С. 18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28887953> (дата обращения: 23.10.2023).
22. Маринова Е. В. Визуальные неологизмы: новая графика «старых» слов // Вестник ННГУ. Серия: Филология. 2005. Вып. 1 (6). С. 127–132.
23. Официальная символика СВО // Минобороны России : офиц. сайт. URL: https://z.mil.ru/spec_mil_oper/media/video/plakat.htm (дата обращения: 26.10.2023)
24. Минобороны России : офиц. страница Министерства обороны РФ // ВКонтакте : соц. сеть. URL: <https://vk.com/mil> (дата обращения: 27.10.2023).
25. Михин А. Н., Шулежкова С. Г. Лозунги и девизы российской армии в диахроническом аспекте // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докладов и сообщений Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею ... проф. Л. Г. Бабенко. М.; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. С. 496–506. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27636867> (дата обращения: 14.10.2023).
26. Мурашова О. В., Соловьева С. А. Военный лозунг как жанр военной риторики // Череповецкие научные чтения – 2013 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2014. Ч. 1. С. 100–103. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23290256> (дата обращения: 10.10.2023).
27. Мягкий В. Историк рассказал об истинном значении букв Z и V для России // URA.RU : Рос. информ. интернет-агентство. Дата публикации: 17.03.2022. URL: <https://ura.news/news/1052539321>.
28. Нефляшева И. А. Иноязычные графические элементы в структуре окказионального слова // Вестник Ставропольского государственного университета. Филологические науки. 2011. № 76. С. 91–99.
29. The Greenhill Dictionary of Military Quotation [=Словарь военных цитат] / ed. Peter G. Tsouras. London: Greenhill Books, 2000. 574 p.
30. Покровская Е. В. Газета в современной культурно-речевой ситуации // Русская речь. 2005. № 5. С. 69–74.
31. Попова Т. В. Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удачи и неудачи (на материале графиксатов русского языка рубежа XX–XXI вв.) // Лингвистика креатива-2 / общ. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 199–233.
32. Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта, 2022. 167 с.
33. Попова Т. В. Русские графиксаты как объект неографии XXI в. // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. 2013. Т. 21, вип. 19 (2). С. 172–180.
34. Разина И. Г. Перевод как процесс межъязыковой деривации // Язык и культура. 2008. № 1. С. 66–78.
35. Романов А. С., Корниевская Т. К. Вербовочный слоган как самобытный феномен армейской субкультуры США // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 228–233.
36. Список крылатых латинских выражений // ECOTECO : информ.-аналит. Интернет-портал. URL: <https://ecoteco.ru/library/magazine/zhurnal-11/ekologiya/151101-aforizmy/spisok-krylatyh-latinskih-vyrazheniy/?ysclid=lmq9z5xzi1529400196> (дата обращения: 18.10.2023).
37. Стеклова Т. И. Декларативность в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 56–62. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/4804/1/plin-2016-05-06.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).

38. Токарев Г. В. Изучение символика региональной субкультуры // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты : материалы междунар. науч.-метод. конф. Омск, 2022. С. 60–62.
39. Туманова Е. О. Лексико-семантическая характеристика афоризмов в книге Эльмара Шенкеля "когда я опаздывает" // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2 (51). С. 347–352.
40. Presbrey F. The History and Development of Advertising. New York: Doubleday, Doran and Company, 1929. 642 p.
41. Hosu I., Pavelea A. The Analysis of the Candidates' Slogans in the Romanian Presidential Campaign – November 2009 // Journal of Media Research. 2010. Vol. 3, Issue 1 (6). P. 18–30.
42. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1910. 676 с.
43. Дайте миру шанс! : словарь современных политических лозунгов России и Германии / под ред. С. Г. Шулежковой, А. А. Осиповой. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. 300 с.
44. Britannica Online Encyclopedia. URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 21.10.2023).
45. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 20.10.2023).

References

1. Barkhudarov, LS 1975, *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* (Language and Translation (Problems of general and specific theory translation)), Mezhdunarodnyye otnosheniya publ, Moscow, Russia. (In Russ.)
2. Bakhtin, MM 1998, *Tetralogiya* (Tetralogy), Labirint publ, Moscow (In Russ.)
3. Vasilenko, AP 2022, 'Obrazy frazeologizmov, postroennyye na idee sotsial'nogo protivoborstva (na materiale voennogo zhargona)' (Images of phraseological units based on the idea of social confrontation (based on the material of military jargon)), *The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, no. 1 (459), pp. 117–128. (In Russ.)
4. Vysotskaya, IV 2022, *Sovremennyy reklamnyy tekst. Pretsedentnost' i interdiskursivnost'* (Modern advertising text. Precedent and interdiscursivity), Flinta publ, Moscow (In Russ.)
5. Gugunava, DV, Pervukhina, IYu & Ratsiburskaya, LV 2003, *Osobennosti slovotvorchestva v sovremennoy publitsistike* (Features of word creation in modern journalism), NGPU im. K. Minina publ, Nizhny Novgorod (In Russ.)
6. Denton, RE Jr 1980, 'The rhetorical functions of slogans: Classifications and characteristics', *Communication Quarterly*, vol. 28, no. 2, pp. 10–18.
7. Egorova, TV 2014, *Slovar' inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka* (Dictionary of foreign adopted words of the modern Russian language), Adelant publ, Moscow (In Russ.)
8. Efimenko, TN 2012, 'Vzaimodeystviyye lingvokul'turnykh kodov v protsesse mezhkul'turnoy kommunikatsii' (Interaction of linguistic and cultural codes in the process of intercultural communication), *Izvestiya vuzov. Seriya «Gumanitarnyye nauki»*, vol. 3, no. 3, pp. 188–191. (In Russ.)
9. Kiselev, KV 2002, *Politicheskiy slogan: problemy semanticheskoy politiki i kommunikativnaya tekhnika* (Political slogan: problems of semantic politics and communicative technique), Izd-vo UrO RAN publ, Ekaterinburg (In Russ.)
10. Kovshova, ML 2021, 'Yazykovoy znak v obretnenii smyslov kul'tury subkul'tury' (Linguistic sign in the acquisition of meanings of subculture), *Cognitive studies of language*, no. 2 (45), pp. 71–85. (In Russ.)
11. Komlev, NG 2006, *Slovar' inostrannykh slov* (Dictionary of foreign words), Eksmo publ, Moscow, Russia. (In Russ.)
12. Korovushkin, VP 1994, 'Metodika slovoobrazovatel'nogo analiza substandartnoy abbreviatsii (na materiale angliyskogo i russkogo voennogo zhargona)' (The methodology of word-formation analysis of substandard abbreviation (based on the material of English and Rus-

- sian military jargon)), *Yedinitsey raznykh urovney v yazyke i rechi* (Units of different levels in language and speech: Interuniversity collection of scientific papers), Cherepovets, pp. 58–86. (In Russ.)
13. Korovushkin, VP 2000, *Slovar' russkogo voennogo zhargona. Nestandardnaya leksika i frazeologiya vooruzhennykh sil i voenizirovannykh organizatsiy Rossiyskoy imperii, SSSR i Rossiyskoy Federatsii XVIII-XX vekov* (Dictionary of Russian military jargon. Non-standard vocabulary and phraseology of the armed forces and paramilitary organizations of the Russian Empire, the USSR and the Russian Federation of the 18th – 20th centuries), Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg. (In Russ.)
 14. Krylov, YuV 2018, 'Novaya zhizn' starogo zhanra: k probleme variativnosti zhanra (na materiale lozunga i slogana)' (New life of the old genre: to the problem of variability in the genre), *Speech Genres*, no. 3 (19), pp. 179–188. (In Russ.)
 15. Krysin, LP 2004, *Russkoye slovo, svoye i chuzhoeye: Issledovanie po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolinguistike* (The Russian Word, Own and Foreign: A Study in Modern Russian Language and Sociolinguistics), Yaz. slavyan. kul'tury publ, Moscow. (In Russ.)
 16. Krysin, LP 2008, *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* (Explanatory dictionary of foreign words), Eksmo publ, Moscow. (In Russ.)
 17. Kucherovskaya, VV 2005, *Iskusstvo risovannogo lubka v russkoy kul'ture XVIII – nachala XX vekov* (The art of cheap popular print in Russian culture of the 18th – early 20th centuries), PhD thesis, St. Petersburg, State Academy of Art and Industry, St. Petersburg. (In Russ.)
 18. Larina, A 2023, 'Minoborony opublikovalo post o znachenii simvolov «Z» i «V» na voennoy tekhnike' (The Ministry of Defense published a post about the meaning of the symbols "Z" and "V" on military equipment), *The Kommersant*, 3 March, viewed 26 October 2023, <https://www.kommersant.ru/doc/5239822> (In Russ.)
 19. Levin, YuI 1998, *Semiotika sovetskikh lozungov. Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika*. (Semiotics of Soviet slogans. Selected works. Poetics. Semiotics), Yazyki rus. kul'tury publ, Moscow, Russia. (In Russ.)
 20. Lemeshko, YuR & Tashlykova, MB 2023, 'Strukturno-semanticheskiye modeli lozungov v sinkhronii i diakhronii' (Structural and semantic models of slogans in synchrony and diachrony), *Russian language. Languages of the peoples of Russia*, no. 8 (44), pp. 1–13. (In Russ.)
 21. Lomova, NV 2016, 'Reklamnyy slogan kak put' k uspekhу' (Advertising slogan as a path to success), *Studium*, no. 4-2 (41), p. 18. (In Russ.)
 22. Marinova, EV 2005, 'Vizual'nyye neologizmy: novaya grafika «starykh» slov' (Visual neologisms: new graphics of "old" words), *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philological sciences*, no. 1 (6), pp. 127–132 (In Russ.)
 23. 'Ofitsial'naya simbolika SVO' (Official symbols of the SWO), *Minoborony Rossii* (The Russian Ministry of Defense), viewed 26 October 2023, https://z.mil.ru/spec_mil_oper/media/video/plakat.htm (In Russ.)
 24. 'Minoborony Rossii : ofits. stranitsa Ministerstva oborony RF' (Russian Ministry of Defence : official page), *Vkontakte*, viewed 27 October 2023, <https://vk.com/mil> (In Russ.)
 25. Mikhin, AN & Shulezhkova, SG 2016, 'Lozungi i devizy rossiyskoy armii v diakhronicheskom aspekte' (Slogans and battle cries of Russian army in diachronic aspect), *Conference "New Russia: traditions and innovations in language and language science"*, 28 – 30 September 2016, Kabinetnyy uchenyy publ, Moscow-Ekaterinburg, viewed 14 October 2023, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27636867> (In Russ.)
 26. Murashova, OV & Solovyova, SA 2014, 'Voennyy lozung kak zhanr voennoy ritoriki' (Military slogan as a genre of military rhetoric), *Cherepovetskiye nauchnyye chteniya – 2013 : materialy Vseros. nauch.-prakt. Konf* (Cherepovets scientific readings. Materials of the All-Russian scientific and practical conference), 6-7 November 2013, Cherepovets, viewed 10 October 2023, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23290256> (In Russ.)
 27. Myagkiy, V 2022, 'Istoriy rasskazal ob istinnom znachenii bukv Z i V dlya Rossii' (The Historian told about the true meaning of the letters Z and V for Russia), *URA.RU*, 17 March, viewed 30 October 2023, <https://ura.news/news/1052539321> (In Russ.)

28. Neflyasheva, IA 2011, 'Inoyazychnyye graficheskiye elementy v strukture okkazyional'nogo slova' (Foreign graphic elements in the structure of an nonce word), *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, Filologicheskkiye nauki*, no. 76. pp. 91–99. (In Russ.)
29. Tsouras, PG (ed.) 2000, *The Greenhill Dictionary of Military Quotations*, Greenhill publ, London.
30. Pokrovskaya, EV 2005, 'Gazeta v sovremennoy kul'turno-rechevoy situatsii' (Newspaper in the modern cultural and speech situation), *Russkaya rech'* (Russian Speech), no. 5, pp. 69–74. (In Russ.)
31. Popova, TV 2012, 'Sovremennyye grafo-orfograficheskiye igry: kommunikativnyye udachi i neudachi (na materiale grafiksatsov russkogo yazyka rubezha XX – XXI vv.)' (Modern grapho-spelling games: communicative successes and failures (based on the material of the graphics of the Russian language of the turn of the 20th-21st centuries)), *Linguistika kreativa-2*, ed T.A. Gridina, Ural. gos. ped. un-t publ, Ekaterinburg, pp. 199–233. (In Russ.)
32. Popova, TV, Ratsiburskaya, LV & Gugunava, DV 2022, *Neologiya i neografiya sovremen-nogo russkogo yazyka* (Neology and neography of the modern Russian language), Flinta publ, Moscow, Russia. (In Russ.)
33. Popova, TV 2013, 'Russkiye grafiksaty kak obyekt neografii XXI v.' (Russian graphixats as an object of neography of the 21st century), *Bulletin of Dnepropetrovsk University, Series: Lin-guistics*, vol. 21, no. 19 (2), pp. 172–180. (In Russ.)
34. Razina, IG 2008, 'Perevod kak protsess mezhyazykovoy derivatsii' (Translation as a process of interlanguage derivation), *Yazyk i kul'tura*, Tomsk: Tomsk State University, no. 1, pp. 66–78. (In Russ.)
35. Romanov, AS & Korniyevskaya, TK 2015, 'Verbovochnyy slogan kak samobytnyy fenomen armeyskoy subkultury SSHA' (Recruitment slogan as an original phenomenon of the US army subculture), *Political linguistics*, no. 2 (52), pp. 228–233. (In Russ.)
36. 'Spisok krylatykh latinskikh vyrazheniy' (A list of popular Latin expressions), *ECOTECO*, viewed 18 October 2023, <https://ecoteco.ru/library/magazine/zhurnal-11/ekologiya/151101-aforizmy/spisok-krylatyh-latinskikh-vyrazheniy/?ysclid=lmq9z5xzi1529400196>. (In Russ.)
37. Steksova, TI 2016, 'Deklarativnost' v politicheskom diskurse' (Declarativeness in political dis-course), *Political linguistics*, no. 5 (59), pp. 56–62. (In Russ.)
38. Tokarev, GV 2022, 'Izucheniye simbolariya regional'noy subkul'tury' (Symbolary of regional identity: research issues), *Materials of the international scientific and methodological conference "Problems of modernization of modern higher education: linguistic aspects"*, 20 May 2022, Omsk, viewed 14 October 2023, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48491270>. (In Russ.)
39. Tumanova, EO 2015, 'Leksiko-semanticheskaya harakteristika aforizmov v knige El'mara Shenkelya "kogda ya opazdyvaet"' (Lexical-semantic characteristics of aphorisms in Elmar Shenkel's book "When 'I' is late"), *The world of science, culture and education*, no. 2 (51), pp. 347–352. (In Russ.)
40. Presbrey, F 1929, *The history and development of advertising*, Doubleday, Doran & Compa-ny Inc. publ, New York.
41. Hosu, L & Anisoa, P 2010, 'The Analysis of the Candidates' Slogans in the Romanian Presi-dential Campaign', *Journ. of Media Research*, vol. 3, no. 1 (6), pp. 18–30.
42. Chudinov, AN 1910, *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* (Dic-tionary of foreign words included in the Russian language), Izd. V. I. Gubinskogo publ, St. Petersburg. (In Russ.)
43. Shulezhkova, SG & Osipova, AA(eds.) 2016, *Dayte miru shans! Slovar' sovremennykh politicheskikh lozungov Rossii i Germanii*. (Dictionary of modern political slogans of Russia and Germany "Give a chance to the world!"), Magnitogorskiy Dom pechati publ; Ernst-Moritz-Arndt-Universität publ, Magnitogorsk, Greifswald. (In Russ.)
44. *Britannica Online Encyclopedia*, viewed 21 October 2023, <http://www.britannica.com/>
45. *Online Etymology Dictionary*, viewed 20 October 2023, <http://www.etymonline.com/>

Вклад авторов:

Елисеева А. В. – идея, сбор и обработка материала, написание статьи.

Василенко А. П. – научное редактирование текста.

Contribution of the authors:

Alyona V. Eliseeva – idea, collection and processing of material, writing an article.

Anatoliy P. Vasilenko – scientific text edition.

Статья поступила в редакцию: 16.01.2024
Одобрена после рецензирования: 19.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 16.01.2024
Approved after reviewing: 19.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Научная статья

УДК 651.758

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-145-155>

ПОНЯТНЫЙ ЯЗЫК: ФАКТОР АДРЕСАТА

**Валерий Анатольевич
Ефремов¹**

**Юлия Сергеевна
Андреева²**

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия, valef@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0247-706X>

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Россия

andreeva-yus@ranepa.ru

Аннотация. Статья продолжает серию работ авторов, продвигающих концепцию *понятного языка* (plain language) как особой формы стиля коммуникации государства с гражданами, рассчитанного на гармонизацию общения и снижение социального напряжения. Взаимодействие органов власти с гражданином предполагает, что основная задача такой коммуникации – помочь ему решить его проблемы, опираясь на законодательство и соблюдая все необходимые требования. В данном исследовании анализируются проблемные зоны такого важного параметра официально-деловой коммуникации, как фактор адресата, структурно вербализованный прежде всего разнообразными фатическими средствами. Базовая синтаксическая и этикетная единица, эксплицирующая фактор адресата, – обращение. Анализ накопленного на протяжении многих лет большого массива ответов государственных служащих гражданам Российской Федерации, а также информационных сообщений официальных структур в виде разнообразных объявлений, позволяет выделить такие потенциально агональные зоны официальной коммуникации, как замена обращения приветствием, обобщенное обращение, деперсонализация, необоснованный повтор обращения и многое другое. В работе также описываются и такие типы нарушения реализации фактора адресата, как смешение *Вы-* и *вы-*регистров, некорректное оформление обращений при использовании новых технологий коммуникации, неудачные подписи авторов (исполнителей) ответов. В конце статьи приведены актуальные, недавно возникшие в письменной коммуникации государственных организаций и граждан тенденции, напрямую связанные с реализацией фактора адресата. Некоторые из них можно оценить как положительные (использование в официальных сообщениях *мы-инклюзивного*), некоторые – как амбивалентные (упразднение обращений).

Ключевые слова: понятный язык, фактор адресата, официально-деловая переписка, эпистолярный этикет, обращение.

Для цитирования: Ефремов В. А., Андреева Ю. С. Понятный язык: фактор адресата // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 145–155. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-145-155>

Сведения об авторах: В. А. Ефремов – доцент, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки 48;

Ю. С. Андреева – исполнительный директор Центра понятного языка, руководитель группы Центра внедрения клиентоцентричного подхода, Институт Высшая школа государственного управления (ВШГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), 119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1.

© Ефремов В. А., Андреева Ю. С., 2024

Scientific Article
UDC 651.758
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-145-155>

PLAIN LANGUAGE: THE ADDRESSEE FACTOR

*Valeriy A. Efremov*¹

*Yulia S. Andreeva*²

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint-Petersburg, Russia, valef@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0247-706X>

² Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Moscow, Russia
andreeva-yus@ranepa.ru

Abstract. The article continues a series of works by the authors promoting the concept of plain language as a special form of language for interaction between the government and citizens, designed to harmonize communication and reduce social tension. The main task of communication between the authorities and citizens is to help people solve their problems, relying on legislation and complying with all necessary requirements. This study analyzes the problem areas of such an important parameter of official business communication as the addressee factor, structurally verbalized primarily by various phatic means. The basic syntactic and etiquette unit explicated the addressee factor is the address. Analysis of a large corpus of responses from civil servants to citizens of the Russian Federation, as well as information messages from official structures in the form of various announcements, allows us to identify such potentially agonistic zones of official communication as replacing an address with a greeting, depersonalization, unreasonable repetition of an address, and much more. The work also describes such types of violation of the implementation of the addressee factor as mixing the *You-* and *you-*registers, incorrect use of addresses when using new communication technologies, unsuccessful signatures of the authors (performers) of the answers. At the end of the article, the authors give examples of actual, recently emerged trends in written communication of state organizations and citizens, directly related to the implementation of the addressee factor. Some of them are positive (the use of *we-inclusive* in official communications), some are ambivalent (the abolition of appeals).

Keywords: plain language, addressee factor, official business correspondence, epistolary etiquette, address.

For citation: Efremov, VA & Andreeva, YuS 2024, 'Plain Language: the Addressee Factor', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 145–155, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-145-155> (in Russ.)

Information about the Authors: *Valeriy A. Efremov* – Associate Professor, Doctor of Science (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, emb. Moika River, Saint-Petersburg, 191186, Russia;
Yulia S. Andreeva – Executive Director of the Center for Plain Language, Head of the group of the Center for Implementation of a Client-Centric Approach, Institute Higher School of Public Administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82, building 1, ave. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia.

© Efremov N. A., Andreeva Yu. S., 2024

Введение

Понятный язык (англ. *plain language*) – термин, относительно недавно появившийся в русскоязычном пространстве: как в собственно лингвистических исследованиях (см. краткую историю в [15]), так и в деловой коммуникации и делопроизводстве [7]. Согласно формулировке Международной федерации понятного языка «текст написан на понятном языке, если выбор слов и построение предложений в нем, а также его содержание, структура и оформление позволяют читателю легко найти нужную информацию, понять её и использовать» [10].

В России проблема понятного языка еще только начинает осознаваться как важная и актуальная: никакого монографического или масштабного исследования этой части официально-деловой коммуникации, в которую вовлечено огромное количество граждан, пока не существует, кроме практико-ориентированной работы авторов [1]. Вместе с тем наличие проблемы коммуникации государства (органов власти) и населения (граждан) все чаще привлекает внимание других специалистов: от законодателей и юристов до специалистов в области (цифровой) коммуникации государства и граждан.

В рамках актуального социального запроса на толерантное, гармоничное и одновременно успешное общение особую значимость приобретает тезис о том, что соблюдение параметров понятного языка позволяет полностью соответствовать одной из главных коммуникативных задач государства – ориентироваться на рядового пользователя, человека без специального юридического или филологического образования. К социальным причинам, предопределившим необходимость понятного языка, можно отнести следующие: низкие юридическая и правовая грамотность населения, слабая интернет-грамотность представителей старшего поколения, плохое владение навыками чтения и создания текстов официально-делового стиля и др.

В работе [1] нами уже была предпринята попытка параметризации понятного языка, в том числе и с точки зрения таких мало учитываемых в традиционной теории и практике официально-деловой переписки экстралингвистических факторов, как этичность и эмпатичность.

Представляется, что современная коммуникация государственных служащих и граждан Российской Федерации определяется в том числе и соответствием ожиданиям адресата и способностью сохранять партнерские отношения. На наш взгляд, в ситуации письменной коммуникации российских государства и граждан эмпатичность (в широком понимании термина) в аспекте понятного языка может быть описана через следующие параметры.

1. Учет социопсихологических особенностей адресата (возраст, гендер, образование, социальный статус и др.).
2. Отсутствие речевой агрессии (в т. ч. иронии).
3. Опора на конкретную, заявленную проблему адресата.
4. Корректная переадресация в другие органы (если требуется).
5. Наличие альтернативных решений (если требуется).
6. Отсутствие безразличия.
7. Вежливость отказа (при необходимости).

В связи с разработкой проблемы эмпатии как одного из важных критериев понятного языка необходимо проанализировать такую проблемную зону современной коммуникации государства с гражданами, как адресность (отнесенность к конкретному человеку) ответов на запросы. Адресность – это частный случай реализации фактора адресата, который имеет особо важное значение в официально-деловой переписке, характеризующейся несимметричной субъектностью участников коммуникации: «Для установления контакта адресант должен обладать правильно сформированным образом адресата, который создается на основе имеющейся у адресанта

информации о его социальном и когнитивном статусах, мировоззренческих и эмоциональных установках и т. п.» [9, с. 61].

Исследование фактора адресата может базироваться на разных методологических основах: теория речевых актов, социолингвистика, когнитивная лингвистика, речевой этикет. После выхода в свет статьи Н. Д. Арутюновой [3] фактор адресата привлекает к себе внимание ученых, работающих в разных областях филологической науки: от теории художественных текстов [2] и судебной коммуникации [9] до проблем перевода [11] и орфографии [6]. Если же говорить о собственно официально-деловом дискурсе, то в нем «фактор адресата – явление очень многообразное, он находит выражение и в специальных языковых клише, и в композиции, и в реквизитах делового документа» [4, с. 11–12].

Общим местом для современных исследований в области прагматики становится идея о том, что учет фактора адресата напрямую связан со строго обязательной оценкой отправителем сообщения «интеллектуальных и рабочих возможностей адресата в пределах конкретного контекста речи: опираясь на результаты этой оценки, говорящий “упаковывает” передаваемое содержание эффективным образом, чтобы адресат мог легко его усвоить» [14, с. 36–39].

Исследование

Специалист в области деловой и официальной коммуникации Е. П. Буторина предлагает использовать для анализа классической деловой коммуникации применительно к категориям *вежливость – антивежливость* параметр «свой» – «чужой», рассматриваемый как субъективный и связанный с интерперсональными границами признак партнера [6]. (Ср.: «Анализ деловых и рекламных писем разных организаций позволил <...> выделить три типа адресата «свой» – «чужой» – «квазисвой» и использовать его как разграничитель писем: деловое письмо – письмо по делу – рекламное письмо» [12, с. 337]). Оценка партнера в деловой коммуникации по параметру «свой» – «чужой» представляется перспективной, однако в официально-деловой речи такая категоризация практически не учитывается. Одновременно реализация фактора адресата в аспекте понятного языка предполагает более личностную ориентацию на гражданина, чем это принято сейчас в большинстве государственных органов.

I. Обращения. Серьезной проблемой современной официально-деловой переписки в аспекте фактора адресата становится, как это ни странно, проблема обращения. Отметим распространенные и наиболее конфликтогенные с точки зрения понятного языка способы использования этого фатического средства.

1. **Стандартизированное обращение с ошибкой** (фамилия вместе с именем–отчеством) и неустраненный выбор гендерной принадлежности.

Полученное от департамента ЖКХ г. Москвы уведомление на имя одного из авторов данной статьи начиналось обращением «*Уважаемый(ая) Андреева Юлия Сергеевна!*». В современном деловом этикете «Уважаемый...» – наиболее распространенный компонент обращения: он употребляется как нейтральная форма вежливости, обычно в сочетании с именем либо с именем-отчеством адресата, но никак не с полной, трехчастной моделью «фамилия – имя – отчество». Кроме того, в данном обращении не определена гендерная принадлежность, гражданина: не сделан выбор между *уважаемый* и *уважаемая*. Такое, явно формальное и не подстроенное под конкретного человека, обращение вызывает негативную реакцию у адресата, так как становится показателем низкой вовлеченности адресанта в содержание письма, в суть решаемой проблемы.

2. **Грамматическая ошибка в обращении** как следствие механического использования шаблона. Так, в официальном письме, направленном от лица одной из федеральных служб директору Центра современных коммуникаций РАНХиГС

было использовано обращение «*Уважаемый Лариса Валерьевна!*». Несогласованность прилагательного с именем существительным считается грубейшей грамматической ошибкой. Кроме того, такое обращение может быть интерпретировано и как неосознанное проявление сексизма: быть может, адресант предполагает, что должность руководителя должен занимать именно мужчина.

3. Пунктуационная ошибка в оформлении обращения (и приветствия). Гетерогенная (устно-письменная) природа коммуникации социальных сетей может привести к тому, что адресант, используя устное приветствие вместо письменного обращения, ставит точку там, где должен быть восклицательный знак. В качестве примера приведем два ответа, опубликованных мэрией Новосибирска в социальной сети «ВКонтакте» на запрос одного из граждан:

(1) *«Дима, здравствуйте. Мэрия города Новосибирска занимается расселением многоквартирных домов, признанных аварийными и подлежащими сносу, в установленном Правительством Российской Федерации порядке»*

(2) *«Дима, добрый день. Ваш вопрос передан специалистам. Мы постараемся ответить до 21 февраля».*

Выбор точки после первого предложения, состоящего из обращения и приветствия, некорректен с точки зрения правил пунктуационного оформления, принятых в деловой переписке. Само собой разумеется, что верно выбранное обращение задает нужную тональность всему письму, однако приведенные примеры убедительно демонстрируют, что представитель мэрии (во втором случае еще и от лица самого мэра) не ставит перед собой задачу как-либо помочь адресату.

Важно также отметить, что для коммуникации в социальных сетях, в которых быстрая обработка полученного запроса от заявителя – одна из главнейших задач, обращение по имени в целом можно считать допустимым (например, в ситуации, когда нет возможности узнать полные ФИО), однако использовать диминутивную форму (*Дима*) вместо полной (*Дмитрий*) – крайне неудачная коммуникативная тактика, создающая ощущение не официально-деловой коммуникации, а сугубо частной беседы.

4. Обобщенное (неперсонифицированное) обращение типа «*Уважаемый заявитель!*», «*Уважаемый потребитель!*», «*Уважаемый член общества...*» и т. п. Подобные обращения могут встречаться при заведомом знании имени адресата, которое обычно указано в письме-запросе, однако, несмотря на это, к гражданину обращаются исключительно как к носителю той или иной социальной роли. Этот характерный для делового дискурса признак номинации гражданина через его социальную функцию, уместный в таких жанрах официальных документов, как кодекс, закон, распоряжение и многих других, прагматически крайне неудачен в прямой коммуникации с гражданами.

Неперсонифицированные обращения нарушают эмпатичность официально-делового письма, редуцируют фактор адресата до обезличенности, что, безусловно, нарушает нормы понятного языка: одна из главных задач обращения как фатического средства – реализовать успешное установление, поддержание и завершение контакта. Следовательно, и в концепции понятного языка, и с точки зрения норм эпистолярного этикета выбор обобщенного обращения в деловой переписке не способствует достижению коммуникативной цели.

5. Замена обращения приветствием. Иногда вместо обращения государственные служащие используют приветствия типа «*Здравствуйте!*», «*Добрый день!*» и т. п. Например, адресаты часто получают подобные ответы на вопросы, размещенные в электронном виде на портале ПАО «Россети Центр»: «*Добрый день! Вам необходимо подать заявку на портале тп. рф. Для подробного разъяснения обращаться на горячую линию 8-800-220-02-20».*

Так как обращение – это обязательный этикетный элемент, к которому общество предъявляет определенные требования, обеспечивающие условия успешной коммуникации, замена обращения приветствием – крайне неудачная идея. Подобное, редуцирующее до нуля фактор адресата, начало письма не только обезличивает, но и устраняет фигуру гражданина, направившего запрос, что никак не способствует гармонизации общения и в силу высокой степени стандартизованности и формальности может быть воспринято как отписка.

6. Номинация адресата вместо обращения в третьем лице обычно выглядит как результирующая (и это в самом начале текста!) часть ответного письма: «Рассмотрено обращение *Фамилия*». Обычно сами госслужащие оправдывают такой подход отсутствием имени–отчества в исходных данных запроса.

Сюда же относятся многочисленные примеры начала ответного письма в виде: «Заявитель может обратиться в...». Такого рода конструкции никак не благоприятствуют успешности коммуникации государственных служб и граждан. Кроме того, подобные инициальные предложения не соответствуют и представлениям о понятном языке: зачастую адресат не сразу понимает, что речь идет именно о нем, даже в том случае, если его фамилия используется в конструкции, подобной описанной выше.

7. Повтор обращения в конце письма. В качестве примера приведем ответ одной из федеральных служб на интернет-запрос. В начале письма присутствует традиционное обращение «*Уважаемый В**!*»; в конце обращение повторяется: «*Уважаемый В**, направляйте обращения с помощью сервисов “обратиться в ХХХ России” и “Личный кабинет”. Это ускорит получение ответа*». Такой полный повтор имени гражданина формально не нарушает нормы официально-деловой переписки, но может создавать у адресата странное ощущение чрезмерности проявления к нему уважения.

Теоретически структура письма с повторяющимся обращением как будто бы позволяет вербально выразить желание адресанта разрешить возникшую проблему, подчеркнув уважение к адресату. Однако столь гиперкорректная этикетная форма вежливости удачна лишь в дипломатическом подстиле и в письмах некоторых жанров (например, соболезнование, юбилейное поздравление). В официальных ответах государственных структур на рядовой запрос гражданина в большинстве случаев такая коммуникативная тактика выглядит излишней.

8. Нетождественность форм обращений от одной и той же организации к одному и тому же гражданину. В качестве примера можно привести 4 (четыре!) разных инициальных предложения писем, пришедших в течение трех недель с портала «Госуслуги» одному из авторов этой статьи: «*Здравствуйте, Юлия Сергеевна!*»; «*Здравствуйте, Андреева Юлия Сергеевна!*»; «*Юлия Сергеевна!*»; «*Юлия Сергеевна*».

С точки зрения лаконичного и понятного языка из всех перечисленных примеров верным следует признать только один, по имени-отчеству. Указание фамилии в сочетании с именем-отчеством в обращении недопустимо (об этом речь шла выше). Следует также обратить внимание на традицию выбора знака препинания после обращения. Запятая после обращения придает письму будничность, а восклицательный знак акцентирует внимание на значимости и официальности письма. Использование в официально-деловой переписке после обращения точки, а не восклицательного знака гасит интонацию обращения и в некоторых случаях может содержать (или быть воспринят как) подтекст недовольства, связанный с отсутствием установки на гармоничное общение. Обращение без каких-либо знаков препинания можно считать пунктуационной ошибкой и формой игнорирования адресантом степени важности указанного средства общения. Ведь адресат – это то лицо, которое

«может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора речи должно быть согласовано с этой его характеристикой» [3, с. 358].

9. Отсутствие обращения (деперсонификация адресата). Обычно в подобных случаях официальный ответ государственной организации сразу же начинается с фразы «Ваше обращение рассмотрено...». Такие инициальные предложения можно встретить в качестве внутренних рекомендаций некоторых государственных органов – для тех случаев, когда не представляется возможным установить имя (и отчество) адресата. Примером может служить одна из версий проекта стандарта Федеральной налоговой службы по ответам на обращения, пункты 4.1.2 – 4.1.4 которой гласят: «Персональное обращение к заявителю должно быть выражено в следующей форме: «Уважаемый <Имя Отчество>!». В случае если отчество гражданина неизвестно, то персональное обращение к заявителю должно быть выражено в следующей форме: «Уважаемый <Имя Фамилия>!». В случае если имя и отчество гражданина неизвестны, то персональное обращение не употребляется». Таким образом, в некоторых случаях отказ от обращения обоснован недостаточностью данных о личности гражданина, вместе с тем стоит напомнить, что в русском письменном деловом этикете существует и такая форма обращения, как «Г-н <Фамилия>!», например.

II. Иные нарушения реализации фактора адресата

1. Вы- vs вы-регистр: ошибки при апелляции к одному лицу.

Примером, в котором к конкретному лицу обращаются на «вы» со строчной вместо прописной буквы, может стать ответ в социальной сети «ВКонтакте» сотрудника пресс-службы Министерства транспорта Республики Беларусь: «Урал Хазмин, добрый день. Ваше обращение получили. Обязательно вам ответим. Нина Кашипова, сотрудник пресс-службы Минтранса РБ».

Местоимения «Вы» и «Ваш» рекомендуется писать с прописной буквы в случае корректного, вежливого использования в адрес одного лица. Однако следует признать, что осознанное «занижение» регистра как попытка демонстрации дружелюбия и намерения адресанта соответствовать коммуникативной ситуации общения в социальных сетях становится все более частым примером не только в повседневной интернет-коммуникации, но и в пространстве делового дискурса. Справедливости ради стоит отметить, что подписывается Минтранс Республики Беларусь дружелюбно и открыто: с именем и фамилией сотрудника, что крайне редко встречается в коммуникации органов власти с гражданами.

2. Неаккуратное использование новых технологий коммуникации.

Так, заставка одного из персональных, отправленных через официальный интернет-портал жалоб и предложений «Добродел» видеообращений губернатора Московской области А. Ю. Воробьева выглядит следующим образом:

«ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
ДЛЯ ВАС ПЕРСОНАЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
ОТ ГУБЕРНАТОРА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
АНДРЕЯ ВОРОБЬЕВА»

Данный текст не соответствует принципам понятного языка: во-первых, в нем есть пунктуационная ошибка (отсутствие знака препинания после обращения); во-вторых, он целиком набран прописными буквами (капитализация как красивая (?) визуализация). Однако единая высота букв не даёт правильного прочтения словоформы «(для) Вас / вас»: с прописной буквы обращаются к гражданину или со строчной. А так как этот аспект отношения к адресату играет важную роль, особенно для представителей старшего поколения, можно предположить, что часть граждан посчитает подобную форму неуважительной.

Следует отметить, что под видеообращениями главы региона регулярно появляется эксплицитное недовольство граждан, связанное с некорректными, на их взгляд, обращениями: «*старушке 90 лет, а обращаются к ней “Нина”, никакого уважения*»; «*обратились просто по имени без отчества*».

3. **Подпись исполнителя ответа** также имеет прямое отношение к теме адресности. Традиционная практика оформления этого реквизита обычно включает фамилию и инициалы, однако в случае возможной неоднозначной трактовки подписи, как правило, адресанта не беспокоит проблема выбора ответного к нему / к ней обращения.

Так, один из ответов Министерства внутренних дел по Республике Крым содержит подпись исполнителя в виде «*исп. Бочуляк К. Н.*». Данную подпись следует признать крайне неудачной: из нее совершенно не ясно, во-первых, мужчина это или женщина, во-вторых, какие у этого человека имя и отчество. И даже если в ответном письме использовать только фамилию, решить проблему обращения не удастся («*господин или госпожа Бочуляк?*»).

Действительно, подпункт 5.25 пункта 5 «Оформление реквизитов документов» ГОСТ Р 7.0.97-2016 гласит, что «*отметка об исполнителе включает фамилию, имя и отчество исполнителя, номер его телефона*» [13], однако ГОСТ не содержит никакого упоминания о допустимости сокращённой формы и в качестве примера приводит следующий вариант подписи: *Забелин Иван Андреевич, Контрольное управление, ведущий специалист, +7(495) 924-45-67, Zabelin@gov.ru.*

Дополнительная информация о должности и способах контакта указана как факультативная: «*Отметка об исполнителе может дополняться наименованием должности, структурного подразделения и электронным адресом исполнителя*» [13], поэтому в ряде случаев игнорируется адресантами. Однако, подчеркнем еще раз, и с точки зрения ГОСТа, и в аспекте понятного языка фамилия, имя и отчество исполнителя – это важнейший элемент реализации фактора адресата официально-делового письма.

III. Актуальные тенденции в реализации фактора адресата

1. **Мы-регистр** сокращает дистанцию между государственными службами и гражданами. Так, информационный баннер «Ценности московских поликлиник» (программа Департамента здравоохранения города Москвы 2022 г.) гласит: «*Дорогие пациенты! Мы определили главные принципы и ценности в своей работе и будем стремиться им следовать*». Выбор обращения «Дорогие пациенты!» следует оценить амбивалентно. С одной стороны, более дружелюбная форма обращения вместо привычно официальной «Уважаемые...» позволяет проявить участливое отношение к посетителям, сократить дистанцию и продемонстрировать клиентоцентричное речевое поведение. С другой стороны, не все потенциальные посетители медицинского учреждения готовы считать себя пациентами: данная номинация все-таки сохраняет негативную коннотацию, пусть и не столь ярко выраженную, как у лексем «больной».

«Анализ текстов деловой корреспонденции позволяет сделать вывод о том, что фактор адресата и его учет выступает необходимым условием повышения эффективности представления информации и воздействия на поведение адресата» [5, с. 153]. Обращение к конкретным заинтересованным лицам, целевой аудитории информационных баннеров, использование слов с положительной эмоциональной окраской в обращении (*дорогие, уважаемые* и проч.) выполняют роль «психологического моста» между адресантом и адресатом. Однако такое обращение, нацеленное на установление успешного контакта с аудиторией, прагматически выигрышно только тогда, когда правильно подобраны все лексем.

2. Намеренный отказ от обращения. В последнее время уведомительные плакаты муниципальных служб обеих столиц демонстрируют тенденцию смены задачи информации с адресной формы на обобщенную, бессубъектную. Так, в шаблоне информационного баннера, сообщающего о ремонте эскалатора на той или иной станции московского метрополитена, изначально присутствовало обращение («Уважаемые пассажиры!»), однако с начала 2020-х его убрали, и текст стал выглядеть просто как «Ремонт эскалатора до ... Выход в город – через ...». С одной стороны, исключение обращения из шаблона баннера делает сообщение более кратким и информативным, не отвлекая внимание читателя. С другой стороны, обращение всё же позволяет корректнее реализовать фактор адресата: его наличие в информационных баннерах придает сообщению пусть и минимальный, но индивидуальный посыл, конкретизируя потенциальную целевую аудиторию.

Заключение

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, концепция адресата предполагает «сознательную направленность речевого высказывания к лицу (конкретному или не конкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этой его характеристикой. Иными словами, всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата» [3, с. 358]. И письменная коммуникация государственных служащих с гражданами Российской Федерации – это не исключение, тем более при ориентации коммуникации на концепцию простого языка.

Тексты, написанные и оформленные на понятном языке, дают возможность адресату легко и быстро получить необходимую информацию, понять и использовать её, обеспечив тем самым гармоничное общение государственных органов и граждан.

Список источников и литературы

1. Андреева Ю. С. Министерство доверия: как государству общаться с гражданами. М.: Фонтеграфика, 2023. 240 с.
2. Анисова А. А. Фактор адресата как категория художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-1. С. 27–30.
3. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1981. № 4. С. 356–367.
4. Барминова С. В. Адресант и адресат делового дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 1. С. 6–14.
5. Безнаева О. А. Адресат делового письма как фактор повышения эффективности представления информации // Альманах современной науки и образования. 2011. № 7. С. 152–154.
6. Буторина Е. П. Русская грамматика в преподавании деловой речи // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Полит. энцикл., 2018. С. 45–53.
7. Как написать отчет простым и доступным языком : методические рекомендации по подготовке отчетов Счетной палаты. М., 2022. 42 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/3d7/jl4hhnknk5znve8f228zkw93yxzjftmu.pdf> (дата обращения: 27.12.2023). Доступна на офиц. сайте Счетной палаты Российской Федерации.
8. Климик В. А. Лингвокреативная орфография и фактор адресата // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 11. С. 104–118.
9. Крапивкина О. А. О роли фактора адресата в судебной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 59–64.

10. Международная федерация понятного языка : офиц. сайт. URL: <https://www.iplfederation.org/plain-language/> (дата обращения: 27.12.2023).
11. Нечаева Н. В., Хельмле К. С., Каурова Э. М. Перевод на ясный и простой языки: зарубежный опыт и перспективы в России // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 3. С. 8–24.
12. Селезнева Л. В. «Свой среди чужих, чужой среди своих»: влияние фактора адресата на стиль деловой корреспонденции // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 335–338.
13. ГОСТ Р 7.0.97–2016. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов : нац. стандарт Российской Федерации : утвержден и введен в действие Приказом Федер. агентства по техн. регулированию и метрологии от 8 декабря 2016 г. N 2004-ст : взамен ГОСТ Р 6.30-2003 : дата введения 2018-07-01. (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу) // Кодекс: электрон. фонд прав. и норматив.-техн. информ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200142871> (дата обращения: 27.12.2023).
14. Чейф У. Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Наука, 1982. С. 277–317.
15. *Easy language in Russia* / A. Mustajoki [et al.] // Handbook of Easy Languages in Europe / eds. C. Lindholm and U. Vanhatalo. Berlin : Frank & Timme, 2021. P. 439–466.

References

1. Andreeva, JS 2023, *Ministerstvo doveriya: kak gosudarstvu obshchat'sya s grazhdanami* (Ministry of Trust: how the state should communicate with citizens), Fontegrafika publ, Moscow. (In Russ.)
2. Anisova, AA 2014, 'Faktor adresata kak kategoriya hudozhestvennogo teksta' (Factor of recipient as literary text category), *Philology. Theory & Practice*, no. 2-1, pp. 27–30. (In Russ.)
3. Arutyunova, ND 1981, 'Faktor adresata' (Addressee factor), *The Bulletin of the USSR Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, no. 4, pp. 356–367. (In Russ.)
4. Barminova, SV 2020, 'Adresant i adresat delovogo diskursa' (Addressant and addressee in business discourse), *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, no. 1, pp. 6-14. (In Russ.)
5. Beznayeva, OA 2011, 'Adresat delovogo pis'ma kak faktor povysheniya effektivnosti predstavleniya informatsii' (An Addressee of an Official Letter as a Factor of Effective Presentation of Information), *Almanac of modern science and education*, no. 7, pp. 152–154. (In Russ.)
6. Butorina, EP 2018, 'Russkaya grammatika v prepodavanii delovoy rechi' (Russian grammar in business speech teaching), *Vezhливость i antivezhливость v yazyke i kommunikatsii* (Politeness and anti-politeness in language and communication), ed. I. A. Sharonov, Politicheskaya entsiklopediya publ, Moscow, pp. 45–53. (In Russ.)
7. *Kak napisat' otchyot prostym i dostupnym yazykom. Metodicheskiye rekomendatsii po podgotovke otchetov Schetnoy palaty* (How to write a report in plain language. Methodological recommendations for preparing reports of the Accounts Chamber) 2022, viewed 27 December 2023, <https://ach.gov.ru/upload/iblock/3d7/jl4hhnknk5znve8f228zkw93yxzjftmu.pdf> (In Russ.)
8. Klimik, VA 2020, 'Lingvokreativnaya orfografiya i faktor adresata' (Linguocreative orthography and the recipient factor), *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 11, pp. 104–118. (In Russ.)
9. Krapivkina, OA 2019, 'O roli faktora adresata v sudebnoy kommunikatsii' (On the addressee as a key category of courtroom discourse), *Tomsk State University Journal*, no. 448, pp. 59–64, doi:10.17223/15617793/448/7. (In Russ.)
10. *Mezhdunarodnaya federatsiya ponyatnogo yazyka* (International Plain Language Federation) 2019, viewed 27 December 2023, <https://www.iplfederation.org/plain-language/> (In Russ.)

11. Nechaeva, NV, Hel'mle, KS & Kairova, EM 2020, 'Perevod na yasnyj i prostoy yazyki: zarubezhnyy opyt i perspektivy v Rossii' (Translating into easy and plain languages: international practice and prospects for Russia), *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, no. 3, pp. 8–24. (In Russ.)
12. Selezneva, LV 2022, '«Svoy sredi chuzhikh, chuzhoy sredi svoikh»: vliyanie faktora adresata na stil' delovoy korrespondentsii' ("Manchurian candidate": the influence of the addressee factor on the style of business correspondence), *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii*, no. 7, pp. 335–338. (In Russ.)
13. 'GOST R 7.0.97–2016. Organizatsionno-rasporyaditel'naya dokumentatsiya. Trebovaniya k oformleniyu dokumentov (Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu). (National State Standard R 7.0.97–2016. organizational and executive documentation. requirements for presentation of documents (System of standards on information, librarianship and publishing))', *Kodeks: elektron. fond prav. i normativ.-tekh. inform.*, viewed 27 December 2023, <https://docs.cntd.ru/document/1200142871> (In Russ.)
14. Chafe, W 1982, 'Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view', *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, no. 11, pp. 277–317. (In Russ.)
15. Mustajoki A et al 2021, 'Easy language in Russia', *Handbook of Easy Languages in Europe*, eds. C. Lindholm and U. Vanhatalo, Frank & Timme publ, Berlin, pp. 439–466.

Вклад авторов:

Ефремов В. А. – идея, выработка структуры статьи, написание итогового варианта, научное редактирование текста.

Андреева Ю. С. – сбор и обработка материала, классификация языкового материала, подготовка рабочего варианта текста.

Contribution of the authors:

Valeriy A. Efremov – idea, the development of the structure of the article, writing the final version of the article, scientific editing of the text.

Yulia S. Andreeva – collection and processing of material, the classification of language material, preparation of a working version of the text.

Статья поступила в редакцию: 08.01.2024
Одобрена после рецензирования: 12.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 08.01.2024
Approved after reviewing: 12.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Научная статья

УДК 81-114.4

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-156-168>

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ГОРОДСКОЙ СТРИТ-АРТ В ЗЕРКАЛЕ РЕЦЕПЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА (ОПЫТ ЛИНГВОДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

**Анна Владимировна
Курьянович¹**

**Ирина Алексеевна
Люберцева²**

**Ульяна Кирилловна
Новак³**

^{1, 2, 3} Томский государственный
педагогический университет
Томск, Россия

¹ kurjanovich.anna@rambler.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

² lyubertseva.irina@mail.ru

³ novak.ulyana@yandex.ru

Аннотация. Речь идет об анализе объектов регионального городского стрит-арта с применением методологического инструментария лингвистической дискурсологии, предполагающего изучение роли экстралингвистических факторов в процессе восприятия смыслов и их интерпретации. Исследование строится на экспериментальном материале, полученном в результате проведения социологического опроса в форме интернет-анкетирования. В качестве эмпирической базы исследования выступают шесть образцов современного стрит-арта, функционирующего в пространстве Томска – одного из городов Западной Сибири, известного центра науки, студенчества, средоточия многочисленных национальных культур и полиязычия, края с суровым климатом и уникальной природой. Отправной точкой исследования выступает тезис о том, что городской стрит-арт воплощает многогранные проявления образа города, сложившегося в сознании горожан и гостей Томска, является средством трансляции культурных смыслов – и универсальных, и свойственных для понимания своеобразного облика Томска, включая аксиологически значимые компоненты. Объекты искусства, гармонично вписанные в городское пространство, определяются также в качестве единиц, формирующих определенные фрагменты картины мира носителей современной национальной лингвокультуры в ее региональном варианте. Результаты эксперимента продемонстрировали важность для понимания их культурной и концептуальной значимости, а также многослойности содержания, порождающих варианты интерпретации таких дискурсивных факторов, как символика места их расположения в городском пространстве, изменчивость / статичность визуального облика, наличие скрытых смыслов, в том числе имеющих аксиологическую ценность, множественность вариантов интерпретации содержания, взаимосвязь с элементами культурного кода города в целом. В целом исследование показало целесообразность рассмотрения обозначенной проблематики для углубления представления о современной национальной культуре и национальной картине мира в ее региональном дискурсивном варианте функционирования.

Ключевые слова: филологическая урбанистика, лингвистическая дискурсология, региональный город, Томск, городской дискурс, стрит-арт, арт-объект, культурный код города, городская идентичность, эксперимент, показания языкового сознания носителей.

Для цитирования: Курьянович А. В., Люберцева И. А., Новак У. К. Региональный городской стрит-арт в зеркале рецепции носителей языка (опыт лингводискурсивного исследования) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 156–168. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-156-168>

Сведения об авторах: А. В. Курьянович – доцент, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка и методики обучения, Томский государственный педагогический университет, 634061, Россия, Томская область, г. Томск, ул. Киевская, 60;

И. А. Люберцева – студент, Томский государственный педагогический университет, 634061, Россия, Томская область, г. Томск, ул. Киевская, 60;

У. К. Новак – студент, Томский государственный педагогический университет, 634061, Россия, Томская область, г. Томск, ул. Киевская, 60.

© Курьянович А. В., Люберцева И. А., Новак У. К., 2024

Scientific Article
UDC 81-114.4
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-156-168>

REGIONAL URBAN STREET ART IN THE MIRROR OF NATIVE SPEAKER RECEPTION (EXPERIENCE OF LINGUISTIC AND DISCOURSE RESEARCH)

*Anna V. Kuryanovich*¹

*Irina A. Lyubertseva*²

*Ulyana K. Novak*³

^{1, 2, 3} Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russia

¹ kurjanovich.anna@rambler.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

² lyubertseva.irina@mail.ru

³ novak.ulyana@yandex.ru

Abstract. The article deals with the analysis of regional urban street art objects using the methodological tools of linguistic discourse, which involves studying the role of extra-linguistic factors in the process of perception of meanings and their interpretation. The study is based on experimental material obtained as a result of a sociological survey in the form of an Internet questionnaire. The empirical basis for the study is six examples of modern street art operating in Tomsk - one of the cities of Western Siberia, a famous center of science, students, the center of numerous national cultures and multi-lingualism, a region with a harsh climate and unique nature. The starting point of the study is the thesis that urban street art embodies the multifaceted manifestations of the image of the city that has developed in the minds of citizens and guests of Tomsk, and is a means of transmitting cultural meanings - both universal and inherent in understanding the unique appearance of Tomsk, including axiologically significant components. Art objects, harmoniously integrated into the urban space, are also defined as units that form certain fragments of the worldview of the bearers of modern national linguistic culture in its regional version. The results of the experiment demonstrated the importance for understanding their cultural and conceptual significance, as well as the multi-layered content that gives rise to interpretation options, such discursive factors as the symbolism of their location in urban space, variability / static visual appearance, the presence of hidden meanings, including those with axiological value, multiplicity of options for interpreting the content, relationship with elements of the cultural code of the city as a whole, presumed authorship. In general, the study showed the advisability of considering the above-mentioned issues to deepen the understanding of modern national culture and the national picture of the world in its regional discursive version of functioning.

Keywords: philological urban studies, linguistic discourse studies, regional city, Tomsk, urban discourse, street art, art object, cultural code of the city, urban identity, indications of the linguistic consciousness of native speakers.

For citation: Kuryanovich, AV, Lyubertseva, IA & Novak, UK 2024, 'Regional Urban Street Art in the Mirror of Native Speaker Reception (Experience of Linguistic and Discursive Research)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 156-168, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-156-168> (in Russ.)

Information about the Authors: *Anna V. Kuryanovich* – Associate Professor, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Language Theory and Methods of Teaching the Russian Language, Tomsk State Pedagogical University, 60, Kievskaya Str., Tomsk, Tomsk Region, 634061, Russia;
Irina A. Lyubertseva – undergraduate, Tomsk State Pedagogical University, 60, Kievskaya Str., Tomsk, Tomsk Region, 634061, Russia;
Ulyana K. Novak – undergraduate, Tomsk State Pedagogical University, 60, Kievskaya Str., Tomsk, Tomsk Region, 634061, Russia.

© Kuryanovich A. V., Lyubertseva I. A., Novak U. K., 2024

Введение

Пространство **регионального города** в современной гуманитаристике определяется в качестве дискурсивного феномена, отражающего его облик и воплощающего его самобытный **культурный код**. Данная проблематика вписывается в научное поле *социолингвистики*, в том числе *урбанонимики* и *лингворегионалистики* (М. В. Горбаневский, А. М. Мезенко, Н. В. Подольская, Ю. Г. Пушкарева, Р. В. Разумов, В. И. Супрун и др.), *лингвокультурологии* (А. М. Авдонина, А. А. Вьюгина, Р. Ш. Дубин, В. А. Ткачук, Н. Г. Федотова и др.), *лингвоконцептологии* (Е. Ю. Булыгина, Е. В. Головнева, Л. И. Ермоленкина, И. А. Захарова, В. Г. Ильин, Е. А. Костяшина, З. И. Резанова, Т. А. Трипольская и др.), *лингвосемиотики* (В. В. Иванов, Ю. М. Лотман, Г. Г. Слышкин, Н. В. Чиж и др.), *лингвистической антропологии* (С. С. Аванесов, Т. И. Гинц, Т. И. Ерофеева, С. С. Загребин, В. К. Пичугина, С. А. Смирнов и др.), *филологической урбанистики* (О. К. Андрищенко, Н. С. Дягилева, Л. Н. Евменова, И. Н. Кудинова, А. А. Озорина, Г. С. Суюнова, С. С. Ткачук, Н. Г. Федотова, Е. А. Яковлева и др.).

Объекты городского пространства формируют в сознании горожан и гостей представление о тех «уникальных архетипах, образах и ценностях», выступающих «способом концептуализации мира» [12, с. 90], которые составляют основу *культурного кода города*, создают его неповторимый портрет, служат инструментом формирования у жителей чувства *городской идентичности* [2, 8, 16]. Мысль Т. А. Трипольской и Е. В. Булыгиной о том, что город является одной из «центральных пространственных моделей концептуальной картины мира» [4, с. 21], можно уверенно дополнить суждением о наличии в структуре этой модели устойчивых культурных смыслов, находящихся выражение, в том числе, в языке.

Облик регионального города определяет степень его удаленности от столицы, а также исторически сложившиеся геоэкономические характеристики территории и культурный уклад жизни населения. *Томск* – город на востоке Западной Сибири, расположенный преимущественно на правом берегу реки Томи, в краю безбрежной тайги и протяженных Васюганских болот. У Томска, неофициальное название которого – Сибирские Афины – известно многим, богатая история и насыщенная событиями современная жизнь, вектор развития которой во многом формируется благодаря тому, что в городе располагаются шесть крупнейших университетов части страны за Уралом и до Дальнего Востока. В городе проживают представители порядка 120 этносов, каждый имеет свою богатую историю, язык, культуру. Особенности регионального языка имеют давнюю историю и обширную традицию изучения [1, 3, 9, 10, 13, 14, 17, 18, 20, 21]. Далеко за пределами региона известны старинные деревянные здания – томские терема, их кружевные резные наличники. Об архитектурном культурном коде Томска см.: [7, 11, 19].

Сказанное определяет уникальность культурного кода Томска и интерес к изучению разнообразных объектов городского пространства. В числе последних особое место принадлежит тем элементам *стрит-арта* (уличного искусства), которые не только украшают город, демонстрируя эстетические пристрастия томичей, но и содержат информацию о лингвокультурном своеобразии городской идентичности. Городские арт-объекты, выступая формой свободного самовыражения авторов в творчестве, представляют способ существования современной живописи, интегрирующейся в жизнь, быт и философию горожан и становящейся одновременно урбанистической реалией и экзистенциальным феноменом. В жанровом отношении городские арт-объекты чрезвычайно разнообразны. Учеными выделяются такие их разновидности, как *рисунки, граффити, надписи, трафареты, стикеры, муралы, постеры, плакаты, инсталляции* [6]. Однако при всем многообразии их можно

назвать полифункциональными урботекстами, компонентами *городской семиосферы* (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров).

Материалы и методы

Целью данного научного описания является лингводискурсивный анализ некоторых арт-объектов городской среды Томска на основании экспериментальных данных. *Материалом* выступают 6 объектов томского стрит-арта, по своим жанровым свойствам принадлежащие к крупноформатным образцам уличных произведений (рисункам, граффити, муралам). Выбор единиц анализа обусловлен их известностью и узнаваемостью, а также расположением в наиболее публичных местах Томска.

Методология исследования. Отправной метод исследования – интроспекция. Для подтверждения или опровержения результатов интроспективного анализа применяется основной метод – социологический опрос в форме интернет-анкетирования¹, который дополняется элементами лингводискурсивного, культурологического, лексико-семантического, функционально-прагматического анализа.

Результаты

Результаты исследования определяются ориентацией на подтверждение или опровержение в ходе эксперимента следующей *гипотезы*: культурный код Томска, репрезентированный в отобранных для анализа объектах городского стрит-арта, отличается содержательным разнообразием и интегрирует такие характеристики городской идентичности, как полиэтничность состава городского населения, связь традиционных устоев и современных тенденций, ориентацию на эстетизацию и масштабность (арт-объекты создаются в рамках различных фестивалей и имеют крупный формат), присутствие в городской ментальности научной составляющей.

Опрос был проведен в дистанционном формате с применением гугл-платформы (GoogleФормы). Относительно каждого объекта анализа информантам предлагалось обдумать ответ на один вопрос. Формат ответов – как закрытый с правом выбора варианта, так и открытый. В полном виде текст анкеты располагается ниже.

АРТ-ОБЪЕКТ 1

Как вы думаете, на каком из зданий в Томске располагается данный арт-объект? Почему?

1. Типография.
2. Библиотека.
3. Музей.
4. Администрация Томской области.
5. Другое

АРТ-ОБЪЕКТ 2

Как вы считаете, почему надпись на данном арт-объекте была изменена? Поясните свой ответ.

АРТ-ОБЪЕКТ 3

Какие ценности отражены в данном арт-объекте?

1. Нужно жить здесь и сейчас.
2. В кино происходит больше интересных событий, чем в жизни.
3. Каждый из нас в жизни является супергероем.
4. Жизнь интереснее и важнее, чем кино.
5. Другое.

АРТ-ОБЪЕКТ 4

Как бы вы интерпретировали смысл данного изображения?

1. Связь старого и нового поколений.
2. Связь темного и светлого начал.
3. Связь исторических корней (природы) и научно-технического прогресса.
4. Другое.

АРТ-ОБЪЕКТ 5

В чем прослеживается связь данного арт-объекта с г. Томск (посмотрите на детали, иллюстрации, сюжеты)?

1. Наличники.
2. Пожарная каланча на Воскресенской горе.
3. Лошадь.
4. Рукописные свитки.
5. Клубочек.
6. Баллончик с краской.
7. Птица Сирин.
8. Узоры.
9. Другое.

АРТ-ОБЪЕКТ 6

Как вы считаете, кто мог быть автором данного арт-объекта? Почему?

1. Любой человек.
2. Студент или школьник.
3. Представитель старшего поколения.
4. Ученый.
5. Другое.

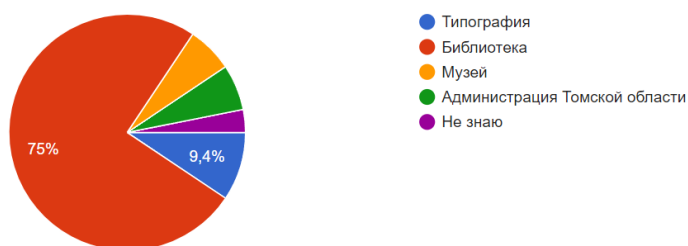
Количество информантов составило 32 человека, среди которых 53,1 % составляют коренные томичи, 25 % относятся к русскоговорящим гостям Томска, 18,7 % образуют иностранные гости Томска и 3,1 % – жители Томского района. Среди респондентов преобладают представители женского пола (68,8 %). Большая часть является студентами (68,8 %). В опросе принимали также участие работающие (21,9 %), служащие (3,1 %), магистранты (3,1 %), работающие студенты (3,1 %). Возраст информантов – от 18 лет до 51 года.

Обсуждение результатов

Реакция информантов относительно арт-объекта 1 «Мы – буквы, с нами текст», показала, что большая часть опрошенных (75 %) верно определила его месторасположение – здание научной библиотеки Томского государственного университета.

1. Как Вы думаете, на каком из зданий в Томске располагается данный арт-объект?

32 ответа

В пояснении своего ответа информанты отмечали, что библиотека «предполагает связь с текстом (что отражено в цитате)», «выполняет просветительскую функцию», это «здание со множеством окон», «выбрала библиотеку, потому что знаю, где находится это место».

Носители иностранной лингвокультуры устанавливают связь граффити и локальной точки ее размещения (не все из них знают место расположения арт-объекта) посредством ассоциативного сближения смыслов. Приведем примеры их реакций: «Буквы = библиотека», «Текст – это книги, книги – это библиотека». Именно в ответах иностранцев содержатся и неправильные версии относительно определения территориальной «привязки» данного арт-объекта, например: «Выбрала типографию, потому что именно в ней идет воспроизведение текста, состоящего из букв. Создание книги, состоящей из текста. Библиотека же содержит готовый продукт».

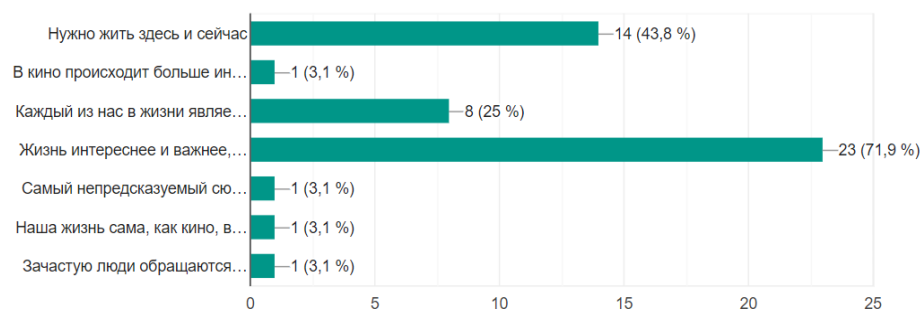
Многие опрошиваемые указали, что видели данный арт-объект. Это подтверждает наши наблюдения о неразрывной связи места расположения и смысла текста и влияния масштаба и местонахождения в центральной части города на восприятие граффити.

Результаты обработки ответов информантов по поводу арт-объектов, которые располагаются на здании бывшего томского кинотеатра «Киномир» (арт-объекты 2 и 3), выявили следующее: основная идея арта «Жизнь – лучшее кино» (арт-объект 3) заключается в том, что «жизнь интереснее и важнее» / «то, что происходит, – не кино, а явь» (71,9 %), «жить нужно здесь и сейчас» / «реальная жизнь происходит

здесь и сейчас» (43,8 %). В вопросе о причинах изменения содержания надписи арт-объекта «Это наяву» (арт-объект 2) большая часть информантов подтвердила результаты нашей интроспекции, указав такую причину, как «быстрый темп современной жизни». Однако интересным показалось указание и таких причин, как «политическая ситуация», «инфляция», «заккрытие кинотеатра», «здание было старым», «смена ценностей», «время пришло, изменилось все вокруг», «сделали современнее, чтобы привлекало внимание». Отдельные варианты ответов отличаются развернутостью, что демонстрирует проявленный к эксперименту интерес со стороны информантов: «„Это не кино” – точнее и конкретнее описывает нашу жизнь, нежели „Это на яву”. Да и звучит лучше, более современным языком». Многие затруднялись ответить на данный вопрос. На вопрос по поводу аксиологических компонентов значения высказывания (арт-объект 3) полученные реакции распределились следующим образом.

Какие ценности отражены в данном арт-объекте?

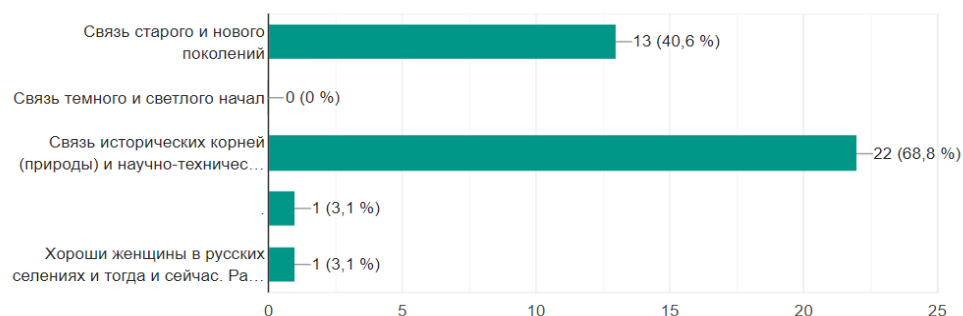
32 ответа

Подтвердились результаты интерпретации арт-объекта «Сибирь – место силы» (арт-объект 4): 68,8 % ответили, что основной идеей является связь исторических корней и научно-технического прогресса, 40,6 % – связь старого и нового поколений. Данные показатели свидетельствуют о том, что смысл данного арт-объекта доступен для восприятия, чему во многом способствует использование авторами таких средств, как, например, игра цветом: контраст, яркость и др. Количественно ответы распределились так:

Как бы Вы интерпретировали данный арт-объект?

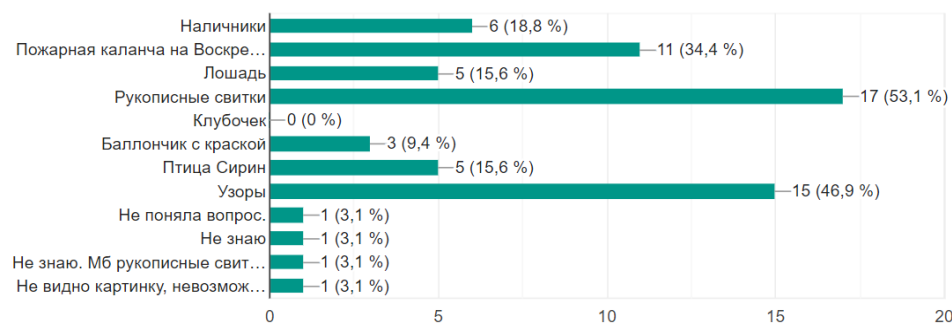
32 ответа

Результаты опроса на основе арт-объекта «Любая традиция живет интерпретацией» (арт-объект 5) показали, что большинство информантов соотносили его с г. Томск в силу наличия на объекте рукописных свитков, узоров, изображения пожарной каланчи на Воскресенской горе и наличников. Эти результаты соотносятся с нашими наблюдениями о том, что Томск ассоциируется с деревянным зодчеством

**В чем прослеживается связь данного арт-объекта с г. Томском
(посмотрите на детали, иллюстрации, сюжеты)?**

32 ответа

(наличниками), пожарной каланчей. Около 15 % опрошенных (большинство их составили коренные томичи) отметили в качестве символа Томска образ лошади.

Большинство реципиентов предположили, что автором арт-объекта с математическими формулами (арт-объект 6) мог быть студент или школьник: «Современный вид творчества, понятный и приемлемый чаще молодежи», «Я выбрала студента или школьника, потому что данная категория людей склонна к самовыражению с помощью городских арт-объектов + данная категория максимально приближена к понятию математики (то есть к тому, что изображено)».

При объяснении своего ответа большая часть реципиентов отметила, что именно школьники и студенты больше всего могут быть связаны с математикой, формулами: «Студенты и школьники изучают математику», «некоторые представители молодежи достаточно образованны, чтобы обладать знаниями сложных формул, в то же время в силу возраста они могут пробраться сквозь деревья и сделать запись на стене, чего не скажешь о старшем поколении (опять же возраст) и ученом (есть ему, чем заняться более важным)», «верю в то, что для школьников данные уравнения актуальнее», «повторяют в университете. Также надпись сделана небрежно, как будто на скорую руку, что тоже больше похоже на работу человека молодого возраста», «выбрала студента и школьника, потому что сама это изучала», «на данном арт-объекте изображено то, что изучают в школе, что является основой математики». Именно для представителей такой социальной категории, как школьники и студенты, эта информация может быть актуальной в данный момент.

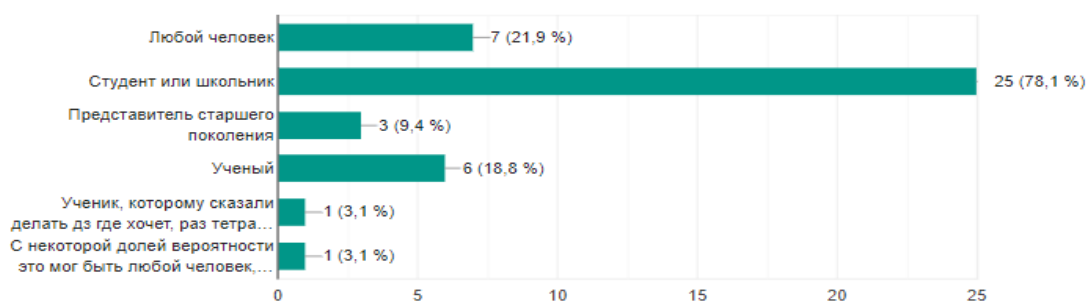
18,8 % опрошенных отметили, что автором объекта может быть ученый или любой человек: «Я выбрала любого человека, так как это и правда мог быть кто угодно, может, это какое-то послание или признание²».

Однако с этим не все могут согласиться: другие реципиенты отмечают, что образ ученого не соотносится с человеком, который склонен отобразить формулы на стене здания: «Выбрала студента / школьника, поскольку мне кажется, что это мог сделать человек, непосредственно связанный с математикой и не осознающий, какой вандализм он творит, а это чаще всего дети. Любого человека выбрала, потому что все-таки есть вероятность, может, это и взрослый такой, мо-

лодец'». А авторство любого человека тоже ставится под сомнение, поскольку большинство людей, деятельность которых не связана с точными науками, не помнят данную формулу («непонятные иероглифы»), а значит, им нецелесообразно представлять ее в виде граффити: «потому что не всякий умеет умножать икс на синус, эта надо в школу ходить». Есть варианты ответов, основанные на осознании информантами ценности и уникальности знания: «Я выбрала студента или школьника и ученого, так как они обладают достаточными знаниями в данной области». Количественные данные относительно полученных ответов с указанием авторства арт-объекта 6 выглядят так:

Как Вы считаете, кто мог быть автором данного арт-объекта?

32 ответа

Таким образом, результаты эксперимента продемонстрировали тот факт, что к городскому стрит-арту горожане и гости города проявляют интерес, обуславливающий стремление интерпретировать содержание разнообразных по тематике арт-объектов. Идентификация единиц культурного кода Томска, вписанных в городское пространство, определяется через отношение к ним носителей городской культуры.

Заключение

Настоящее исследование выполнено с применением методологических процедур лингводискурсивного анализа, предполагающего в том числе ориентацию на изучение экстралингвистических факторов порождения смыслов и их интерпретации. Культурная «аура» того территориального пространства, в котором индивид осуществляет свою жизнедеятельность, влияет на процессы концептуализации знания о мире, происходящие в его сознании: «Связь человека с местом его обитания загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна. Ведает ею известный древним гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил – города. Их облик определяется гением места, и представление об этом сугубо субъективно» [5].

В исследовании объектов городского стрит-арта с опорой на результаты их восприятия и интерпретации носителями городской культуры значимым оказывается рассмотрение символики места их расположения в городском пространстве, изменчивости / статичности визуального облика, наличие скрытых смыслов, в том числе имеющих аксиологическую ценность, множественность вариантов интерпретации содержания, взаимосвязь с элементами культурного кода города в целом, предполагаемое авторство.

В основе понимания культурного кода города лежит яркий, ситуативный, мозаичный и фрагментарный образ или совокупность образов и / или смыслов, репрезентированная в их постоянно обновляющемся нелинейном ряде. Возможно, эти

черты определяет клиповость сознания современного человека – носителя информации. Объекты стрит-арта в большинстве случаев гармонично интегрируются в городскую среду, становясь частью городской культуры и маркером определенных фрагментов картины мира горожан.

Обоснование возможности описания культурного кода города с опорой на дискурсивный анализ составляющих его пространство арт-объектов, имеющих безусловную концептуальную, культурную, эстетическую ценность, имеет перспективы исследования. В частности, данная проблематика может быть экстраполирована в область своего методического осмысления, а результаты осуществленного анализа представляют ценность как дидактический материал для изучения русского языка и русской культуры представителями иностранных лингвокультур.

Примечания

1. Об анкетировании как форме социологического опроса см.: [15].
2. В приводимых высказываниях информантов авторская орфография и пунктуация сохранены.

Список источников и литературы

1. *Абдраштова М. О.* Особенности репрезентации образа Томска как фрагмента субкультурной картины мира горожанина в современном фольклорном дискурсе // Вестник науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 46–54.
2. *Андрющенко О. К., Суюнова Г. С.* Городская идентичность в контексте филологической урбанистики // Язык и культура : сб. статей. Томск: Изд-во ТГУ, 2019. С. 3–7.
3. *Банкова Т. Б.* Лексика городского просторечия (типология описания) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Банкова Татьяна Борисовна. Томск, 1987. 166 с.
4. *Бульгина Е. Ю., Трипольская Т. А.* Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М.: Яз. славян. культуры, 2015. 240 с.
5. *Вайль П. Л.* Гений места. М.: КоЛибри, 2006. 488 с.
6. *Витюк Е. Ю.* Городская среда как арт-объект // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 43–48.
7. *Гужова И. В.* Визуализация культурного кода города в имиджевой коммуникации с помощью новомедийных технологий (семиотический подход) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-2 (40). С. 45–49.
8. *Дягилева Н. С.* Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург, 2013. С. 54–59.
9. *Ермоленкина Л. И., Костяшина Е. А., Резанова З. И.* Томский урбанистский текст как механизм моделирования социокультурного пространства города // Роль совместных конкурсов РГНФ и Администрации Томской области в развитии гуманитарных исследований : материалы науч. конф. / под ред. Э. И. Черняка. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. С. 90–96.
10. *Киселев В. С.* Томск в русской литературе: проблемы и перспективы изучения // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 36–61.
11. *Корчагина Е. Ю.* Культура и язык как основание национальной идентичности, архетипический код деревянной резьбы томских наличников // Язык и культура : сб. статей. Томск: Изд-во ТГУ, 2021. С. 65–73.
12. *Кузнецова А. В., Петрулевич И. А.* Городской текст: семиозис культурного кода // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 11. С. 89–95.
13. *Мишанкина Н. А.* Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: теоретико-методологическое обоснование проекта // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 28–37.

14. Мишанкина Н. А., Филь Ю. В. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: концепция и структура // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2015. № 12. С. 38–49.
15. Новикова С. С. Введение в прикладную социологию. Анкетирование: учебное пособие. М.: СпортАкадемПресс, 2000. 102 с.
16. Озерина А. А. Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2016. № 4 (34). С. 135–138.
17. Орлова О. В. Дискурс томских рок-авторов как факт региональной лингвокультуры: перспективы изучения // Вестник Томского университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 16–25.
18. Резанова З. И. Мифологема «Томск – Сибирские Афины» в коммуникативных тактиках публицистического дискурса (на материале еженедельной периодики г. Томска) // Язык и культура. 2010. № 1. С. 74–84.
19. Ситникова Е. В. Деревянная архитектура Томска второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2011. № 1. С. 59–65.
20. Сластина Е. Ю., Орлова О. В. Лингвокультурное своеобразие Томской рок-поэзии: время и социум в стихотворении поэта В. Шестакова «Дети финала» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 160–164.
21. Эмер Ю. А. Образ города в песенном фольклоре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 77–86.

References

1. Abdrashitova, MO 2015, 'Osobnosti reprezentatsii obraza Tomska kak fragmenta subkul'turnoy kartiny mira gorozhanina v sovremennom fol'klornom diskurse' (Features of the representation of the image of Tomsk as a fragment of a city dweller's subcultural picture of the world in modern folklore discourse), *Siberian Journal of Science*, vol. 1 (16), pp. 46–54. (In Russ.)
2. Andryushchenko, OK & Suyunova, GS 2019, 'Gorodskaya identichnost' v kontekste filologicheskoy urbanistiki' (Urban identity in the context of philological urban studies), *Yazyk i kul'tura: sbornik statey* (Language and culture: collection of articles), Izd-vo TGU publ, Tomsk, pp. 3–7. (In Russ.)
3. Bankova, TB 1987 *Leksika gorodskogo prostorechiya (tipologiya opisaniya)* (Vocabulary of urban vernacular (typology of description)), PhD thesis, Tomsk. (In Russ.)
4. Bulygina, YeYu & Tripol'skaya, TA 2015, 'Yazyk gorodskogo prostranstva: slovar', karta, tekst' (The language of urban space: dictionary, map, text), *Yaz. slavyan. kul'tury* publ, Moscow. (In Russ.)
5. Vayl', PL 2006 'Geniy mesta' (Genius of the place), KoLibri publ, Moscow. (In Russ.)
6. Vityuk, YeYu 2012, 'Gorodskaya sreda kak art-obyekt' (Urban environment as an art object), *Tomsk State University Journal*, vol. 364, pp. 43–48. (In Russ.)
7. Guzhova, IV 2014, 'Vizualizatsiya kul'turnogo koda goroda v imidzhevoy kommunikatsii s pomoshch'yu novomediynnykh tekhnologiy (semioticheskiy podkhod)' (Visualization of the cultural code of the city in image communication using new media technologies (semiotic approach)), *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, vol. 2-2 (40), pp. 45–49. (In Russ.)
8. Dyagileva, NS 2013, 'Teoreticheskiye aspekty gorodskoy identichnosti' (Theoretical aspects of urban identity), *Branding malykh i srednykh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy* (Branding of small and medium-sized cities of Russia: experience, problems, prospects), Yekaterinburg, pp. 54–59. (In Russ.)
9. Yermolenkina, LI, Kostyashina, YeA & Rezanova, ZI 2011, 'Tomskiy urbanistskiy tekst kak mekhanizm modelirovaniya sotsiokul'turnogo prostranstva goroda' (Tomsk urban text as a mechanism for modeling the socio-cultural space of the city), *Rol' soumestnykh konkursov RGNF i Administratsii Tomskoy oblasti v razvitiі gumanitarnykh issledovaniy: materialy nauch. konf.* (The role of joint competitions of the Russian Humanitarian Fund and the Administration of the

- Tomsk Region in the development of humanitarian research: scientific materials), Izd-vo TGU publ, Tomsk, pp. 90–96. (In Russ.)
10. Kiselev, VS 2021, 'Tomsk v russkoy literature: problemy i perspektivy izucheniya' (Tomsk in Russian literature: problems and prospects of research), *Imagology and Comparative Studies*, vol. 8, pp. 36–61. (In Russ.)
 11. Korchagina, YeYu 2021, 'Kul'tura i yazyk kak osnovaniye natsional'noy identichnosti, arkhetypicheskii kod derevyannoy rez'by tomskikh nalichnikov' (Culture and language as the basis of national identity, the archetypal code of wooden carvings of Tomsk platbands), *Yazyk i kul'tura: sbornik statey* (Language and culture: collection of articles), Izd-vo TGU publ, Tomsk, pp. 65–73. (In Russ.)
 12. Kuznetsova, AV & Petrulevich, IA 2019, 'Gorodskoy tekst: semiozis kul'turnogo koda' (Urban text: the semiosis of the cultural code), *Social and humanitarian knowledge*, vol. 11, pp. 89–95. (In Russ.)
 13. Mishankina, NA 2014, 'Lingvisticheskiy korpus «Tomskiy regionalnyy tekst»: teoretiko-metodologicheskoye obosnovaniye proyekta' (Linguistic corpus "Tomsk regional text": theoretical and methodological background of the project), *Tomsk State University Journal*, vol. 389, pp. 28–37. (In Russ.)
 14. Mishankina, NA, Fil', YuV 2015, 'Lingvisticheskiy korpus «Tomskiy regional'nyy tekst»: kontseptsiya i struktura' (Linguistic corpus "Tomsk regional text": concept and structure), *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskiiy al'manakh*, vol. 12, pp. 38–49. (In Russ.)
 15. Novikova, SS 2000, *Vvedeniye v prikladnuyu sotsiologiyu. Anketirovaniye* (Introduction to applied sociology. Questioning), SportAkademPress publ, Moscow. (In Russ.)
 16. Ozerina, AA 2016, 'Gorodskaya identichnost' kak sotsialno-psikhologicheskiiy fenomen' (City identity as a social and psychological phenomenon), *Logos et praxis*, vol. 4 (34), pp. 135–138. (In Russ.)
 17. Orlova, OV 2015, 'Diskurs tomskikh rok-avtorov kak fakt regional'noy lingvokul'tury: perspektivy izucheniya' (Tomsk rock authors' discourse as a fact of regional linguistic culture: prospects for the study), *Tomsk State University Journal*, vol. 1 (33), pp. 16–25. (In Russ.)
 18. Rezanova, ZI 2010, 'Mifologema «Tomsk – Sibirskiy Afina» v kommunikativnykh taktikakh publitsisticheskogo diskursa (na materiale yezhenedel'noy periodiki g. Tomska)' (Mythological representation of «Tomsk - Siberian Athens» In communicative tactics of publicistic discourse (on the material of tomsk weekly periodicals)), *Language and Culture*, vol. 1, pp. 74–84. (In Russ.)
 19. Sitnikova, YeV 2011, 'Derevyannaya arkhitektura Tomska vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.' (Wooden architecture of Tomsk in the second half of the 19th – early 20th centuries), *Journal of Construction and Architecture*, vol. 1, pp. 59–65. (In Russ.)
 20. Slastina, YeYu & Orlova, OV 2015, 'Lingvokul'turnoye svoeyebrazie Tomskey rok-poezii: vremya i sotsium v stikhotvorenii poeta V. Shestakova «Deti finala»' (Lingvo-cultural originality of Tomsk rock poetry: time and society in the poem "Children of final" by punk poet V. Shestakov), *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, vol. 4, pp. 160–164. (In Russ.)
 21. Emer, YuA 2014, 'Obraz goroda v pesennom fol'klоре' (Image of the city in folk songs), *Tomsk State University Journal*, vol. 6 (32), pp. 77–86. (In Russ.)

Вклад авторов:

Курьянович А. В. – идея, написание раздела статьи, научное редактирование.

Люберцева И. А. – сбор материала, обработка материала, написание раздела статьи.

Новак У. К. – сбор материала, обработка материала, написание раздела статьи.

Contribution of the authors:

Anna V. Kuryanovich – idea, writing the section of the article, scientific editing.

Irina A. Lyubertseva – collecting the material, processing the material, writing the section of the article. text.

Ulyana K. Novak – collecting the material, processing the material, writing the section of the article. text.

Статья поступила в редакцию: 14.01.2024
Одобрена после рецензирования: 19.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 14.01.2024
Approved after reviewing: 19.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Научная статья

УДК 813.73.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-169-184>

СТЕПНЫЕ ЭРГОНИМЫ СТЕПНОЙ СТОЛИЦЫ: АНАЛИЗ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА ОРЕНБУРГА

**Наталья Петровна
Левыкина¹**

**Сергей Вячеславович
Левыкин²**

^{1, 2} Институт Степи УроРАН

Оренбург, Россия, nataly-levykin@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0005-8260-5867>

² <https://orcid.org/0000-0003-0949-9939>

Аннотация. Статья посвящена изучению степных эргонимов города Оренбурга, который признан степной столицей Северной Евразии. В Оренбурге существует единственный в мире Институт Степи УроРАН, успешно развивается Оренбургская школа степеведения под руководством академика А. А. Чибилёва. Оренбургская область рассматривается как модельный степной регион, где сохранились уникальные объекты историко-культурного и природного наследия степей. Исследование выполнено в рамках гуманитарной составляющей степеведения. Была проведена классификация степных эргонимов города Оренбурга, согласно их происхождению, структуре, семантическим особенностям и реализуемым функциям. Выдвигаем рабочую гипотезу, что изучение эргонимов поможет детально разобраться во всех тенденциях и закономерностях связи между природой, экономикой и культурой степной столицы, а также предоставит ценную информацию об истории, традициях и взаимодействии с другими народами. Изучение степных эргонимов становится все более актуальным в связи с недостаточным уровнем исследований в этой области, динамичным характером языковых процессов и сложностью материала для изучения. Сейчас все более заметно влияние современных тенденций использования степной лексики, что требует комплексного и многоаспектного анализа. Также важным является выявление причин предпочтения определенных средств номинации объектов городской инфраструктуры и определение степени изученности данной темы в русской ономастической науке. Практически полное отсутствие исследований, посвященных степным эргонимам, делает эту область особенно интересной для изучения. В процессе проведения исследований по эргонимии была создана база данных, которая может быть использована в качестве источника для последующих научных изысканий и послужит основой для разработки терминологических словарей и справочников, которые будут посвящены названиям коммерческих предприятий города Оренбурга. Полученные результаты могут быть использованы для разработки образовательных программ, научных исследований, а также для создания туристических маршрутов и привлечения внимания к степным регионам.

Ключевые слова: степь, эргонимы, ономастика, город Оренбург, степной регион.

Для цитирования: Левыкина Н. П., Левыкин С. В. Степные эргонимы степной столицы: анализ городского пространства города Оренбурга // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 169–184. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-169-184>

Сведения об авторах: Н. П. Левыкина – инженер отдела степеведения и природопользования, Институт Степи УроРАН, 460000, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Пионерская, 11; С. В. Левыкин – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, профессор РАН, заведующий отделом степеведения и природопользования, Институт Степи УроРАН, 460000, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Пионерская, 11.

Scientific Article

UDC 813.73.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-169-184>

STEPPE ERGONYMS OF THE STEPPE CAPITAL: AN ANALYSIS OF THE ORENBURG URBAN SPACE

*Natalia P. Levykina*¹

*Sergey V. Levykin*²

^{1,2} Institute of Steppe,
Ural Bruch of the Russian Academy of Sciences
Orenburg, Russia, nataly-levykin@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0005-8260-5867>

² <https://orcid.org/0000-0003-0949-9939>

Abstract. The article studies steppe ergonyms of Orenburg, the steppe capital of Northern Eurasia. Orenburg has the only Institute of Steppe in the world, and the Orenburg Steppe Studies School under the leadership of academician A. Chibilyov is successfully developing. The authors carry out the study within the framework of the humanitarian component of steppe studies and consider the Orenburg region as a model steppe region that has preserved unique objects of historical, cultural and natural heritage of the steppes. The authors classify Orenburg steppe ergonyms according to the criteria of origin, structure, semantic features and fulfilled functions. The article puts forward a working hypothesis that the study of ergonyms will help to understand in detail all the trends and patterns of communication between nature, economy and culture of the steppe capital, as well as provide valuable information about the history, traditions and interaction with other peoples. The study of steppe ergonyms is becoming increasingly relevant due to the lack of research in this area, the dynamic nature of linguistic processes and the complexity of the material to study. Nowadays, the influence of modern trends in the use of steppe vocabulary is increasingly noticeable, which requires a comprehensive and multifold analysis. It is also important to identify the reasons for the preference of certain means of urban infrastructure facilities nomination, and to determine this subject study degree in Russian onomastic science. The almost complete absence of research on steppe ergonyms makes this area particularly interesting to study. In the process of conducting research on ergonymy, the authors created a database that will serve as a source for subsequent scientific research and the basis for the development of terminological dictionaries and reference books on the names of Orenburg commercial enterprises. The results obtained will be useful for the development of educational programs, scientific research, as well as for the creation of tourist routes and attracting attention to steppe regions.

Keywords: steppe, ergonyms, onomastics, Orenburg, steppe region.

For citation: Levykina, NP & Levykin, SV 2024, 'Steppe Ergonyms of the Steppe Capital: an Analysis of the Orenburg Urban Space', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 169–184, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-169-184> (in Russ.)

Information about the Authors: *Natalia P. Levykina* – Engineer of the department of the Steppe Science and Nature Management, Institute of Steppe, Ural Bruch of the Russian Academy of Sciences, 11, Pionerskaya Str., Orenburg Region, Orenburg, 460000, Russia;
Sergey V. Levykin – Doctor of Sciences (Geography), RAS Professor, Leading Scientific Researcher, Head of the Department of the Steppe Science and Nature Management, Institute of Steppe, Ural Bruch of the Russian Academy of Sciences, 11, Pionerskaya Str., Orenburg Region, Orenburg, 460000, Russia.

© Levykina N. P., Levykin S. V., 2024

Введение

В повседневной жизни эргонимы играют важную роль, они являются неотъемлемой частью нашего окружения коммуникации. Эргоним – это «собственное имя делового объединения людей», в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2, с. 151]. В наше время наблюдается «номинационный взрыв» в области эргонимии. С переходом российской экономики на рыночную основу появляется множество новых коммерческих предприятий, магазинов, турагентств, страховых компаний. Все эти объекты получают индивидуальные имена. Какими должны быть эргонимы, чтобы соответствовать требованиям общества? На текущий момент не существует научно обоснованных критериев для создания эргонимов, которые бы полностью удовлетворяли требованиям общества. В России практически нет литературы, которая бы освещала проблемы современных эргонимических названий. В большинстве случаев создание эргонимов происходит без опоры на какие-либо теоретические основы. В лучшем случае номинаторами являются сотрудники многочисленных рекламных агентств, не всегда имеющие специальную подготовку, но зачастую это сами владельцы организаций [13, с. 82–90].

Одним из интересных и малоизученных типов эргонимов являются степные эргонимы (СЭ). Они представляют собой названия географических объектов, расположенных в степных зонах, которые отражают уникальные особенности данной местности, ее историю, культуру и традиции. Изучение степных эргонимов является актуальным направлением в области топонимики, поскольку оно позволяет глубже понять историю и этнографию данного региона, а также его связь с окружающим миром. Изучаемый языковой материал является сложным и многогранным из-за нечеткой структуры, многозначности и особенностей его восприятия носителями русского языка. Эргонимы, связанные со степью, представляют собой область языкового существования, которая недостаточно изучена, но формирует культуру мышления нового поколения. Изучение степных эргонимов имеет важное значение для сохранения культурного наследия и развития степных регионов, а также способствует формированию более глубокого понимания истории и культуры народов, проживающих в степной зоне.

Материалы и методы

В работе используются общенаучные методы (метод сплошной выборки, наблюдение, классификация, описание, моделирование). Также были использованы метод компонентного анализа, который позволяет изучить семантику эргонима, метод анкетирования и статистический метод исследования. Теоретико-методологической базой исследования являются научные труды, посвященные ономастическим проблемам, в частности работы Н. В. Подольской и А. В. Суперанской, Е. С. Самсоновой, М. Г. Курбановой, Е. В. Прокутиной и др. Материалом послужили названия организаций и компаний, имеющие то или иное отношение к степи: растения, животные, травы, сельское хозяйство и т. д. (172 наименования). Для сбора материала использовались данные справочного портала 2GIS и Яндекс Карты, а также картотека, составленная на основе личных наблюдений.

Результаты и обсуждение

При изучении степных эргонимов основное внимание было уделено центральным улицам города с наибольшей деловой активностью и множеством коммерческих объектов, таким, как улицы Чкалова, Советская, Терешковой и проспект Гагарина. Также мы сделали акцент на улицах, где расположены промышленные агропредприятия, автосалоны, автосервисы – улица Беляевская, Беляевское шоссе, улица Шоссейная, Загородное шоссе. Мы не стремимся к абсолютно полному охвату, но считаем нашу выборку достаточной для получения надежных результатов. Эрго-

нимы имеют слабую структурированность и системность, поэтому вопрос классификации этого вида ономастической лексики является актуальным. На основе анализа авторской базы данных, состоящей из 172 степных эргонимов города Оренбурга, по различным критериям, таким, как структура, семантика, происхождение, была составлена определенная схема, при помощи которой изучались СЭ.

Степные эргонимы можно классифицировать:

- 1) по происхождению;
- 2) по компонентам слова;
- 3) по типам словообразования;
- 4) по степени информативности / неинформативности;
- 5) по семантическим группам;
- 6) по функциям;
- 7) по сфере деятельности, в которых используются эргонимы.

1. Классификация СЭ по происхождению

Степные эргонимы города Оренбурга были разделены на группы в зависимости от того, из какого языка произошло то или иное название. Здесь выделяется группа исконных степных эргонимов и заимствованные степные эргонимы [7, с. 35–50]. Исконные СЭ являются результатом естественного развития языка и отражают уникальные особенности степной культуры и истории. Такие эргонимы часто имеют сложную структуру и семантику, что отражает глубину и богатство степной культуры. Мы считаем, что исконными степными эргонимами являются русские и общеславянские слова, а также слова, пришедшие в русский язык из тюркских языков. Мы недаром относим тюркские слова к исконным СЭ, так как когда-то по бескрайним степям кочевало множество тюркских племен, их быт, культура и язык не могли не оставить своего отпечатка на формировании степных эргонимов.

Примерами исконных степных эргонимов могут служить такие названия, как *Ялкын* (тат. «пламя») – название кафе, которое как бы напоминает о былых временах и кострах, зажигаемых на степных просторах; *Степные просторы* – магазин, в названии которого отражены обширные открытые пространства степей, что вызывает ощущение свободы и простора, которые человек испытывает в бескрайней степи. Размер исконных СЭ составил 40 % от общего числа выборки (табл. 1).

Заимствованные степные эргонимы, в свою очередь, представляют собой названия, взятые из других языков. Такие названия также выполняют важную функцию идентификации объектов и служат отражением межкультурного обмена и взаимодействия [7, с. 35–50]. Примером заимствованных степных эргонимов могут служить названия автосалона *Мустанг*, гостиничного комплекса *Степная пальмира* и даже *Института Степи УроРАН*. Размер всех заимствованных СЭ г. Оренбурга составляет 60 % от общего числа выборки (табл. 1). Заимствованные СЭ можно разделить по категориям в зависимости от того, из какого языка слово было заимствовано. Так, мы выделили СЭ, заимствованные из немецкого, английского, латинского, греческого языков (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение степных эргонимов по происхождению
в % от общего числа выборки***

Степные эргонимы				
Исконные СЭ 40 %	Заимствованные СЭ 60 %			
	Греческого происхождения 55 %	Английского происхожде- ния 25 %	Латинского происхождения 13 %	Немецкого происхождения 7 %
магазин <i>Степь и ветер</i> , кафе <i>Шурпа</i> , <i>Кочевник</i> , сауна <i>Простор</i> , детский сад <i>Колосок</i> , зерновая компания <i>Зернофф</i> , кафе <i>Пряный Барашек</i> , кафе <i>Казан баран</i> , гостиница <i>Нива</i> , магазин <i>Приволье</i> , автосервис <i>Журавель авто</i> , торгово-производственная компания <i>Сьрт</i> и др.	торговая компания <i>Аграрий</i> , спортивный комплекс <i>Гелиос</i> , торговая компания <i>Скиф</i> и др.	автосалон <i>Мустанг</i> , компании <i>Grass</i> , <i>Силк Вей авто</i> , магазин цветов <i>Vloot root 56</i> , СТО <i>Грин Сервис</i> , кафе <i>Грин</i> и др.	<i>Институт Степи</i> , ночной клуб <i>Добрый конь</i> , компания <i>Природа</i> , фотокопицентр <i>Рельеф</i> и др.	салон штор <i>Стерх</i> , комплекс отдыха <i>Хуторок</i> , бар <i>Клевер</i> и др.

*Составлено на основе собранной базы данных.

Согласно результатам, в г. Оренбург большая часть СЭ – заимствованные (60 %). Причем большая часть заимствованных СЭ пришли к нам из греческого языка (55 %). Это не случайно! По нашим оценкам, в городе масса названий, в которые тем или иным способом включена сема *Агро* (греч. *Агрос* – «поле, пашня»). Когда-то наш степной край подвергся беспрецедентной распашке, и целинная степь дрожала под плугом хлебопашца. До сих пор в степных районах основным методом землепользования является сельское хозяйство, что и получило свое отражение в названиях компаний города.

2. Классификация степных эргонимов по компонентам слова

Взяв за основу классификацию эргонимов О. Г. Щитовой [16, с. 480], мы изучили структурные особенности СЭ города Оренбурга и пришли к выводу, что по числу элементов все эргонимы могут быть разделены на три группы (табл. 2):

- а. однокомпонентные – названия, состоящие из одного слова (магазин *Степь*);
- б. двухкомпонентные – названия, состоящие из двух слов (магазин *Степь и ветер*);
- с. многокомпонентные – эргонимы, состоящие из трех и более слов (автосалон *Силк Вей авто*).

**Распределение степных эргонимов по компонентам слова
в % от общего числа выборки***

Степные эргонимы	%	Названия
Однокомпонентные	70 %	страйкбольный клуб <i>Степь</i> , ТЦ <i>Степной</i> , магазин <i>Приволье</i> , спа-салон <i>Степное</i> , кафе <i>Кочевник</i> и др.
Двухкомпонентные	29 %	гостиничный комплекс <i>Степная Пальмира</i> , магазин <i>Степные просторы</i> , ресторан <i>Роза Ветров</i> , магазин <i>Степь и Ветер</i> и др.
Многокомпонентные	1 %	<i>Институт Степи УроРАН</i> , автосервис <i>Силк Вей авто</i>

*Составлено на основе собранной базы данных.

Согласно полученным данным в г. Оренбург больше всего однокомпонентных СЭ – 70 %, тогда так оставшиеся 30 % приходятся на долю двух- и многокомпонентных названий. Такая тенденция объясняется тем, что однокомпонентные СЭ проще и легче запомнить, они могут быть адаптированы к любым контекстам без потери смысла, их легче внедрить на рынок и подчеркнуть этим названием уникальность бренда, что очень важно для коммерческих предприятий.

3. Классификация СЭ по типам словообразования

При анализе словообразовательных типов выделяются следующие типы эргонимов [1, с. 15; 9, с. 29–35]:

- образованные с помощью структурно-словообразовательных средств;
- образованные с помощью лексических средств родного языка;
- образованные при помощи графических средств;
- образованные с использованием лексических единиц других языков, преимущественно английского.

Структурно-словообразовательные средства включают использование морфем (например, суффиксов), субстантивацию, словосложение и словосочетания (прил. + сущ., сущ. + гл., и т. д.) (табл. 3).

Лексические методы представлены лексико-семантической онимизацией, заимствованиями, трансонимизацией с использованием стилистически окрашенной лексики. В нашем исследовании используется типология лексико-семантической онимизации, предложенная Алистановой Ф. Ф. и Курбановой М. Г. [1, с. 15; 9, с. 29–35]. Ее суть заключается в использовании лексического значения существующего в языке слова без изменения его формальной структуры.

Простая номинация используется для онимизации эргонимов этого типа крайне редко: база отдыха *Стан*.

Лексико-семантическая онимизация является наиболее распространенным методом. Этот способ образования эргонимов включает в себя три основных типа: **метонимический**, **метафорический** и **метафоро-метонимический** (табл. 3).

1) Метонимический перенос происходит по различным основаниям: по местоположению объекта (например, ТК *Степной* – расположен в северной части го-

рода, которая имеет устоявшееся название «Степной»), по этнической принадлежности (кафе *Узбекская кухня*), по характеру кухни (кафе *Пряный Барашек*) и т. д.

2) Метафорические названия указывают на престижность заведения, статус клиентов, специализацию предприятия, вызывают ассоциации романтического характера и так далее. Например, гостиничный комплекс *Степная пальмира*, этнографический комплекс *Ак Чишма*, кафе *Холодный ключ* и др.

3) Метафоро-метонимические: *Казан Баран*, *Силк Вей авто*, *Русский Бунт*, *Приволье*, *Степь и ветер*. Усложненная семантика названий с использованием метафоры и метонимии одновременно делает их особенно эффективными.

Трансонимизация предполагает использование антропонимов (личных имен и фамилий), топонимов (географических названий) и фитонимов (названий растений) в наименовании предприятий. При выборе топонимов или антропонимов учитываются их благозвучность, эстетичность, экзотичность или привлекательность для жителей данной местности. Например, фитонимы – бар *Клевер*, салон красоты *Маки*, магазин цветов *Незабудка*; топонимы – *Травы Башкирии*, *Евразия авто*, *Оренбуржье*, *Татарстан*.

Графическое оформление эргонимов, как правило, является дополнительным инструментом для создания рекламного эффекта эргонима. Можно выделить следующие виды графического оформления: ненормативное использование прописных букв и чисел при оформлении сложных названий, двойная графика (использование сочетания русских и иностранных символов), латинская графика, языковая игра [12, с. 123–127] (табл. 3).

Заемствования являются важным источником для пополнения словарного запаса любого языка и эффективным способом образования эргонимов. Они в свою очередь делятся на нетранслитерированные и транслитерированные [4, с. 26] (табл. 3).

Таблица 3

**Способы образования степных эргонимов г. Оренбурга
в % от общего объема выборки***

Типы словообразования %	Способы словообразования	%	Эргонимы
Структурно-словообразовательные средства – 50 %	Суффиксоиды	15 %	<i>Подсолнушки</i> , <i>Колосок</i> , <i>Степки</i>
	Субстантивация	5 %	<i>ТК Степной</i>
	Словосложения	40 %	<i>АгроРост</i> , <i>Агровсё</i> , <i>Агромастер</i>
	Словосочетания	40 %	<i>Степь и Ветер</i> , <i>Роза Ветров</i> , <i>Травы Башкирии</i>
Лексические средства родного языка – 24%	Простая номинация	1 %	<i>База отдыха Стан</i>
	Лексико-семантическое преобразование: Метонимическое	40 %	<i>Пряный Барашек</i> , <i>Шурпа</i> , <i>Азия</i>
			<i>Степная Пальмира</i> , <i>Ак Чишма</i>
	Метафорическое		<i>Силк Вей авто</i> , <i>Русский Бунт</i> , <i>Степь и ветер</i>
	Метафоро-метонимическое		<i>Туркестан</i> , <i>Татарстан</i> , <i>Фиалка</i> , <i>Маки</i> , <i>Клевер</i> , <i>Василек</i>
Трансонимизация	59 %		

Таблица 3 (продолжение)

Графические средства – 22 %	Ненормативное использование заглавных букв	29 %	<i>Л-агро, АроРост, Агро-Сфера</i>
	Использование числительных	8 %	<i>Небо56, Горизонт 25+</i>
	Двойная графика	2 %	<i>Aas Алтын</i>
	Латинская графика	59 %	<i>Myshkin, Crocus, Rostosh</i>
	Игра слов	2 %	<i>Pole beauty</i>
Заемствования – 8 %	Транслитерированные	45 %	<i>Силк Вей авто, Грин, Грин Сервис</i>
	Нетранслитерированные	55 %	<i>Grass, Iris, Flora and Sun, Sunflower</i>
	Смешанные	0 %	

*Составлено на основе собранной базы данных.

Изучив полученные данные, можно заключить, что самым распространенным способом образования степных эргонимов является структурно-словообразовательный метод (50 %). На втором месте расположился лексический (24 %). Среди лексических средств словообразования самым распространенным является трансонимизация – 59 %. Прямая номинация составляет всего 1 % от всех средств лексического словообразования. Это обусловлено тем, что тенденция давать эргонимам имена, прямо указывающие на их специфику, была характерна для 50-х годов XX века. В универсализации, формализации названий, которые стремились уравнивать различия между отдельными предприятиями, отражался дух того времени. Сейчас эта тенденция сменилась более выразительными методами именования, на первый план выходят индивидуальность и уникальность имени. Среди графических средств самым частотным стало использование латинской графики – 59%. Вероятно, эти приемы направлены на привлечение внимания потребителя и таким образом, осуществляют рекламную функцию СЭ. Заемствованных средств словообразования, в нашем случае, меньшинство – всего 8 %. Среди них преобладают нетранслитерированные названия (55 %) *Air Pion, Grass, Iris, Skifmusic, Butterfly*. Вариантов транслитерированных заимствований чуть меньше: *Силк Вей авто, Грин, Агростар, Грин Сервис* и др. (45 %). Получено недостаточно данных для анализа смешанного типа заимствований. В данном исследовании не обнаружены степные эргонимы этого типа.

4. Классификация степных эргонимов по степени информационного потенциала

С позиций того, дают или не дают СЭ сведения о предприятии или организации, мы разделили всю выборку на **информативные** и **неинформативные** эргонимы [10, с.24] (табл. 4). К информативной группе относятся эргонимы, которые содержат определенную информацию для потребителя:

- указывают на вид деятельности предприятия, на производимый товар или услугу: *Скиф Карго* очевидно, что, предприятие, именуемое подобным образом, специализируется на предоставлении услуг грузоперевозок; *АгроТехника* – очевидно, что это компания по продаже сельскохозяйственной техники;
- содержат указание на географическое местоположение именуемого объекта: *Оренбургсье* – потребитель понимает, что этот спортивно-культурный комплекс построен и функционирует в г. Оренбурге; организация активных туров *Небо56* – ясно, что организация работает в Оренбургском регионе.

В группу неинформативных эргонимов вошли те, которые не содержат сведений о предприятии, которые были бы понятны сразу, без дешифровки: *Сармат, Кочевник, Степные просторы, Степь* и др.

Таблица 4

**Информационный потенциал степных эргонимов
в % от общего числа выборки***

Степные эргонимы	%	Названия
Информативные	46	<i>Институт степи, Аграрий, Скиф карго, Казан баран</i> и др.
Неинформативные	54	<i>Степь и ветер, Степь, Роза Ветров, Маки, Ромашка</i> и др.

*Составлено на основе собранной базы данных.

Невзирая на необходимость, чтобы потребитель правильно воспринял и интерпретировал информацию, содержащуюся в названии, очевидно, что для имядателей большее значение имеет звучность имени. Вполне вероятно, что при изготовлении вывесок, они полагаются на информативность графических средств (фото, рисунки, символы), которые нередко сопровождают название.

5. Классификация степных эргонимов по семантическим группам

Взяв за основу классификацию имен собственных, которую предложила А. В. Суперанская [15, с. 366], был проведен анализ лексических характеристик СЭ, в результате которого были выделены три семантических группы (табл. 5).

I группа. Зоонимы: *Серый волк, Рыжая лиса, Myshkin, Мустанг*. Данная группа составляет 8 % от общего числа выборки.

II группа. Степные эргонимы (СЭ), образованные от названий неодушевленных объектов; топонимы (географические названия); космонимы (названия космических объектов) и астронимы (звездные имена); фитонимы (названия растений); хрематонимы (имена предметов торговли); названия транспортных средств; сортовые названия и торговые марки. Эта группа является наиболее многочисленной и составляет 87 % от общего объема выборки.

Среди них выделяются:

- 1) **Хрематонимы** (40 %) – эргонимы, которые прямо или косвенно указывают на ассортимент товаров или услуг. К ним относятся: агропромышленные организации и учреждения: *Оренбургский колос, Зернофф, Институт Степи, Оренбургохотволбиоресурс* и др.
- 2) Эргонимы, **с семантикой «еда и напитки»**: *Шурпа, Пряный барашек, Казан баран*. СЭ данной семантической группы составляют 4 % от общего объема.
- 3) Эргонимы **с семантикой «степь»**: *Степь, Степное, Степок, Степной*. Данная группа составляет 7 %.
- 4) Эргонимы **с аграрной семантикой**: *Агроарсенал, Агровсё, АгроРост, Агроснаб*. Данная семантическая группа составляет 18 % от общего объема.
- 5) Степные эргонимы **с пространственным значением**, которые составляют 9 % от всей выборки. Под пространственной семантикой мы понимаем указание на «неограниченную протяжённость во всех измерениях, направлениях» или «место, способное вместить что-л.» [11, с. 1376]. К таким эргонимам мож-

но отнести: *Степь, Степные просторы, Pole beauty, Шелковый путь, Силк Вей авто, Раздолье, Евразия* и т. д.

- 6) Степные эргонимы, образованные **из топонимов** – 10 %. Они выполняют памятную и, в некоторой степени, адресную функцию (используя топоним, создатель указывает на особенности предприятия как на топографический объект), что является значительным признаком [5, с. 170]. Этот факт свидетельствует об актуальности географической темы. Мы условно называем эргонимы, указывающие на расположение объекта, топонимическими и выделяем следующие группы:
- названия, относящиеся к континенту: торгово-производственная компания *Евразия*;
 - названия, связанные с регионом типология *Южный Урал*, оптовая компания *Агроповолжье, Травы Башкирии*;
 - названия, связанные с Оренбургом: зерновая компания *Оренбургский Колос*; спортивный комплекс *Оренбуржье*;
 - топонимы, образованные от географических названий различных стран: группа компаний *Белагро*, кафе *Туркистан*.

В группе эргонимов, обозначающих неодушевленные объекты, присутствуют также названия, созданные на основе фитонимов (*Ромашка, Маки, Grass, Подсолнушки*), **мифонимов** (*Гермес-агро*), **астронимов** (*Гелиос, Солнышко*). Эти три подгруппы очень малочисленны и составляют менее 0,5 % от всех СЭ (табл. 5).

- 7) Степные эргонимы, включающие в себя **прилагательные**, составляют 6 % всей выборки. Прилагательное – «часть речи, обозначающая качество, свойство или принадлежность предмета» [11, с. 1376]. Так, если в названии есть прилагательное, то определено, оно будет характеризовать называемый объект, вызывая у потребителя определенные ассоциации, на что и рассчитывают имядатели. Например, *Теплый стан, Серый волк, Степная пальмира*.
- 8) Эргонимы, **вызывающие положительные ассоциации** составляют 5 % от общего количества СЭ.

Они содержат:

- указание на профессионализм, лучшее качество товара или услуг: торговая компания *Агропроф* («профессиональный», торгово-сервисная компания *Агростар* (англ. «звезда, звездный, знаменитый»);
 - вызывают положительные эмоции, радость: магазины цветов *Лето цветы, Аромат цветов, Незабудка*, салон красоты *Iris*.
- 9) Эргонимы, **с семантикой «красота»** малочисленны и составляют 1 %. Чаще всего такими эргонимами называют салоны красоты, спа-центры, магазины, торгующие косметикой, т.е заведения, работающие для сохранения привлекательности потребителя. Например, салон красоты *Pole beauty* (анг. *beauty* «красота» – *Поле красоты*).

III группа. СЭ, которые выражают характеристики присущие человеку. Эта группа немногочисленна и составляет 5% от всего объема выборки. В эту группу входят СЭ указывающие на профессию человека, должность, возраст и другие характеристики. Например, кафе *Кочевник*, торговый дом *Сармат*, официальный представитель Пегас Агро *Агромастер* (табл. 5).

Таблица 5

**Лексико-семантические группы степных эргонимов г. Оренбурга
в % от общего объема выборки***

Семантические группы		%
Одушевленные	Зоонимы: <i>Мустанг, Mushkin, Добрый хомяк, Рыжая лиса</i> Мифонимы: <i>Гермес-агро</i>	8 %
Неодушевленные	Хремотонимы 40 %	Эргонимы, с семантикой «еда» 4 %
		Эргонимы с аграрной семантикой 18 %
		Эргонимы со степной семантикой 7 %
	эргонимы с пространственной семантикой 9 %	87 %
	эргонимы-реальные топонимы 10 %	
	эргонимы, содержащие прилагательные 6 %	
эргонимы, вызывающие положительные ассоциации 5 %		
эргонимы, с семантикой «красота» 1 %		
Характеристики человека	Профессии, национальность и.т.д: кафе <i>Кочевник</i> , грузоперевозки <i>Скиф карго</i> , <i>Агромастер</i>	5 %

*Составлено на основе собранной базы данных.

Изучив степные эргонимы, согласно их семантическим характеристикам, мы выявили, что эргонимы могут принадлежать к разным семантическим группам одновременно. Например, магазин *Степные просторы* имеет в своем названии сему степи и пространства, поэтому данный эргоним можно отнести как к группе эргонимов-со степной семантикой, так и к эргонимам с пространственной семантикой. Или салон красоты *Iris*, помимо отношения этого эргонима к фитонимам, мы также можем отнести его в группу эргонимов, вызывающих положительные ассоциации. Особенно много эргонимов, имеющих полисемантические характеристики, т. е., которые принадлежат нескольким семантическим группам, мы обнаружили внутри групп «хремотонимы», «семантика степь», «аграрная семантика», «положительные ассоциации» и «прилагательные». Например, магазин игрушек *Ural Toys*, магазин цветов *Air pion*, фитосалон *Нежный цветок*, гостиничный комплекс *Степная Пальмира*, продажа грузовых автомобилей *Силк Вей авто*, торговая компания *Аграрий*.

6. Функции степных эргонимов

Степные эргонимы выполняют ряд функций:

1) **Номинативная, или называющая**, что является основной языковой функцией для всех имен собственных. Номинативная функция служит для обозна-

чения объектов городской инфраструктуры и помогает в общении и передаче информации.

2) **Когнитивная функция**, присущая всем степным эргонимам. При создании эргонима создатель активирует когнитивные процессы для выражения своего замысла, а адресат интерпретирует результат когнитивной деятельности создателя при восприятии и понимании эргонима.

3) **Информативная функция**. Будучи семантически пустым в языке, имя собственное становится высокоинформативной единицей в общении каждого участника коммуникации [6, с. 105–108]. Например, турагенство *Орлан тур*, музыкальный магазин *Skifmusic*, кафе *Шурпа*. Информативную функцию реализуют 45 % эргонимов от общего числа выборки (табл. 6).

4) **Рекламная** (название должно привлечь и заинтересовать горожанина как возможного клиента). Например, загородный клуб *Клевер*, база отдыха *Теплый Стан*, кафе *Пряный Барашек*. Рекламная функция отражена в 46,5 % степных эргонимов (табл. 6).

5) **Аттрактивная функция** нацелена на привлечение внимания горожан к объектам с помощью степных эргонимов; может быть выполнена путем выполнения экзотической или игровой подфункций. Такая функция реализуется в 10,5 % СЭ г. Оренбурга (зерновая компания *Зернофф*, шиномонтаж *Аас Алтын*, компания по поставке оборудования и техники для сельского хозяйства *Агровсё*) (табл. 6).

6) **Эстетическая** (название, обычно, вызывает положительные ассоциации, «красиво звучит»). Например, магазин цветов *Орхидея*, *Цветы лето*, *Аромат цветов*, гостиничный комплекс *Степная Пальмира*. Эстетическая функция отражена в 32 % степных эргонимов (табл. 6).

Таблица 6

Случаи реализации функций степных эргонимов г. Оренбурга в % от общего числа выборки*

№	Функции степных эргонимов	%
1	номинативная	100
2	когнитивная	100
3	информативная	45
4	рекламная	46,5
5	аттрактивная	10,5
6	эстетическая	32

*Составлено на основе собранной базы данных.

7. Классификация степных эргонимов по сфере деятельности

Для полного освящения функционирования СЭ в городе Оренбурге мы посчитали интересным выяснить в каких сферах коммерческой активности в большей степени они используются (табл. 7).

Мы установили, что степные эргонимы употребляются в следующих сферах:

1. Торговля; в эту категорию входят все предприятия, связанные с предоставлением товаров потребителю, – продуктовые и продовольственные магазины, магазины электроники, книжные магазины и т.д. (*Степь и ветер*, *Степь*, *Степные*

просторы, Мустанг, Степки). В данной сфере функционирует наибольшее число ИЭ – 46,5 %.

2. Красота и здоровье – заведения, способствующие сохранению и поддержанию привлекательной внешности и «нормального состояния организма потребителя, при котором правильно действуют все его органы» [3, с. 960]. Такими могут считаться спортивные клубы, салоны красоты, парикмахерские и т.п. (*Iris, Рыжая лиса, Степь, Степное*). В данной сфере мы отмечаем 12 % эргонимов.

3. Ремонт и обслуживание; предприятия, осуществляющие «исправление повреждений, поломок, изъянов» [8, с. 1536], и оказывающие населению услуги технического характера (оптовые компании, шиномонтажные центры, ремонт автомобилей). Примеры названий: *Журавель авто, Скиф карго, Скиф, АгроРост*. Объем данной группы достаточно емкий – 12 % СЭ.

4. Общественное питание; «система специализированных предприятий (столовых, буфетов, кафе, закусочных, ресторанов и т. д.), в которых осуществляется питание» [8, с. 1536]. Примеры названий: *Шурпа, Пряный барашек, Казан баран, Роза ветров, Кочевник*. Объем данной группы составляет 10,5 %.

5. Путешествия; сюда включены туристические агентства, предлагающие потребителю различные варианты отдыха, базы отдыха и санатории (*Орлан тур, Солнечный рай, Черный Яр, Сармат, Хуторок, Ромашка*). В этой сфере используется 3,5 % СЭ.

6. Развлечения; заведения, обеспечивающие потребителю «занятие, времяпрепровождение, доставляющее удовольствие, развлекающее его» (кинотеатры, развлекательные центры) [8, с. 1536]. Примеры названий: *Теплый Стан, Ак Чишма, Воздух, Степь, Гелиос* и др. Объем данной группы названий – 5 %.

7. Учреждения; эта категория включает в себя различные организации или институты, а также детские сады и развивающие центры (*Институт Степи УроРАН, Природа, Южный Урал, Оренбургохотволбиоресурс, Колосок, Подсолнушки*). Объем данной группы незначительный – 5 % названий.

8. Производство; эта категория включает в себя компании, ориентированные на изготовление продукции (*Сырт*). Однако, количество СЭ, функционирующих в данной сфере, всего 0,5 % (табл. 7).

Таблица 7

**Распределение степных эргонимов по сфере деятельности
в % от общего числа выборки***

Сфера деятельности	%
Торговля	46,5
Ремонт, обслуживание, сервис	15
Красота и здоровье	12
Общественное питание	10,5
Развлечения	6
Учреждения	6
Путешествия	3,5
Производство	0,5

*Составлено на основе собранной базы данных.

Итак, мы наблюдаем, что степные эргонимы более всего востребованы в сфере торговли. Это объясняется тем, что в последние годы наибольшее развитие получила

именно торговля, и имядатель стремится показать причастность к степной зоне, а также заявить о престижности имени. Достаточно высока доля СЭ в сфере ремонта и обслуживании. Такой высокий процент дают компании с «агро-». Именно они чаще всего занимаются ремонтом и обслуживанием сельскохозяйственной техники. В сфере красоты, здоровья, а также общественного питания, тоже достаточно большой процент СЭ. Можно предположить, что при наименовании предприятий этих сфер деятельности также более престижным считается слово, имеющее отношение к региону – к степи. В сфере красоты оно подчеркивает красоту, здоровый образ жизни, осуществляя, таким образом, рекламную функцию. В сфере общественного питания высоко используется информативная функция СЭ, когда владельцы кафе, ресторанов и баров хотят информировать покупателя о блюдах и напитках, на которых специализируется данное заведение.

В остальных сферах коммерческой деятельности отмечается низкая активность СЭ. Это, вероятно, связано с тем, что производство слабо развито в г. Оренбурге. В основном, в этих сферах обслуживания функционируют государственные организации, которые получили названия по принципу прямой номинации и не имеют отношение к степеведческим терминам.

Выводы

В ходе исследования мы изучили особенности степных эргонимов г. Оренбурга. Изучение данной темы важно для понимания процессов развития степной культуры, ее взаимодействия с окружающим миром, а также для определения места и роли степи в жизни современного общества.

Степная терминология является неотъемлемой частью национальной культуры и отражает специфику и уникальность степного образа жизни. Знание и понимание степной терминологии позволяет лучше понимать ментальность и систему ценностей степняков, что, в свою очередь, помогает развитию межкультурного диалога и укреплению межнациональных отношений.

Изучение степных эргонимов г. Оренбурга позволило выявить интересные особенности использования степной терминологии в современном городском пространстве. Это дает возможность оценить степень сохранения и развития традиций степной культуры на современном этапе, а также определить потенциал для дальнейшего развития и укрепления степной идентичности в городской среде.

Результатом нашего исследования стало выявление важных закономерностей и тенденций в развитии степной терминологии и степных эргонимов города Оренбурга.

Полученные данные могут быть использованы для разработки стратегий сохранения и развития степной культуры в условиях современного города, а также при планировании и реализации проектов по благоустройству городских территорий с учетом степной специфики.

Таким образом, изучение степной терминологии и эргонимов является важным направлением исследований в области культуры, истории и лингвистики. Это позволяет не только сохранить и укрепить степную идентичность, но и способствует формированию гармоничного и устойчивого развития степных территорий в контексте современных условий жизни.

Список источников и литературы

1. Алистанова Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Алистанова Фариды Фаждудиновны. Махачкала, 2011. 23 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. [М.]: Либроком, 2014. 606 с.

3. *Большой медицинский энциклопедический словарь* / под ред. В. Бородулина. М.: РИПОЛ классик, 2007. 960 с.
4. *Бутакова Е. С.* Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Бутакова Екатерина Сергеевна. Томск, 2013. 26 с.
5. *Емельянова А. М.* Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Емельянова Аксана Михайловна. Уфа, 2007. 170 с.
6. *Кондратова А. В.* Функции эргонимов в аспекте их классифицирующей характеристики // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2018. № 9 (87), ч. 1. С. 105–108.
7. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современной жизни // *Русский язык конца XX столетия.* М.: Яз. рус. культуры, 1996. С. 35–50.
8. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
9. *Курбанова М. Г.* Эргонимы современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте // *Гуманитарные исследования.* 2012. № 1. С. 29–35.
10. *Новожилова Т. А.* Номинация современных коммерческих предприятий : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Новожилова Татьяна Александровна. Ростов-на-Дону, 2005. 24 с.
11. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2013. 1376 с.
12. *Прокутина Е. В.* Языковая игра как способ образования нестандартной лексики русского языка на базе английских заимствований // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2010. № 7 (188). С. 123–127.
13. *Романова Т. П.* Проблемы современной эргонимии // *Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Филология.* 2008. № 1. С. 82–90.
14. *Оренбург* // 2ГИС : справочный портал. URL: <https://2gis.ru/orenburg> (дата обращения: 10.01.2024).
15. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М.: URSS, 2007. 366 с.
16. *Щитова О. Г.* Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века : монография. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 480 с.
17. *Ивановка* // Яндекс.Карты : картографический портал. URL: <https://yandex.ru/maps/?ll=55.195653%2C51.719572&z=14> (дата обращения: 10.01.2024).

References

1. Alistanova, FF 2011, *Ergonimy sovremennogo russkogo yazyka kak microsistema* (Ergonyms of the modern Russian language as a microsystem), PhD thesis, Makhachkala, viewed 20 January 2024 <https://www.dissercat.com/content/ergonimy-sovremennogo-russkogo-yazyka-kak-mikrosistema> (In Russ.)
2. Akhmanova, OS 2014, *Slovar lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of linguistic terms), Librocom publ, Moscow. (In Russ.)
3. Borodulina, V (ed.) 2007, *Bol'shoy meditsinskiy entsiklopedicheskiy slovar* (The Great Medical Encyclopedic Dictionary), RIPOL klassik publ, Moscow. (In Russ.)
4. Butakova, ES 2013, *Ergonimy inoyazychnogo proiskhozhdeniya v kommunikativnom prostranstve goroda* (Ergonyms of foreign language origin in the communicative space of the city), PhD thesis, 2 October 2011, Tomsk State University, Tomsk. (In Russ.)
5. Emelyanova, AM 2007, *Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda* (Ergonyms in the linguistic landscape of a multiethnic city), PhD thesis, Ufa. (In Russ.)
6. Kondratova, AV 2018, 'Funktsii ergonimov v aspekte ikh klassifitsiruyushchey kharakteristiki' (Ergonyms functions in the aspect of their classifying characteristics), *Philology. Theory & Practice*, no.9, part 1, pp. 105–108. (In Russ.)
7. Krysin, LP 1996, 'Inoyazychnyye slova v sovremennoy zhizni' (Foreign language words nowadays), *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya* (The Russian language of the end of the 20th century), Yaz. rus. kul'tury publ, Moscow, pp. 35–50. (In Russ.)
8. Kuznetsov, SA 2000, *Bolshoy tolkovyy slovar Russkogo yazyka* (The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language), Norint publ, St. Petersburg. (In Russ.)

9. Kurbanova, MG 2012, 'Ergonimy sovremennogo Russkogo yazyka v communicativno-pragmaticheskom aspekte' (Ergonyms of the modern Russian language in a communicative and pragmatic aspect). *Humanitarian researches*, no.1, pp. 29–35. (In Russ.)
 10. Novozhilova, TA 2005, Nominatsiya sovremennykh kommercheskikh predpriyatii (Nomination of modern commercial enterprises), PhD thesis, Rostov-on-Don. (In Russ.)
 11. Ozhegov, SI 2013, *Tolkovyy slovar Russkogo yazyka* (Explanatory dictionary of the Russian language), Mir i Obrazovaniye publ, Moscow. (In Russ.)
 12. Prokutina, EV 2009, Yazykovaya igra kak sposob formirovaniya nestandartnoy leksiki russkogo yazyka na baze anliyskikh zaimstvovaniy (Language game as a way of forming non-standard vocabulary of the Russian language based on the English borrowings), *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 7 (188), pp. 123–127. (In Russ.)
 13. Romanova, TP 2008, Problemy sovremennoy ergonimii (Problems of the modern ergonymy), *Vestnik of Samara State University. Philology Series*, no.1, pp. 82–90. (In Russ.)
 14. 'Orenburg', *2GIS*, viewed 10 January 2024, <https://2gis.ru/orenburg> (In Russ.)
 15. Superanskaya, AV 2007, *Obchshyaya teoriya imeni sobstvenogo* (The general theory of proper names), URSS publ, Moscow. (In Russ.)
 16. Chshitova, OG 2008, *Neiskonnaya leksika v russkoy razgovornoy rechi Srednego Priobya XVII veka* (Non-native vocabulary in the Russian colloquial speech of the middle of the 17th century), Izd-vo TGPU publ, Tomsk. (In Russ.)
 17. 'Ivanovka', *Yandex. Karty* (Yandex. Maps), viewed 10 January 2024, <https://yandex.ru/maps/?ll=55.195653%2C51.719572&z=14> (In Russ.)
-

Вклад авторов:

Левыкина Н. П. – идея, сбор данных, обработка материала, написание статьи.

Левыкин С. В. – научное редактирование текста.

Contribution of the authors:

Natalia P. Levykina – idea, data collection, material processing, article writing.

Sergey V. Levykin – scientific text editing.

Статья поступила в редакцию: 30.01.2024
Одобрена после рецензирования: 19.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 30.01.2024
Approved after reviewing: 19.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 185–194.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 1 (17). P. 185–194.

Научная статья

УДК 81'37

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-185-194>

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КОДА КУЛЬТУРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «КОММЕРСАНТ ВЛАСТЬ»)

**Виктория Игоревна
Поречная**

Юго-Западный государственный университет
Курск, Россия, porechvika@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0258-8808>

Аннотация. Статья посвящена исследованию тропов с пространственной семантикой на материале статей журнала «Коммерсантъ Власть» за 2000 – 2005 гг. В начале 2000-х годов данное издание представляло собой один из наиболее распространённых источников актуальной экономической и социально-политической информации в стране. Цель работы – выявление особенностей метафорической репрезентации пространственного кода культуры в политическом дискурсе. Рассматривается определение термина «троп» с точки зрения когнитивного подхода, а также определение термина «код культуры». Анализируется связь языковой системы индивида с культурой. Изучение термина «код культуры» в его связи с пространством позволяет рассматривать термин «пространственный код культуры» в исследуемом материале. Устанавливается, что пространственный код культуры – это элемент процесса метафоризации пространственных отношений. Анализируются особенности языковой репрезентации пространственного кода культуры в тропах в политическом дискурсе. Устанавливается, что троп с пространственной семантикой – это результат когнитивного механизма метафоризации, но его форма в политическом дискурсе не ограничивается метафорой. В ряде заголовков происходит объединение нескольких видов тропов. Исследуется роль аллюзии в заголовках рассматриваемых статей. Проведённый автором анализ позволяет сделать вывод о том, что она выступает одним из знаменательных элементов создания образа. Рассмотрение особенностей формирования тропа с пространственным значением в политическом дискурсе на материале статей журнала «Коммерсантъ Власть» за 2000 – 2005 гг. позволило прийти к выводу, что одной из наиболее распространённых референтных областей является литература.

Ключевые слова: троп, метафоризация, код культуры, пространственный код культуры, политический дискурс.

Для цитирования: Поречная В. И. Исследование особенностей репрезентации пространственного кода культуры в политическом дискурсе (на материале заголовков статей журнала «Коммерсантъ Власть») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 185–194. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-185-194>

Сведения об авторе: В. И. Поречная – преподаватель кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, 305040, Россия, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

© Поречная В. И., 2024

Scientific Article

UDC 81'37

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-185-194>

THE STUDY OF THE PECULIARITIES OF THE SPATIAL CULTURE CODE REPRESENTATION IN POLITICAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF “KOMMERSANT VLAST” ARTICLE HEADLINES)

Viktoriya I. Porechnaya

Southwest State University

Kursk, Russia, porechvika@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0258-8808>

Abstract. The article is devoted to the study of tropes with spatial semantics based on the articles of “*Kommersant Vlast*” during the period of 2000 – 2005. In the early 2000s, this magazine was one of the most relevant sources of current economic and socio-political information in the country. The purpose of the paper is to identify the features of the metaphorical representation of the spatial culture code in political discourse. The definition of the term “trope” from the point of view of the cognitive approach is considered, as well as the definition of the term “culture code”. The author analyzes the connection of an individual’s language system with culture. The study of the term “culture code” in its connection with space allows considering the term “spatial culture code” in the material under study. The article states that the spatial culture code is an element of the process of metaphorization of spatial relations. The paper analyzes the features of the linguistic representation of the spatial culture code in tropes in political discourse. The author defines a trope with spatial semantics as the result of the cognitive mechanism of metaphorization, but its form in political discourse is not limited to metaphor. A number of headlines combine several types of tropes. The author studies the role of allusion in the headlines of the articles under consideration. The analysis carried out allows the author to conclude that allusion acts as one of the significant elements of creating an image. The author has considered the features of the formation of a trope with spatial meaning in political discourse based on the articles of the “*Kommersant Vlast*” during the period of 2000 – 2005 and concluded that literature is one of the most common reference areas.

Keywords: trope, metaphorization, culture code, spatial culture code, political discourse.

For citation: Porechnaya, VI 2024, ‘The Study of the Peculiarities of the Spatial Culture Code Representation in Political Discourse (on the Material of “*Kommersant Vlast*” Article Headlines)’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 185–194, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-185-194> (in Russ.)

Information about the Author: *Viktoriya I. Porechnaya* – Lecturer at the Department of Foreign Languages, Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya Str., Kursk Region, Kursk, 305040, Russia.

© Porechnaya V. I., 2024

Введение

Вопросы изучения сущности тропов, а также их функций и способов объективации в языке являются актуальными в современной лингвистике. Указанный факт обусловлен расширением семантики термина «троп», её выходом за пределы области стилистики, применением когнитивного подхода в лингвистических исследованиях. Одним из наиболее репрезентативных тропов выступает метафора. В данной работе при её исследовании мы будем придерживаться концепции О. С. Зубковой, согласно которой метафора представляет собой результат когнитивного механизма метафоризации, объективирующийся в языковом поле [5, с. 306].

Языковая система зависит от норм поведения отдельного индивида и сообщества в целом. Существование человека происходит в рамках определённого социума и культуры, его самоидентификация формируется в соответствии с имеющейся на данный момент социальной средой, а также культурно-социальной парадигмой [4, с. 104]. Рассматривая тропы и их функции в коммуникации, О. С. Зубкова отмечает, что сопоставление «готовых» значений, а также ассоциативных представлений, которые они вызывают, происходит при расшифровывании культурного кода [4, с. 106]. Мы считаем, что действие последнего выходит за пределы коммуникации, поскольку метафоры формируются на когнитивном уровне, на котором и происходит активация кода культуры. Отметим также, что мы разделяем позицию В. В. Красных, согласно которой код культуры – «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [7, с. 5]. Как было указано выше, метафора представляет собой наиболее репрезентативный троп, однако к результату когнитивного процесса метафоризации относится и ряд иных тропов (метонимия, литота, синекдоха, олицетворение и т.д.).

Наряду с тропами другим явлением, рассматриваемым целым рядом наук и получившим в настоящее время актуальность в связи с распространением когнитивного подхода в лингвистике, является пространство. Рождаясь с представлением о сущности пространства, в процессе жизни индивид приобретает средства его вербализации [15, с. 77–78]. По мнению И. С. Бороздиной, данный период развития науки о языке характеризуется необходимостью обобщения уже имеющихся сведений в области исследования существующих форм указанного явления, а также способов языкового представления пространства [1, с. 1]. Мы разделяем данную позицию. Одной из приоритетных задач современного языкознания является исследование того, каким образом происходит репрезентация культуры в языке, при этом решение данной задачи также осуществляется в рамках когнитивного подхода [18, с. 27]. Проведенный Т. Ю. Сазоновой, И. С. Бороздиной сопоставительный анализ прилагательных с пространственной семантикой в русском и английском языках, а также полученные по его итогам результаты, по нашему мнению, позволяют сделать вывод, что пространственные концепты также могут выступать в качестве носителей культурного кода. Принимая во внимание представленные выше данные, мы считаем возможным в данной работе при рассмотрении тропов с пространственной семантикой, а также их анализе, применять термин «пространственный код культуры». По нашему мнению, пространственный код культуры – это «понятийная пространственная сеть значений, формирующихся в индивидуальном лексиконе, основанная на процессах категоризации и метафоризации, структурирования и оценки окружающего мира, результатом которых становится порождение тропов и иных различных элементов языковой системы, характеризующихся высокой степенью когезии, а также грамматических, семантических, морфологических и лингвистических паттернов, ингерентных для представителя данной культуры» [14, с. 310]. Пространственные представления, характерные для данной культуры, оказывают влияние на становление картины мира [16, с. 159].

Ещё одним аспектом, который в настоящее время «представляет собой благодатную почву для исследований» [8, с. 53] является политический дискурс. Данное обстоятельство обусловлено общедоступностью, многообразием средств получения различных данных, а также наличием возможности наблюдать за изменениями в различных сферах жизни, в том числе политической, в режиме реального времени. Политический дискурс – это комплексное коммуникативное явление, которое нами будет рассмотрено на примере заголовков статей журнала «Коммерсантъ Власть» с 2000 по 2005 год. В настоящей работе будут выявлены и рассмотрены способы репрезентации пространственного кода культуры в политическом дискурсе.

Материалы и методы

Для достижения цели использовались методы описания и обобщения, метод лингвистического анализа, интерпретационный метод.

Материалом исследования послужили заголовки статей журнала «Коммерсантъ Власть» в период с 2000 по 2005 год. Выбор именно данного издания обусловлен его периодичностью, а также тем, что оно предоставляло информационно-политический обзор наиболее значимых и актуальных экономических и социально-политических событий в стране и в мире. Начало 2000-х годов – это новый этап в развитии нашего государства, в который решались значимые государственные вопросы в различных сферах жизни. Отбор материала исследования происходил с применением метода сплошной выборки.

Результаты

Итоги проведённого исследования позволили установить некоторые особенности репрезентации пространственного кода культуры в заголовках статей политической тематики. Рассмотрим их более подробно на примерах.

Владимир на шее [20, с. 4].

Представленный заголовок – это метафорическая аллюзия на произведение А. П. Чехова «Анна на шее». По нашему мнению, автором данной статьи в рассматриваемом случае мог быть использован образ ордена Святого равноапостольного князя Владимира, учреждённый императрицей Екатериной II. Данная награда с момента появления вручалась сухопутным и морским офицерам за выслугу лет. Поскольку статья была опубликована в начале избрания президента В. В. Путина на первый срок, то тропеичность заголовка указывает на уверенность автора в успешности его работы. В данном случае заголовок – это метонимия. Объективация пространственного кода культуры происходит посредством трансформации лексемы в названии известного классического произведения, включающего в себя пространственный компонент.

В кресле только девушки [6, с. 36].

Данный пример – отсылка к фильму 1959 года «Some Like It Hot», который на русский язык был переведён как «В джазе только девушки». Автором статьи представляется информация о шести женщинах, каждая из которых внесла вклад в политическое развитие своего государства. Среди них домохозяйка, ставшая первой в мире женщиной, главой исполнительной власти; танцовщица ночного клуба, а впоследствии – первая в мире женщина-президент; женщина с образованием химика, первой в Европе занявшая должность главы исполнительной власти; женщина с юридическим образованием, занявшая пост главы исполнительной власти в Африке; первая женщина, возглавившая страну в Северной Америке, а также первая женщина – глава исполнительной власти в Океании [6, с. 36]. Каждая из женщин занимала пост главы государства. Таким образом, рассматриваемое выражение представляет собой метафору. Лексема «кресло», по данным словаря С. И. Ожегова, – это “просторный стул с подлокотниками” [12, с. 305], стул – “предмет мебели – сиденье на ножках со спинкой” [12, с. 776]. Из сказанного следует, что кресло – это

предмет, предназначенный для сидения, т. е. для стандартного положения в пространстве, при котором “туловище опирается на что-н. нижней своей частью, а ноги согнуты или вытянуты” [12, с. 716]. При этом, как было сказано выше, в рассматриваемом примере лексема «кресло» метафорична. Отметим, что в оригинальной версии названия фильма позицию слова «кресло» занимает лексема «джаз», которая не обладает пространственным значением. Однако мы считаем, что выражение «в джазе только девушки» – это пространственная метафора, поскольку в данном случае предлог «в» употребляется в значении нахождения в каком-либо месте, внутри него. То же обстоятельство применимо и к рассматриваемому заголовку статьи, в котором пространственность, пространственный код культуры объективируется не только на уровне семантики, но и морфологического компонента, синтаксиса.

Триста метров с кепкой [17, с. 38].

В статье с представленным заголовком речь идёт о планах строительства мэром Москвы Ю. Лужковым стоэтажного небоскрёба, в котором будет находиться вся исполнительная и законодательная власть города. Отметим, что кепка – это любимый мэром Москвы головной убор, ставший особенностью чиновника. Рассматриваемый заголовок представляет собой метонимию.

Представленный пример обладает схожими составляющими с разговорным ироничным выражением «метр с кепкой», обладающим метафоричностью. Оба представленных выражения («метр с кепкой», а также производный от него заголовок статьи), обладают образной составляющей, репрезентирующей потенциал пространственного кода культуры, поскольку высокий показатель образности лексемы прямо пропорционален степени культурной обусловленности данной реалии в языке. Отметим, что, несмотря на неидентичность рассматриваемых выражений, они репрезентируют схожую образную составляющую, которая, тем не менее, не является тождественной.

Отметим наличие антитезы рассматриваемого примера. Высокие здания иронично противопоставляются невысокому человеку. Представленные данные свидетельствуют о реализации в рассматриваемом заголовке пространственного кода культуры не только семантически посредством тропа с пространственной семантикой, но и грамматически, поскольку рассматриваемый пример характеризуется наличием идентичной разговорному выражению «метр с кепкой» грамматической конструкции. Возможность взаимодействия нескольких тропов в одном фрагменте, с нашей точки зрения, обеспечивается их общей когнитивно-метафорической основой.

Все флаги в гости будут к ним [19, с. 61].

Данный заголовок – это строка из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник», в которой лексема «нам», употребленная поэтом, заменена автором статьи на лексему «ним». В статье рассматривается отказ исполкома УЕФА включить Россию в кандидаты на проведение чемпионата Европы по футболу. Автор указывает, что, несмотря на готовность проведения указанного спортивного мероприятия, УЕФА не могла не обратить внимание на отсутствие в стране необходимой спортивной и туристической инфраструктуры, низкий уровень бюджетного финансирования, возможность убыточности соревнования, а также значительные расстояния между российскими городами – претендентами на проведение матчей [19, с. 61]. Закономерным итогом перечисленных недостатков стало то, что одобренная заявка была отправлена не к «нам», а к «ним», то есть в другие страны. Рассмотренный заголовок статьи объективирует метонимию с пространственным значением с помощью средств пространственного дейксиса, выступающих способом репрезентации пространственного кода культуры. Отметим, что наиболее распространёнными средствами выражения пространственного дейксиса являются указательные местоимения, местоименные наре-

чия места [11, с. 115]. Согласно данным лингвистического энциклопедического словаря В. Н. Ярцевой, рассматриваемая объективация также осуществляется местоименными глаголами и местоименными наречиями [9, с. 294–295]. В представленном случае лексема «ним», а также «нам» из произведения А. С. Пушкина – это формы личных местоимений, не представленных в указанных источниках. Из сказанного следует, что употребление личного местоимения как средства пространственного дейксиса в составе тропа, объективирующего пространственный код культуры, является особенностью политического дискурса.

Ползет страна огромная [10, с. 24].

Данный заголовок включает в себя несколько тропов. Во-первых, он представляет собой метафору с пространственной семантикой. С нашей точки зрения, автором выбрана именно лексема «ползет», поскольку в статье речь идет об экономическом росте страны, а также об инфляции, которые медленно двигались в противоположных направлениях. «Страна огромная» – это метонимия, репрезентирующая в языке значение территории нашей страны. Данное словосочетание также представляет собой аллюзию на знаменитую в годы Великой Отечественной войны песню «Священная война» В. И. Лебедева-Кумача, А. В. Александрова. Реализация пространственного кода культуры происходит на уровне лексем с пространственным значением, обладающих личностным смыслом для граждан нашей страны, поскольку окончание Великой Отечественной войны – это один из наиболее значимых государственных праздников в России.

Членовоз и ныне там [3, с. 72].

Представленный заголовок – это измененная версия строки из произведения И. А. Крылова «Лебедь, рак и щука». В статье присутствуют рассуждения автора о советской эпохе, в которой руководители различных ведомств обладали «членовозом» – служебным автомобилем, придававшим чиновникам статусность, которой восхищались в том числе и органы внутренних дел. Потерять данный автомобиль означало лишиться уважения не только коллег, но и простых граждан государства [3, с. 72]. С нашей точки зрения, интерес вызывает тот факт, что оригинальная строка басни И. А. Крылова «А воз и ныне там» не обладает метафоричностью, поскольку речь на самом деле идет о возе, который животные тянули в разные стороны. В дальнейшем рассматриваемое выражение получило широкое распространение в разговорной речи. Именно представленное обстоятельство, по нашему мнению, стало одной из причин его выбора для объективации нового, авторского образа в политическом дискурсе.

Архипелаг кулак [13, с. 69].

Рассматриваемый пример – это аллюзия на произведение А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» о жизни заключенных в исправительно-трудовых лагерях СССР. По нашему мнению, данное название метафорично, поскольку указанные лагеря были распространены по всей территории страны. В названии статьи В. Панюшкина «ГУЛАГ» (термин, который обозначал одно из подразделений НКВД) заменён автором на «кулак», который также являлся термином, распространённым в нашей стране в XX веке («богатый крестьянин-собственник, пользующийся постоянно наёмным трудом» [12, с. 313]) и возникшим в дореволюционный период. Вне контекста названия произведения А. И. Солженицына данный термин также обладает метафоричностью, поскольку характеристиками кулака являются сила и твердость, которыми и обладали крестьяне, которые смогли организовать собственное дело.

В статье автор рассказывает о своей няне, родившейся в кулацкой семье, которая во времена коллективизации вынуждена была отдать все свою скотину в колхоз. После того, как семья сумела преодолеть все трудности и возродить свои ресурсы, она была вновь наказана и отправлена в Сибирь. Спустя время семья няни автора

статьи в отдалённом нежилом пространстве, в тайге, сумела обустроить новое хозяйство, но была обнаружена, разграблена и расстреляна [13, с. 69]. В живых осталась только четырёхлетняя на тот момент няня автора.

Из представленных данных следует, что оригинальная метафора из названия произведения А. И. Солженицына сохраняется и в данном случае. Сеть исправительно-трудовых лагерей в стране оказалась настолько велика, что люди обнаружили кулаков, сосланных в тайгу и являющихся отшельниками, исключительно из-за визита в небольшую соседнюю деревню. Метафора объективирует пространственный код культуры как в произведении А. И. Солженицына, так и в названии статьи В. Панюшкина. Как для советского писателя, который в течение жизни оказывался в нескольких исправительно-трудовых лагерях, так и для автора статьи, повествующего в ней о жизни собственной няни, представленные метафоры обладают личностным смыслом.

Метры перемен [2, с. 15].

Как и в предыдущем примере, данный газетный заголовок – это аллюзия, в данном случае на песню М. Дунаевского, Н. Олева, прозвучавшую в фильме «Мэри Поппинс, до свидания». Отметим, что не только название песни («Ветер перемен»), но и её содержание обладают метафоричностью. Ветер предстаёт в образах различных человеческих чувств. Например, обиды, разлуки, зла. В рассматриваемом музыкальном произведении – это метафора человеческой жизни. Представленный заголовок статьи И. Гранник также связан с жизнью человека, а именно – со сферой жилищно-коммунального хозяйства. Лексема «метры» репрезентирует метонимию, а словосочетание «метры перемен» – это вербализованная в языке метафора, в основе которой – изменения в новом жилищном кодексе страны. Отметим, что лексема «метры» также является производной от словосочетания «квадратные метры», которое обладает метонимичностью. Обе лексемы как самостоятельно, так и в составе метафоры «метры перемен» обладают пространственным значением. Таким образом, пространственный компонент объективируется при объединении метафоры и метонимии в троп, репрезентирующий новый, отличный от вербализованных посредством метафоры и метонимии, образ.

Обсуждение результатов

Полученная в результате исследования представленного выше материала информация позволяет сделать следующие выводы.

Пространство в политическом дискурсе в составе тропа может выражаться с помощью различных частей речи (имя числительное, имя существительное, имя прилагательное, глагол, местоимения, предлоги), при этом тропы являются результатом механизма метафоризации, но их форма не ограничивается метафорой.

Рассмотренные выше заголовки статей журнала «Коммерсантъ Власть» свидетельствуют о том, что при их составлении используется аллюзия, при которой происходит модификация уже имеющихся строк из поэм, басен, песен и т. д., а также разговорных выражений и названий различных произведений, обладающих тропичностью. Происходит вербализация новых образов, актуальных в данной повестке дня. При этом указанные строки, названия и т. д., с нашей точки зрения, составляют ту самую «сеть», культурную специфику, «набрасываемую» на окружающую действительность, получившую языковую репрезентацию [7, с. 5].

Среди рассмотренных примеров наиболее частотным средством репрезентации пространственного кода культуры выступают лексемы с пространственной семантикой, вербализующие различные виды тропа. В ряде примеров сразу несколько видов тропов объединяются в одном заголовке статьи, образуя новый троп, не являющийся их суммой, а объективирующий новый, актуальный для автора статьи образ. Отметим также идентичные грамматические конструкции, которые сохраняются

при трансформации оригинального выражения, названия, строки и т. д. в троп. Рассмотренные примеры также позволяют предположить, что литература является одной из наиболее частотных референтных областей при формировании тропа с пространственным значением в политическом дискурсе.

Заключение

Троп как результат механизма метафоризации имеет когнитивную природу. В политическом дискурсе к наиболее распространенным из них следует отнести метафору и метонимию. Тропы с пространственным значением в политическом дискурсе объективируют пространственный код культуры. Перспективным представляется дальнейшее исследование и последующее сравнение тропов с пространственной семантикой в периодических политических изданиях с целью выявления функций пространственного кода культуры в процессе их объективации.

Список источников и литературы

1. *Бороздина И. С.* Пространство как основная категория бытия в языковом отражении // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2 (12). С. 1–5. URL: <https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/archive/number/92> (дата обращения: 24.08.2023).
2. *Граник И.* Метры перемен // Коммерсантъ Власть. 2005. № 8. С. 15. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/550651> (дата обращения: 24.08.2023).
3. *Жирнов Е.* Членовоз и ныне там // Коммерсантъ Власть. 2003. № 10. С. 72. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/371061> (дата обращения: 24.08.2023).
4. *Зубкова О. С.* Лингвосемиотические возможности тропеической лексики как инструмента социального консенсуса // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 4 (31). С. 104–112. URL: <https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/archive/number/111> (дата обращения: 24.08.2023).
5. *Зубкова О. С.* Условия возникновения метафоры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5-1. С. 306–312.
6. *Зубов Н.* В кресле только девушки // Коммерсантъ Власть. 2000. № 28. С. 36. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/17247> (дата обращения: 24.08.2023).
7. *Красных В. В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. Вып. 19. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 5–19.
8. *Кривко И. П., Рябых Ю. А.* Политический дискурс в рамках теории самоорганизации // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017. № 4 (27). С. 53–60. URL: <https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/archive/number/107> (дата обращения: 24.08.2023).
9. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
10. *Минаев С.* Ползёт страна огромная // Коммерсантъ Власть. 2002. № 50. С. 24. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/356937> (дата обращения: 24.08.2023).
11. *Натуральнова Г. А.* Пространственный дейксис в русском и эрзянском языках (сопоставительный анализ) // Интеграция образования. 2012. № 2. С. 114–119.
12. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2015. 938 с.
13. *Панюшкин В.* Архипелаг кулак // Коммерсантъ Власть. 2004. № 26. С. 69. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/487628> (дата обращения: 24.08.2023).
14. *Поречная В. И.* Пространственный код культуры как лингвокультурное понятие // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 4 (37). С. 307–311.
15. *Поречная В. И.* Глаголы в составе тропов как способ выражения контрастного положения в пространстве языковой картины мира // Горизонты психолингвистики – 3 : сб. науч. трудов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2020. С. 77–81.
16. *Поречная В. И.* К вопросу о соотношении когнитивной, языковой и пространственной картин мира // Homo Loquens: Вопросы лингвистики и транслятологии : сб. статей / отв. ред. В. А. Митягина [и др.]. Вып. 13. Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2020. С. 156–166.

17. Ревзин Г. Триста метров с кепкой // Коммерсантъ Власть. 2002. № 31. С. 38. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/335968> (дата обращения: 24.08.2023).
18. Сазонова Т. Ю., Бороздина И. С. Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 27–33.
19. Семьянинов А. Все флаги будут в гости к ним // Коммерсантъ Власть. 2002. № 49. С. 61. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/355733> (дата обращения: 24.08.2023).
20. Трегубова Е. Владимир на шее // Коммерсантъ Власть. 2000. № 7. С. 4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/16528> (дата обращения: 24.08.2023).

References

1. Borozdina, IS 2012, 'Prostranstvo kak osnovnaya kategoriya bytiya v yazykovom otrazhenii' (Space as the main category of being in linguistic reflection), *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 4(12), pp. 1–5, viewed 24 August 2023, <https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/archive/number/92> (In Russ.)
2. Granik, I 2005, 'Metry peremen' (Meters of change), *Kommersant Vlast*, no. 8, p. 15, viewed 24 August 2023, <https://www.kommersant.ru/doc/550651> (In Russ.)
3. Zhirnov, E 2003, 'Chlenovoz i nyne tam' (The truck is still there), *Kommersant Vlast*, no. 10, p. 72, viewed 24 August 2023, <https://www.kommersant.ru/doc/371061> (In Russ.)
4. Zubkova, OS 2018, 'Lingvosemioticheskiye vozmozhnosti tropeicheskoy lektsiki kak instrumenta sotsialnogo konsensusa' (Lingvosemiotic possibilities of tropeic vocabulary as a tool of social consensus), *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 4(31), pp. 104–112, viewed 24 August 2023, <https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/archive/number/111> (In Russ.)
5. Zubkova, OS 2011, 'Usloviya vzniknoveniya metafory' (Conditions for the creation of metaphor), *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 5-1, pp. 306–312. (In Russ.)
6. Zubov, N 2000, 'V kresle tolko devushki' (Only girls are in the armchair), *Kommersant Vlast*, no. 28, p. 36, viewed 24 August 2023, <https://www.kommersant.ru/doc/17247> (In Russ.)
7. Krasnykh, VV 2001, 'Kody i etalony kultury (priglaseniye k razgovoru)' (Codes and standards of culture (invitation to conversation)), *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* (Language, consciousness, communication), no. 19, MAKS Press publ, Moscow, pp. 5–19. (In Russ.)
8. Krivko, IP & Ryabikh, YuA 2017, 'Politicheskiy diskurs v ramkax teorii samoorganizatsii' (Political discourse within the framework of the self-organization theory), *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 4(27), pp. 53–60, viewed 24 August 2023, <https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/archive/number/107> (In Russ.)
9. Yartseva, VN (ed.) 1990, *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar`* (Linguistic encyclopedic dictionary), Sovetskaya entsiklopediya publ, Moscow. (In Russ.)
10. Minayev, S 2002, 'Polzyot strana ogromnaya' (The huge country is crawling), *Kommersant Vlast*, no. 50, p. 24, viewed 24 August 2023, <https://www.kommersant.ru/doc/356937> (In Russ.)
11. Naturalnova, GA 2012, 'Prostranstvennyy deiksis v russkom i erzyanskom yazykax (sopostavitelnyy analiz)' (Place deixis in the Russian and Erzya languages (comparative analysis)), *Integration of Education*, no. 2, pp. 114–119. (In Russ.)
12. Ozhegov, SI & Shvedova, NYu 2015, *Tolkovyy slovar` russkogo yazyka* (Explanatory dictionary of the Russian language), 4th edn. rev., ITI Tekhnologii publ, Moscow. (In Russ.)
13. Panyushkin, V 2004, 'Arhipelag kulak' (The kulak archipelago), *Kommersant Vlast*, no. 26, p. 69, viewed 24 August 2023, <https://www.kommersant.ru/doc/487628> (In Russ.)
14. Porechnaya, VI 2021, 'Prostranstvennyy kod kultury kak lingvokulturnoye ponyatiye' (Spatial culture code as a linguacultural concept), *Baltic Humanitarian Journal*, vol. 10, no. 4(37), pp. 307–311. (In Russ.)
15. Porechnaya, VI 2020, 'Glagoly` v sostave tropov kak sposob vyrazheniya kontrastnogo polozheniya v prostranstve yazykovoy kartiny mira' (Verbs in the structure of the tropes as a way of expressing contrast position in the space of the language worldview), *Gorizonty*

- psikholingvistiki* – 3 (Horizons of psycholinguistics – 3), Tverskoy gos. un-t publ, Tver, pp. 77–81. (In Russ.)
16. Porechnaya, VI 2020, ‘K voprosu o sootnoshenii kognitivnoy, yazykovoy i prostranstvennoy kartin mira’ (To the question of the relationship between cognitive, linguistic and spatial worldviews) *Homo Loquens: Voprosy lingvistiki i translyatologii*, ed. V.A. Mityagina, no.13, Volgogr. gos. un-t publ, Volgograd, pp. 156–166. (In Russ.)
 17. Revzin, G 2002, ‘Trista metrov s kepkoj’ (Three hundred meters with a cap), *Kommersant Vlast*, no. 31, p. 38, viewed 24 August 2023, <https://www.kommersant.ru/doc/335968> (In Russ.)
 18. Sazonova, TYu & Borozdina, IS 2010, ‘Soderzhaniye prostranstvennykh kontseptov kak otrazheniye kulturnogo znaniya’ (The contents of spatial concepts as a reflection of cultural knowledge), *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2, pp. 27–33. (In Russ.)
 19. Semyaninov, A 2002, ‘Vse flagi budut v gosti k nim’ (All the flags will visit them), *Kommersant Vlast*, no. 49, p. 61, viewed 24 August 2023, <https://www.kommersant.ru/doc/355733> (In Russ.)
 20. Tregubova, E 2000, ‘Vladimir na sheye’ (Vladimir on the neck), *Kommersant Vlast*, no. 7, p. 4, viewed 24 August 2023, <https://www.kommersant.ru/doc/16528> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.12.2023
Одобрена после рецензирования: 19.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 04.12.2023
Approved after reviewing: 19.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Научная статья
УДК 811.161.1'42
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-195-203>

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АННОТАЦИЙ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ)

**Максим Викторович
Праско**

Новосибирский государственный
педагогический университет
Новосибирск, Россия, mvprasko@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7731-4768>

Аннотация. В статье рассматривается специфика проявления семантической категории оценочности в аннотациях к научным статьям. Материалом для анализа послужили 105 русскоязычных аннотаций к лингвистическим статьям, опубликованным в 2020 – 2023 гг. в журнале «Жанры речи». В исследовании использовались методы дискурсивного и лингвопрагматического анализа, компонентного анализа лексемы и высказывания, а также элементы статистического метода. Выявлено, что субъектом оценки в аннотациях к научным статьям выступает автор научной статьи, а объектом оценки – пропозитивное содержание компонентов эпистемической ситуации, представленных в первоисточнике. Главным образом оценке в аннотациях подвергается новое знание, поскольку компонент старого знания в жанре практически не представлен в силу своего предметного содержания. Анализ демонстрирует, что для аннотаций характерно проявление только рациональной оценки, которая выражается преимущественно с помощью различных слов, содержащих оценочные семы в структуре значения (качественных прилагательных, наречий, существительных). Примеров с выражением иррациональной оценки не обнаружено, так как в аннотациях актуализируется объективированная позиция исследователя и в текст не включается эмоционально-оценочный компонент. В аннотациях доминирует позитивная рациональная оценка, поскольку в них представлено объективно-предметное формулирование научных результатов, полученных исследователем самостоятельно и к которым он не может выражать негативное отношение. Немногочисленные примеры негативной рациональной оценки были выявлены только относительно оценки старого знания. В конечном итоге специфика проявления оценки в аннотациях позволяет авторам-исследователям наиболее успешно достигать своей коммуникативной цели: репрезентовать проблему, объективно представить новые научные результаты и наметить перспективу развертывания текста научной статьи.

Ключевые слова: аннотация, научный текст, научный дискурс, рациональная оценка, позитивная оценка, негативная оценка, новое знание, старое знание, интенсификатор, вариативность оценки.

Благодарность: работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Т. И. Стексовой.

Для цитирования: Праско М. В. Особенности проявления категории оценочности в научном дискурсе (на материале аннотаций к научным статьям) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 195–203. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-195-203>

Сведения об авторе: М. В. Праско – аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.

Scientific Article
UDC 811.161.1'42
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-195-203>

FEATURES OF THE EVALUATIVE CATEGORY IN SCIENTIFIC DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF ABSTRACTS TO SCIENTIFIC ARTICLES)

Maxim V. Prasko

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russia, mvprasko@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7731-4768>

Abstract. The article discusses the specifics of the semantic category of evaluation in abstracts to scientific articles. The material for the analysis was 105 Russian-language abstracts to linguistic articles published in 2020 – 2023 in 'Speech Genres' journal. The research used methods of discursive and linguopragmatic analysis, component analysis of lexemes and utterances, as well as elements of the statistical method. The paper reveals that the subject of evaluation in the abstracts to scientific articles is its author, and the object of evaluation is the propositional content of the epistemic situation components presented in the source material. The main object of evaluation in abstracts is new knowledge, because the old knowledge component is practically absent in the genre due to its content area. The analysis demonstrates that rational evaluation prevails in the annotations. It is expressed mainly with the help of various words containing evaluative semes in the structure of meaning (qualitative adjectives, adverbs, and nouns). There are no examples with the expression of irrational evaluation in the analyzed materials, as the abstracts actualize the researcher's objectified position and the text does not include an emotional-value component. Positive rational evaluation prevails in abstracts, as they present an objective and substantive formulation of scientific results obtained by the researcher independently and to which the author cannot express a negative attitude. The few identified examples of negative rational evaluation express an evaluation of old knowledge. Ultimately, the specificity of the evaluation in the abstracts allows the authors-researchers to most successfully achieve their communicative goal: to depict the problem, to present new scientific results objectively and to outline plan for the development of the scientific article text.

Keywords: abstract, scientific text, scientific discourse, rational evaluation, positive evaluation, negative evaluation, new knowledge, old knowledge, intensifier, evaluation variability.

Acknowledgement: The work was carried out under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor Tatiana I. Steksova.

For citation: Prasko, MV 2024, 'Features of the Evaluative Category in Scientific Discourse (based on the Material of Abstracts to Scientific Articles)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 195–203, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-195-203> (in Russ.)

Information about the Author: Maxim V. Prasko – Postgraduate Student of the Department of Modern Russian Language and Methods of its Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuyskaya Str., Novosibirsk Region, Novosibirsk, 630126, Russia.

© Prasko M. V., 2024

Введение

В условиях становления антропоцентрической парадигмы в лингвистике актуальность приобретает исследование проблемы субъектности в научном дискурсе. Так, ученых интересуют способы выражения авторизации [4]; соотношение старого и нового знания [1], субъективного и объективного [2]; коммуникативное воздействие на адресата и проявление диалогичности [14]; способы выражения оценочного отношения [9] и др.

Процесс текстопорождения в научной коммуникации обусловлен двумя линиями взаимодействия. С одной стороны, такие экстралингвистические факторы, как объективность, абстрактность, логичность, точность, однозначность, определяют содержательно-смысловую сторону научного общения, а с другой – учет личностных и социокультурных аспектов подчеркивает прагматическую составляющую научного дискурса. Указанные факторы обобщены М. П. Котюровой в понятии эпистемической ситуации – совокупности компонентов познавательно-коммуникативной деятельности ученого (онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного, коммуникативно-прагматического), которые оказывают влияние на формирование научного текста [8, с. 47–48].

В познавательной деятельности особую значимость приобретает критическое мышление, требующее поиска, верификации, интерпретации и оценки информации, что в конечном итоге создает оценочную ситуацию и существенно влияет на ценностную ориентацию ученого в старом и новом знании. По мнению Н. В. Данилевской, любому интеллектуальному действию сопутствует познавательная оценка, которая понимается исследователем как «сознательный выбор говорящим (автором текста) определенного познавательного действия и определенных языковых и речевых средств его текстуализации с целью осуществления адекватного обоснования нового знания в каждый конкретный момент познавательной речемыслительной деятельности» [6, с. 38]. Познавательная оценка, указывая на связь рациональной области познания с эмоционально-психической, выступает важным фактором текстообразования в научном дискурсе.

В этом контексте не случайно обращение к жанру аннотации, в котором исследовательский интерес представляет субъективно-оценочный план текста [10].

Целью статьи является определение специфики проявления семантической категории оценочности в речевом жанре аннотации, функционирующем в научном дискурсе.

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили 105 русскоязычных аннотаций к оригинальным исследовательским статьям, опубликованным в 2020 – 2023 гг. в научном журнале «Жанры речи». Корпус аннотаций сформирован методом сплошной выборки. В исследовании использовались методы дискурсивного и лингвопрагматического анализа, компонентного анализа лексемы и высказывания, а также элементы статистического метода.

Результаты

Аннотация как вторичный текст, в котором дается краткая характеристика проблемы, методологии и результатов исследования, представленного в первоисточнике, является необходимым компонентом оформления научной статьи. Наряду с типичной для научного дискурса функцией информирования, аннотация к научным статьям как адресатоориентированный паратекст выполняет и функции воздействия и убеждения, способствующие обращению читателя к полному тексту статьи, тем самым аннотация привлекает внимание к конкретной публикации и продвигает научное знание в профессиональной среде [15, с. 150].

Соглашаясь с Е. М. Вольф в том, что оценка «подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как “А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой”» [3, с. 5–6], отметим, что автором аннотации (субъектом оценки) является сам же автор научной статьи. Важно подчеркнуть, что оценка как средство речевого воздействия может быть направлена на разные объекты. Например, в публицистическом дискурсе объектом оценки в интернет-комментарии может выступать «содержание электронной статьи или другого комментария, журналист или другой читатель-комментатор, герои публикации или персонажи, всплывшие в памяти по ассоциации» [12, с. 94]; в научном дискурсе объектом оценки главным образом, а в аннотациях – единственно возможным является пропозитивное содержание компонентов эпистемической ситуации. Однако стоит отметить, что в таких «ядерных» жанрах научного дискурса, как научная статья, монография, могут встречаться высказывания, объектом оценки которых является не только деятельность ученого, но и его личность. Так, исследователями было выявлено, что в научных текстах Л. С. Выготского часто объектом негативной оценки выступают научные работы и деятельность его коллег, реже – их личность (например, приводится такое высказывание Л. С. Выготского: *И такой ироничный наблюдатель «терминологических революций», как Челпанов, вдруг оказывается удивительным педантом: он возражает против названия «реактология»*) [13].

Шкала оценочности может быть представлена тремя видами оценки: позитивной, негативной и нейтральной (нулевой). М. П. Котюрова, указывая на градуальный характер оценки в научном тексте, характеризует представленную классификацию следующим образом: «Нулевая оценка соотносится не с отсутствием таковой, а с методологической квалификацией знания о субъективированном объекте; позитивная оценка – со значимостью старого для получения данным автором нового; негативная – с неприятием старого, восприятием его в качестве “помехи” в системе знания» [7, с. 238].

По характеру проявления оценочного отношения к объекту в научном тексте выделяют рациональную и иррациональную оценку [8, с. 81–82]. Оценка рациональная, или логическая, определяет интеллектуализированное отношение автора к предмету речи, т. е. она характеризует знание по эпистемическим основаниям, по его соответствию определенным нормам и требованиям научной деятельности, в частности параметрам новизны, значимости и достоверности. Этот вид оценки преобладает в научном дискурсе: ученые утверждают, что она составляет 97,3 % всех оценочных средств [8, с. 82]. Оценка иррациональная, или эмоционально-экспрессивная, выражает восприятие предмета речи с точки зрения эмоциональных состояний автора. В научных текстах такая оценка представлена незначительно, а в проанализированных аннотациях не встречается вообще, что обусловлено жанровой спецификой аннотации.

Посредством позитивной или негативной рациональной оценки выражается ценностное отношение исследователя к различным компонентам научного знания, представленного в научном тексте; посредством негативной или позитивной иррациональной оценки строго логичное высказывание приобретает эмоционально-экспрессивную окраску. Познавательная оценка не всегда требует экспликации, однако, как полагает Н. В. Данилевская, «обязательно выражается только один тип оценки – позитивное или негативное отношение автора к предмету речи или к позициям других ученых» [5, с. 84]. Именно обязательность выражения позитивного или негативного отношения к объекту оценки обусловила необходимость выявления и анализа способов выражения оценочного отношения.

Во всех аннотациях из выборки распространенным способом выражения оценочного отношения является употребление слов, содержащих оценочные семы в структуре значения.

Доминирующим средством экспликации рациональной оценки в аннотациях выступают качественные прилагательные. Употребление такого рода лексем позволяет исследователю выразить не только квалификативную оценку, но и – косвенно – свою уверенность в сообщаемой информации, так как «приписывание объекту выявленных качеств и свойств преподносится как данность, познанная реальность, в которой убежден исследователь и за которую он готов нести полную эпистемическую ответственность» [11, с. 828].

С помощью качественных прилагательных выражается оценочное отношение ко всем компонентам эпистемической ситуации:

– предметному содержанию знания: *Блоги, социальные сети, мессенджеры стали **важным** инструментом общения...* (Видинеева Н. Ю. Имплицитное выражение политической позиции в жанре политического блога); *Полноценное восприятие **совершенных** лирических дискурсов / текстов приобщает нас к **обширным** культурным практикам* (Прозоров В. В. Лирический дискурс / текст как речезанровый кроссовер);

– способу получения, развития и обоснования научного знания: *Подробнее рассматривается ряд направлений современной лингвистики, для которых влияние жанроведения является особенно **значимым*** (Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике?); *При проведении исследования **особое** внимание уделяется структурному, типологическому, сравнительному и иным видам анализов* (Батюшкина М. В. Законы об утверждении документов программно-целевого характера: жанровый подход);

– оценке старого знания: *...модель речевого жанра, предложенная Т. В. Шмелёвой, как **наиболее полная** и позволяющая охватить не только языковые, но и коммуникативные параметры* (Владимирова С. Б. Судебное экспертное заключение как речевой жанр (на материале судебно-медицинской экспертизы); *Полученные результаты подтверждают **известные** данные о специфике мужского и женского коммуникативных стилей* (Викторова Е. Ю. Гендерная специфика в использовании авторизирующих конструкций самоупоминания (на материале жанра TED Talks));

– оценке нового знания: *Доказывается, что... анафема... претерпела... **серьезное** теологическое переосмысление* (Карабыков А. В. Анафема: трансформация жанра в секулярную и постсекулярную эпохи); *Выявлены **наиболее распространенные** темы интернет-рейтингов...* (Дементьев В. В. 'N самых...': интернет-рейтинг как речевой жанр).

В представленных примерах рациональная оценка, выраженная с помощью признаковой семантики прилагательных, отражает позитивное отношение субъекта оценки к ее объекту.

Особо отметим, что в текстах аннотаций к научным статьям употребляются позитивные оценочные указатели важности и значимости, выражающие общенаучное требование актуальности поставленной проблемы, новизны, подробности и основательности исследования. В их роли могут выступать, помимо качественных прилагательных, также существительные и наречия. Такие указатели были обнаружены в половине аннотаций из выборки: *Статья затрагивает **актуальные** проблемы изучения речевых жанров...* (Кхемка А. К. Функционирование клишированных конструкций в речевом жанре киноанонса (на материале киноанонсов к индийским фильмам в интернете); *В частности, **подробно** обсуждаются пункты...* (Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, бу-

дущее (к 30-летию жанроведческой модели); *Научная новизна исследования заключается в обращении к экспертизе как результату речевой деятельности* (Волынкина С. В. Речевой жанр экспертизы в аспекте коммуникативного целеполагания).

В создании познавательного контекста значимую роль играют наречия – интенсификаторы, которые используются с целью усиления или ослабления рациональной оценки. В нашей выборке такие средства были обнаружены в 35 % аннотаций.

Усиление оценки способствует обоснованности, доказательности и убедительности изложения результатов исследования и подтверждает определенность авторской позиции: *Удельный вес этого параметра особенно высок в канонических... и первичных музыкальных жанрах* (Тарасова И. А. «Жанр»: номадический концепт или эстетическая универсалия?); *Косвенных ответов чрезвычайно много* (Ермакова О. П. Косвенные ответы в естественном разговорном диалоге); *Однако в студенческих работах стилевой параметр существенно деформирован под влиянием «канцелярита»* (Тарасова И. А. «Канцелярская эстетика» в жанре рецензии-открытки).

Ослабление оценки направлено на снижение категоричности высказывания, оно свидетельствует о том, что автор не хочет безапелляционно навязывать свою оценку. В этом случае автор-исследователь использует слова и выражения типа *как правило, преимущественно, главным образом* и др.: *Как представляется, в определении вида дискурса и отдельных жанров важно включать ведущие медийные и прагматические параметры...* (Щипицина Л. Ю. Жанры учебного онлайндискурса: от учебного сайта до синхронного онлайн-урока); *Установлено, что идиомы и прием сравнения функционируют в качестве интенсификаторов преимущественно негативной оценки как в жанре колонки, так и в жанре блога, в то время как метафора и эпитет используются с целью усиления главным образом положительной оценки в жанре блога и негативной оценки в жанре колонки* (Глазко П. П. Взаимодействие категорий экспрессивности и оценочности в персональных жанрах медийного дискурса США). Подобные словоупотребления были обнаружены в 20 % выборки. В таких случаях исследователь презентует результаты научной деятельности с оглядкой на возможные критические реакции представителей профессионального сообщества.

В научных текстах степень категоричности оценки варьируется также за счет использования вводных слов, например, *по-видимому, очевидно, бесспорно* и др. В нашей выборке высказываний с такими лексемами не было обнаружено.

Хотя объектами оценочных суждений могут быть все компоненты эпистемической ситуации, М. П. Котюрова и Е. А. Баженова отмечают, что в научных статьях максимальная плотность оценок приходится на изложение старого знания [8, с. 86]. Это обосновано тем, что обращение к идее предшественника обязательно сопровождается автором статьи сообщением о ее познавательной ценности.

В анализируемых аннотациях компонент старого знания и его оценка представлены небольшим количеством примеров (10 % от выборки), потому что аннотация подразумевает в первую очередь характеристику новых научных результатов. В приведенных примерах показана позитивная и негативная оценка старого знания, выраженная при помощи различных средств:

– экспликация прямого отрицания: *Жанр «семейные родословные» получает сейчас всё большее распространение, однако как речевой жанр он почти не исследован* (Харченко В. К. Семейные родословные как речевой жанр); *На сегодняшний день ТРЖ не может учесть многих процессов, происходящих в речи, но это*

сравнительно новая наука, у которой большое будущее (Маслова В. А. Теория речевых жанров сквозь призму современной лингвистики);

– выражение прямого одобрения или согласия: *Широта применения наименования «притча» и разброс суждений о ее возможностях впечатляют* (Базылев В. Н. Притча: переосмысление жанра); *Вызывает полное понимание тезис В. В. Дементьева о диффузности жанров* (Маслова В. А. Теория речевых жанров сквозь призму современной лингвистики).

Здесь мы должны констатировать, что в нашей выборке немногочисленные примеры негативной рациональной оценки были обнаружены только относительно оценки старого знания, но не других компонентов эпистемической ситуации.

Что касается проявления иррациональной оценки как выражения субъективно-личностного авторского отношения к сообщаемому, то подобных примеров в анализируемых аннотациях не обнаружено. Это свидетельствует о жанровой специфике аннотаций, для которых не характерно использование оценочных высказываний и включение в текст эмоционального компонента, поскольку в аннотациях актуализируется объективированная позиция коллективного, а не индивидуального автора. По этому параметру аннотации к научным статьям отличаются от таких жанров научного дискурса, как отзыв о диссертационном исследовании, научная рецензия, обзорная статья, полемическая статья, в которых иррациональная оценка может проявляться.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает мысль о вариативности проявления семантической категории оценочности как в разных дискурсах, так и в рамках одного дискурса в зависимости от жанра. Выявлено, что в анализируемых аннотациях к лингвистическим статьям оценка направлена на пропозитивное содержание первоисточника. Для аннотаций характерна только рациональная оценка, потому что в них объективно-предметное формулирование результатов научных исследований является жанрообразующим фактором. Принципиальным является то, что оценке подвергается новое знание, поскольку компонент старого знания в аннотациях практически не представлен в силу предметного содержания анализируемого жанра: в аннотациях к оригинальным исследовательским статьям отражается характеристика нового знания, благодаря чему преодолевается его исходная неопределенность.

Рациональное оценочное отношение в аннотациях выражается преимущественно с помощью различных слов с семантикой оценки: качественных прилагательных, наречий, существительных, при этом актуализируются значения новизны, значимости, обоснованности, актуальности научного знания. К тому же доминирует позитивная рациональная оценка. Ее преобладание можно объяснить тем, что автор, представляя предметное содержание своего исследования, не может выражать негативное отношение к нему.

Усиление или ослабление категоричности оценки в аннотациях происходит с помощью интенсификаторов; примеров с использованием вводных слов не было обнаружено.

Немногочисленные примеры негативной рациональной оценки были выявлены только относительно оценки старого знания.

В конечном итоге специфика проявления семантической категории оценки в аннотациях позволяет авторам-исследователям наиболее успешно достигать своей коммуникативной цели: репрезентовать проблему, объективно представить новые научные результаты и наметить перспективу развертывания текста научной статьи.

Список источников и литературы

1. Баженова Е. А. Антиномия нового и старого знания в научном тексте // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 41–46.
2. Бакланова И. И. Личность автора научного текста с позиций отправителя и получателя текста // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 8, ч. 2. С. 253–265.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
4. Гричин С. В. Авторизационная модель научного текста: монография. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2020. 292 с.
5. Данилевская Н. В. Интеллектуальная экспрессия научного изложения: психолингвистический аспект // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 83–89.
6. Данилевская Н. В. Об особом статусе оценки в научном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 2 (22). С. 37–43.
7. Котюрова М. П. О некоторых особенностях смысловой структуры теоретического текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв.: в 3 т. / под ред. М. Н. Кожинной. Т. 2. Ч. 1. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. С. 235–262.
8. Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи. Текст и его редактирование : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2018. 280 с.
9. Нефёдов С. Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 4. С. 760–778.
10. Нефёдов С. Т. Лингвокультурная специфика оценки в немецко- и русскоязычных аннотациях к лингвистическим статьям // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете : сб. науч. ст. Т. 11. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. С. 184–207.
11. Нефёдов С. Т. Язык оценок: что говорят оценки об оцениваемом субъекте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 4. С. 821–838.
12. Стексова Т. И. Объекты комментариев в интерактивной газетной статье // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 10. С. 91–95.
13. Стексова Т. И., Ковригина М. А. Критические замечания в научном дискурсе Л. С. Выготского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 2 (6). С. 5–10.
14. Хутыз И. П., Петренко Ю. А. Дискурсивные категории оценки и диалогичности в академическом дискурсе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 120–129.
15. Черкунова М. В. Аннотация как вид малоформатного текста // Малоформатные тексты в различных типах англоязычного дискурса : сб. науч. ст. Самара: САМАРАМА, 2019. С. 149–159.

References

1. Bazhenova, EA 2018, 'Antinomiya novogo i starogo znaniya v nauchnom tekste' (Antinomy of new and old knowledge in a scientific text), *Aktual'nyye problemy stilistiki*, no. 4, pp. 41–46. (In Russ.)
2. Baklanova, II 2022, 'Lichnost' avtora nauchnogo teksta s pozitsiy otpravatelya i poluchatelya teksta' (The identity of the author of a scientific text from the perspective of the sender and recipient), *RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, no. 8, part 2, pp. 253–265. (In Russ.)
3. Wolf, EM 2002, *Funktional'naya semantika otsenki* (Functional semantics of evaluation), Yeditorial URSS publ, Moscow. (In Russ.)
4. Grichin, SV 2020, *Avtoriztsionnaya model' nauchnogo teksta* (Authorization model of a scientific text), Izd-vo Novosib. gos. tekhn. un-ta publ, Novosibirsk. (In Russ.)

5. Danilevskaya, NV 2018, 'Intellectual'naya ekspressiya nauchnogo izlozheniya: psikholingvisticheskiy aspekt' (Intellectual expression of scientific discourse: a psycholinguistic aspect), *Socio Psycho Linguistic Research*, no. 6, pp. 83–89. (In Russ.)
6. Danilevskaya, NV 2013, 'Ob osobom statuse otsenki v nauchnom tekste' (On specific status of evaluation in scientific text), *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, no. 2 (22), pp. 37–43. (In Russ.)
7. Kotyurova, MP 1996, 'O nekotorykh osobennostyakh smyslovoy struktury teoreticheskogo teksta' (On some features of the semantic structure of the theoretical text), in *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII – XX vv.* (Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of the 18th – 20th centuries), ed. M.N. Kozhina, vol. 2, part 1, Izd-vo Perm. un-ta publ, Perm, pp. 235–262. (In Russ.)
8. Kotyurova, MP & Bazhenova, EA 2018, *Kul'tura nauchnoy rechi. Tekst i ego redaktirovaniye* (Culture of scientific speech. Text and its editing), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
9. Nefyodov, ST 2021, 'Varyirovaniye otsenki v kommunikativnykh praktikakh nauchnogo diskursa' (The variety of evaluation in communicative practices of academic discourse), *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, vol. 18, no. 4, pp. 760–778. (In Russ.)
10. Nefyodov, ST 2021, 'Lingvokul'turnaya spetsifika otsenki v nemetsko- i russkoyazychnykh annotatsiyakh k lingvisticheskim stat'yam' (Linguocultural specifics of evaluation in German- and Russian-language abstracts to linguistic articles), *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*, vol. 11, Izd-vo SPbGU publ, St. Petersburg, pp. 184–207. (In Russ.)
11. Nefyodov, ST 2022, 'Yazyk otsenok: chto govoryat otsenki ob otsenivayushchem subyekte' (The language of evaluation: what the evaluation says about the evaluator), *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, vol. 18, no. 4, pp. 821–838. (In Russ.)
12. Steksova, TI 2013, 'Obyekty kommentariyev v interaktivnoy gazetnoy statye' (The objects of comments in the interactive newspaper article), *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 12, no. 10, pp. 91–95. (In Russ.)
13. Steksova, TI & Kovrigina, MA 2009, 'Kriticheskiye zamechaniya v nauchnom diskurse L. S. Vygotskogo nauchnom diskurse L. S. Vygotskogo' (Critical remarks in the scientific discourse of L. S. Vygotsky), *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 2 (6), pp. 5–10. (In Russ.)
14. Khutyuz, IP & Petrenko, YuA 2021, 'Diskursivnyye kategorii otsenki i dialogichnosti v akademicheskome diskurse' (Discursive categories of evaluation and dialogicity in academic discourse), *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (112), pp. 120–129. (In Russ.)
15. Cherkunova, MV 2019, 'Annotatsiya kak vid maloformatnogo teksta' (Abstract as a type of small-format text), *Maloformatnyye teksty v razlichnykh tipakh angloyazychnogo diskursa*, SAMARAMA publ, Samara, pp. 149–159. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.11.2023
Одобрена после рецензирования: 19.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 26.11.2023
Approved after reviewing: 19.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

Научная статья

УДК 81.42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-204-212>

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА «РЕБЕНОК» (НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ И АВТОРСКИХ ДЕТСКИХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН)

**Марина Ивановна
Саенко**

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
Белгород, Россия
marina.saenko.95@mail.ru

Аннотация. Антропологический вектор современного развития гуманитарных наук актуализирует исследования в сфере лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Изучение колыбельных песен как текстов особой дискурсивной формации позволяет посредством описания когнитивных структур рассматривать процесс развития концептуальных смыслов в рамках национального и индивидуального лингвосознания. Данное исследование посвящено проблеме репрезентации архетипа «Ребенок» в текстах традиционных и авторских колыбельных. Анализ фольклорного и литературного материала позволил выявить наличие в смысловом пространстве текста колыбельной таких архетипических характеристик, как *заброшенность*, *гермафродитизм* и *непреодолимость*. Исследование показало, что смысловая наполненность описываемых архетипических компонентов модифицируется вместе с изменением коммуникативных задач создающегося текста. Так, смысловой компонент архетипа *заброшенность* в народных колыбельных сингармонизирует с мотивом незащитности ребенка, подверженности опасности со стороны внешнего мира. Однако в литературной колыбельной происходит деактуализация архетипического смысла, что связано с отсутствием в прагматике художественного текста апотропеической семантики. Онтологической «бесполостью» (гермафродитизм, по К. Г. Юнгу) концепта «Ребенок» обусловлено появление в фольклорной колыбельной ярко выраженных гендерно ориентированных установок, которые определяют будущую трудовую деятельность адресата. Авторская колыбельная не транслирует стереотипы гендерного поведения, в чем сохраняет единство с архетипической моделью. Результатом исследования становится утверждение о том, что национальное лингвосознание, как и индивидуально-авторское, способно трансформировать архетипическую модель концепта «Ребенок» согласно педагогическому, ценностно-ориентированному и апотропеическому потенциалу текста. Инвариантность смысловых компонентов архетипа транслируется в таких особенностях восприятия роли ребенка в славянском мировидении, как незащитность и подверженность опасности, несформированность личности, надежда окружающих на счастливое будущее младенца.

Ключевые слова: архетип, архетипический компонент, концепт «Ребенок», фольклорная колыбельная песня, авторская колыбельная песня.

Для цитирования: Саенко М. И. Архетипический компонент концепта «Ребенок» (на материале фольклорных и авторских детских колыбельных песен) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 204–212. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-204-212>

Сведения об авторе: М. И. Саенко – соискатель кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

© Саенко М. И., 2024

Scientific Article

UDC 81.42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-204-212>

THE ARCHETYPAL COMPONENT OF THE CONCEPT 'CHILD' (BASED ON THE MATERIAL OF FOLK AND AUTHOR LULLABIES)

Marina I. Sayenko

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

marina.saenko.95@mail.ru

Abstract. The anthropological vector of the modern development of the humanities actualizes research in the field of linguoculturology and cognitive linguistics. The study of lullabies as texts of a special discursive formation allows the author to consider the process of development of conceptual meanings within the framework of national and individual linguoconsciousness through the description of cognitive structures. This study examines the archetype 'Child' representation in folk and author lullabies. The analysis of folklore and literary material reveals the presence in the semantic space of the lullaby text of such archetypal characteristics as abandonment, hermaphroditism and irresistibility. The study shows that the semantic content of the described archetypal components changes together with the communicative tasks of the created text. Thus, the semantic component of the archetype of abandonment in folk lullabies harmonizes with the motive of the child's defenselessness, exposure to danger from the outside world. However, in the literary lullaby the archetypal meaning loses its relevance due to the absence of apotropaic semantics in the pragmatics of the literary text. The ontological «asexuality» (hermaphroditism, according to C. Jung) of the concept 'Child' is due to the appearance in the folk lullaby of pronounced gender-oriented attitudes that determine the future work activity of the addressee. The author lullaby does not convey stereotypes of gender behavior, thus maintaining unity with the archetypal model. As a result of the study, the author affirms that both national and individual-author's linguoconsciousness is able to transform the archetypal model of the concept 'Child' according to the pedagogical, value-oriented and apotropaic potential of the text. The invariant nature of the semantic components of the archetype is translated into such perception features of the child's role in the Slavic worldview as defenselessness and exposure to danger, unformed personality, and the hope for a happy future of the baby.

Keywords: archetype, archetypal component, the concept 'Child', folk lullaby, author lullaby.

For citation: Sayenko, MI 2024, 'The Archetypal Component of the Concept 'Child' (Based on the Material of Folk and Author Lullabies)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 204–212, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-204-212> (in Russ.)

Information about the Author: *Marina I. Sayenko* – Degree Candidate, Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod Region, Belgorod, 308007, Russia.

Введение

Современные тенденции развития лингвистической науки направляют внимание исследователей на постижение глубинных основ языка и человеческой ментальности. Такие принципы познания, как антропоцентричность, коммуникативность, дискурсивность и культуроцентричность в лингвистике [9, с. 172] обуславливают возможность изучения фольклорного и литературного произведения как источника знаний о человеке, его духовной жизни и бытовом укладе. Теория концепта, разрабатываемая в отечественном языковедении еще с начала XX столетия [1, с. 267–279], по-прежнему остается актуальной и раскрывает необходимость обращения к когнитивным категориям при изучении языковых форм.

Концепт как отражение «категориальных и ценностных характеристик знаний о некоторых фрагментах мира» [13, с. 116] включает в себе этнические и эмоционально-оценочные признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. По словам Ю. С. Степанова, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего <...> обычный человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [18, с. 40]. Таким образом, тексты, зафиксированные письменно или существующие в устной форме, аккумулируют культурные, исторические, аксиологические факты, транслируют особенности мировосприятия социума и отдельной языковой личности.

Реконструкция фрагментов национальной языковой картины мира при когнитивно-дискурсивном анализе как фольклорных, так и авторских текстов возможна, в первую очередь, посредством описания архетипического компонента концепта, содержащего древнейшие образы с описательными, оценочными и ассоциативными характеристиками. Специфика реализации архетипа в концептосфере национального сознания заключается в возможности видоизменения, образования вариантов архетипических моделей в фольклорном и авторском творчестве. Но вместе с тем границы содержания, функции базового архетипического смысла сохраняются. Это особое свойство архетипа, обозначенное в работе А. Ю. Большаковой как «вариативность инвариантности» [2, с. 171], оказывается в центре внимания нашего исследования, объектом которого является архетипический компонент концепта «Ребенок», реализуемый в фольклорной и литературной традиции.

Целью исследования становится изучение архетипического компонента концепта «Ребенок», анализ национально-культурных и индивидуально-авторских вариантов воплощения архетипической модели.

Текстовый материал представлен жанром колыбельной песни (народной и авторской), которую мы в рамках исследования рассматриваем как особую дискурсивную формацию, выделяемую на основе жанровой специфики, единства коммуникативных характеристик и общей когнитивной составляющей текстов [17, с. 9].

Методика исследования включает элементы когнитивно-коммуникативного анализа, а также лингвокультурологический и описательный анализы, которые позволяют реконструировать инвариантные архаические смыслы и их модификации в семантическом пространстве концепта «Ребенок».

К вопросу соотношения терминов «архетип» и «концепт»

По словам Ю. С. Степанова, архетип – «архаический глубинный концепт» [18, с. 718], который обладает базовой, первичной инвариантностью, раскрывает традиционные представления о гендерных и социальных ролях. О. С. Фисенко, развивая концепцию Ю. С. Степанова, указывает на то, что архетипы – ментальные единицы коллективного сознания, которые включаются в структуру метаконцептов «Семья», «Пол», «Мать», «Отец», «Мужчина», «Женщина», «Брак», «Ребенок» и др. [19, с. 46–49]. Такие метаконцепты, согласно работам А. Ю. Большаковой, являются

наиболее сильными, объединяющими множество единичных проявлений той или иной сущности, а также наиболее устойчивыми в исторических изменениях и определяющими строй мировоззрения (личности, нации, народа) концептами-константами [3]. Таким образом, объектом лингвокультурологического исследования, по словам Ивановой Е. В., становятся «не сами архетипы как феномены психологического порядка, а выражающие их элементы языка – концепты» или компоненты концепта, «опредмеченные в языковой форме» [4, с. 182]. При этом необходимо отметить, что набор архетипических моделей, реализующихся в образах и символах культуры, у каждой нации особый, соответствующий ее менталитету, исторической судьбе, мировосприятию.

Фольклорные концепты, согласно мнению Ю. А. Эмер, отражают «коллективные ценностные установки», представляют «обобщенный взгляд на стереотипные бытовые и бытийные ситуации», причем в «фокусе внимания оказываются ценностно-значимые события» [26, с. 91]. Например, анализ концепта «Материнство» в фольклорном дискурсе, транслирует элементы смыслового поля лексемы «мать», позволяет определить особое положение роли материнства в бытовом укладе и в аксиологической системе восточных славян [15]. Особенность ядерной зоны концепта, обусловленная «бинарностью позиции образа матери», проявляется «в когнитивных характеристиках, порождаемых, с одной стороны, интроспективной позицией “Я – мать”, с другой – суждением коллективного “Я” о матери и материнстве» [15, с. 767].

Специфику формирования поэтического концепта рассматривает И. И. Чумак-Жунь, определяя этот когнитивный феномен как «концепт, возникающий в воображении автора и читателя (слушателя) путем обобщения чувственного опыта и путем переживания соответствующей денотативной ситуации и опосредствованных операций с ее участниками» [21, с. 66]. Особенно важной представляется мысль лингвиста о том, что «поэтический концепт является одним из древнейших концептов, <...> поскольку в его ядерной зоне находится архетипический компонент, восходящий к “коллективному бессознательному”» (К. Юнг)» [21, с. 67].

Архетипы в психологии и культуре

Проблема определения понятия «архетип», получившего в психологии и социологии широкое распространение, в лингвистике остается дискуссионной. Работа К. Г. Юнга «Психологические типы» [27, с. 125] систематизирует и называет особые модели поведения, «вневременные схемы или основания, согласно которым образуются мысли и чувства всего человечества и которые изначально включают в себя все богатство мифологических тем и сюжетов, коллективный “осадок” исторического прошлого» [8, с. 171]. Коллективное бессознательное, по Юнгу, включает в себя следующие архетипы: *Анима* (женщина), *Анимус* (мужчина), *Тень* (негативные качества), *Самость* (целостность личности, центр сознательной и бессознательной частей психики), *Мать*, *Ребенок*, *Старый Мудрец*, *Трикстер* (шут) и другие [7, с. 3]. Выделенные архетипы как универсальные варианты становятся «своеобразной матрицей для создания образов, наделенных большим эмоциональным потенциалом», основой для дальнейшего развития классификации архетипических образов – «неограниченно вариативных, конкретных репрезентантов архетипа в сознании (образы и мотивы сновидений, мифов, сказок, художественных произведений и т. д.)» [23, с. 309]. Так, в работе А. В. Чернышова были рассмотрены 12 сказочных персонажей – архетипических образов, соответствующих культурным архетипам русской народной традиции: Мать (Мачеха), Левша, Царь, Богатырь, Кощей, Золотая рыбка, Солдат, Василиса Прекрасная, Черт, Дурак, Иван-Царевич, Баба-Яга [20, с. 349–356].

Архетипический компонент концепта «Ребенок»

Согласно концепции К. Г. Юнга, архетипическая матрица концепта «Ребенок» содержит такие характеристики, как а) *зброшенность*, б) *гермафродитизм* и в)

непреодолимость [26]. Жанр колыбельной песни во многом сохраняет архетипическую модель ребенка, однако включает в нее как национальные, так и индивидуально-авторские специфические черты.

Смысловой компонент архетипа *заброшенность* в материнских песнях становится источником мотива незащитности ребенка, состояния угрозы со стороны внешнего мира. К. Г. Юнг называет этот «опасный», «переходный» этап в жизни человека естественным и необходимым: «“Ребенок” означает нечто вырастающее в самостоятельность. Он не может состояться без отторжения от истоков» [26, с. 366]. Представленная Юнгом энергийно-смысловая форма архетипа в традиции славян отражена в родильных обрядах, большую роль в которых играют «защитные» тексты, сопровождающие ребенка от самого его рождения (заговоры, песни-пожелания): «*Вода-водица, / Морская царица, / Мыла, полоскала / Пенья, коренья, / Желты пески, / Травы шелковы, / Луга зелены. / А с моего младенца / С белого тела, / С ретивого сердца / Все скорби, болезни / Смой, сполочи!*» [25, с. 53]. Фольклорная колыбельная песня, архаически связанная с текстами древнерусских родильных обрядов, помимо первичной утилитарной функции, выполняет и сакральную, защитную функцию [16, с. 123–125]. Текстовое пространство колыбельной устанавливает некую систему пространственно-временных координат (настоящее время, дом, люлька), нарушение которых недопустимо: «*Баю-баюшки-баю, / Не ложися на краю. / Придет серенький волчок / И укусит за бочок*» [11, с. 43]. Важно отметить, что фольклорная традиция не приемлет включения в текст колыбельной песни категорий прошедшего времени, актуализируя лишь настоящее и будущее время в жизненном цикле ребенка. В то же время семантическое пространство авторских колыбельных не имеет единиц, включающих сему ‘безопасность’: «*Мы плывем на льдине, / Как на бригантине, / По седьм суровым морям*» (Яковлев Ю. Я. «Колыбельная медведицы») Поэтические тексты содержат языковые единицы со значением категорий прошедшего времени, которые транслируют жизнь адресата колыбельной в ретроспективе: «*За день мы устали очень, / Скажем всем: «Спокойной ночи»...*» (Петрова З. А. «Спят усталые игрушки»). Деактуализация архетипического компонента в дискурсе авторской колыбельной обусловлена отсутствием в прагматике художественного текста апотропеической семантики.

Такая феноменологическая черта, как *гермафродитизм*, отмеченная К. Г. Юнгом в матрице архетипа «Ребенок», также указывает на особое положение младенца в энергийно-смысловом пространстве бытия: «...гермафродитизм на метафизическом уровне является представлением целостности и единства противоположностей мужского и женского начал, определяющих отторжение ребенка от единого» [12, с. 38]. Можно предположить, что именно онтологическая «бесполость» архетипической модели становится мотивационным условием появления в фольклоре нравственно-педагогических установок, которые определяют будущую трудовую деятельность адресата: «*Будешь сеять и косить, / Будешь хлебы молотить*» [14, с. 27]; «*Уродилась девушка, / Будешь белошвейка, / Будешь белошвейка, / Прялки попрядеюшка*» [11, с. 21]. Так, гермафродитизм архетипа модифицируется в фольклорных колыбельных, где помимо конкретной номинации младенца (*Ванюша, Машенька, Танечка*) в народных текстах транслируются стереотипы гендерного поведения [22, с. 112]. Авторская колыбельная песня, являясь опытом наследования фольклорной традиции, направлена на реализацию прежде всего бытовой и эстетической функций. Концепт «Ребенок» в контексте авторского творчества лишен подобно элементу народной педагогики и не фиксирует характеристики «мужской» и «женской» работы, «мужские» и «женские» качества характера. Более того, в тексте авторских колыбельных встречаются категории множественного числа для обозначения адресата, такие лексемы, как *мальши, младенец, моя радость*, гендерная

принадлежность которых в контексте колыбельной определить нельзя: *Спи, моя радость, усни. / В доме погасли огни...* (Свиридова С. А. «Спи, моя радость, усни»). Данное наблюдение показывает, что архетипические смыслы концептов в народном творчестве способны модифицироваться под влиянием этнических мировоззренческих установок и нивелироваться в индивидуально-авторском творчестве.

Парадоксальна на первый взгляд такая черта архетипа «Ребенок», как *непреодолимость*, под которой К. Г. Юнг подразумевает реализацию будущего ребенка как безусловный факт: «ребенку причитается превосходящая сила, <...> он неожиданно, несмотря на все угрозы, будет иметь успех» [26, с. 369]. Заложенная в матрице установка на безусловное продолжение жизни в фольклорной колыбельной песне продуцирует мотив счастливого будущего адресата, обеспеченного, прежде всего, материальным достатком: «*А баиньки-баиньки, / Купим сыну валенки, / Наденем на ноженьки, / Пустим по дороженьке, / Будет наш сынок ходить, / Новы валенки носить*» [14, с. 13]. При реализации архетипического компонента *непреодолимость* в текстах авторской колыбельной песни акцент с категории будущего смещается на реализованную в настоящем речевую ситуацию: *Мама любовью и лаской укутает / Лучше любых одеял. / Станет в печали стеной неприступною, / Чтобы страданий не знал. // Ну, а пока я пою колыбельную / Сердцем тебе, мой малыш, / Ты ее, словно небес откровение, / В снах, как молитву, услышь...* (Агафонова Л. «Спи, моя звездочка, самая ясная»). Адресант в авторской колыбельной не стремится к воспроизведению архетипического сюжета состоятельной жизни младенца, ему важна эмоциональная, невербальная связь с ребенком во время его сна.

Вывод

Таким образом, концепт «Ребенок», получая репрезентацию в народном и авторском творчестве, транслирует варианты заложенного в него архетипа *ребенок*. Архетипические компоненты, их смысловая наполненность варьируется в зависимости от прагматики создающегося текста. Но инвариантность архетипической семантики обеспечивает такие свойства концепта «Ребенок» в контексте общечеловеческого мировосприятия, как беззащитность и подверженность опасности, несформированность личности, надежда окружающих на счастливое будущее младенца.

Список источников и литературы

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста : антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
2. Большакова А. Ю. Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169–173.
3. Большакова А. Ю. Теория архетипа и концептология // Культурологический журнал. 2012. № 1. С. 1–10.
4. Иванова Е. В. Архетипический концепт в языке и тексте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 6. С. 181–190.
5. Колыбельные для всей семьи от 0 до 100 / сост. Н. Фаустова. М.: Махаон, 2022. 32 с.
6. Колыбельные для всей семьи : сборник колыбельных песен Губкинского района / гл. ред. А. Н. Горбатовский. Старый Оскол: Ассистент плюс, 2016. 48 с.
7. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10, № 1 (48). С. 1–21.
8. Макешина Ю. В. Материнские архетипы К.-Г. Юнга в дискурсах психоанализа // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17, № 3-4 (87-88). С. 169–174.

9. *Маслова В. А.* Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их исследования. 2018. Т. 16, № 2. С. 172–190.
10. Народная песня Белгородского края : хрестоматия / ред. И. Н. Карачаров. Белгород: Шаповалов, 1996. 192 с.
11. Народные песни Белгородской области / сост. Н. М. Элиаш. Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд.-во, 1970. 88 с.
12. *Нефедова Л. К.* Архетип ребенка как онтологический прототип и энергично-смысловая форма конструирования понимания детства в искусстве слова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (11). С. 36–40.
13. *Пименова М. В.* Этногерменевтический аспект концептуальных исследований // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы. Кемерово: Графика, 2002. С. 116–119.
14. Родники под Ивами : этнограф. сб. / сост. Н. Ф. Зеленская. Белгород: Ивнянский центр народного творчества, 1998. 50 с.
15. *Саенко М. И.* Концепт «Материнство» в фольклорном дискурсе (на материале словаря В. И. Даля) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42, № 4. С. 761–770.
16. *Саенко М. И.* Лингвокультурологический анализ колыбельной песни как производного жанра заговорной поэзии // Студент XXI века: ценности, мировоззрение, идеалы : материалы Всерос. науч. студ. чтений. Старый Оскол: РОСА, 2019. С. 123–125.
17. *Саенко М. И.* Междискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве колыбельной (на материале фольклорных и авторских колыбельных песен) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 4 (51). С. 7–14.
18. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2001. 990 с.
19. *Фисенко О. С., Лазарев С. В.* Архетип в структуре метаконцепта // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 6-2. С. 46–49.
20. *Чернышов А. В.* Архетипы древности в русской культурной традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 349–356.
21. *Чумак-Жунь И. И.* Поэтический концепт как когнитивно-дискурсивный феномен // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 7 (63). С. 66–73.
22. *Чумак-Жунь И. И., Саенко М. И.* Прагматико-педагогический потенциал коммуникативного пространства народной колыбельной песни // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, № 1. С. 109–118.
23. *Швец В. А.* Культурные архетипы и способы их актуализации в литературе // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Евпатория, 26–27 нояб. 2020 г. Симферополь: ИП Корниенко Андрей Анатольевич, 2020. С. 306–314.
24. *Эмер Ю. А.* Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1 (9). С. 91–100.
25. Науменко Г. М. Этнография детства : сборник фольклорных и этнографических материалов. М.: Беловодье, 1998. 390 с.
26. *Юнг К. Г.* Божественный ребенок. М.: Олимп ; Назрань: АСТ, 1997. 400 с.
27. *Юнг К. Г.* Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001. 736 с.

References

1. Askoldov, SA 1997 'Kontsept i slovo' (Concept and word), *Russkaya slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta* (Russian literature: From the theory of literature to text structure), Academia publ, Moscow, pp. 267–279. (In Russ.)
2. Bolshakova, AYu 2001 'Literaturnyy arkhetip' (The Literary archetype), *Literaturnaya uchyo-ba*, no. 6, pp. 169–173. (In Russ.)

3. Bolshakova, AYu 2012 'Teoriya arkhetipa i kontseptologiya' (Theory of archetype and conceptology), *Journal of cultural research*, no. 1, pp. 1–11, viewed 4 February 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-arkhetipa-i-kontseptologiya>. (In Russ.)
4. Ivanova, EV 2013 'Arkhetipicheskiy kontsept v yazyke i tekste' (Archetypal concept in language and text), *The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, no. 6. pp. 181–190. (In Russ.)
5. Faustova, N 2002 *Kolybelnyye dlya vsey semyi ot 0 do 100* (Lullabies for the whole family from 0 to 100), Makhaon publ, Moscow. (In Russ.)
6. Gorbatovskiy, AN (ed.) 2016 *Kolybelnyye dlya vsey semyi: sbornik kolybelnykh pesen Gubkinskogo rayona* (Lullabies for the whole family : a collection of lullaby songs of the Gubkinsky district), Assistent plyus publ, Staryy Oskol. (In Russ.)
7. Korolenko, CP & Dmitriyeva, NV 2018, 'Osnovnyye arkhetipy v klassicheskikh yungianskikh i sovremennykh predstavleniyakh' (The basic archetypes in classical jungian and contemporary considerations), *Meditinskaya psikhologiya v Rossii*, vol. 10, no. 1(48), pp. 1–21. (In Russ.)
8. Makeshina, YuV 2015 'Materinskiye arkhetipy K.-G. Yunga v diskursakh psikhoanaliza' (The maternal archetypes of C.G. Jung in the discourses of psychoanalysis), *Personality. Culture. Society*, vol. 17, no. 3-4(87-88), pp. 169–174. (In Russ.)
9. Maslova, VA 2018, 'Osnovnyye tendentsii i printsipy sovremennoy lingvistiki' (The Main Trends and Principles of Modern Linguistics), *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, vol 16, no. 2, pp. 172–190. (In Russ.)
10. Karacharov, IN (ed.) 1996, *Narodnaya pesnya Belgorodskogo kraja: khrestomatiya* (Folk song of the Belgorod region), Shapovalov publ, Belgorod. (In Russ.)
11. Eliash, NM (ed.) 1970, *Narodnyye pesni Belgorodskoy oblasti (Folk songs of the Belgorod region)*, Tsentr.-Chernozemn. kn. izd.-vo publ, Voronezh. (In Russ.)
12. Nefyodova, LK 2016 'Arkhetip rebyonka kak ontologicheskii prototip i energiyno-smyslovaya forma konstruirovaniya ponimaniya detstva v iskusstve slova' (Child archetype as an ontological prototype and energetic-semantic form of construction of understanding childhood in the art of words), *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, no. 2(11), pp. 36–40. (In Russ.)
13. Pimenova, MV 2002 'Etnogermenevticheskiy aspekt kontseptual'nykh issledovaniy' (The ethnohermeneutic aspect of conceptual research), *Sotsiokul'turnaya germenevtika: problemy i perspektivy* (Sociocultural Hermeneutics: Problems and Prospects), Grafika publ, Kemerovo, pp. 16–119. (In Russ.)
14. Zelenskaya, NF (comp.) 1998 *Rodniki pod Ivami* (Springs under the Willows), Ivnyanskiy tsentr narodnogo tvorchestva publ, Belgorod. (In Russ.)
15. Sayenko, MI 2023, 'Kontsept «Materinstvo» v fol'klornom diskurse (na materiale slovary V. I. Dal'ya)' (The Concept of "Motherhood" in Folk Discourse (Based on the Material of Dal's Explanatory Dictionary)), *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, vol. 42, no. 4, pp. 761–770. (in Russ.)
16. Sayenko, MI 2019, 'Lingvokul'turologicheskii analiz kolybel'noy pesni kak proizvodnogo zhanra zagovornoy poezii' (Linguistic and cultural analysis of a lullaby as a derivative genre of conspiracy poetry), *Student XXI veka: tsennosti, mirovozzreniye, idealy: Materialy Vserossiyskikh nauchnykh studencheskikh chteniy* (Student of the 21st century: values, outlook, ideals : materials of All-Russian scientific student readings), 8 February 2019, Staryy Oskol, ROSA publ, Stary Oskol, pp. 123–125. (In Russ.)
17. Sayenko, MI 2023, 'Mezhdiskursivnoye vzaimodeystviye v tekstovom prostranstve kolybel'noy (na materiale fol'klornykh i avtorskikh kolybel'nykh pesen)' (Discursive interaction in the lullaby text (based on folk and authorial lullabies)), *Actual issues of modern philology and journalism*, no 4(51), pp. 7–14. (In Russ.)
18. Stepanov, YuS 2001, *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* (Constants: Dictionary of Russian Culture), Akademicheskii proyekt publ, Moscow. (In Russ.)
19. Fisenko, OS & Lazarev, SV 2014 'Arkhetip v strukture metakontsepta' (Archetype in the structure of the metaconcept), *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 6-2, pp. 46–49. (In Russ.)

20. Chernyshov, AV 2010 'Arkhetipy drevnosti v russkoy kulturnoy traditsii' (Ancient archetypes in Russian cultural tradition), *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 1, pp. 349–356. (In Russ.)
21. Chumak-Zhun, II 2008, 'Poeticheskiy kontsept kak kognitivno-diskursivnyy fenomen' (Poetic concept as a cognitive phenomenon), *Tambov University Review. Series: Humanities*, no. 7(63), pp. 66–73. (In Russ.)
22. Chumak-Zhun, II & Sayenko, MI 2021, 'Pragmatiko-pedagogicheskiy potentsial kommunikativnogo prostranstva narodnoy kolybelnoy pesni' (The pragmatic and pedagogical potential of the communicative space in folk lullaby), *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, vol. 163, no. 1, pp. 109–118. (In Russ.)
23. Shvets, VA 2020, 'Kulturnye arkhetipy i sposoby ikh aktualizatsii v literature' (Cultural archetypes and ways of their actualization in literature), *Formirovaniye professionalnoy kompetentnosti filologa v polikul'turnoy obrazovatelnoy srede: Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Formation of professional competence of a philologist in a multicultural educational environment : proceedings of the III International scientific-practical conf.), 26 – 27 November 2020, Evpatoriya, IP Korniyenko Andrey Anatolyevich publ, Simferopol, pp. 306–314. (In Russ.)
24. Emer, YuA 2010, 'Folklornyy kontsept: zhanrovo-diskursivnyy aspekt' (Folklore concept: genre-discursive aspect), *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 1(9), pp. 91–100. (In Russ.)
25. Naumenko, GM 1998, *Etnografiya detstva* (Ethnography of childhood), Belovodye publ, Moscow. (In Russ.)
26. Jung, CG 1997, *Bozhestvennyj rebyonok* (The Divine Child), Olimp publ, Moscow, AST publ, Nazran. (In Russ.)
27. Jung, CG 2001, *Psikhologicheskiye tipy* (Psychological types), Azbuka publ, Saint-Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.02.2024
Одобрена после рецензирования: 19.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 13.02.2024
Approved after reviewing: 19.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024

ХРОНИКА

НАУКА И ТРАДИЦИИ: V ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ «ТУЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЕСНА – 2024»

Н. А. Биленко,

Е. П. Мартынова

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)*

SCIENCE AND TRADITIONS: V ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE OF YOUNG SCIENTISTS «TULA HISTORICAL SPRING – 2024»

N. A. Bilenko,

E. P. Martynova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

В Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого 21 – 22 марта 2024 года состоялась юбилейная V Всероссийская научная конференция молодых ученых с международным участием «Тульская историческая весна». Масштабность конференции в очередной раз доказала необходимость и значимость этого научного и одновременно образовательного мероприятия, его популярность в среде студенческой и научной молодежи многих регионов России.

Юбилейный год организации конференции (пусть юбилей и не очень большой – все лишь 5-й год) событие не только радостное, но и ответственное. Требуется определенная рефлексия пройденного организаторами пути и определение дальнейших путей развития мероприятия.

Конференция изначально задумывалась коллективом преподавателей и сотрудников кафедры истории и археологии факультета истории и права Университета Льва Толстого как ежегодно действующая площадка для обмена мнениями, современными научными достижениями в области истории, лингвистики, культурологии в среде наиболее активной части академического сообщества – молодых преподавателей,

аспирантов, магистрантов и студентов старших курсов, которые трудятся сегодня под руководством ведущих ученых и преподавателей страны. Представляется, что тематика докладов и сообщений участников конференции, их научное качество является определенным «срезом» состояния исторической науки сегодня, состояния подготовки кадров будущих специалистов – молодых ученых, студентов-историков.

Ежегодно участниками конференции становятся более 100 молодых исследователей из десятка регионов России. За годы существования этого всероссийского проекта в его работе приняли участие молодые ученые из Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Воронежа, Донецка, Екатеринбург, Калуги, Краснодар, Курска, Липецка, Нижнего Новгорода, Новокузнецка, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Рязани, Симферополя, Стерлитамака, Тамбова, Ярославля. С 2023 года ежегодными участниками стали коллеги из Республики Беларусь – студенты и преподаватели из Минска и Гродно.

Масштабностью отличается не только география участников конференции, но и перечень образовательных, научных организаций и учреждений культуры, которые представляли участники мероприятия. С докладами и сообщениями выступили обучающиеся и сотрудники ТГПУ им. Л. Н. Толстого, ТулГУ, ИИЕТ РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, МГИМО МИД России, МПГУ, МГПУ, РЭУ имени Г. В. Плеханова, СПбГУ, ЕУСПб, НИУ «БелГУ», ВГУ, ДНУ, КГУ им. К. Э. Циолковского, КГУ, КубГУ, ЮФУ, КФУ имени В. И. Вернадского, РГУ имени С. А. Есенина, ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, КемГУ, УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, УрО РАН, УрГПУ, УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, СГУ имени Н. Г. Чернышевского, ТГУ им. Г. Р. Державина, ЯрГУ, БГУ (Беларусь), РИВШ (Беларусь). Традиционно в работе пленарного и секци-

онных заседаний принимают участие историки-практики – сотрудники музеев: Тульского государственного музея оружия и Тульского историко-архитектурного музея.

Ежегодная организация конференции постепенно привела к формированию традиций, которые нашли отражение в регламенте работы и программах мероприятия.

Первая всероссийская конференция состоялась 19 марта 2020 года в формате онлайн (что, к сожалению, было связано с началом пандемии коронавирусной инфекции и стало настоящим вызовом организаторам мероприятия). Однако, тогда такой непривычный формат конференции оказался вполне удачным. В ней приняло участие более 100 молодых исследователей из 8 регионов (9 университетов) страны.

Подготавливая первую конференцию, члены оргкомитета заложили и первую традицию – предложили ежегодно определять тематическую направленность мероприятия. В 2020 году основную тему определили так: «Кризисы в истории обществ: разрушительное и созидательное». Поступившие доклады и сообщения были оформлены в 9 тематических блоков (секций):

- «История и археология Древнего Востока и античных цивилизаций»,
- «История и археология Византии IV – XII веков»,
- «История и археология варварского мира Северной и Восточной Европы»,
- «История России: вопросы экономического развития, культурной жизни, образования и религии»,
- «История международных отношений Нового и Новейшего времени»,
- «Военная история»,
- «Историография и историческая память»,
- «История государства и права»,
- «Лингвистика и культурология».

Отдельно состоялась работа участников конференции в рамках «круглого стола» «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: история и историческая память».

В 2021 году работа конференции вновь была организована в формате онлайн (что было признано удачным самими участниками). Основное проблемное поле мероприятия организаторы сформулировали так: «Социальное пространство и время прошлого: вызовы и ответы истории». Основ-

ная тематика определила и проблемную направленность 9 секционных заседаний:

- «Трансформация политических структур в древности и средневековье»,
- «Этноконфессиональное пространство в истории»,
- «Взаимодействие государств и народов в пространстве прошлого»,
- «Общественное в пространстве истории»,
- «Социальные институты и политика в пространстве прошлого»,
- «История и историк в пространстве науки»,
- «Источник и историк в пространстве науки»,
- «Культура в пространстве и времени»,
- «Отражение в языке пространства и времени».

Труд любого историка невозможен без качественного анализа исторических источников, поэтому источниковедческая подготовка молодых ученых играет особую роль в их профессиональном становлении. Учитывая это, основную тему конференции 2022 года сформулировали так: «Исторические источники: эвристика, анализ и интерпретация». Организаторы стремились учесть множественность направлений и подходов в исторических исследованиях определенные традиции изучения отдельных эпох и обществ. Это определило и тематику секционных заседаний 2022 года:

- «Античность и средневековье в свете исторических источников»,
- «Источник в социальной истории и истории повседневности»,
- «Источник в истории политической и экономической жизни»,
- «Военная история: источники и исследования»,
- «Художественное произведение: от нарратива к источнику».

Работа секционных заседаний дополнилась уже двумя «круглыми столами», на организации которых настояли сами участники конференции: «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: источники и исследования» и «Актуальные проблемы развития туризма в России».

Профессиональное становление молодого историка невозможно без обращения к научному наследию предшественников. Стремление организаторов совместить

научную и образовательную составляющую мероприятия определило основную тему конференции 2023 года: «Историческая наука XXI века: национальные школы в условиях глобализации». «Тульская историческая весна - 2023» стала еще масштабнее. Было организовано уже 11 секций:

- «История античного общества: научные школы и новые имена»,
- «Позднеантичный и раннесредневековый мир: общество на перекрестке пространства и времени»,
- «Исследования молодых ученых в области социальной истории»,
- «Актуальные вопросы экономической истории»,
- «Проблемы социально-политической истории»,
- «История культуры и традиций»,
- «Военная история и история войн»,
- «Историография и методы исторических исследований»,
- «Сохранение историко-культурного наследия и развитие туризма»,
- «История государства и права»,
- «История международных отношений».

В рамках конференции было организовано три тематических «круглых стола»: «Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.», «Культура и традиции народов мира», «История наставничества».

Любой историк трудится не только ради своих коллег. Результаты исторических исследований интересны, необходимы самым широким слоям общества. Масштабность «исторической весны» 2023 года, множество участников-слушателей еще раз убедили в этом организаторов. Отсюда вывод – необходима грамотная, достоверная репрезентация исторического наследия. Именно этой проблеме посвятили «Тульскую историческую весну» 2024 года. Как и во все прошлые годы основная тематика определила проблематику 7 секций:

- «Репрезентации исторической памяти»,
- «Древний мир и средневековье: проблемы археологии, истории, историографии и музеефикации»,
- «Российская история и историческая память»,
- «Военная история и историческая память»,
- «Религии в исторической памяти»,

- «Научное наследие отечественных ученых в архивах и в библиотеках»,
- «Туризм и экскурсионное дело: актуальные проблемы использования культурно-исторического наследия».

Второй традицией, сложившейся практикой организации «Тульской исторической весны», стала образовательная часть мероприятия – мастер-классы и открытые лекции.

“

Конференции – одна из главных форм

научной коммуникации. Я убеждена, что без участия в них современный ученый не может развиваться. На конференции ты представляешь итоги своей научной работы и видишь, над чем работают твои коллеги. Очень значима обратная связь: вопросы и комментарии других участников позволяют посмотреть на проблему глубже и в другом ракурсе. Кроме того, конференция представляет ученым возможность общения, в том числе и в кулуарах (даже если она проводится в дистанционном формате), что важно для установления личных контактов, которые потом могут перерасти в прочное научное сотрудничество и дружбу.

Е. П. Мартынова

”

Впервые специальное мероприятие «Мастерская историка» для участников и слушателей конференции было проведено в 2022 году. Состоялось три интерактивные лекции, посвященные основной тематике конференции: В. В. Алексеева, кандидата исторических наук, доцента, доцента кафедры источниковедения МГУ имени М. В. Ломоносова «Задачи, методы и методические приемы источниковедческого изучения вещественных источников», А. В. Воронича, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела формирования и обработки информационных ресурсов Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина «Коллекционный принцип представления электронного фонда Президентской библиотеки как основа просветительской деятельности» и С. В. Ярцева, доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого «Особенности источниковедческого анализа археологических источников».

В 2023 году «Мастерская историка» прошла в формате серии мастер-классов для молодых и начинающих исследователей. Так, Ю. Е. Богомолова, заведующая сектором краеведческой библиографии Центра книжных памятников и краеведения Тульской областной научной библиотеки явилась организатором мастер-класса «История в один клик в двух шагах от корпуса», в рамках которого аспиранты, магистранты и студенты познакомились с электронными историко-краеведческими ресурсами и справочно-поисковым аппаратом областной научной библиотеки. Работу мастерской продолжили сотрудники Научно-образовательного библиотечно-информационного центра ТГПУ им. Л. Н. Толстого А. И. Логачев, А. В. Соколов, Е. Ф. Ямалиева, познакомив участников конференции с электронными ресурсами библиотеки Университета Льва Толстого. Второй день конференции продолжился открытыми лекциями приглашенных специалистов историков, этнологов и лингвистов: Н. А. Тучковой, доктора исторических наук, профессора, старшего научного сотрудника отдела истории и этнографии БУ ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека» с темой «Феномен историчности фольклорного материала и разные методологические

подходы к его верификации и датированию»; Н. А. Красовской, доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры русского языка и литературы ТГПУ им. Л. Н. Толстого «Некоторые языковые факты Тульского края как отражение его истории».

В 2024 году вновь состоялась открытая лекция Ю. А. Сафроновой, кандидата исторических наук, доцента факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге «Память и медиа – новое направление в memory studies». Одновременно работал международный научно-методический семинар «Исторический источник в науке и образовании: традиции национальных школ», участниками и слушателями которого стали преподаватели и обучающиеся вузов, учителя школ России и Республики Беларусь.

Третьей традицией конференции, определившейся в 2023 году, стала работа «Школы юного историка-археолога» - профориентационного мероприятия для учащихся средних школ Тулы и Тульской области.

“

«Школа юного историка-археолога» –

это не просто профориентационное мероприятие для учащихся средних школ. Это целая серия мастер-классов, лекций, интеллектуальных игр и соревнований, которые точно убедят ребят в том, что история – это целый мир! Ведь историю не только изучают. Ее помнят, пересказывают, пишут, рисуют, ваяют и делают. Каждый раз интересно

наблюдать как ученики занимаются экспериментальной археологией, пробуют себя в роли художника археологической экспедиции и специалиста кабинетной археологии, беседуют о самых известных картинах русской истории, художниках и исторической живописи.

Н. А. Биленко

В 2023 и 2024 годах Школа включала в себя целую серию образовательных мероприятий: Исторической КВИЗ «Знаток истории», посвященный увлекательным фактам истории Тульского края; Археологий мастер-класс «Точка фиксации», в рамках которого учащиеся школ знакомились с основами кабинетной археологии; Интерактивная лекция «Зачем я это увидел?» посвященная исторической живописи.

Каждая «Тульская историческая весна» завершалась публикацией сборника материалов конференции, что по мысли организаторов должно способствовать оттачиванию навыков письменной речи молодых исследователей, их умению четко и точно формулировать мысли, аргументированно отстаивать результаты своих исторических исследований. Полные материалы всех конференций доступны на электронном портале научных изданий Университета Льва Толстого.

Опыт проведения всероссийской конференции молодых ученых как целой серии научных и образовательных мероприятий продемонстрировал свою эффективность. Сочетание напряженной работы на секциях, «круглых столах» и неформального общения как нельзя лучше способствовало сближению научных школ университетов, институтов, практик музеев и школ.